ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АБХАЗИЯ
В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
XIX–XX вв.

том первый

Автор идеи и руководитель проекта
М. И. Щербакова

Москва
ИМЛИ РАН
2021

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А 17

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
А. И. Алиева, доктор филологических наук, ИМЛИ РАН
А. И. Чагин, доктор филологических наук, ИМЛИ РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
М. И. Щербакова, доктор филологических наук

А 17 **Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.**: в 3 т. /
отв. ред. М. И. Щербакова. — М.: ИМЛИ РАН, 2021.
https://doi.org/10.22455/ARL
ISBN 978-5-9208-0646-8

Т. 1 / отв. ред. М. И. Щербакова. — 400 с. —
https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1
ISBN 978-5-9208-0645-1

Настоящее издание подготовлено совместно учеными России и Абхазии, включает исследования и материалы, отражающие российско-абхазские литературные и культурные связи XIX — первой половины XX вв. Публицистические, мемуарные, эпистолярные материалы — как опубликованные в периодической печати, так и архивные, не публиковавшиеся ранее — составляют основной корпус книги.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9208-0646-8
ISBN 978-5-9208-0645-1 (т. 1)

© ИМЛИ РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ABKHAZIA IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19th–20th CENTURIES

Volume 1

Idea author and project manager
Marina I. Shcherbakova

Moscow
IWL RAS
2021

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1

This is an open access article
distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial
4.0 (CC BY-NC 4.0)

Reviewers:
Alla I. Aliyeva, DSc in Philology,
A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Alexey I. Chagin, DSc in Philology,
A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

Responsible editor
Marina I. Shcherbakova**,** DSc in Philology,
A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences

Shcherbakova, Marina I., idea author and project manager
Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.
Moscow, IWL RAS Publ., 2021. https://doi.org/10.22455/ARL
ISBN 978-5-9208-0646-8

Vol. 1: Responsible editor M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ.,
2021. 400 p. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1
ISBN 978-5-9208-0645-1 (vol. 1)

This publication is a joint work of Russian and Abkhazian scholars; it includes investigations and materials reflecting Russian-Abkhazian literary and cultural links from the 19th century to the first half of the 20th. Publications, memoirs, epistolaries — both published in periodicals and archival ones that have never been published before — constitute the main body of the book.

Keywords: Russian literature, Russian-Abkhazian literary links, memoirs, epistolaries.

ISBN 978-5-9208-0646-8
ISBN 978-5-9208-0645-1 (vol. 1)

© IWL RAS, 2021
© Research Team, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Русское слово о Стране души 9

I.
Абхазия глазами русских исследователей и путешественников

Авидзба В. Ш.
Абхазия в книжных публикациях русских авторов XIX в. 13

Анчабадзе Ю. Д.
Абхазские лекции Анатолия Генко 92

Анчабадзе Ю. Д.
«Один из наиболее интересных народов Кавказа…» Лекции А. Н. Генко по этнографии абхазов 107

II.
«Художественная этнография» Абхазии в книге барона Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера»

Авидзба Р. Л.
«Воспоминания кавказского офицера» главный труд Ф. Ф. Торнау 143

Авидзба Р. Л.
Абхазия под пером Ф. Ф. Торнау 161

III.
Земля апостольской проповеди

Щербакова М. И.
Путешествие по Абхазии А. Н. Муравьева. 217

Щербакова М. И.
Основатель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонах Арсений (Минин) 234

IV.
Страницы истории Абхазии
в документах Отдела рукописей
Российской государственной библиотеки

Крутова М. С.
Письма насельников Ново-Афонского
Симоно-Кананитского монастыря 1884–1890 гг.
к архимандриту Леониду (Кавелину) 275

Крутова М. С.
Рукописные материалы о претензиях имяславцев
на Пицундский скит Ново-Афонского монастыря 295

Крутова М. С.
«Точно в раю побываешь и обо всем забудешь …» 321
Очерк Е. Дьяконовой об Абхазии 337

V.
Русская печать в Абхазии

Стерликова С. А.
Епископ Андрей (Ухтомский) — основатель
журнала «Сотрудник Закавказской миссии» 341

VI.
Абхазия в фотообъективе

Хагба Э. З.
Абхазия туристическая. Письма,
почтовые карточки, фото-открытки 381

CONTENTS

Russians tell of Soul Land 9

I.
Abkhazia through the eyes of Russian researchers and travellers

Avidzba V. Sh.
Abkhazia in books published by Russian authors of the 19th century 13

Anchabadze Yu. D.
Abkhaz lectures by Anatoliy Genko 92

Anchabadze Yu. D.
"One of the most interesting peoples of the Caucasus..." lectures by Anatoliy Genko of Abkhazians ethnography . . . 107

II.
«Artistic Ethnography» of Abkhazia in Baron Fjodor Tornau's book «Memories of a Caucasian Officer»

Avidzba R. L.
«Memories of a Caucasian Officer», the main work of Fjodor Tornau 143

Avidzba R. L.
Abkhazia under the pen of Fjodor Tornau 161

III.
Land of the Apostolic Sermon

Shcherbakova M. I.
Andrey Murav'yov's travel in Abkhazia 217

Shcherbakova M. I.
Hieromonk Arseniy (worldly Aleksandr Minin) — founder of the New Athos Monastery Named after Simon the Canaanean 234

IV.
Pages of history of Abkhazia in documents of the Manuscripts Department of the Russian State Library

Krutova M. S.
The 1884–1890 letters of the brethren of New Athos Monastery, named after Simon the Canaanean, to Archimandrite Leonid (worldly Lev Kavelin) 275
Krutova M. S.
Manuscript about the claims of the Onomatodoxists to Pitsunda skete of the New Athos Monastery 295
Krutova M. S.
«Just as if you pay a visit to paradise and forget about everything…» 321
Essay by E. Dyakonova about Abkhazia 337

V.
Russian press in Abkhazia

Sterlikova S. A.
Bishop Andrey (worldly Aleksandr Ukhtomskiy) — founder of the journal "Employee of Transcaucasian Mission" 341

VI.
Abkhazia in a photographic objective

Hagba E. Z.
Abkhazia for tourists. Letters, postcards, photo cards. 381

РУССКОЕ СЛОВО О СТРАНЕ ДУШИ

В истории Абхазии, издревле привлекавшей внимание эллинов, римлян, византийцев, иранцев, арабов, турок, англичан, французов, немцев, поляков и др., новую страницу открыл манифест 1810 г. о присоединении — по добровольному стремлению абхазской элиты и народа — к России. Этим важным событием было ознаменовано начало тесного сближения и взаимодействия соседствующих стран. В дальнейшем русским и абхазам суждено было жить и развиваться в рамках общей государственности, совместно разделив великие и трагические вехи этого почти двухвекового исторического пути. Когда Абхазия в тяжелой и кровопролитной войне отстояла свою государственную независимость, Россия первая признала ее новый статус. Новый этап взаимоотношений двух стран начался после драматических событий, последовавших после распада СССР.

Русская словесность на протяжении всего двухвекового исторического периода служила отражением российско-абхазских отношений. Очерки об Абхазии начали появляться в русской периодической печати с середины XIX в. в журналах «Современник», «Пантеон», «Ласточка», в газете «Северная пчела». Позднее это направление поддержали «Военный сборник», «Русская беседа», «Русская старина». В XX в. публикации об Абхазии появлялись на страницах журналов «Естествознание и география», «Нева», «Звезда», «Юность», «Смена» и др. Писатели, художники, ученые, военные агенты, путешественники и исследователи отправлялись в дальнее путешествие ради одной цели — раскрыть для себя Апсны, неведомую «Страну души», посвящая ей страницы своих произведений.

Впечатляет жанровое и тематическое разнообразие картин жизни Абхазии, созданных русскими литераторами. Прозаиков, поэтов, публицистов, мемуаристов неизменно поражали экзотика края, художественная образность древних легенд и поверий, уникальность и своеобразие этнографического материала, сохранившиеся артефакты глубокой истории… Абхазский текст присутствует в творческом наследии таких прозаиков, поэтов и очеркистов, как А. Н. Муравьев, А. А. Бестужев-Марлинский, П. Каменский, В. Савинов (В. Натухайский), С. Броневский, О. Евецкий, А. Берже, Н. Дубровин, С. Смоленский, А. В. Верещагин, Н. Мурзакевич, В. Гатцук, В. Н. Немирович-Данченко, А. Н. Молчанов, М. Сизиков, Г. Д. Ефимов, П. П. Короленко, А. Городищев, И. П. Дубецкой, С. Шереметев, В. Сидоров, И. А. Бунин, А. П. Чехов, Д. Л. Мордовцев, А. Н. Толстой, А. М. Горький, К. Г. Паустовский, М. Кольцов, В. Стражев, В. Каменский, П. Павленко, К. Федин, В. Шер-

шеневич, В. Шишков, Д. Фурманов, С. Маршак, А. Мариенгоф, В. Каверин, В. Солоухин, Е. Евтушенко, С. Липкин, Ю. Ким, Н. Коржавин, Б. Ахмадулина, Ю. Казаков, Т. Зульфикаров, А. Вознесенский, А. Битов, Б. Чичибабин, Э. Лимонов и др.

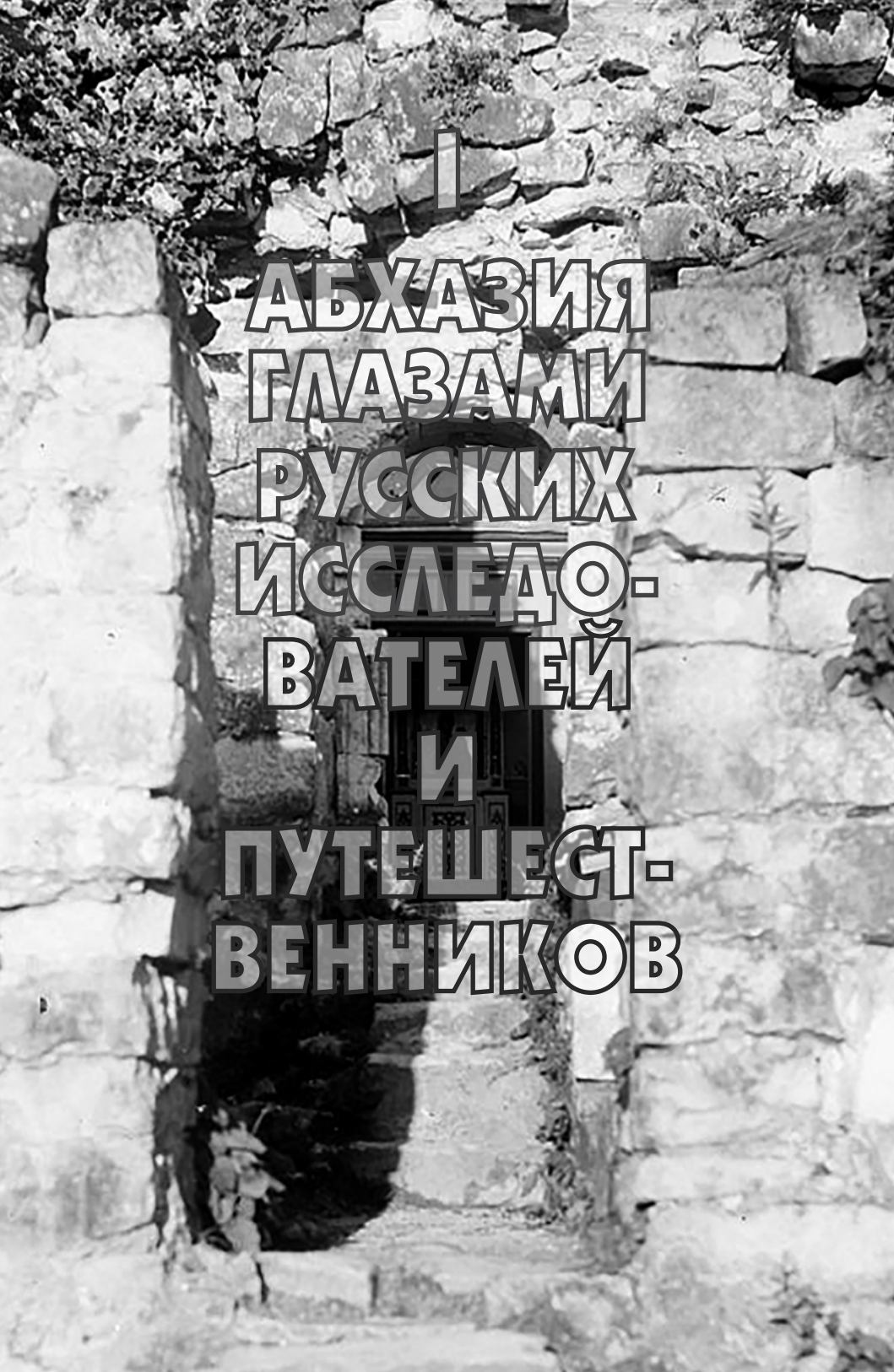
Огромный вклад в дело изучения культурных и литературных связей России и Абхазии внесли абхазские ученые Г. А. Дзидзария, Х. С. Бгажба, С. Л. Зухба, В. П. Пачулия, А. Л. Папаскир, С. З. Лакоба, Д. К. Чачхалиа, Б. А. Гургулиа, И. И. Квициния, Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба, В. А. Бигуаа и др. Ими накоплен внушительный арсенал знаний в данной области. В последнее время проблема русско-абхазских литературных связей стала предметом исследовательского интереса и со стороны русских ученых.

В XXI в. Абхазия вошла в новый период своей истории как независимое государство. Научное сотрудничество российских и абхазских ученых, кавказоведов и русистов — это уникальное условие, при котором актуальны и возможны сбалансированный анализ российско-абхазских связей, обновление и расширение фактографической основы исследований этого направления, корректировка устоявшихся или навязанных точек зрения. Фундаментальная наука всегда строит свои заключения, основываясь на достоверных источниках, добытых своими руками. Абхазские ученые глубоко обследовали русские периодические издания, на страницах которых выявили уникальные художественные, публицистические и научно-документальные тексты, относящиеся к истории Абхазии. Как известно, мир газет и журналов безбрежен; «белые пятна» в нем остаются и по сей день. Восполнить их можно совместными усилиями. Столь же перспективны и многообещающи комплексные обследования фондов российских архивов, в которых, как показывает опыт, сохраняются не учтенные ранее источники и материалы. Очевидна необходимость введения их в научный оборот.

В истории русской литературы и культуры абхазский текст — подлинное свидетельство живой связи абхазского народа с Россией; свидетельства эти уникальны в силу своей художественно-документальной природы, что дает все основания считать их надежной основой для дальнейшего изучения этой темы — и особенно сегодня, в XXI в., с учетом современных геополитических тенденций.

Настоящее издание включает исследования и материалы, отражающие российско-абхазские литературные и культурные связи XIX — первой половины XX вв. Публицистические, мемуарные, эпистолярные материалы — как опубликованные в периодической печати, так и архивные, не публиковавшиеся ранее — составляют основной корпус книги. Они снабжены вступительными статьями и комментариями, рассчитанными на широкий круг читателей.

М.И. Щербакова



I

АБХАЗИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ИССЛЕДО-ВАТЕЛЕЙ И ПУТЕШЕСТ-ВЕННИКОВ

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-13-91
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

АБХАЗИЯ В КНИЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ РУССКИХ АВТОРОВ XIX в.

© 2021 г. В. Ш. Авидзба

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье представлен аналитический обзор книг русских авторов XIX в., посвященных Абхазии. В изданиях содержатся сведения об истории и культуре Абхазии, а также и других регионов Кавказа и частей Южной России. Рассмотренный материал выявил тенденцию возрастания интереса к Абхазии у русских авторов. Если в первой половине века сведения об Абхазии были опубликованы лишь в двух книжных изданиях, то все остальные книги датируются второй половиной века. Их авторы — военные, государственные чиновники, публицисты, ученые, люди гражданских профессий и религиозные деятели. Как правило, они писали об истории Абхазии, этнографическом и религиозном состоянии края, сообщали об этническом составе народа (племенах), численности, границах, памятниках христианской архитектуры; в меньшей степени уделяли внимание политическому устройству Абхазского княжества. Много писали о драматических событиях 1860–1870-х гг. Несмотря на то, что книги, вошедшие в обзор, не равноценны в научном и художественном отношении, в своей совокупности они могут служить значительной источниковедческой базой для изучения истории и культуры Абхазии XIX столетия.

Ключевые слова: Абхазия, Черноморское побережье Кавказа, Россия, русская литература, XIX век, литература путешествий.

Информация об авторе: Василий Шамониевич Авидзба — кандидат филологических наук, главный научный сотрудник, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, ул. Аидгылара, д. 44, 384900 г. Сухум, Абхазия. E-mail: v.avidzba@yandex.ru.

Для цитирования: *Авидзба В.Ш.* Абхазия в книжных публикациях русских авторов XIX в. // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 13–91. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-13-91

ABKHAZIA IN BOOKS PUBLISHED BY RUSSIAN AUTHORS OF THE 19th CENTURY

© 2021. Vasiliy Sh. Avidzba

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No 20-012-00098A).

Abstract: An analytical review of books dedicated to Abkhazia written by the 19th century Russian authors is presented in the article. Information about the history and culture of Abkhazia as well as of other regions of the Caucasus and parts of southern Russia can be found in the publications. The material under review revealed a trend of increasing interest in Abkhazia among Russian authors. If in the first half of the said century, information about Abkhazia had been published only in two books, all other books date back to the second half of the century. Their authors include the military, state officials, publicists, scientists, people of civil professions and religious figures. As a rule, they would write about the history of Abkhazia, the ethnographic and religious condition of the region; they reported on the ethnic composition of the peoples (tribes), the number, borders, monuments of Christian architecture; to a lesser extent, they paid attention to the political structure of the Abkhazian principality. Many of them wrote about the dramatic events of the 1860s and 1870s. Despite the fact that the books included in the review are not scientifically and artistically equivalent, they can serve as a significant source for the study of the history and culture of 19th-century Abkhazia as a whole.

Keywords: Abkhazia, Black Sea coast of Caucasus, Russia, Russian literature, 19th century, travel literature.

Information about the author: Vasiliy Sh. Avidzba, PhD in Philology, Senior Researcher, Department of Literature of D.I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazian Academy of Sciences, Aidgylar St. 44, 384900 Sukhumi, Abkhazia. E-mail: v.avidzba@yandex.ru.

For citation: Avidzba, V.Sh. "Abkhazia in Books Published by Russian Authors of the 19th Century." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 13–91. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-13-91

Литература об Абхазии, опубликованная русскими исследователями и на русском языке, значительно превосходит все, что написано на других языках. Она представлена текстами разных эпох: древнерусскими летописями, произведениями художественной литературы, публицистикой и научными работами различных направлений гуманитарных знаний. Создавалась эта литература неравномерно; были большие отрезки времени, когда русское печатное слово обходило молчанием Абхазию, и, наоборот, когда оно уделяло ей большое внимание. Выявление и изучение всего свода русского текста об Абхазии является важной научной задачей — как для абхазоведения, так и для самой русистики.

Работа по выявлению, публикации и изучению русских письменных нарративов об Абхазии имеет определенную историографическую традицию. К настоящему времени мы обладаем корпусом опубликованных текстов.

Пионером в изучении проблемы выступил В. П. Пачулиа. Его книга «Русские писатели в Абхазии»[1] представляет собой сборник статей, содержащий информацию о пребывании 23 русских писателей XIX–XX вв. в Абхазии. В частности, автор сообщает о творческих связях с Абхазией таких писателей, как: А. А. Бестужев-Марлинский, Вл. Соллогуб, А. П. Чехов, М. Горький, А. Н. Толстой, А. Серафимович, В. В. Маяковский, В. В. Каменский, К. Г. Паустовский, Д. А. Фурманов, А. А. Фадеев, К. А. Федин, Л. М. Леонов и др.

Из изданий, содержащих русские тексты об Абхазии, необходимо выделить книгу И. И. Квициния «Абхазия в русской литературе»[2]. Автор собрала и опубликовала полностью или в отрывках произведения 44 русских писателей XIX–XX вв.

В дальнейшем проблема стала предметом исследования С. З. Лакобы «Крылились дни в Сухум-Кале»[3]. В его работе акцент сделан

---

[1] *Пачулиа В. П.* Русские писатели в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1980. 102 с.

[2] Абхазия в русской литературе / сост. И. И. Квициния. Сухуми: Алашара, 1983. 290 с.

[3] *Лакоба С. З.* Крылились дни в Сухум–Кале. Историко-культурные очерки. Сухуми: «Алашара», 1988. 199 с.

на русско-абхазский культурный взаимообмен первых десятилетий XX в. и заметной роли русской культурной среды, в которую входили писатели Н. Н. Евреинов, В.В. Каменский, В. И. Стражев, В. Г. Шершеневич, И. Э. Бабель, Ф. В. Гладков. Показано, как обогащалась и накапливалась «абхазская тематика» в русской литературе и публицистике. Ряд аспектов проблемы отражен в исследовании И. Х. Дамениа «Историография истории народов Кавказа XIX — нач. XX в.»[4].

Определенный исследовательский вклад сделан А. Л. Папаскиром. В своем исследовании «Абхазия в русской литературе XIX столетия»[5] , автор анализирует прозаические произведения, отображающие абхазскую тематику: А. А. Бестужева-Марлинского, П. П. Каменского, В. И. Савинова, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Д. Л. Мордовцева, а также освещает некоторые факты пребывания А. П. Чехова и А. М. Горького в Абхазии. В своей другой монографии «Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии»[6] А. Л. Папаскир предпринял попытку изучения источников раннего периода.

В освещении нашей темы определенный интерес представляют издания, в которых преимущественно опубликованы документальные архивные материалы: официальная переписка, записки, рапорты,

---

[4] *Дамениа И. Х.* Историография истории народов Кавказа XIX — нач. XX в. СПб., 1996. 69 с.

[5] *Папаскир А. Л.* Абхазия в русской литературе XIX столетия. Сухум, 2004. 174 с.

[6] *Папаскир А. Л.* Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум, 2005. 548 с.

сообщения, а также выдержки из различных статей, воспоминаний и описаний Абхазии. Это «Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв.»[7]; «Абхазия и абхазы в российской периодике»[8] (2 тома); двухтомник «Абхазия. Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах»[9]; том 2 двухтомного сборника «По обе стороны Большого Кавказа»[10], том 30 «Антологии памятников права народов Кавказа. Памятники права абхазов»[11], «Абхазия туристическая»[12] (Сборник документов).

Все перечисленное — и исследования, и сборники материалов — содержит ценную информацию, отражающую абхазскую проблематику в «русском тексте». Этими изданиями в научный оборот введено большое количество источников, они часто цитируются историками, этнографами, литературоведами и специалистами других отраслей знаний.

При этом все же необходимо заметить, что абхазская тема в русском печатном слове пока остается недостаточно исследованной. Полученные сведения носят фрагментарный характер. В изучении данной темы по сей день не предпринималась попытка систематического, всестороннего изучения ни всего свода целиком, ни отдельно взятого периода. Отсутствует полный корпус из написанного российскими авторами об Абхазии и ее народе. Публикации самих материалов также далеки от полноты, пока нет изданий, которые позволили охватить, хотя бы отдельные хронологические периоды. Творческое наследие только двух русских авторов XIX в. было удостоено внима-

---

[7] Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв.: в 3 т. / сост. Г. А. Дзидзария и др. Сухум, 2008–2012.

[8] Абхазия и абхазы в российской периодике: в 2 т. / сост.: Р. Х. Агуажба, Т. А. Ачугба. Сухум, 2005–2008.

[9] Абхазия. Страна души: этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах: в 2 т. / сост.: М. и В. Котляровы. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011.

[10] По обе стороны Большого Кавказа: сб. документов. СПб.: Издательство «Питер», 2012. Т. 2. Абхазы / автор-составитель М. Экзеков; отв. ред. Р. М. Емельянова.

[11] Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права абхазов / автор и руководитель проекта Д. Ю. Шапсугов; сост. Д. Ю. Шапсугов, А. Ф. Авидзба, С. Ш. Салакая, З. Ф. Яхтанигов. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2017.

[12] Абхазия туристическая. (Сборник документов) / сост.: М. Г. Бжания, А. А. Князева. М., 2019. 240 с.

ния исследователей. Известный историк Г. А. Дзидзария[13] и литературовед Р. Л. Авидзба[14] написали монографические исследования творчества Ф. Ф. Торнау с приложением различных документов. Отдельной книгой была издана работа известного русского ботаника и этнографа Н. М. Альбова под названием «Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова»[15].

Безусловно, выявление источников и их публикация заслуживают всяческого одобрения. Однако текстологическая подготовка переизданий источников вызывает много нареканий. Так, иногда имеет место непозволительное вмешательство составителей, берущих на себя роль редактора задним числом. Но стремление издателей адаптировать или подредактировать текст с текстологической точки зрения не выдерживает критики. Поэтому мы, по возможности, при ссылках на материал, старались использовать первоисточники, и лишь в случаях, когда эти материалы оказывались недоступными, использовали тексты, опубликованные в сборниках.

* * *

Исследование книжных изданий русских авторов XIX в. — задача чрезвычайно сложная, требующая комплексного междисциплинарного подхода, которую вряд ли можно охватить рамками настоящей статьи. Наша задача скромнее — сделать схематический обзорный анализ сочинений (за исключением художественных текстов) русских авторов обозначенного периода. При этом приоритет будет отдаваться малоизвестным, иногда и вовсе забытым публикациям, и их авторам. В данном исследовании в качестве ключевых понятий будут выступать слова: *путешественник*, *писатель*, *публицист*, семантическое понимание которых в современном их употреблении и восприятии несколько иное, более узкое, чем это было в прошлом. Поэтому необходимо остановиться на том, что мы вкладываем в эти понятия в данной статье.

---

[13] *Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М.: Наука, 1976. 129 с.

[14] *Авидзба Р. Л.* Наследие Ф. Ф. Торнау и традиции русской реалистической литературы: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2016.

[15] Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова / сост. З. И. Адзинба, Л. Л. Молчанова. Сухум: Благотворительный фонд Первого Президента Республики Абхазия, 2016. 288 с.

Как известно, «в разные эпохи истории культуры слово живет разной жизнью»[16]. В лексическом фонде любого языка можно найти немало слов, которые с течением времени приобретают иное значение, нежели имели первоначально, а иногда и вовсе противоположенное ему. Один из таких случаев приводит С. С. Аверинцев, показывая пример того, как слово «софистика» из «профессионально практикуемого и профессионально преподаваемого… приобрело одиозный привкус еще для самой античности»[17]. Имеется много примеров, когда смысловое значение тех или иных слов с течением времени принимает расширительное или, наоборот, узкое терминологическое значение. К таковым относятся слова *путешествие-путешественник*, *писатель*. Современное смысловое значение этих слов несколько отличается от того, какое им придавали, скажем, в XVIII–XIX вв. Хотя В. И. Даль в своем знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» уже передает значения слова *писатель*, как «пишущий что-либо, пером или кистью, но более в значении сочинитель, литератор»[18], мы встречаем массу примеров, когда этим словом обозначаются, не только и не столько люди, создающие художественные произведения, а подразумеваются все, кто писал на любую тему. Так, в «Русском биографическом словаре» часты примеры таких определений: «врач-писатель», «военный писатель», «духовный писатель», «писатель-беллетрист», «писатель по сельскому хозяйству», «военно-исторический писатель», «писатель по этнографии», «писатель-историк» и т. д. Известна биобиблиографическая книга Л. Ф. Змеева «Русские врачи писатели», в которую включены биографии 4000 авторов, писавших исключительно на медицинские темы[19]. Примечательно, что в словарях и энциклопедиях XIX в. (Старчевского, Березина, Брокгауза и Ефрона и т. д.) слово *писатель* в качестве словарной единицы отсутствует вовсе, хотя имеет применение для определения рода деятельности тех или иных

---

[16] *Борев Ю. Б.* Эстетика. Теория литературы // Энциклопедический словарь терминов. М.: «Издательство АСТ», 2003. 576 с.

[17] *Аверинцев С. С.* Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М.: Наука, 1991. 256 с.

[18] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1880. Т. III. С. 413.

[19] При этом Л. Ф. Змеев не включил в свою книгу В. И. Даля, который был военным врачом и популярным для своего времени писателем — автором поэтических, прозаических и фольклорных сборников.

литераторов. Это понятие, в значении человека, создающего художественный текст, окончательно закрепилось только в XX в. В «Толковом словаре русского языка» писатель определяется как «человек, пишущий литературное произведение»[20]. Показательно, что в многотомных энциклопедических и специальных литературных терминологических словарях данное понятие зачастую игнорируется[21]. Только в некоторых справочных изданиях последнего времени оно вновь начинает фигурировать. Так, в «Новом литературном словаре» слово *писатель* толкуется как «человек, создающий литературное произведение»[22].

Таким образом, налицо определенный сдвиг значения слова *писатель* от более расширительного и многоохватного к более узкому и профессиональному. Такой же процесс — от широкого к узкому — мы наблюдаем и с осмыслением понятия *путешествие* / *путешественник*. Причем эти слова одинаково часто использовались авторами как художественных[23], так и научных, публицистических и научно-популярных текстов. Особенно часто слово *путешествие* для обозначения результатов своих изысканий употребляли географы[24] и этнографы[25]. Общим и главным для всех этих текстов — описание новых ощущений от реально увиденных картин, природных особенностей и изображение жизни людей неизведанных стран. Поэтому неудивительно, что всех авторов таких текстов определяли

---

[20] Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. Т. 3.

[21] См.: Словарь литературоведческих терминов / Редактор-составитель Л. И. Тимофеев. М.: Просвещение, 1974; Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1987; Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интеллект», 2003.

[22] *Гурьева Т. Н.* Новый литературный словарь. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2009. 364 с.

[23] Из массы примеров приведем несколько наиболее известных: Дж. Свифт «Путешествие Гулливера», А. Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву», А. С. Пушкин «Путешествие в Арзрум».

[24] Например: Н. М. Пржевальский «Четвертое путешествие в Центральной Азии», П. П. Семенов-Тян-Шанский «Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857».

[25] Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия.

преимущественно одним общим понятием *путешественник*. Такой подход мы встречаем в книгах М. А. Полиевктова о европейских путешественниках по Кавказу[26]. В его работах, наряду с авторами художественных произведений, приводятся и биографические сведения о представителях различных сфер деятельности: военных, дипломатах, этнографах, лингвистах, географах, естествоиспытателях, врачах, священниках, художниках, разведчиках, предпринимателях и т. д. При этом М. А. Полиевктов к числу европейских путешественников относит и русских авторов. Так, из 122 авторов, отмеченных в первой книге, русских — 43; а во второй из 101 автора — русских 41 и три анонимных работы, чье авторство не установлено. Среди тех, кого автор причислил в разряд русских путешественников по Кавказу, есть имена широко известные, такие как А. С. Пушкин, А. А. Бестужев-Марлинский, Д. В. Давыдов, А. П. Ермолов, Е. Е. Лачинов и некоторые другие. Однако ученый к числу русских путешественников не относит деятелей иностранного происхождения, которые совершали свои экспедиции на Кавказ, находясь на русской службе, по прямому указанию правительства или Академии наук; их биографические и другие данные размещены в отдельном разделе. В этом разряде оказались академики И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, Ю. Клапрот, А. Я. Купфер, Э. Х. Ленц, профессора И. Г. Поррет, М. Ф. Энгельгардт и даже генерал-лейтенант русской армии И. Ф. Бларамберг и т. д. Заметим, что позже в кавказоведении такой подход был скорректирован. Так, М. О. Косвен в своей обстоятельной работе «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке»[27] дает следующее пояснение: «Этнографическое изучение Кавказа велось в ранние периоды и иностранцами. Их продукцию мы не учитываем, поскольку их работы не имеют отношения к истории русской науки. Мы, однако, берем относящиеся к нашей теме работы иностранцев, притом хотя бы написанные на иностранных языках, в тех случаях, когда эти иностранцы состояли на русской службе, работали по прямому поручению или заданию

---

[26] *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу / М. А. Полиевктов; Акад. наук СССР, Научно-исследовательский ин-т кавказоведения им. акад. Н. Я. Марра. Тифлис, 1935. 221 с.; *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники по Кавказу, 1800–1830 гг. / М. А. Полиевктов; Арх. упр. МВД Груз. ССР. Тбилиси: тип. Заря Востока, 1946. 151 с.

[27] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.; Л: Издательство Академии наук СССР, 1955, 1958, 1961.

русского правительства или русских научных учреждений, в частности русской Академией Наук»[28].

В данной работе мы используем понятие *путешественник* в широком смысле слова, т. е. рассматриваем работы, написанные на русском языке, вне зависимости от профессиональной деятельности. При этом исходим не из этнического происхождения авторов, а принадлежности работы к российскому кавказоведению. В нашей работе не рассматриваются авторы, имеющие кавказское происхождение, несмотря на то, что ими создан на русском языке целый ряд значительных сочинений.

Диапазон публикаций об Абхазии в русской научной, художественной и публицистической литературе весьма широк, но их главной чертой является стремление глубже узнать страну и народ. Несомненно, реализация такой задачи не всегда имела положительный результат, начиная от личной подготовленности и опыта, исследовательского таланта, кончая мировоззрением, идеологическими и политическими установками того или иного автора. Все это вкупе имело значение в решении поставленной задачи — описать жизнь малознакомого автору народа и среду его обитания. Это весьма сложная и трудновыполнимая задача, на достижение которой отваживались некоторые исследователи, и далеко не всем эта задача оказалась по плечу. М. А. Полиевктов так описывает психологическое состояние путешественника: «В путешественнике-иностранце, попадающем в новую для него природную и культурную среду, естественно, повышается впечатлительность и обостряется желание в той или другой степени зафиксировать свои впечатления и наблюдения… иностранец часто бывает национально — и особенно классово — пристрастен, что он может многого не понять в местной жизни, что на его впечатления и наблюдения оказывает влияние целый ряд привходящих обстоятельств, начиная от состояния погоды и кончая состоянием здоровья». И что еще важнее, — продолжает автор, — он «редко входит в соприкосновение со всем местным населением <…>, в большинстве он соприкасается лишь с некоторыми определенными слоями местного общества, и это опять отражается на его личных впечатлениях»[29].

---

[28] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.; Л: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 265.

[29] *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу / М. А. Полиевктов; Акад. наук СССР, Научно-исследовательский ин-т кавказоведения им. акад. Н. Я. Марра. Тифлис, 1935. С. 2.

В числе рассматриваемых нами работ есть публикации, как являющиеся результатом личных наблюдений, так и созданные на основе различных архивных и литературных источников. При этом работы путешественников, несмотря на ряд обстоятельственных преимуществ, не всегда могут быть гарантом того, что они более достоверны и точны, чем сочинения тех, кто пользуется литературными источниками. Для объективного понимания увиденного даже собственными глазами необходимы определенные качества, которыми могут и не обладать даже самые беспристрастные авторы. Говоря словами А. А. Керсновского, необходимо обладать не только «телесными, но духовными очами»[30].

Безусловно, при анализе материала важно учитывать то обстоятельство, что ход и темп исторического процесса был иным, нежели в современную нам эпоху. Как было замечено еще в 1935 г. знаменитым нидерландским культурологом Й. Хейзингой, «совершенно иным стал сам исторический темп перемен: что прежде измерялось столетиями, сейчас укладывается в годы»[31]. Еще конкретней по этому поводу высказался современный исследователь А. Т. Урушадзе, труд которого имеет определенное отношение к нашей теме. Урушадзе пишет: «Движение материи в первой половине — середине XIX столетия не отличалось по сегодняшним меркам высокой скоростью. Нормативы скорости, установленные для российских ямщиков в 1824 г., составляли от восьми верст в час осенью до двенадцати зимой. На преодоление российских просторов даже в экстремальных случаях тратилось изрядное количество времени. О вторжении Наполеона в Твери узнали только 10 июля, спустя месяц после форсирования Немана Великой армией 12 июня 1812 г.»[32].

Это не требующее доказательств верное наблюдение со всей очевидностью подтверждается и последующим интенсивным ходом истории, со специфичным разнообразием информационного потока. Стало быть, при оценке текстов прошлого руководствоваться исклю-

---

[30] *Керсновский А. А.* Философия войны. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. С. 138.

[31] *Хейзинга Й.* В тени завтрашнего дня // Homo ludens / пер. с нидерландского В. В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. С. 255–256.

[32] *Урушадзе А. Т.* «Настоящий кавказец» и другие: генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Кавказский сборник / под ред. В. В. Дегоева. М.: «Аспект Пресс», 2017. Т. 10(42). С. 161–162.

чительно современными категориями миропонимания не следует. Только комплексный подход, учет всех обстоятельств, начиная от совокупности исторических обстоятельств, заканчивая индивидуальными особенностями автора, может позволить более верно и полнее охарактеризовать рассматриваемый документ. К сожалению, встречающаяся, за редким исключением, скудость биографических сведений многих авторов, а то и вовсе их отсутствие, во многом сковывает, не дает возможности разобраться до конца о мотивах их исследовательского интереса, человеческих и профессиональных качествах.

Рассматриваемая тема является частью кавказоведческой проблемы, поскольку многие авторы, работы которых предполагается рассмотреть, писали не только об Абхазии. И это обстоятельство требует определенного учета общекавказского контекста. Не умаляя значимости европейского кавказоведения, все же заметим, что как научная отрасль оно во многом сложилось в русской гуманитарной науке. Еще в начале 1870-х гг. Н. Ф. Дубровин, выражая неудовольствие по поводу неразборчивого использования отдельных этнонимов и раскрывая побудительный мотив, заставивший его приступить к написанию своего фундаментального труда, писал: «Все это тем более странно, что ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ, но зато все это разбросано отдельными статьями по различным газетам и журналам и не представляет ничего целого»[33]. И в последующие периоды интерес к Кавказу со стороны российских научных кругов никогда не ослабевал; был накоплен огромный материал практически по всем гуманитарным дисциплинам, который время от времени актуализировал те или иные исследовательские темы. Современные историки М. А. Волхонский и В. М. Муханов, в частности, считают, что «последние два десятилетия стали временем определенного ренессанса в изучении Кавказской войны XIX столетия»[34].

Кавказоведческий материал настолько объемен и обширен, что некоторые исследователи начали задаваться вопросом — а что, собственно, из написанного о Кавказе считать кавказоведением.

Причины постоянного интереса к кавказской тематике кроются в ряде особенностей, из которых необходимо выделить следующие: во-первых, многочисленностью населяющих этот регион народов,

---

[33] Закавказье от 1803–1806 года / Н. Дубровина. СПб., 1866.

[34] *Волхонский М. А., Муханов В. М.* Россия на Кавказе. Пять веков истории. Научно-публицистические очерки. М.: Объединенная редакция МВД России, 2009. С. 22.

изучение которых соответственно увеличивает количество работ, и, во-вторых, исторической сложностью вхождения Кавказа в состав Российской империи, а именно — продолжительной Кавказской войной. Уже с первой половины XIX в. в кавказоведение включается достаточно большое количество местных авторов, а в советский период во многих республиках и национально-территориальных образованиях складываются национальные научные школы, что, безусловно, также является результатом благотворного влияния российского кавказоведения. Однако, в данном случае, речь будет идти исключительно о сочинениях, написанных российскими авторами. Эти люди, независимо от рода своей профессиональной деятельности, прибыли на Кавказ для решения тех или иных государственно-политических, военных, религиозных, научных задач или удовлетворения личных познавательных интересов и оставили нам свои впечатления в виде трудов, описаний, воспоминаний, дневников, записок, статей, заметок, очерков и т. д. Имеют место случаи, когда отдельные деятели в дальнейшем остались жить в Абхазии, но это не может служить причиной исключения их из круга рассматриваемых авторов, поскольку прибыли сюда с уже установившимися жизненными взглядами, и их наблюдения в период своего вживания в среду местного населения способствовало лучшему пониманию жизни коренного населения.

Русские письменные источники об Абхазии имеют свою специфику. Они количественно неравномерно распределены по отдельным историческим периодам, и даже при своем значительном массиве заметно уступают некоторым источникам о других кавказских народах. Это обстоятельство констатирует М. О. Косвен, который в своем замечательном обзоре этнографической литературы неоднократно замечает «крайнюю недостачу в то время сведений об Абхазии и абхазах»[35]. На первый взгляд, это может показаться странным, ибо Абхазия с 1810 г. официально вошла в состав Российской империи и считалась ее составной частью, а стало быть, препятствий для добычи информации о ней, казалось бы, не должно было быть. Но подоплекой такого положения дел являлось отсутствие путей сообщения. Путешественники из России на первых порах могли попасть в Абхазию только морским путем. Прямой сухопутный путь продолжительное время отсутствовал. А сообщение, по которому все-таки следовали путешественники, было окольным и пролегало по магистрали Новочеркасск — Ставро-

[35] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.; Л: Издательство Академии наук СССР, 1955, 1958, 1961.

поль — Георгиевск — Горячеводск — Минеральные Воды и далее по Военно-Грузинской дороге в Тифлис. Таким образом, помимо морского сообщения в Абхазию можно было попасть только через Тифлис, далее — Имеретию, Гурию и Мегрелию, или также морским путем из Поти. Движение же с западного направления, по прямому сухопутному сообщению, было открыто лишь в мае 1893 г. Это существенно ограничивало возможность прибытия путешественников в Абхазию, и как следствие — относительная скудость информации о стране в русской печати. Между тем, мы все же имеем определенное количество публикаций, содержащих значимые сведения о стране и ее народе. Они представлены работами участников научных экспедиций, организованных Санкт-Петербургской Императорской Академией наук, П. С. Палласа, И. А. Гюльденштедта. Результаты их работы были оформлены и опубликованы сперва на немецком языке, а затем переведены на русский язык. Информацию об Абхазии содержит энциклопедическое по своему содержанию издание «Новый и полный географический словарь Российского государства…», в котором имеется статья «Абхазы», где кратко изложены сведения об истории, языке, вере и т. д.[36]

НОВЪЙШІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ
и
ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ
о
КАВКАЗѢ,
Собранныя и пополненныя
СЕМЕНОМЪ БРОНЕВСКИМЪ.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селиванскаго.
1823.

* * *

В числе публикаций, написанных до вхождения Абхазии в состав Российской империи, выделяется сочинение С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»[37]. В данном труде сведения об Абхазии представлены масштабно и разносторонне.

Книга Броневского получила признание и широкую известность среди современников, лестно отозвавшихся в хвалебных рецензиях. Некоторые отзывы приведены в обстоятельном предисловии И. К. Павловой, подготовившей полное издание книги Броневского. Как указывает М. О. Косвен, исследование Броневского «сделалось на-

[36] Новый и Полный географический Словарь Российскаго государства или Лексикон. М.: В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1788–1789.

[37] Новейшия географическия и историческия известия о Кавказе. Собранныя и пополненныя Семеном Броневским. Часть первая. М.: В Типографии С. Селиванскаго, 1823.

долго главным источником сведений о Кавказе»[38]. В «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара книга Броневского о Кавказе охарактеризована как «лучшее описание того края»[39]. И позже многие кавказоведы вполне обоснованно давали и дают высокую оценку этой работе. М. О. Косвен в обзоре русской этнографической литературы неоднократно указывал на достоинства этого издания, характеризуя его как «первое в русской литературе общее, и притом обширное и разностороннее сочинение о Кавказе, в частности и первое собрание соответствующих этнографических сведений», а его автора считал «первым автором-исследователем» этнографии Кавказа. Столь же лестная оценка дана и абхазским историком Г. А. Дзидзария, писавшим: «Говоря о научном знакомстве с народами Кавказа, следует выделить С. М. Броневского <…> Его основной труд <…> содержит в себе ценные сведения о Кавказском крае, в том числе и об Абхазии. В нем дается первая в истории русской науки общая характеристика общественного строя кавказских народов»[40]. Адыгский ученый М. Н. Губжоков характеризует С. М. Броневского как «одного из классиков отечественного кавказоведения»[41]. Востоковед И. К. Павлова, подготовившая к печати полное издание исследования Броневского, видит в этом труде «многогранный и важный источник, который с полной уверенностью можно назвать краткой энциклопедией по Кавказу», а его автора считает «первым российским кавказоведом»[42].

Семен Михайлович Броневский (1763–1830) происходил из польского дворянского рода. В русских энциклопедиях XIX и нач. XX вв. его биография присутствует весьма скупо. Отмечая лишь то, что он был действительным статским советником, градоначальником Феодо-

---

[38] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.; Л: Издательство Академии наук СССР, 1955, 1958, 1961.

[39] Энциклопедический Лексикон А. А. Плюшара. СПб., 1836. Т. 7.

[40] *Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М.: Наука, 1976. С. 101.

[41] Хан-Гирей Султан. Избранные труды и документы / сост., подгот. текстов, науч. ред., коммент. М. Н. Губжокова. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. С. 630.

[42] *Павлова И. К.* К читателю // Новейшия Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: в 2 т. / подгот. текста, предисл., примеч., словарь малоупотребительных слов, указатели И. К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 5, 11.

сии и написал труд о Кавказе. Более подробные биографические сведения о Броневском приведены в вышеназванных работах М. О. Косвена и И. К. Павловой. Согласно сообщаемой ими информации, Броневский, получив военное образование, в течение нескольких лет был инспектором классов Шкловского благородного училища. Еще в молодости много путешествовал по Кавказу, а в 1790-х гг. оказывается здесь на службе. Был участником персидского похода русской армии в 1796 г. Здесь Броневский начал интересоваться географией, историей и этнографией Кавказского края, изучает существовавшую литературу и собирает сведения о нем. Перейдя на гражданскую службу (1801), становится правителем канцелярии при главнокомандующем русскими войсками на Кавказе П. Д. Цицианове, и некоторое время — при И. В. Гудовиче. Далее свою службу продолжил в Департаменте иностранных дел в Петербурге, в период с 1808 по 1816 гг. был градоначальником Феодосии. В годы работы в Министерстве иностранных дел, где занимал должность директора Азиатского департамента, Броневский получил задание написать книгу по истории русско-кавказских отношений. Как пишет И. К. Павлова, он «сам, долго мечтавший об этом, с энтузиазмом приступил к работе. Занимаемая им новая должность и поддержка кн. А. А. Чарторыйского открыли ему доступ ко многим секретным документам, поступавшим в департамент Коллегии иностранных дел»[43]. Перемещение по службе и непростые отношения с вышестоящим начальством отразились в ходе написания и, особенно, в истории издания труда Броневского. Как видно из текста, свое сочинение автор завершил к 1810 г., но его издание по разным причинам задерживалось. И только в 1823 г. в Москве была издана первая часть работы, как полагает И. К. Павлова, при поддержке графа Н. П. Румянцева, возглавлявшего в этот период Общество истории и древностей российских. Вторая же часть сочинения Броневского была опубликована спустя 173 года — лишь в 1996 г. И. К. Павловой. В 2004 г. Павлова осуществила полную публикацию труда, т. е. обеих его частей. В течение этого большого промежутка времени работа С. М. Броневского имела незавидную судьбу. Лестные отзывы о ней, имевшие место после выхода первой ее части, через некоторое время были преданы забвению. Долгое время исследователи полагали, что работа осталась незавершенной, что вторая ее часть не была написана. Мало того, имели место случаи, когда авторство изданной при жизни создателя первой части приписывалось другому лицу. Так, в авторитетной Энциклопедии Брокгауза и Эфрона в статье о генерал-губернаторе Восточной

[43] Там же. С. 9.

Сибири Семене Богдановиче Броневском, доводившемся племянником Семену Михайловичу, читаем: «Известен как писатель. В 1823 г. он напечатал в Москве, в 2-х частях “Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе”»[44]. Очевидно, что совпадение имени ввело в заблуждение автора статьи и издателей; авторство было отнесено другой (хотя и родственнику) известной исторической персоне. Кроме того, процитированный текст вводит в заблуждение читателя по поводу судьбы второй части сочинения С. М. Броневского; может сложиться впечатление, что обе части были опубликованы в одной книге. И только спустя много лет, благодаря усилиям И. К. Павловой, безусловно, выполнившей благородную миссию, было осуществлено полное научное издание всего труда, что окончательно прояснило его судьбу.

С. М. Броневский в своей работе отводит достаточно много места Абхазии. Помимо того, что он говорит об Абхазии в разных частях своего сочинения, региону непосредственно посвящена вторая глава первой — иногда именуемой географической — части книги «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». Глава эта имеет заглавие «Абхазия или Абаза». Она, в свою очередь, содержит следующие параграфы и разделы: «Общее обозрение» (пределы, величина), «Именование, исторические известия», «Религия», «Облик, нравы, обычаи, одежда, язык, упражнения», «Естественное разделение Абхазии, климат, произведения», «Политическое разделение», «Известия о Согумском владении», «Известия о торговле». Автор свой очерк об Абхазии начинает с названия страны, отмечая, что в разные эпохи у разных народов она называлась по-разному: «по грузински Абхазети <…>, Абазгия — у Императора Константина Багрянородного и Обези у Нестора летописца»[45]. Тем самым Броневский демонстрирует свою осведомленность и знание древних письменных источников. В следующем разделе автор отмечает, что сами абхазы «называют землю свою Абсне»[46]. Необходимо заметить, что автор и при географическом описании, и при описании процессов политического разделения на различные ответвления в Абхазии, приводит сведения об абазинах, име-

[44] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза (Лейпциг), И. Е. Ефрона (С. Петербург) / Т. 3А, Т. 4А, Т. 11А, Т. 19А, Т. 20, Т. 39. СПб., 1891, 1892, 1894, 1896, 1897, 1908.

[45] Новейшия географическия и историческия известия о Кавказе. Собранныя и пополненныя Семеном Броневским. Часть первая. М.: В Типографии С. Селиванскаго, 1823. С. 318.

[46] Правильно — Апсны. Вероятно, здесь имеет место озвончение п / б при слуховом восприятии иностранцами.

нуя территорию их проживания «Малой Абазой». Причем, об абазинских коленах он пишет гораздо подробнее, нежели непосредственно о самой Абхазии, которую он называет «собственно Старой, или Большой Абхазией»[47]. В частности, он подробно рассматривает абазинские роды Жантемировых, Лоовых, Дударуковых, Клыч, Кича и Беберт, отмечая места их проживания и численность.

Территориальные границы Абхазии в работе Броневского обозначены шире, чем у других авторов в современную нам эпоху. Броневский писал: «Фигура Абхазии есть трапеция, приближающаяся к треугольнику, который в самой большой долготе по Черному морю имеет около 300 верст, начиная от Геленчикского залива в 20 верстах на полдень от крепости Суджук-Кале[48] до устья реки Енгури»[49]. Таким образом, если восточная граница Абхазии совпадает с современной и исторической, то западная, по сравнению с нынешней, укрупнена и простирается вплоть до Геленджика. Из-за несовпадений этнических границ, описанных Броневским, с более поздними вряд ли стоит делать вывод об ошибочности сообщаемых им сведений. Детальной разработки в современной исторической литературе этой проблемы нет. Но имеющиеся источники и исследования указывают на то, что проведенная Броневским восточная граница имела все основания. Важным источником в этом вопросе является работа Султана Хан-Гирея, по этническому происхождению принадлежащего к бжедугской ветви адыгского народа. На многих страницах его «Записок о Черкесии», изданных в 1836 г., мы встречаем свидетельства о проживании абхазов отдельными островками среди различных адыгских племен. Примечательно, что границу между адыгаит и абхазами он определяет районом Ордане[50], что сужает границы Абхазии, определенные Броневским, но не столь отдаленно от Геленджика (135 миль). С. Хан-Гирей, определяя реку Ордане как границу черкесов, дает следующее примечание: «На этой реке живут смешанно шапсхгцы, натххольдцы и абхазцы; река эта служит настоящею границею на берегу Черного моря между Черкесиею и Абхазиею, хотя и предшествующие три реки

---

[47] Новейшия географическия и историческия известия о Кавказе. Собранныя и пополненныя Семеном Броневским. Часть первая. М.: В Типографии С. Селиванскаго, 1823. С. 330.

[48] Современный Новороссийск.

[49] Новейшия географическия и историческия известия о Кавказе. Собранныя и пополненныя Семеном Броневским. Часть первая. М.: В Типографии С. Селиванскаго, 1823.

[50] Современное название — Вардане.

(Буо, Ххазжие, Хзе. — *В. А.*) считаются таковыми»[51]. Более того, автор допускает происхождение этнонима абадзех от абхазцев: «оттого что первоначальные абедзахи были абхазцы <…>, каковое название осталось навсегда, несколько изменяясь впоследствии от произношения. Следовательно, этим же доказывается, что происхождение первобытных абедзахов есть абхазское, а потому предков их должны причислять к коренным или древним обитателям сих мест <…> Впрочем, как бы то ни было, абедзахское колено составилось из пришельцев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и, как последних несравненно было более, то все они соделались черкесами, и ныне абедзахское племя есть настоящее черкесское колено и весьма сильное между прочими»[52]. Не претендуя на истину в последней инстанции, сделаем осторожное предположение, что этнические границы, обозначенные в работах С. М. Броневского и С. Хан-Гирея, не результат их ошибок, а вполне отражают реальную картину этнических процессов, а именно — подвижность этнических границ. Анализируя данные авторов XVIII–XIX вв. (Э. Челеби, Г. Ксаверио, Г. Филипсон и др.), З. В. Анчабадзе приходит к заключению, что в течение этого времени имел ме-

---

[51] Хан-Гирей Султан. Избранные труды и документы / сост., подгот. текстов, науч. ред., коммент. М. Н. Губжокова. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. С. 73.

[52] Работы С. Хан-Гирея в постсоветское время издавались неоднократно. Последняя, на которую мы ссылаемся, была издана с соответствующим научным аппаратом, в котором обстоятельные комментарии написаны М. Н. Губжоковым. Но относительно указанных этнических границ он допускает ошибочное следование С. М. Броневскому, и возникают противоречия изложенного материала по этому вопросу. На наш взгляд, вряд ли это имеет серьезные основания. Во-первых, Хан-Гирей безусловно пользовался работами предшественников, в том числе и Броневского, на что у него имеются прямые указания. Но допускать, что он пользовался исключительно литературными источниками, у нас нет оснований, он как современник и участник многих событий, имевших место в этом регионе, имел достаточно полное представление о том, о чем писал. Во-вторых, ссылка на Э. Челеби относительно якобы зафиксированной им границы между Черкесией и Абхазией, которая практически не менялась, является некорректной, если иметь в виду не политические, а этнические границы. У Челеби как раз этнографическая граница между абхазами и приморскими адыгами проходила в районе Кодошского сектора (*Челеби Э.* Книга путешествий. Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1985. Т. IX-А. С. 178–179).

сто процесс ассимиляции абхазского этнического массива. Он пишет: «В северном секторе Сочи-Туапсинской зоны с течением времени происходит черкесизация абхазского населения адыгами, а в южной — ассимиляция со спустившимися с гор убыхами. Этот процесс происходил в XVIII — первой половине XIX вв.»[53]. Скорее всего, процесс этот протекал естественным образом, миролюбиво, поскольку происходил между народами, имевшими общие этногенетические корни, языковую и культурную близость.

Броневский дает схематичную картину исторического прошлого Абхазии — с античных времен до современного ему времени. Важно заметить, что автор в некоторых случаях полемизирует с устойчивыми историческими толкованиями. Например, отмечает: «По преданиям грузинским, Абхазия управлялась своими владельцами, потом перешла под власть грузинских царей, которые ввели туда христианские законы греческого исповедания, поставя трех епископов в Пичунте, Мокви и Дандаре. Но с большею вероятностью полагать можно, что христианский закон распространен в Абхазии Римскими и Греческими императорами Средних веков, начиная от Юстиниана I»[54]. Здесь сделанное с осторожностью автором предположение исторически достовернее того, с чем он полемизирует.

Броневский коротко останавливается на вопросе религиозного состояния; отмечает, что «с недавнего времени начали принимать магометанский закон, но частью держатся еще древних языческих обрядов, причем и знаки Христианства обнаруживаются в соблюдении постов, в употреблении свиного мяса и в почтении, оказываемом к развалинам церквей»[55]. Далее он описывает обряд моления и завершает раздел определением, какие части народа в большей или меньшей степени придерживаются той или иной религии.

Останавливаясь на образе жизни и характере абхазов, Броневский обращает внимание на то, что они «не почитаются за свирепый народ между горцами»[56]. В то же время он сообщает о том, что «приморские абхазы разбойничают в лодках по Черному морю, нападая на оплошных корабельщиков <…>. Сверх того, беспрерывную ведут войну между собою, побуждаясь к тому наипаче корыстью, получае-

---

[53] *Анчабадзе З. В.* Избранные труды: в 2 т. Сухум, 2010. Т. I. С. 69.

[54] Новейшия географическия и историческия известия о Кавказе. Собранныя и пополненныя Семеном Броневским. Часть первая. М.: В Типографии С. Селиванскаго, 1823. С. 320.

[55] Там же. С. 322.

[56] Там же. С. 323.

мою от продажи пленников, коих захватывают друг у друга»[57]. Причину такого положения дел автор видит в климате и дурном влиянии чужестранцев — турок, армян, греков. Далее он задается вопросом: почему абхазы, имевшие еще две тысячи лет назад связи с римлянами, греками Средних веков, с босфорцами, с генуэзцами и венецианцами, не заимствовали от них ни малейшего гражданского образования. На поставленный вопрос он дает следующее объяснение: «Статься может, что сия закоренелость основана на тех же причинах, по коим и нынешние европейцы побуждаются изыскивать пользы свои не в просвещении диких народов, а в торговых с ними оборотах, присовокупляющих разврат к бесчеловечью»[58]. Определенная доля истины, в словах автора, конечно же есть, учитывая тот факт, что, например, работорговля, активно «культивируемая» генуэзцами и принявшая еще больший размах в период турецкой экспансии, стала занятием значительной части. Но, наряду с негативным чужеземным и чужестранным влиянием, имел место глубокий и продолжительный кризис. После распада Абхазского царства начинается процесс культурного упадка, ослабление государственных механизмов управления становится тормозом общественного развития и созидательной деятельности социума. Редко кто из владетелей Абхазии обладал даром политического провидения и государственного мышления, большей частью следуя навязанным извне решениям и руководствуясь собственными корыстными интересами. По этой причине имели место частые междуусобные войны и непрерывные неприязненные отношения между различными княжескими родами, часто и внутри одного рода. Все это способствовало утере общественного согласия, отмежеванию отдельных частей страны, неподчинению владетельному князю. Таким образом, при отсутствии объединяющей государственной цели создавались условия, при которых каждый член общества был практически представлен самому себе. Несомненно, что и в такой обстановке народ создавал, развивал свою культуру, определенным образом регламентируя взаимоотношения внутриобщественного устройства. При этом в культурном плане развитие получали этикетные поведенческие стереотипы, в которых доминирующую позицию в оценочной иерархии человеческих достоинств занимали качества, связанные с военными действиями. Имеется свидетельство на этот счет итальянского миссионера XVII в. Арканджело Ламберти, который писал: «Абхазы в ожидании нападения обыкновенно спят одетые в броню, с пикой в руках, щит кладут под

[57] Там же. С. 324.

[58] Там же.

голову, а оседлую лошадь привязывают у своего ложа»[59]. Специфический набор воинских достоинств, таких как храбрость, смелость, отвага, проявления героизма, стремление отстаивать собственную честь и свободу, относится к разряду добродетельных. Но достоинства эти окажутся выхолощенными, если не будут содержать ценностных, духовных ориентиров. Становясь самоцелью, эти качества зачастую обречены превратиться в свою противоположность — пороки, приносящие горе и разорение себе и другим людям. Несомненно, культивирование военного образа жизни и молодечества в социальной практике кавказских народов, в том числе и абхазов, имеет свои конкретные исторические причины. Но каковыми они ни были, результатом являлось цивилизационное отставание, которое в глазах многих иностранцев выглядело и как культурная неразвитость и невежественность. Поэтому часто их нарекают «дикарями», «варварами» и прочими нелестными характеристиками.

В разделе, посвященном Согумскому владению, С. М. Броневский очерчивает его границы, с какими народами и регионами оно соприкасается. То, что западные границы автор определяет Пичунтой (Пицундой. — *В. А.*), не вступает в противоречие с заявленным им ранее об этнических границах, поскольку он пишет, что на Западе оно граничит «также с Абхазами». Автор в данном случае имеет в виду территорию владения, а не народа. К тому времени эти исторические области, как и некоторые другие (Дал, Цабал), были самостоятельными владениями под управлением своих князей.

Далее Броневский перечисляет прибрежные места и крепости: Пичунта, Анакопир, Залумка, Согум-Кале, Дандар, Искурия, Илори, Анаклия и местечко Бедия, расположенное в горах. Сообщает также о торговле турецких купцов, коротко — о климате, выращиваемых местным населением сельскохозяйственных культурах и домашнем скоте; дает сведения о внешнем виде жителей, отмечая их бедность, в том числе и оруженосцев владетеля Абхазии Келеш-бея. При этом не соответствует исторической правде сообщаемое автором сведение, что «Келеш-бей происходил от знатного в Мингрелии Княжеского рода Ширвашидзе»[60]. В исторической литературе имеют место несколько версий происхождения рода Шервашидзе и появления их в Абхазии в роли правителей, но ни одна из них не указывает на мигрельское их происхождение. Затрагивая политические вопросы, Броневский по-

---

[59] *Ламберти А.* Описание Колхиды, ныне называемой Мингрелия // СМОМПК. 1913. Вып. 49, отд. 1. С. 190.

[60] Правильно — Шервашидзе.

вествует о том, что еще в 1770 г. отец Келеш-бея Леван Шервашидзе «просил Генерала Графа Тотлебена о принятии его под Российское покровительство <…>. Сии переговоры кончились тем, что подданные его Абхазцы в том же году, напав на табун гусарский и карабинерный, отогнали большую часть лошадей. За несколько лет перед тем, или после того, Леван Ширвашидзе принял Магометанский закон и назначен от Порты Согумским начальником»[61]. Приведенный факт подтверждает неустойчивое политическое видение Левана Шервашидзе, как и многих его предшественников. В отличие от него, сын — Келеш-бей — характеризуется Броневским как владетель, стремящийся проводить самостоятельную политику и не слепо следовавший указаниям Турции, создавшим свое войско, насчитывающее до 12.000 человек и еще наемного контингента. Автор говорит и о тех непростых отношениях его с Россией, сложившихся в связи с вступлением Мингрелии в ее состав при решении вопроса спорной территории — Анаклии. После того, как Келеш-бей выдал наследника Мингрелии, «до смерти своей оставался добрым России соседом»[62]. Автор завершает этот раздел сообщением об убийстве Келеш-бея его сыном Арслан-беком. «Старший брат его и наследник владения Сефир-Али-Бек поклялся отомстить отцеубийце и, как слышно, он имеет на своей стороне большую часть Абхазского народа, ему не трудно будет успеть в своем намерении и вступить в отцовское наследство». Эта часть текста сопровождена сноской: «Сие уже исполнилось; Сефир-Бей признан наследником, и, для обеспечения его прав, крепость Согум-Кале занята Российским гарнизоном»[63]. Данная сноска указывает на то, что она появилась в основном тексте после 1810 г.

В последнем разделе, посвященном Абхазии, Броневский сообщает о торговле, перечисляет товары экспортные (буковое и пальмовое дерево, воск, мед, невыделанные шкуры — волчьи, лисьи, куньи, бурки, толстое сукно и др.) и импортные (соль, сафьян разных цветов, железные изделия, ружья, кинжалы, сталь, свинец, шелковые материи и т. д.). Упоминает, что торговые операции осуществлялись с Крымом и турецкими городами (Требизон, Константинополь и др. порты). «Отпускной и привозной торг в Абхазии производится через руки армян и турецких купцов», из-за чего невозможно установить, сколько состав-

---

[61] Новейшия географическия и историческия известия о Кавказе. Собранныя и пополненныя Семеном Броневским. Часть первая. М.: В Типографии С. Селиванскаго, 1823. С. 346–347.

[62] Там же. С. 349.

[63] Там же. С. 350.

ляет торговый оборот, — сетует автор. Важным моментом этой части сочинения Броневского является то, что они подтверждают сообщения о торговле полувековой давности, оставленные французским ученым и дипломатом К. Пейсонелем. Получается, что за это время торговые операции существенно не изменились, за исключением того, что «весьма уменьшился торг пленниками»[64].

* * *

Поѣздка
Къ Восточнымъ берегамъ Чернаго Моря
на корветѣ
Ифигенія
въ 1836. году
Сост: С. Сафоновъ.
Одесса
въ городской типографіи
1837.

Еще одна книга с информацией об Абхазии — «Поездка к Восточным берегам Черного моря на корвете “Ифигения” в 1836 году» С. В. Сафонова[65]. Это дневник путешествия, совершенного в июле 1836 г. на военном судне от Анапы до Поти и обратно. В этой поездке С. В. Сафонов сопровождал графа М. С. Воронцова — генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского, выполнявшего, как отмечено в предисловии, «высочайшее Государя Императора повеление обозреть восточные берега Черного моря». Автор и посвящает Воронцову свою книгу — «как слабый знак душевной признательности за многое».

Путешествие длилось 12 суток, о чем свидетельствуют даты путевых записей, начало которых обозначено 13 июля, и конец — 22 июля. Нужно полагать, что обтекаемо сказанное «высочайшее повеление» не раскрывает, какие конкретные цели стояли перед М. С. Воронцовым. Но учитывая тот факт, что император Николай I осенью 1837 г. совершил продолжительную поездку на Кавказ, плавание вдоль Черноморского побережья, скорее всего, носило инспекционный характер и служило подготовкой высокого визита. Такая задача требовала от исполнителя соответствующего официального донесения. Конкретных же сведений о целях плавания в книге Сафонова мы не встречаем. Она создана по материалам путешествия как популярное издание, рассчитанное на широкий читательский круг.

Степан Васильевич Сафонов (1811 или 1808–1862) — российский государственный деятель, тайный советник, сенатор, писатель, исто-

---

[64] Там же.

[65] *Сафонов С. В.* Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете ифигения в 1836 году. Одесса: Гор. тип., 1837. 73 с.

рик, директор гражданской канцелярии Кавказского наместника. Родился в г. Екатеринослав[66], в семье секретаря Екатеринославской духовной консистории и надворного советника. «Воспитывался в Екатеринославской семинарии, и впоследствии в Харьковском университете. В 1825 г. начал службу в Канцелярии Новороссийского и Бессарабского губернатора гр. Палена и позднее — кн. Воронцова, пользовался расположением этого последнего и скоро, вместе с бароном А. П. Николаи и М. П. Щербатовым был сделан его личным секретарем для переписки писем и официальных бумаг»[67]. С. В. Сафонов был членом нескольких общественных, благотворительных и профессиональных организаций: Одесского института благородных девиц, комитета Одесской лечебницы; принимал участие в учреждении Одесского общества истории и древностей (1839), где в 1842 г. был избран его вице-президентом, а также состоял членом Общества сельского хозяйства России. Его большой заслугой в культурной сфере можно считать то, что он, «будучи директором наместничьей канцелярии, заведовал изданием в 1846 г. "Кавказского Календаря"; этой же канцелярией было положено основание нумизматической коллекции и Тифлисской библиотеки»[68].

В качестве эпиграфа к своей книге С. В. Сафонов использовал начальную строфу стихотворения Лукьяна Якубовича «Кавказ». «Поездка к Восточным берегам Черного моря…» содержит описание берегов Керчи, Бугаза, Тамани, Суджук-Кале (Новороссийск), Геленджика, Субаши, Вардане, Гагры, Пицунды, Бомбор, Сухум-Кале, Дандариса (Дранды), Анакрии (Анаклии), Редут-Кале (Кулеви) и Поти. Автор попутно перечисляет названия встречаемых рек, мысов; часто вставляет в текст исторические сюжеты, связанные с той или иной местностью, и сообщает о событиях недавнего прошлого. Он восхищен увиденным; красота и богатство природы, климат края оставляют неизгладимое впечатление. Сафонов на многих страницах своего текста вновь и вновь обращается к поражающей его воображение удивительной красоте природы. Вот одна из таких зарисовок: «Трудно человеку, не посещавшему этого края, иметь понятие о богатстве, прелести и рас-

[66] Город на Украине, ныне — Днепр; до 1796 г. и в 1802–1926 гг. носил название Екатеринослав, в 1796–1802 гг. — Новороссийск, с 1926 по 2016 гг. — Днепропетровск.

[67] Русский Биографический Словарь. Издан под наблюдением Председателя Императорскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. СПб.: Типография Главнаго Управления Уделов, 1908, 1904, 1911. Т. 2, Т. 3, Т. 18.

[68] Там же.

тительной силе пройденного нами берега. С избытком рассыпала природа на этот край свои дары: вековые деревья, дубовые и ореховые, тянутся в одной бесконечной и величественной картине от гор до берега моря. Эта отличительная черта растительной силы здешнего края, доказывающая сильную почву земли <…>, здесь сильная, могучая и щедрая рука природы поставила громады лесов на берегу глубоких пропастей, переплела дубы зеленым виноградом, засыпала почву растениями и цветами, чтобы привлечь и деятельность человека образовать, хотя немного, полудикость, и вызвать край из грубой жизни к жизни общественной»[69]. Относительно людей, населяющих эти края, мнение Сафонова несколько иное, нежели чувства, вызываемые у него природой. Он не принадлежит к числу тех авторов, которые призывали к самым решительным и радикальным мерам по отношению к горцам. Но Сафонов, отмечая достоинства горцев как «смельчаков», «дышащих любовью к дикой свободе», все-таки характеризует их как «варваров», «алчных к набегам и грабежу, ненасытных к войне, коварных во время мира».

Описанию непосредственно Абхазии Сафонов уделяет третью часть своей книги. Причем, описания эти не результат наблюдения с палубы судна; путешественники, сойдя на берег, посещают некоторые находящиеся в этих пунктах военные и историко-культурные объекты. Автор свои впечатления о Гагре начинает с рассказа о расположенной в ней крепости, которая, по его словам, «не составляет еще совершенно части Империи». В Гагре спутники осмотрели расквартированный в крепости русский гарнизон; по сведениям автора, он систематически самоотверженно отражает нападения, совершаемые горцами. Далее описываются «прекрасные остатки древнего храма, служащего теперь магазином артиллерийских снарядов»[70]. Сообщая об истории этой церкви, автор отдает предпочтение версии, по которой она была построена во времена «византийских поселений на этих берегах»[71]. Он описывает встречу с двумя местными жителями — абазинцами, продававшими огурцы: «Самое бедное, чтобы не сказать нищенское, платье прикрывало их прекрасный стан; но зато они имели полное вооружение. Род башлыка из белого грубого сукна живописно покрывал их головы»[72].

---

[69] Там же.

[70] *Сафонов С. В.* Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете ифигения в 1836 году. Одесса: Гор. тип., 1837. С. 33.

[71] Там же.

[72] Там же. С. 36–37.

Пространство между Гаграми и Пицундой участники экспедиции преодолели сухим путем, в сопровождении солдат. Сафонов не уделяет ни малейшего внимания состоянию дорог пройденного ими пути, а продолжает с восторгом описывать очаровывающую его природу. Автор дает контрастную картину Пицунды, которую он называет одним «из завиднейших уголков на земном шаре». С одной стороны, неописуемая красота природы, а с другой — удручающее состояние культурных памятников: «Вообразите себе величественные развалины храма, остаток прекрасно сохраненной Византийской архитектуры, обнесенный каменною стеною, расположенные среди очаровательной долины, где столетние дубы и величественные платаны перевились диким виноградом <…>. Взойдите теперь во внутренность храма; посмотрите на этот смело возвышающийся над вами купол, на этот полуразвалившийся алтарь, в котором еще и теперь приносятся молитвы, — и вас невольно проникнет чувство священного благоговения. Веки — целые веки пронеслись над этим храмом; в нем возносились и теплые мольбы христианина, и раздавались неистовые крики варваров; часто неверный горец приносил на жертвенник свой меч как жертву успехов на войне; все сокрушающее время резко положило на нем свою печать; теперь единое дерево ворвалось сквозь расселены, и лучи солнца прямо проникают в эту святыню; но храм уцелел, и путешественники с удивлением смотрят на это величественное здание и с благоговением возносят мольбы к Неисповедимому»[73].

Далее автор кратко и весьма поверхностно останавливается на вопросах ранней истории, уделяя внимание лишь присутствию в Питиусе римлян, имевших здесь свои сильные укрепления, и обходя молчанием коренное население. Сафонов констатирует, что «теперь здесь собственно начинается Абхазия»[74]. Как видим, за четверть века, истекшую с тех пор, как С. М. Броневский очерчивал западные границы Абхазии, они еще более сократились. Дело в том, что, в отличие от Броневского, Сафонов не говорит об этнических границах, его сведения носят политико-административный характер, исходят из военного положения. Гагра была частью исторической области Абхазии, на территории которой проживала абхазская этнографическая группа (или общность) садзов. Отмежевание этой области от Большой Абхазии произошло на рубеже XVII–XVIII вв.

В книге Сафонова представлены сведения о том, что русское правительство принимает меры по сохранению памятников древности

---

[73] Там же. С. 37–38.

[74] Там же. С. 39.

Абхазии. В частности, сообщается об отпуске Государем Императором «довольно значительной суммы денег на поддержание как этой (Пицундской. — *В. А.*), так и других церквей»[75].

Многие страницы посвящены пейзажным описаниям, передающим восхищение, испытанное путешественниками: «Ни величественные картины Суджук-Кале, ни угрюмые красоты Гагры не помешали Пицунде поразить нас прелестями природы и таинственностью своего храма. Пройдут годы! Много пролетит над нашими головами житейских бурь, много еще испытаем разнообразных, мучительных и отрадных чувств; но воспоминание о Пицунде наверно останется неизгладимым в нашей памяти, и, кто знает, может быть оно, как светлая точка, будет обозначать чью-нибудь мятежную жизнь»[76].

В дальнейшем повествовании сообщается о том, что из-за наступившей ночи путешественники не смогли осмотреть крепость Бомборы и продолжили свой путь в Сухум-Кале, у берегов которого они бросили якорь ранним утром следующего дня — 17 июля. Автор характеризует Сухумский рейд как один «из самых глубочайших на всем пространстве восточного берега Черного моря»[77]. Он пишет, что сильное течение и глубина Сухумского берега доставляют много опасностей для судов. Рассказывает о гибели военного брига. Представленная автором картина Сухума выглядит контрастной. С одной стороны, крепость окружает «множество болот», а с другой — недалеко «возвышаются горы, покрытые снегом и множеством лесов, между которыми, лавры образуют целые рощи». Сообщается о находящейся в полуразрушенном состоянии крепости, которая, по словам автора, «была взята русскими у турок в 1800 году». Эти данные исторически недостоверны. Доподлинно известно, что крепость Сухум-Кале была занята русским морским десантом 10 июля 1810 г. Целью же этой операции было изгнание считавшегося отцеубийцей Асланбея и водворение на княжеский престол Сафарбея (Георгия), что и было реализовано в результате военной операции. Трудно однозначно определить причину ошибки Сафонова. Возможно, это результат неосведомленности; не исключается также, что она стала возможной из-за досадной опечатки.

В целом, впечатления от Сухума у Сафонова не столь восторженные, как это было в случае с Гагрой и Пицундой. При этом, Сафонов счел нужным заметить, что «спокойствие окрестных жителей и совершенная безопасность от нападения горских народов оставляют гар-

---

[75] Там же.

[76] Там же. С. 41–42.

[77] Там же. С. 43.

низон спокойным»[78]. Имеется небольшая информация о деревянной церкви, о пригороде (форштадт) крепости, состоящем из «небольших деревянных закопченных и запачканных строений, большей частью лавок, в которых имеретинцы и русские, армяне, временные пришельцы из Редут-Кале и Кутаиса, производят мелочный торг копченою рыбой, солью и проч.»[79]. Описанная довольно мрачная картина состояния Сухума показывает, что, несмотря на то, что с момента присоединения Абхазии к России прошло уже более четверти века, город находился в запущенном, упадочном состоянии. Следы какой-либо организованной культурной жизни попросту отсутствуют, жизнь протекала стихийно и была практически целиком представлена торговцам.

Следующие за этим описания Сафонова, отразившие наблюдения с палубы судна, весьма кратко информируют читателя о панораме обозреваемой местности. Следуют сообщения о «находящейся в красивом месте деревне Келасур», «отлогом мысе Искурия», не столь значительном мысе Кодор, «виднеющихся уединенных развалинах значительного в древности города Дандарис», а также о местечках Илори, Анакрии, за которым «собственно заканчивается Абхазия и начинается Мингрелия»[80]. При этом автор обращает внимание на географические различия между местами, описанными ранее, и тем, что они встречали при дальнейшем пути следования. «За мысом Искурия (Скурча. — *В. А.*) край принимает совершенно другой вид. До мыса Анакрии (Анаклии. — *В. А.*) почти на расстоянии 40 миль тянется отлогий болотистый берег; белеющие вдали снежные вершины гор изредка одушевляют эту унылую, однообразную картину, и нет предмета, который бы остановил внимание путешественника»[81]. При этом автор делает беглые исторические отступления, иногда даже приводя в качестве источника древних авторов, например Арриана. Эти исторические сведения весьма поверхностны, включены, согласно жанру популярной литературы, чтобы заинтересовать читателя историей описываемого края. Здесь также встречаются не совсем точные сведения, которые приводит автор при изложении событий относительно недавнего прошлого и современного ему времени. Говоря о Келасуре, Сафонов сообщает, что «здесь живет сын Осман-бея, бывшего последнего владетеля Сухумской крепости. Несколько лет тому назад, за участие в некоторых делах против России, он навлек-было на себя справедли-

[78] Там же. С. 44.

[79] Там же. С. 45.

[80] Там же. С. 47.

[81] Там же. С. 46–47.

вое негодование нашего Правительства; но теперь спокойно занимается лесным торгом и проч.»[82]. Речь здесь идет о Хасанбее — одном из сыновей Келешбея, ошибочно названном Османбеем и обозначенном как «бывший последний владетель». Последние слова следует понимать так, что Келешбей был владетелем Абхазии до ее вхождения в состав России. Что касается Гасанбея (Хасанбея), то он действительно проживал в Келасуре и, как представитель владетельского дома, имел значительное влияние в обществе, пользовался авторитетом в политической жизни. По поводу его опального положения и последствий этого со стороны русского правительства, РБС дает следующее объяснение, правдивость которого не подвергается сомнению: «Гасан-бей <…> после смерти Сафер-бея (1821. — *В. А.*) должен был сделаться его преемником, но так как генералы Ермолов и Вильяминов считали его настроенным недоброжелательно к России, то он был схвачен и сослан в Сибирь, откуда он возвратился по Высочайшему повелению в 1828 году и, поддерживая князя Михаила, оказал ему и России большие услуги, особенно в 1830 году, когда, вследствие интриг возвратившегося из Турции Аслан-бея, вся Абхазия готова была возмутиться против своего князя и против России, а русские военные силы в Абхазии были ничтожны; Гасан-бей своим влиянием сумел удержать абхазцев от восстания в течение нескольких месяцев, пока русские не получили подкрепление и абхазцы не убедились в безнадежности своего предприятия. Впоследствии Гасан-бей был генерал-майором»[83].

Далее в книге Сафонова описан путь, проделанный корветом «Ифигения» вдоль берегов Мингрелии; рассказ сопровождается описанием природы и тех трудностей, с которыми сталкивались путешественники. 18 июля корвет из Поти отправился в обратный путь. Несмотря на плохие погодные условия, на второй день плавания он достиг берегов Бомобор, где была предпринята остановка, не удавшаяся в прошлый раз из-за наступившей ночи. Автор рассказывает, как путешественники не без приключений высадились на берег и начали осмотр местности, посетили развалины монастыря и бомборской крепости. При этом автор считает уместным подчеркнуть, что следовали они в сопровождении «коменданта и множества абазинцев и армян»[84].

---

[82] Там же. С. 45–46.

[83] Русский Биографический Словарь. Издан под наблюдением Председателя Императорскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. СПб.: Типография Главнаго Управления Уделов, 1911. С. 100.

[84] *Сафонов С. В.* Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете ифигения в 1836 году. Одесса: Гор. тип., 1837. С. 62.

Кратко, в общих словах дан рассказ о крепости; отмечено, что она является «бригадной квартирой войск, расположенных в разных местах Абхазии»[85]. Более подробно говорится об имевшей здесь место торговле, производимой приезжими из Кутаиса купцами: мингрельцами и грузинскими армянами. Без подробностей передает о встрече с грузином, уроженцем Кутаиса, «бывшим переводчиком при известном путешественнике Гамбе»[86]. Автор упоминает и «владетельного князя Малой Абхазии», «полковника Русской армии» Михаила Шервашидзе, жившего «невдалеке от Бомбор, в деревне Соуксу». Сообщает о выстроенной им «красивой деревянной церкви», о том, что ему «принадлежат обширные земли вокруг Бомбор». Увиденное дает автору основание предположить, что природные богатства края могут выгодно служить развитию края и в целом экономическому росту государства. Он, в частности, заключает: «Вообще, здесь видно более торговой деятельности и разного рода промышленности, нежели в других местах этого берега. Плодоносные равнины, богатство леса, близость Кутаиса и Тифлиса, придают здешнему месту особый род жизнедеятельности, и делают его одним из важнейших пунктов занятых нами в 1830 году. Мы поражены были огромностью некоторых буковых деревьев, из коих иные так толсты, что во внутренности их могут поместиться несколько человек. Вообще, лес мог бы сделаться важным предметом торговли в Мингрелии и Абхазии, хотя, впрочем, довольно трудно распространить значительным образом эту торговлю, при неимении в здешнем крае хороших удобных сообщений и при трудностях водных путей по горным рекам. Но при всем том, это такое богатство, которое природа приготовила рукою для наших Черноморских портов, и нет сомнения, что доставка разного рода строевого леса до берега моря, тем или другим способом, не может иметь больших затруднений; а выгода от этого далеко превзойдет и препятствия, и затруднения. Несколько тысяч квадратных верст, покрытых превосходным строевым лесом, составляют огромное богатство для морской державы»[87]. Описание путешествия автор завершает прибытием корвета в Ялту вечером 22 июля.

Суммируя информацию, изложенную в книге С. В. Сафонова, можно сказать, что автор, исходя из своей цели популяризации Абхазии, дает некоторые важные сведения о ее состоянии в период, когда ему довелось посетить регион.

---

[85] Там же. С. 63.

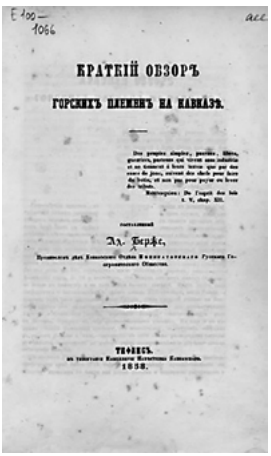
[86] Там же. С. 64.

[87] Там же. С. 64–65.

Если учитывать стиль изложения, краткосрочность пребывания и авторскую установку, определявшие характер повествования, то можно считать, что Сафонов все-таки выявил определенные штрихи образа Абхазии и ее исторического состояния, соответствовавшие времени путешествия. Некоторые сведения исторического характера автором приводятся неполно и недостоверно, а описание быта жителей практически отсутствует, но описанные им единичные случаи способствуют прояснению некоторых сторон жизни того исторического периода.

«Поездка к Восточным берегам Черного моря…», как справедливо отмечено в РБС, представляет безусловную ценность как источник новых сведений: «Сочинение это важно тем, что оно впервые ознакомило ученых с неизвестною до тех пор древнею церковью в Пицунде»[88]. Помимо текстовой части в книге помещены два рисунка художника Н. Г. Чернецова (1795–1879), изобразившего внешний и внутренний вид Пицундского храма. Эти рисунки являются важным историческим документом.

* * *


E 100—
1066
acc
КРАТКІЙ ОБЗОРЪ
ГОРСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ НА КАВКАЗѢ.
составленный
Ад. Берже,
ТИФЛИСЪ.
1858.

Источником разнообразных сведений об Абхазии является книга А. П. Берже «Краткий обзор горских племен на Кавказе»[89], в частности ее небольшая глава под названием «Абхазское племя. (Азега)».

Адольф Петрович Берже (1828–1886) — российский историк-востоковед, кавказовед, археограф, археолог, происходил из эмигрировавшего в Россию французского дворянского семейства. Родился в Санкт-Петербурге, воспитывался в пансионе Цапинтини, после чего поступил в реформатскую школу, окончил Гатчинский сиротский институт, а в 1851 г. окончил курс восточной словесно-

[88] Русский Биографический Словарь. Издан под наблюдением Председателя Императорскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. СПб.: Типография Главнаго Управления Уделов, 1904. С. 209.

[89] *Берже А. П.* Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника кавк., 1858. 46 с.

сти Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата. Был определен на службу в Канцелярию кавказского наместника и с 1851 по 1874 гг. находился при наместниках М. С. Воронцове, Н. А. Реаде, Н. Н. Муравьеве-Карском, А. И. Барятинском и Великом князе Михаиле Николаевиче. Он дважды — в 1853–1854 и 1855 гг. — отправлялся в исследовательских целях в Персию, где посетил много городов. Берже считается одним из крупнейших деятелей, внесших неоценимый вклад в кавказоведение. С 1864 г. до конца жизни он оставался председателем Кавказской археографической комиссии. Был также государственным чиновником — действительным статским советником (с 1868) и тайным советником (1886). Под его редакцией выходили «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК), в которых публиковались различные материалы по истории кавказских народов, доведенные до 1863 г. При жизни Берже было издано десять томов АКАК (1866–1885), а после его смерти — еще два тома: 11-й (1888) и 12-й (1904). Кроме того, Берже был автором многочисленных трудов по истории и этнографии отдельных народов Кавказа.

Очерк Берже об Абхазии ценен, прежде всего, тем, что сообщаемые им сведения о современном ему состоянии и событиях являются достоверными. Этого нельзя сказать о его рассуждениях по поводу исторического прошлого абхазского народа. Правда, автор делает оговорку, что «о стране, известной ныне под названием Абхазия, мало сохранилось преданий и почти никаких исторических данных»[90]. Справедливо отвергая основанные на преданиях версии о египетском или же армянском происхождении, Берже, в то же время, почему-то ставит под сомнение утверждение Броневского о том, что «абхазцы то самое племя, которое в летописи Нестора встречается под именем Обези»[91]. Достоверными Берже считает приводимые в византийских письменных источниках сведения, которые сообщают о занимаемой абхазами территории (от Сихии до Сотириополиса), о принятии ими христианского вероучения при императоре Юстиниане (550 г.). Заключительная же часть исторических данных, где сказано о том, что абхазы «впоследствии подпали под власть Чингисханидов, а около конца XIV в. были в рядах ополчения Тимир-Хана против Баязета»[92], и вовсе страдает надуманностью. Известно, что Абхазия не входила в число непосредственно завоеванных монголами районов и была ими включена в состав округа (думена), «во главе которого был утвержден Цотне Да-

[90] Там же. С. 6.

[91] Там же.

[92] Там же.

диани». В период опустошительных войн в Закавказье, совершенных среднеазиатским завоевателем Тимур-ленгом (Тамерланом), также «территория собственно Абхазии не пострадала», а ее владетели вели перманентные войны за независимость с мингрельскими Дадианами.

Берже предлагает следующее деление «абхазского племени»: абхазцы, самурзаканцы, цебельдинцы, садзен; последние в свою очередь подразделяются на псху, ахчипсоу, айбуга, цандрыпшъ, Кечба, Аредба, Цвиджа. Автор, как и С. М. Броневский, в состав абхазских племен включает абазин с их родовыми подразделениями. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что названия перечисляемым подразделениям абхазских племен даны по географическому принципу (самурзаканцы, цебельдинцы и т. д.) или по фамильным родам (Кечба, Аредба, Цвиджа). За исключением самурзаканцев, все перечисленные ветви абхазского народа были вынуждены покинуть родину и переселиться в Османскую империю. Отсутствие их на исторической родине породило научную дискуссию по поводу их этнической принадлежности. Некоторые исследователи стали относить их к адыгским племенам. Однако собранный на месте их нынешнего проживания лингвистический и этнографический материал неоспоримо свидетельствует о том, что, все они являлись абхазскими субэтносами; языком их общения служил единый для всех абхазский язык, при наличии определенных, весьма несущественных, диалектических различий и говоров.

Автор снабжает текст лаконичной, но информационно насыщенной справкой о территории проживания «абхазского племени» (в некоторых случаях с описанием местности), политическом и внутреннем устройстве, взаимоотношениях с владетельским домом и отношением к русской власти, а также предпринимаемыми действиями последней касательно местного населения. В информационной справке «Абхазцы. Абсуа» сказано, что они занимают прибрежное пространство между реками Ингур и Бзыбью. В данном случае самоназвание абхазов автор дает в несколько искаженном виде (вместо апсуа — абсуа); налицо, как и в случае с Броневским, озвончение п / б. Берже отмечает, что «Абхазия управляется туземным владетелем из древнего рода Ач (Шарвашидзе), который при содействии Русского Правительства, имеет большое влияние на народ»[93]. В данном случае неверным является указанное название фамильного рода владетелей Абхазии. Абхазская форма фамилии — не Ачба, а Чачба. Существующая историческая литература пока не дает окончательного и ясного ответа по поводу генеалогии названных автором княжеских родов. Неоспоримым

[93] Там же.

пока является то, что Ачба были предшественниками Чачба, о чем может свидетельствовать абхазская пословица: «Не сказав Ачба, нельзя говорить Чачба», т. е. по времени происхождения первенство принадлежит фамилии Ачба. Не углубляясь в имеющие место дискуссии об упоминании в грузинских письменных источниках Чачас-дзе или Шарвашис-дзе, отметим, что и в русских энциклопедических изданиях по поводу этой фамилии встречаются различные, порой прямо противоположные точки зрения. В этой связи важным представляется мнение одного из самых известных деятелей и представителей фамилии, художника А. К. Шервашидзе, записавшего в своей книге следующую реплику: «В Абхазии не называют Шервашидзе, а Чачба. Абхаз всегда скажет Александр Чачба, Георгий Чачба. Шервашидзе же называют нас грузины…».

Берже включает в свою книгу сведения о расположенных в Абхазии русских укреплениях (Сухум-Кале, Бомборы, Пицунда и Гагры), где расквартированы военные гарнизоны. Автор считает нужным отметить, что проживающее на этой территории общество Гуми (Гума), в силу «неопределенности отношений владельцев к владетелю порождает иногда несогласие», а саму местность называет «притоном беспокойных людей, отваживающихся на беспорядки и хищничества». Упоминает он также и об экономической жизни, которая заключается лишь «в продаже пальмового дерева в Турцию и винограда грузинам и армянам»; считает, что земледелие и скотоводство развито мало. Важным считает отметить, что население «податей нашему Правительству никаких не платит» — при том, что Абхазия находилась в составе Российской империи на протяжении почти полувека.

Самурзаканцы, по сообщенным Берже данным, проживают между реками Охури (Охурей) и Ингуром. Нестыковка границ при определении мест проживания «абхазцев» и «самурзаканцев» (указанная автором территория первых охватывает и территорию проживания вторых) объясняется политическими отношениями между Абхазией и Мингрелией. Имели место случаи, когда данная территория, будучи «предметом спора между владетелями», в результате военных операций присоединялась к Мингрелии. Всему этому был положен конец в 1839 г., когда совершилось присоединение Самурзакани к российским владениям, а в 1840 г. «последовало Высочайшее повеление о причислении ее к землям, состоящим в непосредственном ведении Правительства»[94]. Самурзаканцев Берже характеризует как «совершенно покорных, несмотря на свой воинственный характер», но в то же время

[94] Там же. С. 7.

отмечает, что они «не отвыкли еще от мелкого воровства и разбоев». Они не обложены податью. Важным свидетельством Берже, касающимся этнического состава данного региона в описываемый период, являются сведения о том, что самурзаканцы — племя «однородное с абхазцами». Здесь же сообщается, что построенные крепости в Илори и Анаклии были упразднены, «так как особенной необходимости в них не представлялось»[95].

Сведения о цебельдинцах включают описание местности («гористая и трудно проходимая»); данные об управлении этим районом князьями Маршания, берущими свое начало от родоначальника Херпса. Здесь же историческая справка о том, что Цебельда покорилась правительству России в 1837 г. и в настоящее время управляется приставом. Однако Цебельда оставалась неспокойным регионом и в последующие годы. В 1842 г. было принято решение устроить в верховьях реки Кодор военное поселение из 200 семейств; это предложение «удостоилось Высочайшего утверждения».

Представленные Берже сведения о составе садзов (абх. — садзуа), их локализации содержат важные историко-этнографические данные и представляют вполне достоверную информацию для составления этнографической карты того времени. В состав Садзен (Садзуа или Джигеты) Берже включает следующие этнографические группы: псху, ахчипсоу, айбуга, цандрыпш, Кечба, Аредба и Цвиджа (Бага). Первые три племени занимают исключительно горные пространства, Цандрыпш включает в себя и горные, и прибрежные районы, а Кечба и Аредба проживают на побережье. Так, Псху Берже располагает в верховьях рек Бзыба и Меджиты, а Ахчипсоу — в верховьях рек Псху и Мдзымты, Айбуга — между Псху и Бзыбом, Цандрыпш — с берега моря до устья реки Хашупсе, Кечба — между реками Мзымта и Хашупсе, а Аредба — между Мзымтой и Хостой. В пределах между обществами Ахчипсоу и Аредба локализовано общество Цвиджа и Бага — «два небольших общества, не имеющие самостоятельности, потому что состоят из пришельцев и людей свободного состояния» и «находятся под сильным влиянием убыхов, а в особенности князей Берзеков»[96]. Автор дает характеристику каждой из этих групп сквозь призму их отношений к русскому правительству. Отмечаются нестабильность таких взаимоотношений, проявления частой сменяемости изъявлений покорности на возмущения. Показаны также и примеры отношения этих обществ к той части Абхазии, которая находится под

[95] Там же. С. 7.

[96] Там же. С. 9.

управлением владетельного князя. Так, племя Псху «весьма склонно к хищничеству и производит торг пленными, забираемыми преимущественно в Абхазии»; Айбуга — «разбойничье общество, производящее преимущественно грабежи в Абхазии». Берже вводит важную информацию о том, что из всех этих обществ три — Псху, Ахчипсоу и Айбуга — «известны у черкес, живущих на северной стороне Кавказских гор, под общим именем Медовеевцев, которые ведут с ними открытую вражду»[97]. В сведениях Берже содержатся характеристики отдельных особенностей обществ. Об ахчипсоуцах сказано, что «они отличаются духом воинственным, отважным», о цандрыпшцах — «покорность их ненадежна по влиянию на это общество беспокойных соседей — убыхов», о Кечба и Аредба — «расположены к покорности, но удерживаются страхом убыхов и ахчипсоу»[98]. Как государственный чиновник, заинтересованный в реализации плана присоединения Кавказа, проводимого Российской империей, Берже включает в свое повествование сроки рекомендательного свойства. В частности, он считает необходимым приведения к покорности ахчипсоу, потому что это «может решить вопрос о покорности всего племени Садзуа, и откроется путь в землю Убыхов»[99]. Автор излагает некоторые сведения о княжеских родах, которые управляли этими обществами; в Цандрыпше таковыми были князья Цан[100] (или Цанбеев), во входящей в нее части Хышха — князья Аншбадзе[101], а общества Кечьба[102] и Аредба[103] получили свои названия от княживших там фамилий.

В целом Берже в своем очерке «Абхазское племя» дает объективную картину состояния народа в описываемый период. Показана картина фрагментации этноса на большое количество мелких сообществ. Этот процесс был следствием длительного исторического кризиса, вызванного как внешними, так внутренними причинами, и протекал в течение нескольких столетий. Распад на мелкие части некогда целого этнического и политического организма может говорить лишь о несостоятельности, близорукости подавляющего большинства владетелей Абхазии и различных квазикнязей, не сумевших

---

[97] Там же. С. 8.

[98] Там же.

[99] Там же.

[100] Полная вариант фамилии Цанба/Цандба. См.: *Инал-ипа Ш. Д.* Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 161.

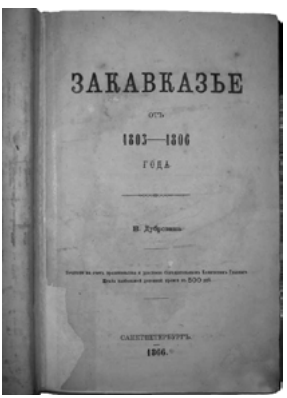
[101] Правильно — Анчабадзе; абхазская форма — Ачба.

[102] Правильно — Гечба.

[103] Более правильной формой, вероятно, является Арыдба.

выбрать политически верные ориентиры, мобилизовать и настроить свой народ на творческо-созидательную деятельность. Бесконечные распри между различными княжескими кланами и междоусобицы привели к ослаблению и расстройству государственно-управленческих механизмов, упадку нравов и социальному и культурному коллапсу. Чрезмерная культурная замкнутость, отсутствие системы образования и просвещения усугубляли отставание от прогресса и приводили к угрозе потери исторической перспективы на существование. Выбранная модель жизнедеятельности носила ситуативный характер и не могла быть конкурентоспособной в эпоху быстрого развития. Никакая неорганизованная «воинственность» и высоконравственная народно-бытовая культура и этикет, и даже «собственные оригинальные нормативно-правовые системы» сами по себе не могли быть гарантией сохранения своей идентичности в свете тех политических и геополитических процессов, которые имели место в этот период. Говоря иначе, из-за политической близорукости, отсутствия ярко выраженной стратегии развития и внутреннего управления лицами, в чьи обязанности входило решение этих государственных задач, Абхазия была оторвана от мирового цивилизационного процесса, о чем красноречиво может свидетельствовать рассмотренный очерк А. П. Берже.

* * *


ЗАКАВКАЗЬЕ
ОТЪ
1803—1806
ГОДА
Н. Дубровинъ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1866.

Кавказской проблематике и, в частности, Абхазии, посвящена книга Н. Ф. Дубровина «Закавказье от 1803–1806 года», изданная в Санкт-Петербурге в 1866 г. На титульном листе обозначено, что она выпущена «за счет правительства и удостоена Совещательным Комитетом Главного Штаба небольшой денежной премии в 500 руб.». Эта одна из первых работ о Кавказе автора, ставшего впоследствии крупнейшим историком-кавказоведом своего времени. Она значительна по объему, включает 25 глав и приложения.

Николай Федорович Дубровин (1837–1904) происходил из старинного русского дворянского рода. Родился в селе Корытове Псковской губернии. Его отец Федор Николаевич «несколько лет прослужил на Кавказе и принимал участие в рус-

ско-турецкой войне 1828–1829 гг.[104] Н. Ф. Дубровин воспитывался в Полоцком кадетском корпусе (1853), военное образование получил в Дворянском полку (позже ставшем Константиновским артиллерийским училищем); с 1856 г. проходил военную службу, а затем окончил Михайловскую артиллерийскую академию. Был командирован за границу для изучения «военного дела иностранных государств», одновременно находил «возможность для своего любимого занятия — собирания материалов по истории России»[105]. В начале 1860-х гг. Дубровин начал публиковать статьи на военно-исторические темы в «Военном сборнике», «Русском вестнике», «Отечественных записках», «Вестнике Европы». В круг его обширных научных интересов попадает и Кавказ. В. В. Дегоев и И. И. Стамова объясняют это обстоятельство следующим образом: «Внимание историка всегда привлекали сюжеты, связанные с процессом строительства Российской империи. И тут невозможно было обойтись без Кавказа — одной из важнейших имперообразующих территорий России. Кроме того, интерес Дубровина к Кавказу подогревался тем обстоятельством, что это было самое необычное приобретение империи, уникальное в этнокультурном плане и очень весомое в геополитическом»[106]. После публикаций первых работ о Кавказе Н. Ф. Дубровин в 1869 г. прикомандировывается к Главному штабу для ведения военно-исторических работ. С этого времени вся его дальнейшая жизнь была беспрерывно связана с научным исследованием истории и, прежде всего, Кавказа.

На этом поприще продвигалась его служебная и творческая карьера: в 1878 г. Дубровин был произведен в генерал-майоры, а в 1882 г. назначен членом Военно-ученого комитета при Главном штабе, в 1888 г. произведен в генерал-лейтенанты; в 1886 г. избирается членом Академии наук, где в 1893 г. становится ее секретарем.

Научное наследие Дубровина обширно и многогранно; большое место в нем занимают работы о Кавказе: «Закавказье от 1803-1806 года» (СПб., 1866), «Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России» (СПб., 1867), шеститомная «История войны и владычества русских на Кавказе» (СПб., 1971–1888), а также статьи, опубликованные в периодических изданиях.

---

[104] *Дегоев В. В., Стамова И. И.* Николай Федорович Дубровин: о творчестве классика русской историографии // Кавказский сборник / под ред. В. В. Дегоева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. Т. 10(42). С. 13.

[105] Там же.

[106] Там же. С. 15.

Материалы об Абхазии Н. Ф. Дубровин разместил в двух фундаментальных трудах: «Закавказье от 1803–1806 года» и «История войны и владычества русских на Кавказе». Они различны по своему характеру и объему.

Одна из глав книги «Закавказье от 1803–1806 года» посвящена описанию военно-политической ситуации в регионе; в ней имеются сведения о враждебных взаимоотношениях правителей Абхазии и Мингрелии, о действиях по их устранению, предпринятых русским военным командованием в лице Цицианова, Литвинова и Рыкгофа. Речь идет о крепости Анаклия, которую в то время занимал абхазский владетельный князь Келеш-бек (Келешбей) и о выдаче мингрельского наследника Левана Дадиани, бывшего у него в то время атаманом. Приводится текст письма кн. Цицианова Келешбею. На основании того, что Мингрелия уже была принята в подданство России, кн. Цицианов заступается за мингрельского наследника и в ультимативной форме требует выполнения предложенных условий: «Итак, последний раз требую настоятельно от вас, чтобы вы, по получении сего, тотчас в безвредном состоянии доставили Левана, сына покойного Григория Дадиана, или статскому советнику Литвинову, или генерал-майору Рыкгофу, и тогда за содержание его получите десять кес, в чем вам словом моим священным удостоверяю. Буде же того не сделаете, или не скоро, то божусь Богом, в которого верую, что камня на камне не оставлю, внесу огонь и пламень и положу конец дерзостям вашим, о чем уже и приказ дан от меня. Надеюсь, что вы, вопреки твердого союза между двух Империй существующего, не дерзнете более упорствовать»[107]. Несмотря на угрозы, Келешбей не сразу выполнил требования Цицианова. В то же время, он не довел дело до военного противостояния. По истечении некоторого времени и по получении письма турецкого сановника к нему с просьбой исполнить требования русской стороны, Келешбей выдал Левана добровольно.

В «Истории войны и владычества русских на Кавказе» Абхазии отведена первая часть второй книги тома I — «Абхазцы (азега)». Она содержит четыре главы: I — «Место, занимаемое абхазцами, и разделение их на отдельные поколения. — Характер местности, занятой абхазским племенем. — Экономический быт населения. —Монетная система, существовавшая у жителей гор. — Климатические особенности страны»; II — «Религия абхазцев и их суеверие. — Праздники. — Джигитовка и народные игры. — Пляски абазин. — Народное суеве-

[107] *Дубровин Н. Ф.* Закавказье от 1803–1806 года. СПб.: Тип. департамента уделов, 1866. 542 с.

рие и легенды. — Гадальщицы, ворожеи и знахарки, колдуны, ведьмы и водяные»; III — «Абхазское селение. — Дом. — Одежда. — Абхазская женщина и положение ее в семействе. — Брачные обряды. — Гостеприимство. — Пища. — Семейный быт. — Рождение. — Воспитание и аталычество. — Похороны»; IV — «Сословия, существовавшие в Абхазии. — Права и обязанности владетеля. — Права и обязанности остальных сословий. — Политический строй абхазского племени. — Родовые союзы. — Народные собрания. — Кровомщение. — Народный суд. — Виды преступлений и наказаний. — Военное устройство абазин».

Материал этот по своему содержанию и объему значительный и представляет собой некий концентрированный итог того, что сделано русскими исследователями и путешественниками в области изучения Абхазии. Автор характеризует природно-географическое положение и племенной состав абхазского этноса, религиозное состояние народа, дает описание некоторых праздников и суеверий, знакомит с особенностями домашнего хозяйства и семейного быта, а также с сословной структурой абхазского общества, правовыми взаимоотношениями между различными сословиями.

Начинает Дубровин свое повествование об Абхазии с описания особенностей природы: «Непосредственно за убыхами, двигаясь на юго-восток по берегу Черного моря, путешественник переселяется в совершенно другой мир. Хребет Кавказских гор, постепенно удаляясь от моря, дает место прекраснейшим, плодородным равнинам. Обнаженные горы и скалистый берег, пересекаемый множеством ущелий, не давят более путника. Напротив, он видит перед собой вечно неувядаемую зелень, которой не лишены даже и самые высокие отроги гор, спускающиеся к морю и покрытые большой растительностью»[108].

В перечислении субэтнических групп абхазов в племенном разделении народа Дубровин выделяет следующие: садзен, медовеевцы и апсуа. Несколько подробнее останавливается на «собственно Абхазии, которая до последнего времени находилась во владении князей Шервашидзе», очерчивает границы, занимаемые ею, обозначая цебельдинцев, как северных ее соседей, а третьим «отделом абхазского племени» называет самурзаканцев. Дубровин также причисляет к абхазам и абазин, которые в результате миграционных процессов, вызванных «внутренними раздорами, кровомщением и недостатком удобной земли», оказались на северной стороне Кавказского хребта. Автор далее перечисляет многочисленные территориальные подразделения наро-

[108] Там же. С. 1.

да с указанием географической локализации и примерного количества жителей каждого из обозначаемых сообществ.

Флора и фауна Абхазии описаны Дубровиным в связи с климатическими особенностями края. Рассмотрены положительные и отрицательные свойства природных условий, влияющие на ведение хозяйственной деятельности. Упоминает автор также и о культурных насаждениях, традиционно выращиваемых в Абхазии, и новых их видах. По его справедливому замечанию, производительные возможности, которыми одарила природа Абхазский край, не соответствуют результатам хозяйственной деятельности его населения: «Богатая природа Абхазии должна бы была служить источником богатства, довольства и даже роскоши для ее жителей, но в действительности она служит для туземца лишь причиной крайней бедности. Уверенный в ее производительности абхазец предается крайней лени. Он или, вернее, его жена засевает поле в таком скудном количестве, что при огромных урожаях может прокормить свое семейство до нового хлеба. Абхазец в течение года работает много-много 20 или 30 дней, а остальное время проводит в беспечной бродяжнической жизни»[109]. Не оспаривая мнение автора в вопросах, касающихся щедрости природы и весьма низкого уровня хозяйственно-экономической жизни Абхазии описываемого периода, все же отметим, что его взгляд о причинах такого положения является не полным и субъективным. Во-первых, бродяжничество как социальное явление никогда не было характерным для абхазского общества, поскольку оно предполагает отсутствие места жительства и средств к существованию, что никак не увязывается с типичным образом жизни абхаза. Во-вторых, объяснение бедности абхаза якобы его природной ленью не является достаточным аргументом. Не отрицая влияния благоприятных природных условий на определенное пренебрежение хозяйственным трудом, заметим, что все же не лень, а конкретные социально-исторические условия не давали возможности абхазу уделить больше внимания своему хозяйству. Прежде всего, отсутствие уверенности в завтрашнем дне не позволяли ему стремиться к укреплению своего хозяйства и накоплению богатства. Нестабильность жизненных обстоятельств, постоянная угроза того, что в любой момент все его состояние может быть разорено и уничтожено, и в связи с этим — необходимость в готовности постоянной его защиты, делало приоритетным военную составляющую жизни мужчины-абхаза. Это имело место на протяжении длительного исторического периода — в жизни многих поколений; поэтому и создался определенный психологиче-

[109] Там же. С. 8.

ский тип мужчины, вбиравший в себя определенные поведенческие стереотипы, оформлявшиеся в соответствующие обычаи и нормы. Из-за того, что жизнь мужчины преимущественно была сопряжена с военными действиями, небрежение трудовой деятельностью становилось закономерным результатом. В то же время, это чрезмерное обобщение, ибо невозможно, чтобы все члены общества обладали едиными, пусть даже считавшимися более престижными, достоинствами.

Русские авторы обращали внимание на это обстоятельство, но не могли понять и объяснить сути явления. По этой причине в их текстах имеют место существенные противоречивые положения. Тот же Дубровин, обобщая тип абхаза, утверждает: «Он считает преступлением взяться одной и той же рукой за кинжал и потом за тряпку. Вся забота жителя гор состояла в уходе за конем и оружием — это его честь и слава, жизнь и пища. Все его желания заключались в приобретении лихого коня и хорошего оружия»[110]. В другом месте, цитируя И. И. Аверкиева, показывающего распределение работ между членами семьи («в обязанности отца входило занятие политическими делами <…> один из братьев заведовал полевыми работами, другой занимался делами в доме, <…> третий воровством, преимущественно скота, четвертый — военными делами, то есть грабежом и нападениями на соседей»), Дубровин приходит к следующему заключению: «Такое распределение занятий, вредное в экономическом отношении, кроме того, приучило абхазца к праздности, воровству и другим порокам. Сыновья, как видно, были отрицательно полезны семейству»[111]. Нелогичной у автора представляется постановка в один ряд «праздности», «воровства» и занятий полевыми и домашними работами.

Обратившись к религии, суевериям и народным праздникам абхазов, Дубровин дает описания религиозных празднеств. В частности, иллюстрируются обряды в честь великомученика Георгия Победоносца, празднование Амшап (Пасха), обряды жертвоприношений, связанные с Шасу-Абж-Ныха, Мизитхи, Шибле, Афы, Ажвейпшаа Абна-инчаху, Айтар и др. Надо признать, что автор очень подробно описывает все церемонии, которые сопровождают празднества, и склонен причислить их скорее к суеверию, а не к религии. Однако отметим, что такой подход вряд ли соответствует истине; перечисленные выше религиозные персонажи рассматриваются в рамках политеистических воззрений, в которых им придается статус бога или божества. Следует, на наш взгляд, считать их покровителями определенных ви-

[110] Там же. С. 51–52.

[111] Там же. С. 52–53.

дов деятельности, что имеет место и в мировых религиях. Эта мысль подтверждается и Дубровиным, писавшим: «Абхазцы всех трех (христианство, мусульманство, язычество. — *В. А.*) исповеданий признают Всевышнего как Бога богов»[112]; при этом автор добавляет, что абхазцы, «кроме того, поклоняются божествам всех стихий, лесов и полей». Бесспорно, описанные Дубровиным религиозные обряды имеют дохристианские корни, их возрождение в жизни абхазов стало возможным в результате ослабления христианства. Но это вовсе не означает, что народ впал в состояние религиозного многобожия. Перед нами феномен отношения к божествам как к своеобразным помощникам Бога, но никак не отдельным или самостоятельным богам или божествам. В целом давая правильную картину религиозного состояния Абхазии XIX в., Дубровин оказался не в состоянии понять веротерпимость абхазов. Несмотря на то, что вопросам веры посвящена отдельная глава, в которой дано описание религиозных обрядов и праздников, Дубровин утверждает: «Абхазцы до такой степени безразлично и равнодушно относятся к религии, что она ни в каком отношении не налагает различия между жителями»[113].

Между тем исполнение религиозных обрядов занимало значительное место в жизни абхаза того времени, о чем свидетельствуют приводимые автором многочисленные примеры. Однако, при всей набожности, у представлявших разные конфессии абхазов отсутствовал фанатизм, что во многом объясняет их веротерпимость и отсутствие конфликтов на религиозной почве. Дубровин, характеризуя переплетение в абхазском быту разных религий, итожит: «Такое тесное сближение двух противоположенных религий (христианства и мусульманства. — *В. А.*) во избежание соблазна и разных недоразумений заставило христиан и магометан праздновать вместе Рождество Христово, Пасху, Духов день, совершать байрам, поститься в рамазан и великий пост».

Многие авторы отмечали, что абхазы, относившиеся к церквам и храмам с особым уважением, как святым местам, тем не менее не посещали их во время богослужений. Отмечает это и Дубровин, констатируя, с одной стороны, что «редко абхазец ходит в православную церковь, а еще реже показывается в мечети»[114], а с другой — приводит пример почтительного отношения к святыням: «Без различия вероисповедания все жители Пицундского округа, питая особое уважение к

---

[112] Там же. С. 15.

[113] Там же. С. 14.

[114] Там же. С. 13.

тамошнему храму Лдзаа-ных (то есть святыня Лдзаа), избрали из своей среды одного пожилого в должность старосты при Пицундском храме. На обязанности его лежало содержать в чистоте ограду и саму церковь, наблюдать за иконами, книгами, находившимися в храме, и вместе с тем, в случае надобности, приводить жителей к присяге»[115]. Причина того, что абхазы, характеризуемые в средневековых источниках как «христолюбивые», перестали посещать христианские культовые сооружения, число которых на территории Абхазии было значительным, в историографии не освещена. Ослабление христианства историки в основном связывают с внешними причинами, вызванными влиянием Османской империи, начавшимся с падением Византии, и распространением мусульманства. Не отрицая значимости этого фактора, необходимо сказать и о том, что на то имелись не менее существенные внутренние причины. Главная из них — грузинский язык богослужения. Народ не считал нужным регулярно ходить для отправления своих религиозных обязанностей и обрядов в храм, где Божье слово проповедовалось на непонятном ему языке. При этом историческая память и традиции требовали деликатно-уважительного отношения к церкви как к месту, где произносятся хвала Богу и просьбы к нему. На наш взгляд, отсюда, и происходит двойственное и противоречивое отношение абхазов к церкви, часто отмечаемое русскими авторами XIX в.

В данной главе Н. Ф. Дубровин дает очень подробное описание многих религиозных ритуалов абхазов, что нельзя не оценить высоко. Но ироничный тон повествования показывает, что он все-таки был далек от понимания существа их религиозности.

Третья глава исследования Дубровина посвящена семейно-бытовым отношениям абхазов. При описании жилища основной массы населения края автор обращает внимание на бедность строений, домашнюю утварь, традиционную пищу. Он также дает представление о традиционном ритуале сватовства, показывая связанные с ним обычаи. Останавливается и на аталычестве — традиции пребывания мальчиков до их совершеннолетия в семье воспитателя. Отмечает характерные для абхазов черты похоронных и поминальных обрядов.

К сожалению, Дубровин не отличается деликатностью в своих оценках и характеристиках, позволяя себе такие заключения, как: «ума у абхазцев немного, и к тому же они мало способны к умственному развитию», «воровство, корыстолюбие в самых мелочных размерах и отсутствие честного труда и любознательности», «характер абхазца глубоко испорчен», «многие безнравственные черты в народе», «раз-

[115] Там же. С. 15.

врат и цинизм» и им подобные. Это говорит о предвзятом отношении автора, ограниченности его взглядов и поверхностном знакомстве с изучаемым народом. Отдельные попытки смягчить эти оскорбительные выражения («нельзя все-таки отрицать в нем известной доли благородства», «князья и дворяне, <…> которые получили воспитание, вежливы и честны», «вообще абхазцы держат себя свободно, говорят с каждым без стеснения, подбоченившись или опершись на ружье») не меняют общую тональность повествования.

Деятельность русской военно-административной власти в Абхазии также подверглась анализу в труде Дубровина. На протяжении полувекового периода своего присутствия в Абхазии Россия ограничивалась мероприятиями сугубо военного характера — обустройством крепостей и гарнизонов, проведением экспедиций. За столь продолжительное время было сделано ничтожно мало для цивилизационно-культурного возрождения края[116]. В действиях определенной части русского военного командования нередко проглядывало намерение цивилизовать «дикие племена» посредством силового покорения, ассимиляции или даже их истребления. Поэтому вплоть до 1870-х гг. мы не встречаем авторов, которые рассматривали бы абхазов как граждан своего государства; они воспринимали их чужаками и туземцами. Даже то, что международные военно-политические обстоятельства часто вынуждали Российскую империю откладывать «кавказский во-

[116] Между тем, необходимо признать и тот факт, что когда Россия приступила к культурно-просветительской деятельности, это быстро дало свои позитивные результаты. Можно сказать, что ни одна империя не сделала столько в отношении своих колоний. Проведенный анализ статей БРЭ показал, что крайне редки примеры того, когда европейские завоеватели на пространстве всех континентов предпринимали бы попытки не уничтожать и ассимилировать местное население, а создавать для него письменность, учреждать учебные заведения для обучения на родных языках, развивать литературу на родном языке. Красноречивым свидетельством тому могут служить следующие данные: в 34 странах, входящих в ООН, литература развивается исключительно на европейских языках; в 23 странах она развивается преимущественно на европейских, и частично на местных; в 4 странах на местном, а затем на европейских; лишь в 2 странах литература развивается на языке коренных народов (Бруней, Лесото); в одной стране (Ботсвана) имеет место синтез местной и английской литератур. В восточных империях картина выглядит еще более неприглядной. В России же в советскую эпоху максимальное количество национальных литератур, развивавшихся на родных языках, превышало 80.

прос» на второй план, не может служить оправдательным аргументом, учитывая, что Абхазия — преобладающая ее часть во главе с владетельным князем — в 1810 г. официально вошла в состав России.

В четвертой главе исследования Н. Ф. Дубровина рассмотрены вопросы сословного деления народа, взаимоотношения сословий, существующий политический строй, виды преступлений, судебная практика и т. д. Этот раздел в научном плане является лучшим и наиболее достоверным. Дубровин подчеркивает, что «Абхазия представляет собой страну, вышедшую из дикого состояния, но не успевшую резко отделиться от него по своему образу жизни, характеру и обычаям. Зародыш гражданской жизни хотя и привился между народом, но не успел еще сложиться в прочное целое, не успел еще принести ожидаемых плодов. Страна эта находится в переходном состоянии: закоренелые дикие обычаи еще не оставлены народом, а цивилизация бросила свой первый луч и произвела смешение понятий, обычаев и верований»[117]. Это вполне точная и объективная оценка (если не придавать значения трафарету «дикость») того состояния, в котором находились Абхазия и ее народ на рубеже 1860–1870-х гг. Несмотря на имевшие место политические потрясения, начинают зарождаться культурно-просветительские очаги; открываются горская и церковно-приходские школы; издаются первые книги на абхазском языке; появляются местные учителя. Это дает свои положительные результаты; и уже следующее поколение отметится тем, что продолжит прерванную после гибели С. Т. Званбы публицистическую деятельность, печатая свои материалы об Абхазии на страницах русской периодики.

Отмечая недостатки в общественно-политическом устройстве абхазского общества, Дубровин придерживается объективной точки зрения. При этом ссылается на многие примеры, свидетельствующие и о достаточно развитой политической культуре абхазов. Анализируя отношение народа к преступности, автор выделяет три категории: «По понятию абхазца, к высшей категории уголовных преступлений принадлежало семь видов преступлений: святотатство, богохульство, отцеубийство, братоубийство, посягательство на жизнь владетеля и членов его дома, измена отечеству и кровосмешение. Вторую категорию составлял только один вид преступления: посягательство крестьян на жизнь своих владельцев. Они наказывались истреблением без всякого суда всего виновного рода. К третьему виду уголовных преступлений причислялись четыре вида: убийство, публичное оскор-

---

[117] *Дубровин Н. Ф.* Закавказье от 1803–1806 года. СПб.: Тип. департамента уделов, 1866. С. 59.

бление и бесчестие женщины, похищение чужой жены или невесты, развод без согласия обеих сторон или родных»[118].

В приведенном списке только вердикт второй группы, с точки зрения правосудия, можно признать антигуманным. Однако следует напомнить, что виды наказания, выглядящие сегодня дикарством, известны и в истории развитых стран. Так, австралийский исследователь Дж. Бретуэйт приводит пример того, как «в Англии от практики выжигания клейма на щеке преступника отказались в XVIII веке», т. е. только в эпоху Просвещения.

В основе же приводимых Дубровиным остальных видов, считавшихся в абхазском обществе преступлением, лежат этические категории, относящиеся к основополагающим человеческим ценностям. Весь ход истории наглядно показывает и доказывает обратную пропорциональность таких нравственных качеств, как мораль и совесть, научно-техническому развитию, являющемуся следствием просвещения, грамотности и образованию. Развитие и прогресс несут не только приобретения, но и утраты морально-нравственных устоев. Гармоничное сочетание этих процессов можно выявить лишь в отдельных случаях, на уровне индивидуальностей. В отношении же человеческих сообществ, начиная от мелких корпоративных и заканчивая крупными национальными и государственными, их гармоничное сосуществование весьма условно и относительно. Поэтому ярлык «дикарей», прикрепленный отдельными русскими авторами к горцам, объективно не имеет под собой почвы. Он скорее относится к культурной отсталости населения, что не свидетельствует о низком уровне его нравственного развития. Однако далеко не все русские авторы занимали подобную позицию; были и те, кто в традициях и укладе жизни горцев видел проявления высоких нравственных качеств и культуры.

Завершая обзор исследования Н. Ф. Дубровина, посвященного Абхазии, отметим, что его текст снабжен многочисленными отсылками к работам предшественников. Им цитируются статьи 13 авторов (чаще И. И. Аверкиева, С. Т. Званбая, Ф. Ф. Торнау, В. И. Савинова, С. И. Пушкарева); имеются также указания на многие статьи, опубликованные в периодических изданиях «Кавказ», «Иллюстративная газета», «Русский вестник», «Пантеон», «Ласточка» и «Сборнике сведений о Кавказских горцах». В своем повествовании автор нередко ограничивается выражениями: «пишет путешественник», «говорит очевидец» или просто закавыченным текстом, а то и вовсе без кавычек, не указывая источник. Все это дало основание М. О. Косвену, в целом очень высоко

[118] Там же. С. 77.

оценившему труд Дубровина («выдающееся событие данного десятилетия»), все же справедливо заметить относительно этнографической его части, что «описания эти имеют компилятивный характер и основаны на литературных и частично архивных источниках»[119].

Н. Ф. Дубровин ставил перед собой задачу создания обобщающей истории народов Кавказа; при этом он обращался к максимально широкому кругу источников, что явилось, к моменту выхода книги в свет, показателем безусловной зрелости российского кавказоведения. Обильное цитирование предшественников, введение в оборот часто противоречивых сведений, не всегда досконально проанализированных, существенно осложняли задачу, поставленную автором, и создавали труднопреодолимые проблемы. В целом же, труд Дубровина оснащен богатым фактическим материалом, отражающим различные стороны абхазской действительности того времени. Это в определенной мере сглаживает предвзятое отношение автора к абхазам.

* * *

В 1866 г. была опубликована работа С. В. Максимова «Русские горы и кавказские горцы», второе издание которой предприняли в 1873 г. В ней имеется краткая глава «Абхазцы или Азра».

Автор книги — известный, весьма популярный и плодовитый писатель-этнограф Сергей Васильевич Максимов (1831–1901). В основе этнографического направления его творчества лежали многочисленные путешествия, которые он совершал в течение всей своей жизни по различным регионам Российской империи. Исследователь творческого наследия Максимова М. И. Щербакова сообщает о писателе следующие данные: «Популярность Максимова при жизни была прочной и стабильной. Алфавитный указатель статей, вышедших в 1908–1917 гг., в 20-томном собрание сочинений Максимова, насчитывает 552 названия; но и это далеко не все литературное наследие писателя. В отечественной периодике — 37 журналах и газетах вышло 342 его публикации, в русских

[119] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.; Л: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 269.

издательствах — 84 отдельных издания и переиздания книг, в том числе: «Год на Севере», «Лесная глушь», «На Востоке», «Край крещеного света», «Сибирь и каторга», «Куль хлеба и его похождения», «Бродячая Русь Христа-ради», «Крылатые слова», «Нечистая сила»[120]. То проникновение и понимание, которое обнаруживает Максимов при описании провинциальной жизни разных уголков России, не проявлены в его очерках, посвященных кавказским народам. В частности, в небольшом тексте об абхазах не сказано ничего позитивного. Это было замечено этнографами-кавказоведами, которые критически отнеслись к этому сочинению. Один из ведущих советских этнографов М. О. Косвен охарактеризовал кавказские материалы Максимова как «примитивные и наивные»[121].

В 1874 г. вышла в свет в качестве учебного пособия книга «Этнографические очерки России», составителем которой был М. С. Мостовский (1838–?).

Михаил Степанович Мостовский — педагог, географ, театральный деятель. В 1862 г. окончил Московский университет. Работал преподавателем географии, затем поступил на чиновничью службу, был главой артистического кружка, занимал должность правителя канцелярии Московского генерал-губернатора, состоял правителем канцелярии по строительству храма Христа Спасителя. Автор многочисленных публикаций, в числе которых: «Учебник географии России с картой Европейской России», переиздававшийся пять раз, «Приготовительный курс всеобщей и русской географии», «Учебный курс всеобщей географии Европы», «Храм Христа Спасителя в Москве», «История храма Христа Спасителя в Москве», «Добрый друг. Книга для народного чтения» и др.

В «Этнографические очерки России» вошли сведения о проживавших на территории Российской империи народах, классифицированных автором по этническим признакам родства — семьям и региону проживания. Автор обозначил такие семьи, как славянская, татарская, литовская, финская; в географическом распределении представлены народы Кавказа, Сибири и Туркестана. Есть отдельные очерки о молдаванах, евреях, цыганах и таджиках. Всего в книге дана этнографическая характеристика 47 народов. Классификация

---

[120] *Щербакова М. И.* С. В. Максимов и его книги // С. В. Максимов. Очерки о белорусской земле. М.: «ИНДРИК», 2018. С. 315.

[121] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке: в 3 ч. // Кавказский этнографический сборник. М.; Л: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 242.

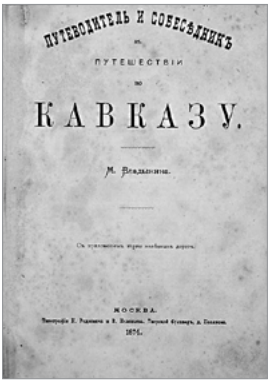
автора не всегда верна, например, в том случае, когда калмыки отнесены к татарской семье, а родственный им бурятский народ оказался отдельно в числе сибирских народов. В своем предисловии М. С. Мостовский обосновывает необходимость подобного издания потребностью знакомства с образом жизни и состоянием народов, населяющих территорию Российской империи: «Нет ни одного государства на земном шаре, которое бы, подобно России, совмещало в себе такое множество народов, различных по образу жизни, языку и религии». Хотя автором упомянуто, что учебное пособие «есть только незначительная частица, извлечение из нашего труда», в котором поставлена задача «представить по возможности верное и подробное описание современного быта народов, обитающих в России», однако о существовании подобного обобщающего труда Мостовского данные не сохранились.

Абхазии в издании Мостовского отведено только две страницы. Ее территория указана автором между реками Ингур и Бзыбь, что свидетельствует о тенденции сужения границ Абхазии с западной стороны. По данным Мостовского, население составляет 145 тыс. В очерке мало положительных высказываний об абхазах. Все характеристики отрицательны; абхазы видятся автору «с диким, неприветливым выражением», «представляет собой образец беспечности, лени и неподвижности»[122]. Впрочем, подобными описаниями и характеристиками наделены представители и других народов, что больше свидетельствует о дилетантстве автора как этнографа. Трудно установить, какими источниками пользовался Мостовский, но ясно, что ему не были известны труды таких авторов, как Ф. А. Завадский, Е. П. Ковалевский, написанные в иной, научно выдержанной тональности. Приходится сожалеть о том, что у русского читателя формировалось превратное впечатление о малых и мало известных народах, входивших в состав Российской империи; подобные книги не только не способствовали их сближению, но наоборот — максимально препятствовали этому процессу, создавая труднопреодолимые проблемы.

В 1874 г. увидела свет объемная книга М. Н. Владыкина «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу». В ней описаны имевшиеся сухопутные и морские маршруты путешествий по Кавказу. По ним видно, что в это время еще не было сухопутной дороги в Абхазию

---

[122] Этнографическия очерки России. Составил М. Мостовский. (Учебное пособие). М.: В Университетской Типографии (Катков и К), 1874. С. 120.


ПУТЕВОДИТЕЛЬ И СОБЕСЕДНИКЪ
ВЪ
ПУТЕШЕСТВІИ
ПО
КАВКАЗУ.
М. Владыкинъ.
МОСКВА.

по побережью; единственным сообщением по суше оставалась дорога из Тифлиса. Владыкин подробно описывает этот путь и условия его преодоления: «Сухим путем до Сухума можно доехать следующим образом: из Кутаиса или из Орпири до Зугдиди (69 вер.) почтовая дорога; на остальных 134 верстах расположены посты (Соберийский, Окум, Бедийский, Моквский, Джерский[123], Николаевский), и сообщение производится верхом»[124]. Книга изобилует сведениями о населенных пунктах, о проживающих на этой территории народах, их численности, приводятся исторические свидетельства, указываются названия местностей и рек.

Абхазии в книге Владыкина уделено большое внимание. По всему видно, что автор сам побывал на абхазской земле: «Я предполагал <…> осмотреть Боржом и ехать из Поти в Одессу, а вышло так, что мне не удалось видеть Боржома, но зато я осмотрел Сухум, мыс Адлер и часть Черноморского берега от Адлера до Гагр»[125]. Об истории Абхазии Владыкин пишет мало; он ограничивается краткими справками об отдельных периодах. Обзор начинается с событий второй половины XVI в., с появления турок, построивших крепость Сухум-Кале. Лаконично сообщается об имевших место интригах во владетельском доме Шервашидзе, о том, как Келеш-Бей, став владетелем, подчинил себе абхазцев, о его непростых отношениях с Портой и его убийстве, совершенном, по мнению автора, «старшим сыном» Аслан-Беем. Далее говорится о вступлении Абхазии в 1810 г. под покровительство России. О роли России во внутренних делах Абхазии Владыкин пишет: «В 1810 году русские вытеснили турок из Абхазии и заняли Сухум. Владетель по-прежнему оставался полным властителем своего народа, и русское правительство заботилось только об уничтожении влияния турок на народ, обнаруживший, по примеру владетеля, склонность возвратиться к христианской вере, которую исповедовали его предки»[126].

---

[123] Правильно — Джгердский.

[124] *Владыкин М. Н.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М.: Тип. И. Родзевича и В. Исланьева, 1874. С. 464.

[125] Там же. С. 450–451.

[126] Там же. С. 466.

Останавливаясь на истории христианства в Абхазии и религиозном состоянии народа, Владыкин подробнее пишет о Пицундском храме, построенном во времена царствования Юстиниана. Пицунда, поясняет автор, была в этот период «блестящим пунктом Восточной Римской империи», а позже «важнейшей генуэзской колонией»[127]. Автор свидетельствует, что при его посещении Пицунды храм, как и множество других в Абхазии, превратился в развалины: «в 1830-х годах по стенам и на потолке видны были любопытные остатки фресок»[128]. Предположительно Владыкин имеет в виду сведения С. Сафонова, который, как упоминалось выше, писал о Пицундском храме и публиковал его изображение. Об отношении абхазов к религии Владыкин сообщает противоречивые сведения, во многом связанные с историей восстановления Пицундского храма. Повторяя наблюдения Дубровина, автор пишет, что «многочисленные развалины храмов, встречающиеся повсеместно в Абхазии, пользуются безотчетным уважением в народе, а монастырь в Пицунде почитается ими святыней»[129]. Ниже проводит противоположенную мысль, утверждая, что «вообще же абхазцы равнодушны в деле религии; они очень расчетливо взяли подходящее себе из христианства, магометанства и добавили это еще остатками язычества»[130]. Для обоснования этого тезиса, Владыкин ссылается на некие бывшие у него записки анонимного автора, который в 1867 г. «служил панихиду над могилой Кольяра и убитых с ним вместе его товарищей». Отметим, что в фамилии полковника допущена ошибка; правильно — Коньяр. Ее можно было бы принять за опечатку, если бы не многократные повторы фамилии в тесте. Эта, на первый взгляд, незначительная небрежность указывает на неглубокие знания автором предмета изучения и темы.

В то же время, нельзя не отметить и того, что автор уделил внимание тем реформам, которые были проведены в Абхазии русскими властями, а также их последствиям: отстранению и удалению владетельного князя Михаила Шервашидзе и вооруженному восстанию 1866 г. В отличие от газетных корреспонденций, пестривших словами «возмущение», «бунт», «беспокойство», «скопище народа», Владыкин сделал попытку показать причины восстания: «Все отзывы о Михаиле (по-абхазски — Хамит-Бей), последнем владетеле Абхазии, носившем звание генерал-адъютанта русской службы, рекомендуют его с очень

---

[127] Там же.

[128] Там же.

[129] Там же.

[130] Там же. С. 467.

хорошей стороны; но положение, в которое он был поставлен относительно русских властей, неминуемо должно было вести к неприятным столкновениям. Наше правительство, оставив за Михаилом управление страной, предоставило себе власть исполнительскую и тем как бы подчинило себя ему. Разумеется, долго это не могло продолжаться. Выход был один: присоединение Абхазии и удаление князя, что и было сделано. Михаил был поселен в Воронеж, где и умер в 1866 г. В этом же году случилось и последнее возмущение в Абхазии, во время которого были убиты в Соуксу начальствовавший тогда ген. Кольяр[131], начальник Бзыбского (Пицундского) округа капитан Измайлов, адъютант Суринович, чиновник Черепов…». Непосредственными причинами восстания автор называет «ложные слухи о готовившейся тогда эмансипации, пущенные в народ теми, кому реформа эта была невыгодна, частью же виновато было и высокомерное обращение ген. Кольяра с туземцами».

Отметим, что признания ошибочности реформ, практически отсутствуют в публикациях того времени. Они встречаются лишь в официальной переписке, донесениях, рапортах вышестоящего начальства и свидетельствуют о том, что высшие чины хорошо представляли истинные причины восстания. Это успешно проиллюстрировано в книге Г. А. Дзидзария «Восстание 1866 года в Абхазии». Исследователь представляет практически полную библиографическую базу, в составе которой и официальная переписка Кавказского наместника с военным министром и самим императором, в которой, например, говорится об «ошибках лиц, пострадавших в этой катастрофе»[132]. При этом историк склонен считать, что имевшее место в официальной переписке признание вины проводников реформ кроется в стремлении «собственной перестраховки, чтобы свалить на убитого полковника всю ответственность за события в Абхазии»[133]. Сам же Дзидзария главной причиной восстания полагает «недовольство населения», вызванное, «прежде всего, неудовлетворительной организацией этого нового управления»[134]. Организация же проведения реформ лежала на начальнике Сухумского военного округа Коньяре. Отрывочные сведения о нем противоречивы; в основном он характеризуется отрицательно, но есть и такие свидетельства, которые представляют его в положи-

---

[131] Воинское звание Коньяра — полковник, а не генерал.

[132] *Дзидзария Г. А.* Труды. Книга вторая. Сухуми: «Алашара», 1990. С. 28–29.

[133] Там же. С. 40.

[134] Там же. С. 20.

тельном освещении. Сохранился отзыв о Коньяре непосредственного участника событий, сына последнего владетельного князя Г.М. Шервашидзе, опубликовавшего спустя много лет свои воспоминания в газете «Закавказье». Отвечая на публикацию г-на Гарсеванова в этой же газете, автор, как «живой свидетель» восстания, так описывает кульминационный момент события, одновременно характеризуя и полковника Коньяра: «Коньяр был человек просвещенный и корректный, и, хотя он знал кое-что о злоупотреблениях подчиненных ему чиновников администрации, но в данном случае, при упорном и настойчивом требовании толпы, полковник считал своим долгом не уступать и поддержать этим престиж власти. Долго шел разговор с полковником Коньяром, но безуспешно. Наконец, собрание просило разрешить послать депутацию к Наместнику, дабы изложить свои нужды и узнать, на самом деле такова воля Царская, чтобы с нами творить все, что хотят и т. д.; полковник в этом тоже отказал. На наш взгляд, — продолжает автор, — этот последний отказ, со стороны полковника Коньяра был фатальной ошибкой. Всякий народ должен иметь доступ к какой-либо апелляционной инстанции. Давать же власть ближайшим чинам администрации, постановлять свое бесповоротное veto едва ли целесообразно и совместимо с шагами правительства, постольку желательно видеть своих подданных, спокойно выполняющих свой долг. Как бы то ни было, после пятичасовых, утомительных и возбужденных переговоров, не удалось сойтись; ни одна сторона не хотела уступать, и вспыхнул бунт»[135]. Независимо от того, какими источниками пользовался, из каких соображений исходил Владыкин при освещении данного вопроса, он, в отличие от публикаций в прессе, признавал, в том числе, и вину начальства.

В «Путеводителе и собеседнике в путешествии по Кавказу» имеются описания природы Абхазии, жилищ абхазов, коротко говорится о некоторых видах хозяйственной деятельности. В этой части книги автор не оригинален; текст представляет собой компиляцию более ранних работ, в частности, труда Дубровина.

Истории и современному состоянию Сухум-Кале Владыкин посвящает несколько страниц. Картина прошлого неприглядна. Внимания заслуживают некоторые приведенные свидетельства. Например, автор сообщает, что при турках «Сухум имел около 6 тыс. жителей», но после их ухода, «кроме гарнизона, в то время здесь нельзя было насчитать

---

[135] *Шервашидзе Г. М.* Так пишется история. (Письмо в редакцию) // Собр. соч.: в 2 т. Кутаиси, 2006. Т. I: Поэзия. Драматургия. Публицистика. С. 300.

и сотни жителей». При русских город долгое время оставался в запущенном состоянии: «Гарнизон составляли две пехотные роты и команда крепостной артиллерии. Солдаты имели болезненный вид несчастных жертв, обреченных на вечную лихорадку, от которой половина их ежегодно вымирала»[136]. Город, по словам автора, «состоял из базара, т. е. из двенадцати грязных духанов — кабаков». При описании Сухума 1830-х гг. Владыкин ссылается на работу Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера» (1864). Сравнивая картину прошлого со временем своего пребывания, путешественник констатирует определенное развитие: «В настоящее время Сухум, хотя и не может быть еще назван хорошим портовым городом, но нисколько уже не напоминает того положения, в котором он был в 1835 году. Город не велик и разбит на правильные четырехугольники широкими шассированными улицами с водосточными каналами по бокам; в хорошей воде тоже не чувствуется недостатка»[137].

Действительно, за несколько десятилетий изменился статус города, менялось и его название: в 1846 г. он стал торговым портом, через два года — в 1848 г. — получил статус портового города, а в 1866 г. изменилось его название; из Сухум-Кале город был переименован в Сухум. Достопримечательностью города Владыкин называет «городской Воронцовский сад», связывая его основание с именем «знаменитого главнокомандующего-хозяина»[138] — кн. М. С. Воронцова, наместника Кавказа в 1844–1854 гг. При Воронцове Сухум действительно получил определенную динамику развития, но своим происхождением Сухумский ботанический сад обязан ген. Н. Н. Раевскому, при непосредственном содействии которого в 1840 г. он был заложен. Первоначально он носил официальное название «Сухумский военно-ботанический сад».

Владыкин упоминает также о единственной городской гостинице «Тифлис», стоимость номеров в которой от 1,5 руб., а обедов — от 20 до 50 коп.; отмечает, что средством передвижения являются фаэтоны. Будущее Сухума автор связывает с развитием торговли. В частности, отмечает, что приличной статьей дохода является ловля дельфинов, производимая у берегов Абхазии. Относительно того, кто занимается этим промыслом, в книге имеются разночтения. С одной стороны, Владыкин пишет, что «абхазцы для ловли их выезжают в море на своих

---

[136] *Владыкин М. Н.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М.: Тип. И. Родзевича и В. Исланьева, 1874. С. 481.

[137] Там же. С. 482.

[138] Там же. С. 483.

каюках…»[139], а ниже утверждает, что «промыслом дельфинов занимаются исключительно турки и греки…»[140].

На борту судна, отплывшего от Сухумской гавани, состоялся разговор автора с его спутником о перспективах хозяйственного развития края и скорого его заселения. Слова собеседника показались слишком оптимистичными и далекими от реализации: «Я охотно верил этим рассказам, но только среди роскошной панорамы, которая рисовалась в моем воображении, как черные пятна являлись ненаселенность, отсутствие сообщений и проклятые лихорадки <…>, <его слова> меня нисколько не успокаивали»[141]. В распоряжении автора и его спутников не оказалось сведений о правилах заселения Черноморского побережья. Однако увиденное в Абхазии вызывало сомнение о целесообразности заселения края южными племенами, вместо «неспособных к южному хозяйству необразованных русских». Владыкин отвергает такое решение вопроса и даже осуждает его на том основании, что: «неизвестно, насколько грек и молдаван образованнее и способнее русского; только мы знаем, что в последнее время эти единоверные народы вовсе не обнаруживают к нам симпатии»[142].

В связи с пребыванием в Адлере, Владыкин обращается к описаниям этого местечка, заимствованным из сочинения странствовавшего в 1835 г. в этих местах «под видом черкеса» некоего Н. Т. Последний повествует о военных стычках русских с горцами, населявшими Аибгу и Псху. С тех пор перемены коснулись многого. Места, увиденные Владыкиным, вследствие изгнания жителей, большей частью остались пустынны, и лишь кое-где заселены новыми поселенцами — греками, молдаванами и русскими. Удручает картина запущенного края, где орудуют «шакалки и дикие кошки».

Владыкин передает трогательную историю встречи с садзским князем Гечи (Гечба) Решидом, которому было «дозволено выбрать 700 дес. земли в любом месте; он, разумеется, выбрал бы свое бывшее пепелище, но оно уже, к несчастью для него, занято»[143]. За девять лет отсутствия хозяина его родовое имение заросло; в нем спутники застали двух молдаван, «лениво рубивших колючку цалдами», а рядом «валялась и срубленная ими невзначай черешня». «Что вы делаете? — сказал Решид через переводчика, — ведь это не дикие деревья, все это

---

[139] Там же. С. 474.

[140] Там же. С.485.

[141] Там же. С. 485–486.

[142] Там же. С. 487.

[143] Там же. С. 498–499.

отличные сорта, и я их выписывал из Турции...». «Лучше бы я не видел того, что увидел», — были слова князя Гечи Рашида на прощание[144]. «Сильное впечатление производил князь Решид на всякого, кто знал его предыдущую историю, — отметил Владыкин. — Перенесенные им несчастья ярко отражались на всей его благородной, несколько согнувшей фигуре; глаза были большей частью опущены, а сквозь черты мужественного лица, помимо воли, пробивалось постоянно гнетущее горе. Он не мог не возбуждать во всяком самого искреннего участия»[145]. Столь же лестно автор отзывается и о членах семьи князя.

Вопрос об устройстве Сухумского морского порта стал предметом дискуссии, отраженной в работе Д. Ф. Жаринцова. Первоначально доклад автора «Поти или Сухум?» был зачитан в Кавказском отделении Русского Технического общества 7-го декабря 1874 года и в том же году издан отдельной брошюрой. Автор предлагает сравнительный анализ проектов сооружения портов и путей сообщения между отдельными населенными пунктами, полемизируя при этом с теми, кто отстаивает необходимость порта в Сухуме. Углубляясь в историю, вспоминая времена античной колонизации, и завершая свои рассуждения примерами того, как в Поти «под покровительством России, через восемнадцать веков, возобновился торговый путь, описанный Страбоном», Жаринцов отстаивает преимущества Поти перед Сухумом; в качестве аргументов экономической целесообразности приводит расчеты и цифры. По утверждению Жаринцова, «Сухумский порт отзовется тяжело на земледелие Карталинии, продукты которой и без того принуждены выносить высокий тариф Поти-Тифлисской дороги». Что касается Сухума и Сухумского округа, то этот «ничтожный клочок земли», по его мнению, не стоит даже развивать. Относительно устройства порта, он заявляет: «Можно доказывать неудовлетворительность проекта, но нельзя утверждать, что Потийский порт можно заменить Сухумским без огромного вреда для торговли и будущего развития Закавказья». Еще одну причину решения в пользу Поти Жаринцов видит в существующем сухопутном транспортном сообщении: «Если вместо Поти изберем для порта Сухум, как это многие предполагают, то получим совершенно иные условия для торговли и развития страны. Для железной дороги от станции Ново-Сенаки до Сухума не меньше 130 верст, следовательно, при постройке порта в Сухуме, все товары отпускной и привозной торговли Закавказья, должны будут идти лишних 100 верст по железной дороге». Как известно, вопрос о строительстве железно-

---

[144] Там же.

[145] Там же. С. 496–497.

дорожного сообщения будет успешно решен значительно позднее, что будет способствовать экономическому развитию края. Но для этого надо было преодолеть сопротивление сторонников иной концепции, которую поддерживал и Жаринцов.

Автор еще одного сочинения о Кавказе, где есть упоминания об Абхазии, — популярная в свое время писательница и беллетрист Вера Петровна Желиховская (1835–1896), дочь писательницы Е. А. Ган и сестра известного религиозного философа Е. П. Блаватской. Печататься начала с конца 1870-х гг. Она некоторое время проживала на Кавказе, которому посвятила свои произведения «Кавказский легион» (1887), «Князь Илико», «В татарском захолустье» (1888), «В осетинских горах» (1894), «Кавказские рассказы» (1895).

Книга Желиховской «Кавказ и Закавказье» вышла в 1885 г. В нее вошли общий очерк Кавказского края, главы, посвященные Грузии и грузинам, жителям кавказского края (армянам, татарам и горцам, казакам). Об Абхазии и абхазах — всего несколько абзацев. Сообщается, что в Абхазии имеются табачные посевы. Главной бедой Абхазии автор называет отсутствие дорог. Касается последствий русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда большая часть абхазского народа вынуждена была покинуть родину: «Город Сухум-Кале, на Абхазском берегу моря, сильно потерпел во время последней турецкой войны, и окрестности его обезлюдели после переселения абхазцев в Турцию. Хотя они оттуда вернулись на следующий год, но большая половина несчастных перемерла от холоду и голоду, — так негостеприимно приняли единоверцы их, турки»[146]. Учитывая, что от популярного издания трудно было требовать серьезного анализа событий, отметим сочувственный тон автора по отношению к ним. В целом, работа показывает, как тяжело и медленно протекал процесс культурного развития Кавказского края.

В 1894 г. А. Н. Молчанов издал объемную книгу «По России», в которой давались описания современного состояния жителей многих регионов (губерний, краев, городов), Европейской части Российской империи.

---

[146] *Желиховская В.* П. Кавказ и Закавказье. СПб.: Типография д-ра М. А. Хана, 1885. С. 19.

Александр Николаевич Молчанов (1847–?), из дворян Казанской губернии, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1870-х гг. работал корреспондентом газеты «Новое Время»; с 1894 г. принимал ближайшее участие в издании газеты «Санкт-Петербург»; в «Историческом Вестнике» публиковал статьи на политические темы; был автором книг: «Путевые письма, повести, рассказы, наброски» (1878), «Между миром и конгрессом» (1878), «Письма из Новороссийского края» (1885), «Царство рулетки» и др. В биографической справке о нем, помещенной в Википедии, сказано: «В 1880-х годах стал известен в качестве бойкого, но не всегда точного корреспондента»[147]. Судя по проведенному нами анализу работы Молчанова, такая характеристика дана не случайно.

Одна из глав книги Молчанова «По России» — «На Кавказе» — состоит из разделов: «В Черноморском округе», «Сухум», «В Сухумской области», «Батум», «В Батумской области». Непосредственно относящийся к Абхазии материал помещен в разделах, посвященных Сухуму и Сухумскому округу; отдельные сведения встречаются и в других главах.

Касаясь заселения абхазских земель, Молчанов выступает защитником интересов русских переселенцев, подчеркивает тяжелые условия их жизни и доказывая плохую организацию самого процесса. Автор убежден в том, что только хорошо организованное переселение русского населения в Закавказье придаст импульс его развитию. В сложившейся ситуации автор скептически относится к переселению в Абхазию инородцев: «Из великого, еще не исчисленного количества земель, только 24 000 десятин отведено для переселенцев; наибольшее число таковых — оборванцы из Турции породы армян и греков, а русским досталась пока одна крохотка сухумской землицы»[148]. В результате такой недальновидной политики Кавказ сделался не русским, а «грузинским, армянским, абхазским»[149]. С точки зрения исторической

---

[147] URL: wikipedia.org/wiki/ Молчанов А. Н. (дата обращения 15.09.2020).

[148] *Молчанов А. Н.* По России. СПб.: Издание Картографическаго заседания А. Ильина, 1884. С. 402.

[149] Там же.

действительности, подобное утверждение имело основание. К тому времени влияние грузинской и армянской элиты на принимаемые решения различных политических, экономических и культурных вопросов было значительным. Но этого нельзя сказать об абхазской элите и о народе, часть которого, остававшаяся после последней русско-турецкой войны на родине, была объявлена «виновным населением» и лишена многих гражданских прав, в том числе права проживания в городах и приморской полосе. Таким образом, не приходилось говорить не только о каком-то «абхазском Кавказе», но и даже об «абхазской Абхазии».

Рекомендации Молчанова по улучшению обустройства русских переселенцев столь радикальны, что они не могли не только способствовать решению вопроса, а скорее усугубили бы и без того напряженную политическую обстановку. В частности он пишет: «Отчего бы не заставить местное население, довольствующееся одной кукурузиной в день, коснеющее в тунеядстве, балующееся разбоем и не боящееся никаких лихорадок, не заставить его приготовить местечко для русского мужика, очистив лес, прорыв канавки и построив дом? Такая натуральная повинность была бы вполне справедливою, ибо русский мужик несет на себе в России массу повинностей, а кавказский туземец — ровно никаких: ни дорожных, ибо дорог нет, ни рекрутских, ни обывательских»[150]. Возражать тому, что русский мужик нес массу повинностей не приходится, но немало повинностей несло и коренное население, которое автор шаблонно именует «туземным». Оно было обложено увеличенной податью, вместо прохождения воинской повинности должно было выплачивать дополнительный денежный налог.

Еще один вопрос, рассмотренный Молчановым, — образование в Абхазии. Он пишет: «Абхазцы не имеют ни собственной грамоты, ни письменности, ни определенной религии. Они даже шапок еще не научились носить. Но школы есть, население учится охотно, есть миссионеры и церкви, содержимые на русские деньги. Отчего же я встречаю здесь так редко знающих по-русски. Вот тут-то и открывается ларчик кавказской логики. Оказывается, что абхазцам сочинили азбуку только не из русских букв, а из грузинских; что их учат не русскому языку, а грузинскому, столь же непонятному для них и далекому, как и русский, французский или английский, что им служат в церквах обедни, вечерни только не по-абхазски, не по-русски, а на грузинском языке; что у них все учителя, все священники — грузины, что и благочинный, и епископ над ними — тоже грузины. Не подумайте, что это случай-

[150] Там же. С. 406.

ность, одна из комических пьес, нечаянно выползшая из-под игривой руки какого-нибудь бюрократа. Нет, это система обдуманная и прямолинейная. Не одни абхазцы грузинируются; бедных осетин также учат не русскому, а грузинскому языку. Русский переселенец, желающий учиться или молиться, тоже обязан знакомиться с великолепием грузинского наречия. Мало того, даже суды Кавказа завели повестки на грузинском языке и рассылают их не только абхазцам, но и русским. Так, мне передали здесь повестку по-грузински, адресованную черноморской казачке Авдотье Лысенковой…»[151]. Автор верно отражает наметившуюся тенденцию грузинизации абхазов и осетин, ведение церковных служб и занятий в учебных заведениях на грузинском языке, хотя в 1860-е гг. уже были созданы бароном П. К. Усларом абхазский алфавит и грамматика, выпущен в свет «Абхазский букварь», составленный комиссией под руководством И. А. Бартоломея. Функционировали также горские школы и несколько церковно-приходских школ, где обучение было на русском языке, и где преподавалась абхазская грамота. Безусловно, таких учебных заведений в 1880-х гг. было мало, и они не могли удовлетворить потребностей просвещения народа.

В Сухуме Молчанов познакомился с проживавшими в городе известными личностями. В книге есть рассказ о встрече с краеведом, натуралистом и археологом, автором многих статей об Абхазии В. И. Чернявским, с сотрудником журнала «Отечественные записки» Г. Н. Михайловским, который вместе с М. Е. Салтыковым-Щедриным был соредактором издания.

В 1894 г. в Тифлисе вышла книга «Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношениях». Ее автор — Герасим Антонович Рыбинский (1852–1920); родился в Смоленской губернии, учился в Московском техническом училище, которое не окончил. Из-за своих левых политических взглядов был преследуем властями. В разные годы проживал и работал в Риге, Варшаве, Париже. В 1881 г., ему было дозволено вернуться в Россию, но жить только в «местностях, объявленных на положении усиленной охраны»[152]. Жил в Перми, а затем на Кавказе под гласным надзором полиции. С начала 1890-х гг. и до конца жизни проживал в Абхазии. Печатался в газетах «Кавказ» и «Новое обозрение», приобрел известность как один из активных авторов, освещавших абхазскую тему. В частности, газета «Кавказ» публиковала серию его статей «Абхазские письма».

---

[151] Там же. С. 407.

[152] Абхазский биографический словарь/под ред. В. А. Авидзба. Москва; Сухум, АбИГИ, 2015. С. 587.

По инициативе Рыбинского в 1898 г. было организовано Сухумское общество сельского хозяйства, функционировавшее до 1922 г. Оно сыграло важную просветительскую роль в деле хозяйственного и культурного развития Абхазии; в разные годы издавало целую серию периодических изданий — журналов и газет, в которых наряду со статьями естественно-научного направления, публиковались и статьи, освещавшие различные стороны культурной жизни Абхазии. Авторами выступали представители зарождавшейся абхазской интеллигенции. Помимо учреждения сельскохозяйственного общества, Рыбинский в 1890-е гг. выступил с инициативой создания историко-археологического музея. Но не все его инициативы поддерживались властями.

В книге Рыбинского «Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношениях» обосновывается необходимость организации Сельскохозяйственного общества в Сухуме, помещены извлечения из мотивированного устава областного Общества сельских хозяйств И. Н. Клингена, дан перечень культурных растений, рекомендованных к распространению в сельском хозяйстве жителей Сухумского округа, составленный сенатором П. Е. Татариновым.

Создание Общества сельского хозяйства в Сухуме, по мнению автора, могло бы способствовать не только развитию этой отрасли, но и поднятию общего уровня жизни населения. Рыбинский выступает как защитник определенных этнических и социальных групп, предлагает формы улучшения их положения. Определяя задачи Общества сельского хозяйства, он пишет: «Устранение разъединенности между колонистами, сближение их между собой, а также сближение и примирение колонистов с абхазцами и мингрельцами, ради общих интересов их благосостояния, есть самая благородная и самая почтенная задача будущей деятельности сельскохозяйственного общества в Сухуме, тем более что оно только это и может сделать».

Книга Рыбинского снабжена сведениями об этническом составе и численности населения Абхазии, о ее климате, природных условиях, флоре и фауне, дается перечень хищников и паразитов, наносящих вред хозяйственным угодьям.

Коренное население региона — абхазов — Рыбинский не идеализирует и прямо называет многие пороки, «сковывающие их отзывчивость к сельско-хозяйственным новшествам», в том числе и к весьма распространенному скотокрадству. Но «за два года пребывания в Абхазии» автора и его внимательного изучения народа позволили ему понять ментальность, психологический склад, смысл соблюдаемых народных обычаев и традиций. Вдумчивый анализ дал автору право утверждать, что причины застойного состояния, в котором пребывал народ, во многом

были сокрыты в «почитаемых догматах нравственности». Такое заключение сделано Рыбинским на основе собственных наблюдений. Автор пишет: «Эти догматы и самобытный склад миросозерцания абхазцев делают их брезгливыми к торговле, к промышленности. Они считают за величайший стыд быть торгашом в лавке, а тем более содержать духаны, кабаки»; предметами торговли не становятся даже продукты собственного хозяйства: молоко, масло, сыр, яйца, куры и др. «И эти врожденные понятия настолько сильны среди них, что за 40 лет нашего влияния на склад их жизни, они примирились лишь с необходимостью продавать только кукурузу и фрукты, и то, не сами везут эти продукты на базар, а ждут, пока к ним не заявятся скупщики; хотя прекрасно понимают, что это самая невыгодная форма продажи. Их стыд появиться с возом продуктов, результатом их полевого труда, превосходит стыдливость наших бар. Впрочем, подкладка этого чувства совсем иная. Наш барин стыдится этого потому, что он барин, а американец, на своей родине, обладающий мозолистыми руками и богатством в сотню раз превосходящим достаток такого барина, относится к такому стыду с презрением, называет глупостью, но над стыдом абхазца призадумается, потому что в основе его стыда лежат нравственные принципы, присущие всем горцам, способные вызвать к ним невольные симпатии, хотя они и являются аномалией нынешнего века».

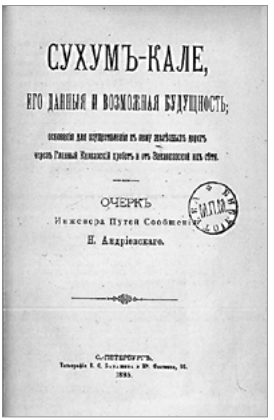
Таким образом, в том, что другими авторами квалифицировалось как тунеядство и природная лень и возводилось в степень национальной черты, Рыбинский увидел нравственный консерватизм, не позволявший абхазам заниматься определенными видами работы, даже если они были экономически выгодны. Неприемлемыми для абхазов, помимо торговли, были также батрачество и извозный промысел. В качестве примера Рыбинский приводит случай, когда абхазы отказались выполнить батрацкую, по их мнению, работу, — прокладку дороги на участке в 25 верст, — предложенную устроителем Черноморской шоссейной дороги на очень выгодных условиях.

Рыбинский также не находит объяснение тому, что «владельцы прекрасных и обширных земель в Сухумском округе, несмотря на свои действительные воинские и гражданские заслуги, ровно ничего не сделали для культурного подъема страны». И это при том, что налицо успешное ведение дел в отдельных помещичьих и крестьянских хозяйствах.

Сельскохозяйственное общество, о котором ратует Рыбинский, сможет, по его мнению, реализовать намеченную программу по ликвидации отсталости, проведению широкой просветительско-образовательной работы, по замене обработки земли «по способу своих пра-пра-дедушек» новыми технологиями. Он убежден, что в культур-

ном возрождении края наравне со всеми примут участие и абхазы: «Живя среди них, вы не можете не обратить внимания на недюжинные умственные и душевные силы этого народа, и только неустановившаяся жизнь их не дает развиться им заметным образом». Автор видит определенные позитивные результаты, которые уже дала работа учебных заведений.

Книгу Г. А. Рыбинского выгодно отличает то, что автор, характеризуя абхазов, отторгает пропагандистские штампы и стремится за внешними проявлениями национальных обычаев и традиций увидеть их мотивацию, целостную картину отношения к миру. Не случайно художник, князь А. К. Чачба (Шервашидзе) в своей записной книжке отметил: «Абхазы имеют друзей в лице покойного Альбова, Рыбинского и проф. Марра». Конечно, список авторов может быть продолжен, но оспорить перечисленных здесь — невозможно.


СУХУМЪ-КАЛЕ,
ЕГО ДАННЫЯ И ВОЗМОЖНАЯ БУДУЩНОСТЬ;
ОЧЕРКЪ
Инженера Путей Сообщения
Н. Андріевскаго.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Обсуждение вопроса о развитии Абхазии продолжила книга «Сухум-Кале, его данные и возможная будущность», изданная в Санкт-Петербурге в 1885 г. Ее автор — Николай Ефремович Андриевский. Сведений о нем сохранилось мало. Известно, что в 1880-х гг. Андриевский приобрел в Сухуме земельный участок, где в 1894 г. построил дачу, названную им «Диоскурия»[153]. Был разработчиком проектов прокладки перевального и побережного железнодорожных сообщений; с ними он и ознакомил читателей своей книги. В нее также вошли две рецензии, публиковавшиеся в «Новом Времени» и «Новом Обозрении».

О своем знакомстве с Абхазией автор пишет: «Путешествуя по Закавказью, я случайно наткнулся на чудный, но, к сожалению, забытый и изолированный от остального мира уголок — Сухум-Кале». Климат края, растительность и благоприятная бухта поразили его, и он решил написать работу, чтобы обратить внимание общественности на Сухум как на важный для России регион, на необходимость и целесообразность железнодорожного сообщения с ним. Предложения Андриевского были поддержаны рецензентами, в том числе генерал-майором Криницким.

---

[153] Абхазский биографический словарь /под ред. В. А. Авидзба. М.; Сухум: АбИГИ, 2015. С. 78.

Автор коротко познакомил читателей с историей Сухума: с эпохой, когда он был греческой колонией Диоскурией, как был разрушен «турками и абхазцами» в 1877 г. Когда же его увидел Андриевский, это был «лишь маленький, довольно чистенький и самый симпатичный городок Кавказско-Черноморского побережья». Но несмотря на все свои выгодные условия, сообщение Сухума с Закавказьем и Россией «поддерживается только пароходами». Считая его недостаточным, Андриевский сформулировал обоснование целесообразности проведения железной дороги через Сухум. Им перечислены аргументы разного свойства: климатические, метеорологические, географические, экономические, рекреационные, которые, по его словам, будут иметь «блестящие последствия» для всей России. Автор считает, что в будущем Сухум может стать лучшей зимне-весенне-осенней климатической станцией и центром сельскохозяйственной деятельности, важным коммерческим портом и т. д. В книге мало сведений о местном населении. Больше внимания уделено хозяйственной деятельности новых устроителей дач в Абхазии: сообщается о внедрении ими новых культурных насаждений, об оживлении разнообразных сторон жизни как самого города, так и округа в целом.

Андриевский предлагал провести не одну, а даже две железнодорожных ветки: по долинам Кубани, Теберды, Чхалты и Кодора, с разветвлением на Сухум и Ново-Сенаки, и второе — по Черноморскому побережью. Относительно предложенных Андриевским планов железнодорожного строительства, в Тифилисе в том же 1885 г. появился отклик в виде брошюры Б. Статковского, в которой все старания и доводы Андриевского были отнесены к «фантазии составителя очерка». Время показало, насколько дальновидным оказался в этой дискуссии Андриевский.

В 1897 г. были изданы в двух томах путевые заметки Василия Михайловича Сидорова (1843–1903) «По России. Путевые заметки и впечатления». Известный путешественник, автор популярных путеводителей по западным и южным землям Российской империи имел несомненную склонность и к литературному труду, писал поэтические и драматические произведения. Изъездив не только Россию, но и страны Европы, Сидоров оформил свои впечатления и наблюдения в весьма содержательный труд, второй том которого посвятил Кавказу. Абхазские впечатления и материалы составили одну из глав: «По берегам Черного моря. Сухум и его сады, Ново-Афонский монастырь. Новороссийск».

Сидоров прибыл в Абхазию морем, из Поти; как и многие другие путешественники был поражен красотой природы: «Абхазия — див-

ный по красоте уголок Кавказа, и ее долины, горы, тропическая растительность, черные бездны, падающие ручьи напоминают, если не превосходят», по мнению автора, Италию[154]. В Сухуме Сидоров познакомился со многими достопримечательностями и рекомендовал будущим путешественникам также посетить их. Это старинная крепость, «воздвигнутая турками на остатках генуэзской крепости», Воронцовский ботанический сад, который автор нашел «запущенным», но полным многочисленных насаждений. По дороге к Драндскому монастырю Сидоров видел «прославленный сад, бывший Введенского, купленный Великим князем Александром Михайловичем».

Рассказу о Ново-Афонском монастыре отведено в книге Сидорова несколько страниц. Автор подробно описывает уклад монастырской жизни и хозяйство обители, собор св. Пантелеймона, храм апостола Симона Кананита, церковь святителя Николая, водопад и другие достопримечательности. Со слов сопровождавшего его монаха передает историю строительства монастыря, разрушения турками во время русско-турецкой войны. По словам монаха, «абхазцы все поголовно восстали и соединились с прибывшими турками»[155]. Тогда вся братия вынуждена была перебраться в Кутаисский Гелатский монастырь и вернулась обратно в 1879 г. 3 февраля 1979 г. состоялось освящение церкви, и братия приступили к восстановлению гостиницы для приезжающих. Заведующий монастырской гостиницей отец Евстихий, сообщил Сидорову, что «братии здесь 50 человек, да около 100 послушников, а гостей к нам наезжает до 4-х тысяч в год»[156]. При Ново-Афонском монастыре Сидоров видел «школу для абхазских мальчиков, в которой 20 мальчиков-сирот получают религиозно-нравственное воспитание и привычку к труду»[157]. Обитель сама удовлетворяет свои потребности в овощах, фруктах и рыбе, для чего имеется налаженное подсобное хозяйство и пасека; также устроены свечной завод, кузница, портняжная и сапожная мастерские.

Около Трахейского замка (Анакопийская крепость) Сидоров на одной из гробниц в маленькой церковке видел надпись на греческом языке, которую зафиксировал в своей книге: «Любовно просим вас,

---

[154] *Сидоров В.* По России. 2. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. Практическия сведения для туриста. СПб.: Типография М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1897. С. 607.

[155] Там же. С. 613.

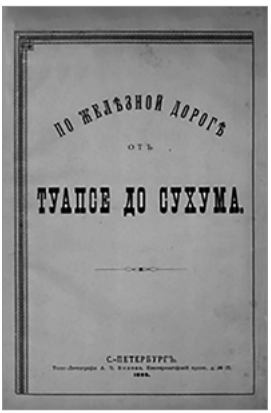
[156] Там же. С. 620.

[157] Там же. С. 618.

посмотрите вы на нас. Мы были как вы, и вы будете, как мы»[158]. Также автор посетил Пицунду, где осмотрел собор, восстановленный в 1869 г.; и дал его описание.

В своем путевом дневнике Сидоров часто упоминает некоего Туманова, сопровождавшего его в путешествии по Абхазии и оставшегося там, ибо, как следует из текста, при прощании «оба не могли удержать слез». Известны проживавшие в Тифлисе публицисты — братья Г. М. и К. М. Тумановы; а также Георгий Давидович Туманов (Ахан-ипа), уроженец Абхазии, окончивший Ново-Афонскую церковно-приходскую школу, затем служивший настоятелем в различных приходах. Можно предположить, что именно последний и был спутником Сидорова во время его путешествия по Абхазии.

Завершают книгу Сидорова «По России. Путевые заметки и впечатления» справочные сведения о местах, в которых побывал автор. В частности, сообщено, что в Сухуме проживало 2523 жителя, имелись две гостиницы «Центральная» и «Франция», указаны расценки проживания в гостиницах и поездок в Дранду, Новый Афон и близлежащие места. Перечислены имевшиеся в Сухуме сады: Воронцовский Ботанический сад, Садик на набережной, плантации Ноева, Великого Князя Александра Михайловича (быв. Введенского) и бульвары. Размещены краткие сведения о Новом Афоне, Пицунде, Гудауте и Гагре с указанием ведущих к ним дорог.


По желѣзной дорогѣ
отъ
ТУАПСЕ ДО СУХУМА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

На исходе XIX столетия тема строительства железной дороги через территорию Абхазии вновь становится актуальной. Раздаются конкретные предложения по реализации этой идеи. Один из примеров — книга Рафаила Карловича фон Гартмана «По железной дороге от Туапсе до Сухума», изданная в Санкт-Петербурге в 1899 г.

Р. К. фон Гартман (1839–1902) — русский инженер и предприниматель. С 1870 г. жил в Санкт-Петербурге, где занимал должность управляющего таможни. Затем занимался организацией перевозки пассажиров железнодорожным транспортом. Был учредителем общества Сибирских железных дорог. По поручению Министерства финансов в 1897–1898 гг., в качестве руководителя экспедиции, провел исследование побережья Черного

[158] Там же. С. 619.

моря и Сухумского округа с целью выяснения целесообразности постройки железной дороги между Новороссийском и Сухумом. Имел большое имение на берегу Черного моря, между Туапсе и Сочи[159], предположительно в Аше.

В книге «По железной дороге от Туапсе до Сухума» отражены результаты экспедиции Гартмана по обследованию местности для планируемой железнодорожной ветки. Во введении, в виде исторической справки, сообщается о прошлом Абхазии, о древних городах, заложенных еще в античную эпоху: Диоскурии (Сухум), Питиусе (Пицунде). Отмечено, что по этой территории проходили проложенные греками пути в Индию и Персию. Характеризуя средневековый период, автор подчеркивает, что «абхазы перешли в христианство» и приводит пример построенного Императором Юстинианом в Пицунде храма во имя Божьей Матери. «Уже в XI в., в царствование Абхазского царя Давида-Завоевателя весь берег был покрыт цветущими городами и монастырями, а прилегающие к нему горы укрепленными замками и церквами».

Отмечен также период истории, когда существовал Абхазский католикосат; названы имена нескольких католикосов. Автор справедливо пишет о том, что экспансия Турции привела регион к упадку. Однако следует заметить, что культурный упадок наметился еще в генуэзский период. В российском периоде автор сгущает краски, допуская, например, такой пассаж: «Во время Крымской войны, отрезавшей доступ к краю со стороны моря, Черноморское побережье было окончательно предоставлено на произвол судьбы и во власть разбойничьих племен, начавших на нем хозяйничать по-своему. Черкесы, грузины, абхазцы, мингрельцы и другие заполонили леса и горные ущелья, грабили и разрушали те остатки прежней культуры, которые еще уцелели. Плодородная почва, хотя и необработанная, доставляла им растительную пищу, а обилие крупной дичи — мясную». Подобные рассуждения свидетельствуют о незнании края и населявших его народов. Недостаток сведений об Абхазии проявился и в неприязненном отношении автора книги к коренному населению. «Я лично вполне убежден, — пишет Гартман, — что, пока они будут не совсем выселены, хорошие отношения между землевладельцами и рабочими не установятся».

Рекомендации Гартмана по поводу того, что необходимо для превращения края в «жемчуг российской короны», сводятся к идее прокладки железнодорожного сообщения по берегу Черного моря. Высо-

---

[159] URL: wikipedia. org./wiki/ Гартман, Рафаил Карлович (дата обращения 17.09.2020).

кую оценку получают результаты деятельности Н. С. Абазы — председателя Особой комиссии для разработки законопроектов по колонизации и оживлению Черноморского побережья. Автор включает в свою книгу подробное обоснование несомненного промышленного и коммерческого успеха от прокладки железной дороги. Во-первых, представлены топографические сведения о Черноморском побережье, полученные экспедицией Гартмана в апреле и мае 1898 г., подтверждающие преимущества прокладки линии рельсового пути Екатеринодар — Туапсе — Сочи — Сухум — Ново-Сенаки. Здесь же размещен текст Протокола заседания по вопросу о целесообразности применения электрической тяги на проектируемой Черноморской железной дороге; заседание проходило в присутствии Р. К. Гартмана, полковника П. Е. Губера, инженеров Р. Абта, Смалленбурга и Е. Биттерли.

Описанию экспедиции Гартмана посвящен самостоятельный раздел книги. Места пролегания будущей дороги обозревались как с моря, так и на суше. Сведений об абхазском населении здесь мало; в основном речь идет о природных условиях и некоторых памятниках старины, которые участники экспедиции встретили на своем пути. Упоминается, что отдельный участок будущей линии железной дороги Абхазии Гартман прошел пешком «со своим проводником, местным уроженцем, черноглазым абхазцем Кириллом».

Новые впечатления автора касаются Пицунды и ее древнего храма, резиденции бывшего владетеля Абхазии князя М. Шервашидзе, Ново-Афонского монастыря, посещаемого «туземцами и местными жителями, прибывающими сюда большими массами, особенно в праздники, как для молитвы в храме, так и ради развлечения». В день посещения Гартманом Нового-Афона наплыв туземцев был значительным: «Народ этот показался очень симпатичным, но поговорить с ним я не мог, не зная языка, а из них никто не говорил по-русски. От этих богомольцев, которых монахи два дня кормят даром, монастырь получает дешевую рабочую силу, так как богомольцы охотно работают в течение недели и более за одни харчи». Гартмана восхищает энергичная деятельность архимандрита Иерона, который «в Новом Афоне — все»; он построил прекрасную мельницу с искусственным водопадом, большой кирпичный завод, пристань. Такое стремительное развитие Нового Афона автор рассматривает как «живое доказательство того, что можно в короткое время сделать на Черноморском побережье с энергией и знанием». Если будут проявлены подобные качества при постройке железной дороги, то, как считает автор, результат будет столь же блестящим. В заключение Гартман выразил надежду, что проект прокладки железнодорожной ветки не останется на бумаге и будет

реализован. Он мечтательно заявляет: «Прибыв, наконец, в Сухум, я был почти уверен, что совершил путешествие по железной дороге»[160]. Однако, как известно, Российской империи не суждено было реализовать этот важный проект. Железная дорога была построена значительно позднее.

* * *

Многие русские авторы проявляли интерес к древним христианским памятникам, расположенным на территории Абхазии, — храмам, соборам, церквям, монастырям, — обращая внимание на историческое значение этих памятников и их современное состояние. Как правило, большинство христианских святынь находилось в руинированном и заброшенном виде.

ДРЕВНЕЙШІЙ
ПИЦУНДСКІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
ХРАМЪ
НА ВОСТОЧНОМЪ БЕРЕГУ
ЧЕРНАГО МОРЯ.
Н. Мурзакевича.
ОДЕССА.

Во второй половине XIX в. начали выходить в свет отдельные книжные издания, напрямую посвященные памятникам христианской архитектуры Абхазии. Первым таким изданием стала брошюра Н. Н. Мурзакевича «Древнейший Пицундский православный храм на Восточном берегу Черного моря».

Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883) — русский историк и археолог. Родился в семье священника, воспитывался в Смоленской духовной Семинарии и Московском университете по нравственно-политическому отделению; впоследствии стал профессором русской истории в Решельском лицее, позже — надзирателем того же лицея. В своих поездках по Южной России занимался изучением ее истории, археологией и этнографией; производил раскопки, много работал в архивах. Мурзакевич известен как основатель, секретарь, вице-президент Одесского общества истории и древностей, член Общества сельского хозяйства Южной России. Он принимал участие в работе над «Новороссийским календарем» (1839–1841) и «Одесским Альманахом», сотрудничал в газете «Одесский вестник». Печатался в «Журнале Министерства народного просвещения», «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей Российских», «Русском Историческом сборнике», «Русском Архиве», «Известиях Императорской Академии наук» и др.

---

[160] *Гартман Р. К.* По железной дороге от Туапсе до Сухума. СПб.: Типо-лит. А. Э. Винеке, 1899. С. 46.

Перу Мурзакевича принадлежат такие труды, как «Перевод Аррианова Перипла Понта Евксинского, с коммент. и приложением, "Географической карты древних элиннских поселений при бер. Черного и Азовского морей"» (1836), «История генуэзских колоний в Крыму» (1837). Отличаясь широкими познаниями и компетентностью по части древней истории, в работе «Древнейший Пицундский православный храм на Восточном берегу Черного моря» автор часто обращается к первоисточникам, цитирует их на языке оригинала, в том числе и на древнегреческом, передает существовавшие уже в древнейшие времена сведения о «горных жителях», населявших окрестности Питиуса, древнеабхазских племенах «иниохах и абасхах (ныне абхазы)»[161]. Мурзакевич верно раскрывает этимологию топонима Пицунда как соснового рассадника; подробно излагает историю Пицундского храма: от времен его основания «знаменитым законодателем славянином» Византийским императором Юстинианом до современности. Отмечает: «Новосозданный Питиунтский храм, подобно Константинопольскому, был посвящен св. Софии, т. е. Премудрости Божией, и такое наречение он сохранил до XVI в., как о том свидетельствуют Черноморские карты именно: Безъименного 1351, Каталанская 1375, Паскалии 1408, Бианко 1436, Бенинказы 1480, Фредуче 1497 и Майолло 1519-х годов».

О состоянии Пицундского храма в XIX в. сохранились свидетельства Дюбуа де Монпере, С. В. Сафонова и Н.М.; их приводит в своей книге Мурзакевич, упоминая при этом и о снимках внутренних помещений храма, сделанных академиком Чернецовым, участником экспедиции 1836 г. на корвете «Ифигения». Восстановление храма предпринималось в разные годы, о чем свидетельствуют собранные Мурзакевичем документы и официальная переписка. Старания Наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича привели «долгожданное святое дело к желанному концу». Торжественное освещение храма с наречением в честь и память Успения Пресвятой Богородицы было совершено 27 сентября 1869 г. епископом Имеретинским и Абхазским Гавриилом. О современной жизни Пицундского храма Мурзакевич пишет: «Литургия совершается на русском языке, и если абхазы приходят в церковь, то настоятель, или сам, или через иеромонаха, не оставляет ни одного посещения их без назидательных поучений или бесед, в число которых входят объяснения Литургии и других служб»[162]. Книга

---

[161] *Мурзакевич Н. Н.* Древнейший Пицундский православный храм на Восточном берегу Черного моря. Одесса, 1877. С. 6.

[162] Там же. С. 27.

Мурзакевича представляет ценность особенно в своей исторической части, детально передающей историю Пицундского храма и основанной на многих редких источниках.

В 1885 г. в Москве была издана небольшая книжка «Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре». Имя автора не обозначено на обложке, но присутствует в конце текста: «Паломник М. Сизиков». Биографические сведения об авторе выявить пока не удалось.

Путешествие М. Сизикова было предпринято осенью 1883 г. О причинах, подтолкнувших его в дорогу, автор пишет: «Мы мало знаем свое обширное отечество, особенно окраины, как например — Кавказ». Посвящая основную часть книги Ново-Афонскому монастырю, Сизиков называет его создание рядом с Анакопией «лет восемь тому назад» «многозначащей для жизни Кавказа светлою точкой». Читатель получает сведения о монастырских постройках, окрестностях обители, в частности, об Афонской горе, «где, по преданию абхазцев, была пещера св. Апостола Симона Кананита»[163]; о существующей при монастыре школе для 20 абхазских мальчиков-сирот. Расцвет Ново-Афонского монастыря, свидетелем которого был Сизиков, тем более поразителен, если вспомнить о его недавнем разрушении турками во время войны 1877–1878 гг. Героическим трудом настоятелей Арсения и Иеронима, братии монастыря обитель была восстановлена и продолжила свое благотворное воздействие на край и паству.

Отношение абхазов к деятельности монастыря Сизиков описывает так: «Абхазцы, на первых порах, недружелюбно относившиеся к монастырю, потому что не имели никакого понятия о полезных удобствах и средствах жизни, засевая немного кукурузы и живя в своих крайне жалких саклях, ничем боле не занимались, имели большую наклонность к воровству, а к труду, особенно по найму, относились с презрением и считали это за стыд. Теперь же, видя большую пользу деятельности иноков, сами просят работы, к которой их и приучают, и дают,

---

[163] *Сизиков М.* Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. М.: Тип. И. Ефимова, 1884. С. 5.

таким образом, им средства к существованию, особенно зимой»[164]. Наблюдения автора не демонстрируют глубокого понимания жизни абхазов, однако ситуативные внешние проявления их взаимодействия с монастырем переданы верно.

Изменившееся отношение абхазов к образованию произошло не без влияния братии Ново-Афонского монастыря. Сизиков пишет: «Прежде они гнушались русской грамотностью и боялись детей отдавать в школу; теперь же всегда есть много желающих поступить в школу, и многие неотступно просят о принятии их детей в школу, в каковом религиозном образовании абхазских мальчиков Ново-Афонский монастырь, при скудности своих средств, принимает всевозможные меры». Действительно, Ново-Афонский монастырь сыграл большую просветительскую роль в истории Абхазии, воспитав целую плеяду, внесшую значительный вклад в культуру и экономику региона.

В 1888 г. в Одессе вышла книга Г. Д. Ефимова «Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения Богоматери в Пицунде». По своему жанру это путевые записки.

По уже сложившейся традиции описания Абхазии, автор начинает исторический обзор с ранних веков распространения христианства, просвещения края апостолами Симоном Кананитом и Андреем Первозванным. Как и все писавшие об Абхазии, Ефимов восторгается природой края, ее «величественной красотой». Он находит Абхазию «роскошнейшей и богатейшей по богатству природы местностью величественного Кавказа», перечисляет наиболее крупные реки, о климате пишет, как об «умеренном и вполне здоровом», но отмечает, что прилегающая к морю часть является «жаркой и местами небезопасной для здоровья». Здесь же уделено внимание флоре и фауне Абхазии, перечислены виды диких животных, обитающих в ее лесах.

Об абхазах — «первобытных обитателях страны» — Ефимов сообщает следующие статистические данные: общая численность — 52 тыс. душ, из них 2 тыс. магометан, а остальные — христиане. Характеризуя религиозность абхазов, автор отмечает, что они «суеверны и так далеки от знания спасительного учения христианской веры, что по справедливости, должны быть причислены к идолопоклонникам. Происходит это от того, что их некому наставлять в истинах учения Христа». Многие авторы в религиозном состоянии абхазов отмечали отступление от христианских традиций. «Абхазцы всегда верили в единое верховное существо, одаренное всеми качествами, которыми,

[164] Там же. С. 10.

по нашим представлениям, одарен Бог». Все же остальные были покровителями отдельных явлений или объектов, выполнявшими роль посредника между Богом и людьми. Абхазам было присуще почтительное отношение к христианским святыням, они исполняли многие христианские обряды.

В описании истории Ново-Афонского монастыря и его современной жизни Ефимов сообщает мало новых сведений, за исключением отдельных эпизодов, свидетелем которых он оказался. Например, он передает живые рассказы абхазского дворянина С. С. Лакербая. Текст сочинения компилятивен. Автор пользуется различными текстами своих предшественников, подвергая их незначительной стилистической переработке. Примером может служить описание монастырских зданий: «Хотя и не могут быть отнесены в архитектурном отношении к разряду изящных, но в целом, — по удобству, опрятности и общей гармонии, — они представляют собой, особенно с моря, весьма живописную группу». Сравним с фрагментом из книги М. Сизикова о постройках Ново-Афонского монастыря: «Хотя по архитектуре не принадлежат к разряду изящных, но по удобству, опрятности и общей гармонии своей представляют из себя приятную панораму, особенно с моря». Подобные заимствования нередки в книге Ефимова.

В главе, посвященной Пицундскому храму, Ефимов последовательно изложил его историю с древнейших времен до конца XIX в., познакомил читателей с ходом восстановления из руинированного состояния, описал внешний и внутренний вид.

В приложении Ефимов дополнил свою книгу списком из 43 наименований монастырей, храмов, укреплений и других памятников древнехристианского благочестия в Абхазии.

УСПЕНСКО-ДРАНДСКІЙ
ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ
въ Абхазіи
НА КАВКАЗѢ, БЛИЗЪ Г. СУХУМА.
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ
Епископа Агаѳодора.
СТАВРОПОЛЬ.
1894.

В 1894 г. епископом Агафодором (Преображенским) была издана книга «Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии на Кавказе, близ Сухума». Два года (1891–1893) преосвященный был на Сухумской кафедре и за это краткое время смог внести неоценимый вклад в развитие края: учредил Сухумское епархиально-церковное братство во имя святого благоверного великого князя Александра Невского, открыл 22 школы, основал проделавшую большую просветительскую работу комиссию — для перевода на абхазский язык богослужебных книг. Деятельность этой комиссии увен-

чалась изданием многих книг на абхазском языке, в числе которых Евангелие. Епископ Агафодор регулярно объезжал епархию с миссионерскими целями, как результат — две тысячи абхазов приняли Православие, беднейшие церкви получили материальную поддержку. Учрежденная в 1892 г. епархиальная археологическая комиссия способствовала восстановлению в Каманах храма св. Василиска, в котором, по преданию, скончался св. Иоанн Златоуст.

Перу преосвященного Агафодора принадлежат такие книги, как «Катехизические поучения о надежде и любви» (1899), учебное руководство для одноклассных церковно-приходских школ «Наставления о Законе Божием» (1899), «Толковый молитвенник» (1899) и др.[165]

В книге о Драндском монастыре близ Сухума епископ Агафодор описывает местоположение обители, «мягкий климат», «плодородную почву» окрестностей, перечисляет произрастающие здесь фруктовые и цитрусовые деревья. Подчеркивая уникальность монастыря, автор отмечает, что он «не имеет ничего общего с другими древними храмами Абхазии» — «в архитектурном отношении, по своей оригинальности»: «По форме своей постройки, он принадлежит к весьма древнему византийскому типу храмов VI–VIII века и может считаться одним из представителей византийской архитектуры на Кавказе».

О славном историческом прошлом Драндского монастыря епископ Агафодор сообщает следующее. «В первой половине XI века от Кодора до Цхенис-Цкали насчитывалось двенадцать епископских кафедр, из коих шесть были обращены в монастыри. Дранда была резиденцией митрополитов. Это было лучшее время для Абхазии». По мнению автора, наступившее в XIII в. «смутное» время, когда образовалось самостоятельное княжество под управлением князей Шервашидзе, положило начало процессу культурного упадка края. «Потрясаемые смутами обитатели Абхазии и ее окрестностей стали все более и более грубеть в своем невежестве и удаляться от света Христианства». С появлением турок, как пишет автор, стало преследоваться и подвергаться гонениям православное духовенство, а церкви и монастыри лишались земель. Во второй половине XVII в. «многочисленное население Дранды, некогда богатое верою Христовою и благочестьем, уже все уклонилось в магометанство», а занимавший Драндскую кафедру архиепископ Гавриил, потеряв свою паству, вынужден был «поселиться в Иерусалиме, в грузинском монастыре святого Креста»[166].

---

[165] URL: http:// drevo-info.ru/11138.html (дата обращения 19.09.2020).

[166] *Агафодор (Преображенский).* Успенско-Драндский общежи-

Затем автор обращается к событиям XIX столетия, когда закавказские регионы, в том числе и Абхазия, приняли подданство России. «После занятия русскими Сухума, в Дранде около храма было выстроено небольшое укрепление, в котором был расположен батальон русских солдат». В 1851 г. в Абхазии открылась архиерейская кафедра — спустя двадцать лет после Высочайшего повеления об ее учреждении в 1831 г. К тому времени внутренняя часть Драндского храма была разрушена, но уцелели внешние стены. Епископ Агафодор не разделял мнение С. Саблина, считавшего храм генуэзским.

Работы по восстановлению Драндского храма были начаты в 1868 г. На реставрацию выделили 8 тысяч руб.; руководил Д. Мачавариани, открывший первую школу в Абхазии и отец известного краеведа и публициста К. Д. Мачавариани. Открытие богослужений в Драндском храме состоялось в 1868 г., и оно «стало оказывать заметное влияние на местных жителей». Однако в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Драндский храм сильно пострадал, коренные жители «оставили свои прежние жилища, отправились в Турцию и там почти все погибли. Таким образом, суд Божий над отступниками от Православия совершился. Дранды, некогда богатые населением, опустели», — заключает автор.

В 1880 г. иеромонахи Афонской Иверской обители Модест и Варлаам обратились с просьбой к русскому правительству об устройстве монастыря на развалинах древнего Драндского храма. Высочайшее утверждение Священного Синода последовало в 1883 г. Начались восстановительные работы, и 27 сентября 1886 г. состоялось освящение главного храма в честь Успения Божией Матери преосвященным Гавриилом.

В книге епископа Агафодора содержится подробное описание иконостасов, церковно-богослужебных принадлежностей, колокольни, библиотеки и больницы; рассказывается об училище, о монастырских пещерах, ските, хозяйстве. Каждый из названных разделов описан преосвященным Агафодором исчерпывающе подробно. Важным представляется сообщение автора о том, что в училище обучалось 40–50 детей — русских, румын, болгар, мингрельцев и абхазов, и что в 1893 г. был устроен новый училищный дом с отделением для мастерской; о намерении монахов открыть школу садоводства и пчеловодства.

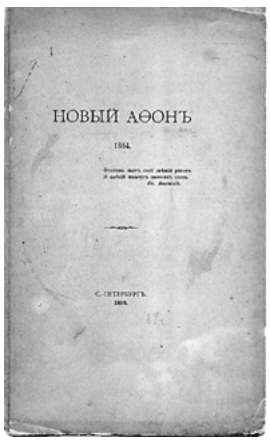
Издание снабжено списком настоятелей монастыря, начиная с XV в., и рассказом об их деятельности, в частности, по восстановле-

---

тельный монастырь в Абхазии на Кавказе, близ Сухума. Ставрополь, 1894. С. 14.

нию монастыря. Приведены данные о монастырской братии, насчитывавшей 116 человек — проживавших в монастыре, на подворьях и хуторах. Дан свод правил из 21 пункта, которым должны были следовать поступавшие в монастырь лица, а также сведения о внутреннем распорядке монастыря. Обширность и добротность информации, сообщенной в книге епископа Агафодора, делает ее надежным источником для исследователей.

Еще одно издание XIX в., посвященное Абхазии, принадлежит перу графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844–1918) — почетного члена Академии наук, члена Государственного совета, председателя Археографической комиссии и Общества любителей древней письменности и ревнителей русского исторического просвещения в память Александра III. Шереметев участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Автор многочисленных исторических трудов, в числе которых: «Князь Павел Петрович Вяземский. Воспоминания. 1868–1888» (1888), «Остафьево» (1889), «Владимир Петрович Горчаков» (1891), «Воспоминания детства» (1891), «Домашняя старина» (1900), «Столетние отголоски. 1801–1901 гг.» (1901) и др.


НОВЫЙ АѲОНЪ

1894.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1894.

В 1895 г. в Санкт-Петербурге вышла небольшая книжка Сергия Шереметева «Новый Афон. 1894», в которой изложены воспоминания автора о своем пребывании в Абхазии. На военном корабле «Пендераклия» Шереметев прибыл в Новый Афон по приглашению князя Дондукова, которого сопровождал в путешествии. В Новом Афоне их встретили со всеми воинскими почестями полковник Введенский и генерал-лейтенант князь Шервашидзе. «Перед нами чудная картина, — вспоминал Шереметев. — На берегу виднелся монастырь, недавно отстроенный, с серебряными главами, с Генуэзской башней у пристани; за ним тянутся горы, частью покрытые лесом, с глубокими ущельями и пропастями, а на горизонте отчетливо выделялись снежные вершины на ярко голубом небе».

В честь прибытия высоких гостей отец Иероном с братией Ново-Афонского монастыря отслужили молебен св. Симону Кананиту, «народ толпился в живописных нарядах», а «абхазцы щеголяли в рыжих папахах». Описывая монахов, Шереметев характеризует их весьма положительно: «Эти монахи неутомимые колонизаторы края: они

строят дороги, созидают здания, устраивают плотины, осушают болота, руководят школою, содержат приют и гостиницу, охраняют и поддерживают памятники древности. Влияние их благотворно»[167]. Автор также сообщает, какое глубокое впечатление произвел Новый Афон на императора Александра III во время его пребывания здесь. Считая, что этому уголку Черноморского побережья, по красоте своей, трудно найти соперника, Шереметев позволил себе следующее сравнение: «Хваленая и пресловутая Riviera, столь излюбленная нашими бродящими соотечественниками, и подобные европейские знаменитости бледнеют перед этой изумительной природой».

Свой рассказ о пребывании в Сухуме, обеде в саду Введенского, о сцене возвращения детей с соколиной охоты, устроенной князем Шервашидзе, и о других впечатлениях, сложившихся в результате поездки в Абхазию, Шереметев завершает так: «К сильным впечатлениям Кавказа прибавилось еще новое и, быть может, самое живое, самое светлое и отрадное, ибо вместо развалин и впечатлений отжившего мы видели расцвет и возрождение уголка, широко разливающего благодетельное влияние истинного просвещения на пустынной и покинутой жителями земле дивного Черноморского побережья».

* * *

Представленная панорама русских изданий XIX в., посвященных Абхазии, свидетельствует о постепенно возраставшем внимании к прекрасной земле, раскинувшейся на Черноморском побережье Кавказа.

Появлению этих изданий в книжном варианте, как правило, предшествовали публикации в журналах, альманахах и сборниках, впоследствии переработанные, дополненные и расширенные авторами. Книги об Абхазии имели большой общественный резонанс среди читающей публики, способствовали активному знакомству с малоизвестным, малоизученным и поэтому загадочным регионом, экзотика которого очаровывала путешественников с первого взгляда.

Помимо включенных в настоящий обзор книг, в дореволюционной России увидели свет и такие издания, как «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» архимандрита Леонида (Кавелина) (1885) и «Кавказ. Путевые заметки. Ч. II. Абхазия, Аджария, Шевшетия, Посховский участок» П. С. Уваровой (1891). По обилию сосредоточенного в них материала об Абхазии и абхазах они заслуживают отдельного внимания.

---

[167] *Шереметев С.* Новый Афон. 1894. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1895. С. 6.

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-92-106
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

АБХАЗСКИЕ ЛЕКЦИИ АНАТОЛИЯ ГЕНКО

© 2021 г. Ю. Д. Анчабадзе

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье представлен краткий обзор основных этапов развития и приращения научных знаний об Абхазии, охарактеризованы важнейшие достижения в области собирательской, источниковедческой работы и систематизации материала. Отмечается, что при этом в целом абхазоведение не достигло той полноты и обилия публикаций, которые характерны для других региональных разделов русского кавказоведения. Тем самым обозначена актуальность изучения научного наследия Анатолия Несторовича Генко — выдающегося ученого, лингвиста, этнолога, кавказоведа. Основное внимание уделено лекциям Генко, прочитанным в осенний семестр 1940 г. студентам этнографического отделения Географического факультета Ленинградского университета. Лекционный курс по этнографии народов Кавказа состоял из двадцати лекций, две из которых были посвящены Абхазии. В статье охарактеризованы структура курса, авторская методология и приемы. Отмечено, что, выбирая какой-либо пример из феноменов бытовой культуры, Генко рассматривал его более подробно, детализировано, и, как правило, экстраполируя на весь Кавказ, в рамках общерегиональной специфики как элемент общекавказского цивилизационного универсума. Сформулированные Генко проблемы, связанные с изучением истории, религии, этнографии Абхазии, были нацелены на выявление наиболее ярких особенностей региона. Лекции изобилуют редким материалом, связанным с проявлениями древней этнической традиции, с патриархальными чертами абхазского быта, спецификой национальной культуры, что придает им актуальность в наши дни.

Ключевые слова: Кавказ, Абхазия, А.Н. Генко, кавказоведение, этнография.

Информация об авторе: Юрий Дмитриевич Анчабадзе — доктор исторических наук, заведующий Отделом Кавказа, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Ленинский проспект, д. 32 а, 119334 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии

наук Абхазии, ул. Аидгылара, д. 44, 384900 г. Сухум, Абхазия. ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0001-7721-841X. E-mail: anchabadze@list.ru.

Для цитирования: *Анчабадзе Ю. Д.* Абхазские лекции Анатолия Генко // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 92–106. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-92-106

ANATOLY GENKO'S ABKHAZIAN LECTURES

© 2021. Yuri D. Anchabadze

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No 20-012-00098A).

Abstract: the article provides a brief overview of the main stages of development and increment of scientific knowledge about Abkhazia, describes the most important achievements in the field of collecting, source research and systematization of the material. It is noted that, in General, abkhazov studies have not reached the completeness and abundance of publications that are typical for other regional sections of Russian kavkazov studies. This indicates the relevance of studying the scientific heritage of Anatoly Nestorovich Genko, an outstanding scientist, linguist, ethnologist, and kavkazologist. The main attention is paid to Genko's lectures delivered in the autumn semester of 1940 to students of the ethnographic Department of the Geographical faculty of Leningrad University. The lecture course on Ethnography of the peoples of the Caucasus consisted of twenty lectures, two of which were devoted to Abkhazia. The article describes the structure of the course, the author's methodology and techniques. It is noted that, choosing an example from the phenomena of everyday culture, Genko considered it in more detail, in detail, and, as a rule, extrapolating to the entire Caucasus, within the framework of regional specifics as an element of the Caucasian civilizational universe. The problems formulated by Genko related to the study of the history, religion, and Ethnography of Abkhazia were aimed at identifying the most striking features of the region. Lectures abound with rare material related to the manifestations of ancient ethnic traditions, Patriarchal features of Abkhazian life, and the specifics of national culture, which makes them relevant today.

Keywords: Caucasus, Abkhazia, A. N. Genko, Caucasian studies, Ethnography.

Information about the author: Yuri D. Anchabadze, DSc in History, Head of Department of Caucasus, Institute of Ethnology and Anthropology, Leninsky Av. 32 a, 119334 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Department of Literature of D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazian Academy of Sciences, Aidgylar St. 44, 384900

Sukhumi, Abkhazia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7721-841X. E-mail: anchabadze@list.ru.

For citation: Anchabadze, Yu.D. "Anatoly Genko's Abkhazian Lectures." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 92–106. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-92-106

Русские тексты XIX — начала XX вв. об Абхазии представляют достаточно разнообразную жанровую палитру, среди которой важное место принадлежит научным нарративам. Как свидетельствует в своем выдающемся историографическом труде М. О. Косвен[1], исследовательский интерес к Абхазии зародился достаточно рано. У его истоков стоял российский офицер и этнический абхаз Соломон Званба (1809–1855). Чувствуя живейший интерес к истории и культуре родного народа, он явился автором серии этнографических очерков, выполненных в жанровой и интеллектуальной традиции русского кавказоведения, ставшего к тому времени весьма значительным течением научной и общественной мысли.

В дальнейшем происходило неуклонное приращение научных знаний об Абхазии. Для многих авторов при разности побудительных мотивов было важно обратиться к яркой специфике этнокультурного облика абхазов и зафиксировать своеобычные черты их бытовых обыкновений. С другой стороны, неподдельный интерес вызывали исторические корни абхазского социума. Восходя к мифическим временам древнеэллинской Колхиды, они остались запечатленными на самых ярких страницах древних и средневековых анналов истории Кавказа, отражая активную и деятельную роль абхазов в развитии исторического процесса в регионе. Одновременно исследовательский интерес наблюдателей конца XIX — начала XX вв. вызывала текущая ситуация в Абхазии. Потерявшая более половины своего населения в результате *махаджирства*[2], Абхазия стала объектом переселенче-

[1] *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. 1 // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Т. 1; Ч. 2 // Там же. М., 1958. Т. 2; Ч. 3 // Там же. М., 1962. Т. 3.

[2] Махаджирство («изгнанничество») — под карательным нажимом российской администрации массовое выселение абхазов в Турцию, особенно крупные и катастрофические размеры приняло в конце 1870-х гг.

ского движения и в короткие сроки превратилась в полиэтничный и разноязыкий край. Было очевидно, что Абхазия вступила в новый этап своего социального и этнокультурного развития, что не могло не породить исследовательского интереса, нашедшего отражение в ряде публикаций, вошедших в архив научного абхазоведения.

В настоящее время это наследие в значительной степени систематизировано. Большая и кропотливая собирательская и источниковедческая работа, проведенная Р. Х. Агуажба и Т. А. Ачугба, позволила выявить значительный массив публикаций, которые представлены в насыщенных уникальной информацией тематических сборниках[3]. При этом в целом абхазоведение не достигло той полноты и обилия публикаций, которые характерны для ряда других региональных разделов русского кавказоведения. Тем не менее накопленный исследовательский опыт стал надежной базой для последующего этапа развития научного абхазоведения, итоги развития которого за первую половину XX в. получили аналитическое осмысление в специальной литературе[4].

Между тем, поисковая работа продолжается, и тезаурус научных текстов об Абхазии этого периода ныне пополняется еще одним нарративом, который принадлежит выдающемуся ученому, лингвисту, этнологу, кавказоведу Анатолию Несторовичу Генко.

* * *

А. Н. Генко родился в 1896 г. Выходец из семьи технической интеллигенции (отец работал лесным инженером), Анатолий Генко избрал совсем другую профессиональную стезю, поступив на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, ставший к тому времени одним из ведущих центров европейского гуманитарного образования. Молодого человека привлекла классическая филология, которая стала предметом его специализации. Занятия древнегреческим и латинским, глубокое знакомство с античной историей и литературой, всесторонняя подготовка по другим курсам

---

[3] Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX) / сост. Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум, 2005. Кн. 1. Нам уже приходилось отметить их важное источниковое значение; см.: *Анчабадзе Ю. Д.* Ценное издание материалов по истории и этнографии абхазов — Рец. на: Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX–XX вв.) / сост. Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Кн. 1. Сухум, 2005; Кн. 2. Сухум, 2008 // Кавказские научные записки. 2010. № 1. С. 298–304.

[4] *Акаба Л. Х.* Изучение этнографии Абхазии за годы Советской власти // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Сухуми, 1971. Т. VII.

историко-филологического цикла заложили прочный фундамент его глубочайших компетенций по широкому и разнообразному спектру гуманитаристики.

В то же время неуемная жажда знаний обозначила и другую направленность интересов, которые, в конце концов, стали основой будущей дисциплинарной специализации. А. Н. Генко поступил на Восточный факультет Петербургского университета. Его глубоко интересовал Восток, но не поднимающийся мир арабско-тюркского ислама и не далекий и экзотичный быт южных морей, а «свой» Кавказ, познанию которого молодой человек решил посвятить студенческие годы. В тот период на Восточном факультете было несколько разрядов (отделений, как бы мы сейчас сказали) с разным набором языков: арабо-персидско-турецко-татарский, китайско-монголо-маньчжурский, еврейско-арабский, санскрито-персидско-армянский и «чисто» кавказский разряд армяно-грузинской филологии. А. Н. Генко выбрал именно его.

Почему он это сделал, сказать трудно. Его ничто не связывало с Кавказом — ни линии генеалогии (в нем не было кавказской крови, по семейному преданию предки имели чешские корни), ни локальность обитания — он никогда до этого не жил и не был на Кавказе. По авторитетному свидетельству Л. И. Лаврова, увлечение Кавказом возникло под влиянием академика Н. Я. Марра. Возможно, молодой Генко и Николай Яковлевич где-то пересеклись, и сила интеллекта маститого ученого, энергия его ума, блестящее лекторское дарование вовлекли Генко в кавказоведческое русло.

Между тем, в структуре армяно-грузинского разряда была еще внутренняя специализация, которая давала возможность углубиться в изучение того или другого языка и соответствующей историко-этнографической регионалистики. Оказавшись перед выбором, А. Н. Генко решил специализироваться по арменоведению, и в этом решении также, вероятно, сказалось влияние Марра. Именно в это время ученый вел раскопки в Ани, оповещая мир о своих сенсационных находках, которые с несомненностью свидетельствовали о лидирующих позициях, занятых российской востоковедной наукой. Н.Я. Марр преподавал на Восточном факультете, и это было еще одним мотивирующим фактором, который определил желание Генко пойти туда учиться. Другие арменоведческие дисциплины вели А. А. Алиханян (язык) и Н. Г. Адонц (история).

Помимо этого, на разряде была и другая обширная языковая кавказоведческая подготовка. Так, грузинский язык преподавала М. Г. Церетели, а занятия по мегрельскому языку вел И. А. Кипшидзе. Университетские правила позволяли студентам посещать лекции других

преподавателей, и А. Н. Генко этим широко пользовался, тем более что профессорский состав Восточного факультета был блистательным — И. Ю. Крачковский читал курс арабского языка, занятия вели китаист В. М. Алексеев, монголист Б. Я. Владимирцов, санскритолог Ф. И. Щербатской. Помимо языковедов, на факультете вели занятия блестящие историки: В. В. Бартольд, Б. А. Тураев, В. Р. Розен, Н. И. Веселовский и др. В 1920 г. университетские годы подошли к концу. А. Н. Генко получил глубокое и фундированное историко-филологическое и кавказоведческое образование, поэтому дальнейшая профессиональная стезя раздумий не вызывала.

А. Н. Генко решил посвятить себя науке. В тот период проходила активная перестройка организационной системы научных учреждений, оставшейся от дореволюционной России. Власти внедряли новые исследовательские центры, институты, ассоциации и т. п., которые на первых порах даже получили возможность расширить объектное поле своих научных изысканий. Это давало специалистам широкие возможности для приложения своих сил. В 1921 г. А. Н. Генко становится сотрудником Института сравнительной истории, литературы и языков Запада и Востока при Петроградском университете. В том же году получает приглашение от Н. Я. Марра стать сотрудником организованного им Яфетического института, а впоследствии (с 1926 г.) — Института этнических и национальных культур народов Востока. А. Н. Генко состоит также сотрудником Государственной академии истории материальной культуры. В 1924 г. он поступает на работу в отдел Кавказа и Христианского Востока Азиатского музея, который в 1930 г. был реорганизован в Институт востоковедения. В 1936 г. А. Н. Генко принял приглашение в Институт этнографии, который за три года до этого был создан на базе Музея антропологи и этнографии (Кунсткамеры). Впервые в структуре института А. Н. Генко организовал Кабинет Кавказа — специальное подразделение, призванное заниматься изучением культуры и быта народов региона.

А. Н. Генко с первых же шагов стал заметной фигурой в среде петроградского научного сообщества, заняв вместе с Н. Я. Марром, общепризнанную позицию крупнейшего знатока Кавказа. Знания А. Н. Генко не были схоластичны. Он приобретал их не только кабинетным сбором историографических сведений и книжных описаний, но путем непосредственного знакомства с жизнью края, посещая его во время многочисленных, практически ежегодных научных экспедиций. Его экспедиционные маршруты пролегали по Северному и Южному Кавказу, он побывал в Чечне, Дагестане, Абхазии… А. Н. Генко

во многом удалось познать Кавказ «изнутри», а с другой стороны, он смог взглянуть на кавказский универсум его же глазами.

Безусловно, А. Н. Генко известен, прежде всего, как лингвист. Он был выдающимся полиглотом, чему, безусловно, способствовали его феноменальные языковые способности, необыкновенная восприимчивость к языкам, умение сразу ухватить его структуру, его строй, вкупе с безграничной памятью на лексику — все это позволяло ему достаточно свободно, по крайней мере, в исследовательских целях, оперировать, помимо европейских, едва ли не десятком языков Кавказа — армянским, грузинским, абхазским, адыгейским, кабардинским, абазинским, чеченским, ингушским, рядом языков Дагестана.

Вклад А. Н. Генко в изучение языков Кавказа хорошо известен, и это знание, как представляется, позволяет говорить о нем как о гениальном лингвисте.

Одновременно А. Н. Генко был замечательным этнографом, и этнографическое кавказоведение также обязано ему весьма значительными достижениями. Лингвист и этнограф выступали в его исследовательской ипостаси в неразрывном единстве, это были два совершенно равноправных дисциплинарных метода, с помощью которых он изучал и описывал действительность. Это понимание нашло отражение в том академическом определении, которое он дал *кавказоведению* как научной дисциплине в своей статье, написанной им для Большой Советской энциклопедии.

А. Н. Генко считал, что «кавказоведение в широком смысле — совокупность научных дисциплин, посвященных всестороннему изучению Кавказа в естественно-историческом и культурно-историческом отношениях. В более специальном смысле этот термин применяется для обозначения той области этнолого-лингвистического исследования, которое имеет своим предметом выяснение исторического прошлого и современного положения языков и народов Кавказа»[5].

Поэтому, обращаясь к этнографическому материалу, он неизменно выделял лингвистические данные, которые рассматривал как наиболее объективные и беспристрастные. В этом случае его интересовала возможность прежде всего социологического анализа языкового материала, культурно-исторической интерпретации лингво-терминологического тезауруса. В результате даже за единичным языковым фактом А. Н. Генко умел разглядеть широкий исторический фон, дать эпохальный срез языковых, этнических и культурных взаимодействий в историческом и географическом пространстве Кавказа и смежных с ним регионов.

---

[5] *Генко А. Н.* Кавказоведение // БСЭ. М., 1937. Т. 30.

* * *

Обладая столь уникальным багажом знаний, в осенний семестр 1940 г. А. Н. Генко прочитал студентам этнографического отделения Географического факультета Ленинградского университета курс лекций по этнографии народов Кавказа. К величайшему счастью, текст лекций сохранился. Очевидно, сначала они были застенографированы кем-то из слушателей, а затем расшифрованы, воплощены в машинописи и переданы автору. Как видно, работа представляла для А. Н. Генко значительную ценность, во всяком случае, страницы сохранили следы его авторской правки, что свидетельствует о продолжавшейся работе над усовершенствованием текста, а возможно, и о желании увидеть лекции напечатанными.

Несмотря на трагическую судьбу автора, рукописи было суждено уцелеть. В 1941 г. А. Н. Генко был арестован органами НКВД и через короткое время, в декабре того же года умер в тюрьме, как гласит официальная версия, хотя вернее всего был расстрелян во время операций по «разгрузке» мест заключения в условиях блокадной зимы города. Между тем, обширный научный архив ученого при обыске не был конфискован, и среди сохранившихся рукописей оставались, в частности, и «Лекции по этнографии Кавказа». С тех пор рукопись сохранялась в семье Анатолия Несторовича. После реабилитации, когда с ученого было снято клеймо врага народа, а завеса молчания вокруг имени отброшена, «Лекции» были переданы в архив ленинградской части Института востоковедения АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН), где она в настоящее время хранится.

Рукопись разделена на 20 частей, что, вероятно, соответствовало количеству лекций, которые были прочитаны А. Н. Генко.

Вводные лекции — I, II и III — были призваны дать студентам общее представление о Кавказе в пределах его географических, исторических, этнографических, культурных границ. Сравнивая их конфигурацию и темпоральные изменения, А. Н. Генко отмечал, что в ряде случаев они не совпадали, обнаруживая разную динамику и эволюцию, что, по мнению ученого, во многом определяло специфику и своеобразие социо-исторического пространства региона.

Лекции III, IV и V представляют собой сжатое и концентрированное изложение истории Кавказа, начиная с археологических периодов его прошлого вплоть до модернизирующейся современности 1920–1930-х гг.

Лекции VI и VII завершали вводный цикл курса. В них была представлена классификация народов Кавказа, в основу которой А. Н. Генко положил языковой принцип. К тому времени уже сложились до-

статочно адекватные представления о лингво-генеалогических связях между кавказскими языками, поэтому у ученого в данном случае нет каких-то новаторских идей, хотя в ретроспективном контексте некоторые положения интересны. Так, для А. Н. Генко, как видно, не существовало никакой иберийско-кавказской языковой семьи — теоретический конструкт которой впоследствии пышным цветом расцвел в советском языкознании. Мегрелов и сванов А. Н. Генко рассматривал однозначно как отдельные народы, не только в языковом, но и в этнографическом отношении и т. д. Интересны также социолингвистические характеристики процессов, протекавших в Восточном Закавказье, где он предрекал неминуемый переход живой разговорной речи с кавказских языков (дагестанских) на тюркский (азербайджанский). В отношении хиналугцев, хапутлинцев и других малочисленных народов это полностью подтвердилось, но лезгины и аварцы сохранили языковую идентичность, хотя, конечно, свободно двуязычны.

Учебный курс завершался лекцией XX с обзором истории развития кавказоведения. А. Н. Генко испытывал особый исследовательский интерес к истории науки. Он много занимался историографией. Его суждения и выводы о процессе приращения корпуса знаний по истории и культуре народов Кавказа отличаются фундированной обстоятельностью и основаны на им же сформулированном концептуальном понимании дисциплинарного статуса кавказоведения как специальной отрасли научного знания, о чем говорилось выше. В соответствии с этим А. Н. Генко представил эволюцию кавказоведческих знаний как отражение взаимообусловленного процесса этнолого-лингвистического изучения региона.

Между тем, основной лекционный блок, связанный с этнографической характеристикой народов Кавказа, строился в соответствии с их лингвистической классификацией, в частности по языковым группам. В кавказской семье выделялись адыги, нахи (чеченцы, ингуши, бацбийцы, кистины), народы Дагестана. В лекциях о тюркской группе речь шла о карачаевцах, балкарцах, ногайцах, кумыках и азербайджанцах. Специальные лекции были посвящены осетинам, армянам, грузинам. В своих лекциях А. Н. Генко излагает сведения по другим, более поздним насельникам региона: славянам, грекам, чехам, болгарам, эстонцам. Без сомнения, слушатели получали полное представление о всей этнокультурной и этноязыковой мозаике Кавказа.

Характерной чертой учебного курса было отсутствие некоей заданной матрицы лекционного занятия. А. Н. Генко не придерживался жесткой последовательности и строгой симметричности описаний, а строил лекцию в свободной контаминации и чередовании этнографи-

ческих сюжетов. В одних случаях лекция могла начаться с вопросов этногенеза, в других с описания объектов материальной культуры, в третьих с рассказа о духовных аспектах жизни народа.

Ведя лекционные занятия, А. Н. Генко прибегал к своеобразному приему. Представляя монографический портрет народа, или группы народов, он описывает все стороны бытовой культуры, дает представление о самых характерных атрибуциях этноса, проявленных в материальной и духовной сферах его жизнедеятельности. В то же время А. Н. Генко останавливался на одном из феноменов бытовой культуры, будь то материальный объект, социальный институт, или иное типизированное явление, которое рассматривал более подробно, детализированно, и, как правило, экстраполируя на весь Кавказ, рассматривая его в рамках общерегиональной специфики как элемент общекавказского цивилизационного универсума.

Так, рассказывая студентам об адыгах, А. Н. Генко особое внимание уделил традиционным формам искусственного родства, в частности аталычеству, и на примере адыгской формы этого института показал и его региональную специфику. В разделе о карачаевцах самый большой объем лекции был посвящен подробному описанию свадебного обряда: формы заключения брака, обрядово-ритуальные действия в их последовательности и т. д., создавая общекавказский фон примерами из свадебной обрядности других народов. В лекции об осетинах внимание слушателей было привлечено к традиции башенного строительства: А. Н. Генко подробно рассказал об устройстве жилых и боевых башен, строительных материалах, функциональности внутреннего членения сооружения и др., часто обращаясь за параллелями к другим народам, у которых тоже были развиты традиции башенной архитектуры — сваны, ингуши. А при описании последних, как и вообще вайнахов, опорной точкой описания был обычай кровной мести, характеристика которого давалась в сравнительном сопоставлении с функционированием данного социального института в других регионах Кавказа. Разговор о кавказском прикладном искусстве и ремесле ведется на примере великих художественных традиций Кубачи, Балхара, Сулевкента, лезгинского ковроткачества и др. центров и явлений народного искусства Дагестана.

Вышеизложенная схема изложения материала выдержана, повторим, по всему тексту лекций. Единственный случай исключения — это их «абхазские страницы», т. е. разделы, посвященные абхазам.

Так, если народы рассматриваются в рамках «своих» языковых групп, то описание абхазов дано отдельно, в сепаратном лекционном блоке (лекции VIII и XI), в то время как сведения о ближайших языко-

вых сородичах абхазов — абазинах и адыгах (кабардинцы, адыгейцы, шапсуги) содержатся совсем в другом лекционном разделе. Обращает внимание объем учебного времени, которое А. Н. Генко счел необходимым посвятить абхазам — две лекции, хотя в структуре курса такой объем отводился для характеристики народов какой-либо языковой семьи, или группы. Наконец, этнографическую часть своих лекций А. Н. Генко начинает именно с абхазов.

Он так и предуведомляет своих слушателей: «После тех вводного порядка замечаний, которые я дал, нам предстоит приступить к <…> ознакомлению с отдельными народностями Кавказа. Сегодня я предлагаю посвятить наше время кратким сведениям, касающимся одного из наиболее интересных народов Кавказа <…> именно, абхазцев».

* * *

Начиная лекцию об абхазах, А. Н. Генко называет их одним из «наиболее интересных народов Кавказа». Однако интерес в данном случае весьма характерный и обусловлен спецификой профессиональных интересов этнографа, который ранжирует этносы по «количеству разных пережиточных явлений, характеризовавших быт этого народа до последнего времени». В этой декларации отражен безраздельно господствовавший в тот период взгляд на этнографию как на науку, основным предметом изучения которой была «живая старина», т. е. исчезающие формы народной культуры, остатки архаических социальных порядков и иные сохранившиеся в современном быту «обломки» и «фрагменты» иных эпох. Чем больше в культуре народа сохранялось пережиточных явлений, тем интереснее он для этнографа, тем обширнее исследовательское поле, тем больше возможностей для общеисторических выводов и заключений.

Этот познавательный ракурс выдержан в генковских лекциях последовательно и цельно. За редким исключением он не отвлекается на современные, советские реалии Абхазии, которые к тому времени уже во многом определяли повседневную жизнь республики. Его цель состояла в другом — дать студентами представление об этнографических особенностях региона в их наиболее ярких и специфичных проявлениях древней этнической традиции.

Абхазский материал предоставил для этого немало возможностей. А. Н. Генко начал с характеристики хозяйственного уклада коренного населения. Сравнивая степень развития отраслей хозяйства, он отметил, что «подавляющее большинство абхазцев снискивает себе пропитание земледельческим трудом», скотоводство же, по наблюдениям А. Н. Генко, «играет подчиненную роль» в хозяйственном балансе. Тем

не менее, в лекции гораздо большее внимание уделено именно этой отрасли, которая описана относительно подробно и детализированно, в том числе типология скотоводческого хозяйства, видовой состав поголовья, навыки и приемы хозяйственного использования животного и др. Очевидно, что внимание А. Н. Генко к этой отрасли было обусловлено исторической ретроспекцией, в частности не вызывавшим у него сомнения факте, что в прошлом скотоводство занимало доминирующее положение в хозяйственном комплексе абхазов. А. Н. Генко находит этому немало подтверждений — одно из самых ярких и точно подмеченных — это «переживания древне-языческого абхазского культа, где скотоводческие божества играли <…> очень значительную роль». Описывая охоту, А. Н. Генко указывает, что «оттеснение этого вида хозяйственной деятельности на задний план» явление позднего порядка, в то время как разносторонние охотничьи навыки абхазов, наличие специального табуированного охотничьего («лесного») языка и др. свидетельствует об исторических реалиях важнейшего потребительского и промыслового значения охоты в эпоху «натурального хозяйства».

В то же время гораздо больше «переживаний» древних эпох А. Н. Генко видел в социальном устройстве традиционного абхазского общества, в котором сохранилось много «пережитков». Находясь в мировоззренческих рамках позитивистских взглядов, А. Н. Генко видел в пережитках явления абхазского быта, которые рисуют «патриархальный древний уклад эпохи родового строя». Последний сохранил свои позиции даже в оболочке достаточно глубокой феодализации местного общества, о которой А. Н. Генко также говорил в своих лекциях, но подчеркивал, что «влияние государственной власти <…> не распространяется на целый ряд сторон жизни». Куда не дотянулась государственная власть, осталось пространство пережитков родового строя.

С ними А. Н. Генко соотносит, например, значительную роль в общественном устройстве социума фамильно-родственной организации. «В стране господствовали интересы родам, — говорил он, — и каждый член рода обеспечивал интересы своих сочленов против всех остальных», вплоть до обязанности кровомщения за обиду, нанесенную сородичу-однофамильцу. Институт кровной мести полнокровно функционировал в Абхазии еще в начале XX столетия, его генетические корни в догосударственной стадии социогенеза не вызывают сомнений.

Историческую эволюцию догосударственной стадии А. Н. Генко, видимо, представлял как преодоление изначального «самоуправства»

путем последовательного наложения на социальный быт нормативных ограничений. Одна из таких ограничительных матриц связана с естественной возрастной дифференциацией родового коллектива, в рамках которой кристаллизовался такой важнейший принцип абхазской культурной идентичности, как старшинство. Оно находит выражение в статусных, этикетных, властных и иных преференциях людей старших возрастных групп, примеры которым во множестве приводит А. Н. Генко, основываясь на опыте живого общения с абхазской этнографической действительностью.

В лекциях приводилось немало других примеров, долженствующих продемонстрировать патриархальные черты абхазского быта. «Абхазцы славились своим гостеприимством», — свидетельствовал А. Н. Генко, считая сложную и разветвленную норматику этого традиционного института наследием ранних стадий социального развития. При этом А. Н. Генко не может удержаться от подробного описания привлекательных, хотя на посторонний взгляд в чем-то курьёзных черт обычая, с которыми сталкивался во время гостевания в абхазском доме. Еще одну патриархальную черту А. Н. Генко видит в низкостатусном восприятии торговли как хозяйственного занятия. «Абхазцы в качестве частных предпринимателей и торговцев — совершенно невероятная вещь», — говорил он своим студентам. Товарообмен же внутри социума во многом совершался в рамках системы дарений, основанной на представлениях об эквивалентной цене подарков и отдарков. «Лица, которые пытались что-нибудь купить у абхазца, попадали в трудное положение, — отмечает А. Н. Генко. — Получить даром — это была вещь возможная», хотя, как он далее отмечает, подарок требует в дальнейшем отдарка, который даритель получает от контрагента при наступлении соответствующих поводов и обстоятельств.

А. Н. Генко отмечает довольно высокий общественный статус абхазской женщины, которая, по его словам, не столь закрепощена и «принижена», как в других регионах Кавказа, где, например, женщины вынуждены носить чадру. В Абхазии же, говорил А. Н. Генко своим студентам, этого нет: «Нельзя себе представить абхазку, закрывающую лицо». Впрочем, некоторые формы женского закрепощения проявлялись и в абхазском быту, однако приводимые А. Н. Генко примеры столь же наивны и формальны, как и «ношение чадры»; в Абхазии его смущало, в частности, ограничение на бытовое общение лиц противоположных полов.

Впрочем, самые яркие пережиточные бытовые реалии, что делает Абхазию привлекательным регионом для этнографических исследований, заключены в религиозной сфере. А. Н. Генко говорил своим

студентам: «Самое важное, с точки зрения этнографа, что дает нам Абхазия, это исключительно своеобразные и обильные переживания древних религиозных и магических воззрений». А. Н. Генко добавлял, что это «наиболее яркая и наиболее своеобразная сторона абхазской действительности».

В разветвленной системе «языческих» верований А. Н. Генко обращает внимание на сильно развитый культ деревьев, мифологические основания которого сакрализируют многообразные связи этой части природы с миром людей. Теснейшие связи человека с природным окружением демонстрирует и другой культовый комплекс — охотничий, персонифицированный в образах бога Ажвейпшаа и его дочерей. Вообще, А. Н. Генко особо выделял круг мифологических представлений абхазов, считая их одним из самых значительных культурных явлений в границах Кавказского региона. «Если вы хотите в пределах Кавказа убедиться в том, что такое мифология, <…> то достаточно познакомиться с абхазскими представлениями», — говорил он своим студентам.

Богатству мифологических представлений соответствовало многообразие религиозно-ритуальной нормативки, ярко выраженной в обрядовых комплексах, в том числе тех, о которых А. Н. Генко говорил на лекциях — похоронно-поминальном, вызывания дождя и др.

Естественно, этнограф не мог пройти мимо материального быта абхазов, прежде всего тех его черт, в которых воплощена спецификация этнической культуры. И здесь он обращает внимание слушателей на такое своеобразное явление, как планировка абхазских сел. «Абхазцы не живут селениями. До сих пор они по существу живут хуторами», указывает он на черту, придающую яркое своеобразие виду абхазских поселений. Однако, если специфика хуторского типа есть, с одной стороны, «прямое производное от географических условий», а с другой — диктуется соображениями безопасности: «труднодоступная местность, совершенно непроходимые леса и т. д. служили естественной защитой жителям от всякого рода опасностей», то в специфике жилища А. Н. Генко видит законсервировавшиеся реликты ранних стадий развития этого элемента материальной культуры. «Мы можем проследить развитие абхазского жилища от самых первобытных стадий до современных», — утверждает он, приводя в пример круглые в плане плетеные сооружения, в основном хозяйственного назначения, которые, действительно, можно было встретить на территории абхазских усадеб.

А. Н. Генко достаточно подробно излагает сведения и о других элементах материальной культуры абхазов. Он привлекает внимание студентов к традиционной одежде, описывая которую опять-таки не избегает искушения указать на характерные и уникальные ее элемен-

ты, например женские туфли-ходули *акапкап*, или же традиционные абхазские лыжи, приспособленные для передвижения по заснеженным зимним тропам.

А. Н. Генко привлек внимание студентов к демографическим проблемам Абхазии, с анализа которых, собственно, начал свои лекции. А. Н. Генко отмечает, что абхазцы «представляют часть большого народа, сохранившегося здесь пережиточно». «Пережиточность» отражает деформацию территории расселения абхазов, которая наступила в результате их массовой вынужденной эмиграции в Османскую империю на протяжении практически трех четвертей XIX в. Последствием этого, как отмечал А.Н. Генко, стало то, что «нынешняя территория Абхазии в значительной степени населена не абхазцами». Указав, что «имеются два крупных очага абхазского населения — кодорский и бзыбский», он фиксирует этнодемографические последствия этого — «центральная часть Абхазии, в частности город Сухуми населен не абхазцами», равно как и лингвистические — «абхазская речь в столице Абхазии не доминирует».

Без внимания А. Н. Генко не остался еще один важный этнодемографический процесс, связанный с тем, что, как он говорил, «некоторые абхазские элементы, будучи денационализованными, причисляются нередко к другим этническим группам». Несомненно, ученый имел в виду ситуацию в Самурзаканском (Галском) регионе, где в силу ряда исторических причин абхазское этническое самосознание подверглось эрозии. Результатом стало появление двойственной идентичности, которая в поколенческой эволюции приводила к полной утрате исконного самосознания, место которой занимала мегрельская идентичность, которая в официальной номенклатуре фиксировалась как грузинская. Впрочем, этот процесс не был завершен. В реальности имели место разнообразные состояния пограничных идентичностей и переходные формы этнического самосознания, которые формировали особый этнический статус населения региона и затрудняли, в частности, статистические оценки — по словам А. Н. Генко «количество абхазцев точному учету не поддается».

Однако, несмотря на отмеченные негативные тенденции, А. Н. Генко видит силы внутренней сплоченности абхазов. Они крепились как институтами традиционного социокультурного наследия, так и новыми импульсами общественного развития, в становлении которых сам ученый принимал активное участие. В глазах А. Н. Генко это сохраняло за абхазами статус «одного из наиболее интересных народов Кавказа», которому он посвятил свои лекционные выступления, впоследствии воплощенные в ценнейший научный нарратив.

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-107-140
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

«ОДИН ИЗ НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА…» ЛЕКЦИИ А. Н. ГЕНКО ПО ЭТНОГРАФИИ АБХАЗОВ

© 2021 г. Ю. Д. Анчабадзе

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: Автором впервые вводятся в научный оборот лекции об Абхазии выдающегося ученого, лингвиста, этнолога, кавказоведа А. Н. Генко, прочитанные им осенью 1940 г. студентам этнографического отделения Географического факультета Ленинградского университета. Публикацию этого уникального материала предваряет преамбула, включающая историю создания авторизованной машинописи и ее сохранения семьей Генко в непростой ситуации его ареста и гибели в заключении. Подготовка текста и научный комментарий дополняют публикацию этого ценного источника. Будучи единственным профессиональным этнографом, работавшим в Абхазии в конце 1920–1930-х гг., Генко собрал сведения, имеющие сегодня неоценимое значение уникальных свидетельств эпохи активно трансформировавшейся этнографической реальности, какой предстают в истории Абхазии первые десятилетия советской власти. Ученому представилась возможность наблюдать живое бытование патриархальных «пережитков», которые неизменно ставили проблему их функциональности в достаточно успешно модернизирующемся абхазском социуме. Текст лекций Генко отражает эвристические интересы этнографического знания современной ему эпохи; он основан на непосредственном и глубоком знакомстве автора с абхазским этнокультурным социумом, на объемном обобщении имевшегося в его распоряжении материала, доскональном знании источников и историографии проблемы. Это дает возможность рассматривать лекции Генко как образец русского научного нарратива об Абхазии середины прошлого столетия.

Ключевые слова: Кавказ, Абхазия, А. Н. Генко, кавказоведение, этнография.

Информация об авторе: Юрий Дмитриевич Анчабадзе — доктор исторических наук, заведующий Отделом Кавказа, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Ленинский проспект,

д. 32 а, 119334 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, ул. Аидгылара, д. 44, 384900 г. Сухум, Абхазия. ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0001-7721-841X. E-mail: anchabadze@list.ru.

Для цитирования: *Анчабадзе Ю. Д.* «Один из наиболее интересных народов Кавказа…» Лекции А. Н. Генко по этнографии абхазов // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / гл . ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 107–140. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-107-140

"ONE OF THE MOST INTERESTING PEOPLES OF THE CAUCASUS..." LECTURES BY A.N. GENKO ON ETHNOGRAPHY OF ABKHAZIANS

© 2021. Yuri D. Anchabadze

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No 20-012-00098A).

Abstract: the Author for the first time introduces into scientific circulation lectures about Abkhazia by the outstanding scientist, linguist, ethnologist, and kavkazologist A. N. Genko, read by him in the autumn of 1940 to students of the ethnographic Department of the Geographical faculty of Leningrad University. The publication of this unique material is preceded by a preamble that includes the history of the creation of authorized typewriting and its preservation by Genko's family in the difficult situation of his arrest and death in custody. Text preparation and scientific commentary complement the publication of this valuable source. As the only professional ethnographer who worked in Abkhazia in the late 1920s–1930s, Genko collected information that is invaluable today as unique evidence of the era of actively transformed ethnographic reality, which appears in the history of Abkhazia in the first decades of Soviet power. The scientist had the opportunity to observe the living existence of patriarchal "remnants," which invariably posed the problem of their functionality in a fairly successfully modernizing Abkhaz society. The text of Genko's lectures reflects the heuristic interests of ethnographic knowledge of the modern era; it is based on the author's direct and deep acquaintance with the Abkhaz ethnocultural society, on a voluminous generalization of the material at his disposal, a thorough knowledge of the sources and historiography of the problem. This makes it possible to consider Genko's lectures as an example of the Russian scientific narrative about Abkhazia in the middle of the last century.

Keywords: Caucasus, Abkhazia, A. N. Genko, Caucasian studies, ethnography.

Information about the author: Yuri D. Anchabadze, DSc in History, Head of Department of Caucasus, Institute of Ethnology and Anthropology, Leninsky Av. 32 a, 119334 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Department of Literature of D.I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazian Academy of Sciences, Aidgylar St. 44, 384900 Sukhumi, Abkhazia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7721-841X. E-mail: anchabadze@list.ru.

For citation: Anchabadze, Yu.D. "'One of the Most Interesting Peoples of the Caucasus...' Lectures by A. N. Genko on Ethnography of Abkhazians." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 107–140. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-107-140

В осенний семестр 1940 г. А. Н. Генко прочитал студентам Ленинградского университета курс лекций по этнографии народов Кавказа. Вероятно, кем-то из слушателей лекции были застенографированы; а впоследствии расшифрованы и перепечатаны на машинке. Печатный текст был авторизован А. Н. Генко. Страницы рукописи сохранили следы его редакционной правки, внесенных дополнений и уточнений, которые возможно свидетельствовали о планах ученого подготовить рукопись к печати. К сожалению, планам не было дано осуществиться. В 1941 г. А. Н. Генко был репрессирован и в декабре того же года, находясь в заключении, погиб.

Между тем, рукопись лекций по этнографии Кавказа не была конфискована при аресте. Она хранилась в семье ученого и после реабилитации А. Н. Генко вместе с другими материалами его архива была передана на хранение в ленинградский филиал Института востоковедения АН СССР, ныне — это Институт восточных рукописей РАН.

Материалы А. Н. Генко по этнографии Кавказа состоят из двадцати лекционных блоков, из которых два блока (лекции) были посвящены абхазам. Более того, после завершения чтения первых вводных лекций собственно этнографическую характеристику региона А. Н. Генко начал именно с абхазов, как «одного из наиболее интересных народов Кавказа».

Очевидно, что эта характеристика отражала определенные представления А. Н. Генко об этнокультурной специфике народов региона, в которой наиболее существенным объектом для исследовательского внимания оставались прежде всего архаические черты бытовой

традиции. В этом отношении этнографическое поле Абхазии давало немало возможностей для плодотворных наблюдений, в чем многократно убеждался ученый во время проводившихся им в регионе полевых исследований. Характерно, что А. Н. Генко был единственным профессиональным этнографом, который работал в Абхазии в конце 1920-х — 1930-е гг. Вследствие этого собранные им сведения приобретают неоценимое значение уникальных свидетельств эпохи активно трансформирующейся этнографической реальности, какой предстают в истории Абхазии первые десятилетия советской власти. Одновременно ученый имел возможность наблюдать живое бытование патриархальных «пережитков», которые неизменно ставили проблему их функциональности в достаточно успешно модернизирующемся абхазском социуме.

При этом лекции А. Н. Генко не следуют строгим жанровым правилам академического текста, являясь по существу буквалистской записью устной речи. Более того, судя по всему, лекции во многом были импровизационны и строились не в соответствии со строго продуманным планом, хотя, безусловно, общая стратегия, цели и задачи курса были достаточно ясно обозначены, но в этих рамках лекционный нарратив отражал свободную динамику мысли оратора. В своей «абхазской» лекции А. Н. Генко явно не стремился к формализованной «паспортизации» народной культуры, но пытался дать слушателям представление о главных вехах истории Абхазии и тех специфических реалиях бытовой повседневности, которые поддерживали матрицу традиционного этнографического облика абхазов.

Лекционный текст А. Н. Генко, безусловно, отражает эвристические интересы этнографического знания современной ему эпохи. В то же время он основан на непосредственном и глубоком знакомстве автора с рассматриваемым этнокультурным социумом, на объемном обобщении имевшегося в его распоряжении материала, доскональном знании источников и историографии проблемы. Это дает возможность рассматривать лекционный текст А. Н. Генко как образец русского научного нарратива об Абхазии середины прошлого столетия.

* * *

После тех, вводного порядка, замечаний, которые я дал, нам предстоит приступить к очень краткому, конечно, чрезвычайно поверхностному, но все же ознакомлению с отдельными народностями Кавказа. Сегодня я предлагаю посвятить наше время кратким сведениям, касающимся одного из наиболее интересных народов Кавказа, — интересного, главным образом, для этнографа, т. е. по количеству разных пе-

режиточных явлений, характеризовавших быт этого народа до самого последнего времени, — именно, абхазцев[1].

Абхазцы, которые живут на Черном море, образуют административную единицу, входящую в состав Грузинской республики, — Абхазскую АССР. Они представляют часть большого народа, сохранившегося здесь пережиточно[2]. Количество абхазцев точному учету не поддается, потому что некоторые абхазские элементы, будучи денационализованными, причисляются нередко к другим этническим группам. Тут большие колебания, но, во всяком случае, их меньше 100 тыс. при самом оптимистическом расчете[3]. Сами себя они зовут не абхазцами (абхазцы — название, происходящее от грузинского абхази; соответственно, страна, где живут абхазцы, называется Абхазети). Самоназвание абхазцев апсуа[4], а страна называется Апсны.

В результате эмиграции, которая происходила в 50–60-х годах XIX в. и продолжалась в виде отдельных выселений с Кавказа до самого последнего времени, случилось то, что нынешняя территория Абхазии в значительной мере населена не абхазцами.

Абхазцы, выселявшиеся в Турцию, раньше жили неплохо. Но потом, во время гражданской войны, которая была в Турции, они пострадали. Дело в том, что они оказались примкнувшими к реакционным элементам, сторонниками султанской власти. Когда произошла младотурецкая революция, положившая конец султанской власти и на месте неограниченной монархии установившая в Турции республиканский строй, абхазцы и черкесы, кавказские эмигранты оказались ярыми реакционерами в этом общественном процессе Турции. Они были монархистами: многие из них играли огромную роль в военных кругах и т. д.

Имеются два крупных очага абхазского населения — кодорский и бзыбский. Кодорские абхазцы живут к югу от Кодора, между Кодором и Очемчири; бзыбские абхазцы — в окрестностях Гудаут, к северу от Сухуми, к югу от Бзыби.

---

[1] Устаревший термин; в настоящее время общепринятым является абхазы.

[2] В результате махаджирства — насильственного массового переселения в Турцию, несколькими волнами, имевшего место на протяжении XIX в., — компактное абхазское население сохранилось лишь в двух регионах края. Обезлюдевшие земли были заселены иноэтничными переселенцами и колонистами.

[3] По данным всесоюзной переписи населения 1939 г. абхазов насчитывалось 57,9 тыс. чел.

[4] Апсуа (по абх. апсуаа).

Бзыбские абхазцы более отсталые, более архаичные по своему быту, по языку и разным другим признакам.

Центральная часть Абхазии, в частности, город Сухуми, населен не абхазцами. Там живут колонисты — греки, эстонцы и проч. Так что в столице Абхазии абхазская речь не доминирует.

Что составляет в настоящее время основу абхазского быта? — Это первый вопрос для этнографа.

Подавляющее большинство абхазцев снискивают себе пропитание земледельческим трудом, причем сеют они главным образом кукурузу. Этим уже сказано очень много, а именно, что положение, которое характеризует Абхазию, не может быть очень древним. Кукуруза, как известно, не европейского и не азиатского происхождения: это — американская культура. Так же, как и табак, кукуруза появилась в Европе в XVI веке. И носит она название в абхазском языке, которое обличает ее иностранное происхождение. Старая абхазская культура — это культура гоми (род проса). При этом кукуруза преобладает на юге, у кодорских абхазцев, тогда как на севере, у бзыбских абхазцев с нею конкурирует гоми. Культура пшеницы появилась в сколько-нибудь заметных масштабах в Абхазии сравнительно недавно, только в XIX в., с приходом русских.

Наряду с культурой земледельческой, старой культурой, имеющей соответствующий культ и т. д., мы можем предполагать почти безошибочно, что очень большую роль должно было играть некогда скотоводство. Сейчас скотоводство в Абхазии играет подчиненную роль. Главной причиной этому служит то, что наиболее выгодные с точки зрения скотоводства районы Абхазии в значительной мере лишены своего населения. Они сильно обезлюдели. Это как раз верхняя часть бассейна реки Кодора и Бзыби и среднее течение этих рек. Эти районы представляют собой глухие, дикие места, но там превосходные пастбища. Сильное сокращение и второстепенная роль скотоводства в современном абхазском быту объясняется тем, что приморская зона, где сейчас сосредоточена большая часть абхазцев, лишена достаточного количества пастбищ, — этой предпосылки для широкого развития скотоводства. Поэтому сейчас мы видим сравнительно слабое развитие этой отрасли хозяйства. Между тем, есть основание думать, что абхазцы когда-то были преимущественно скотоводами. Это основание дают переживания древне-языческого абхазского культа, где скотоводческие божества играли, по-видимому, очень значительную роль[5].

---

[5] Божеством скотоводства являлся Айтар, соединявший в своей ипостаси отдельные доли, покровительствовавшие домашним жи-

Какой вид скотоводства все же преобладает в настоящее время?

Для того горного Кавказа, которым мы занимаемся, типично мелкое животноводство, т. е. разведение овец. Овцы — небольшие животные и им легко передвигаться в горах. Но есть некоторые отступления от этого общего правила. Одним отступлением, очень характерным, является скотоводство Абхазии. Большинство поголовья Абхазии состоит из крупного скота. Особенно много коров, причем направление этого скотоводства не мясное, а молочное. Молочные продукты, например, сыр, играют чрезвычайно большую роль в абхазском быту, наравне с кукурузной или крутой пшенной кашей, заменяющей у абхазцев хлеб. Печеный хлеб — пшеничный или кукурузный — употребляется сравнительно редко. Пшенная, кукурузная или иногда пшеничная каша, заменяющая хлеб, называется абыстой. Обычная абхазская пища состоит из абысты и овечьего сыра. Абысту можно есть только в горячем виде. В холодном виде это чрезвычайно невкусная и тяжелая пища, а в горячем виде она ничего неприятного не представляет. Руками берут ломтики сыра и кладут в горячую абысту. Сыр немного согревается в каше, и потом это вместе едят. Кроме того имеется специальный соус из алычи и разных пряных, острых вещей. Соус этот называется асадзбал. Катышки абысты обмакиваются в соус, и это сочетание довольно приятное. Вообще абыста пресная, и без соуса ее было бы неприятно есть.

Итак, основу питания абхазцев составляет кукурузная или пшенная каша — продукт земледелия, и сыр — основной продукт животноводства. Молоко в сыром виде на Кавказе пить не принято. Оно перерабатывается в сыр. А если молоко и употребляется, то в виде простокваши, в частности, в виде мацони. Это грузинское слово, но употребляется широко на Кавказе[6]. Мацони — простокваша, но из кипяченого молока. Там это очень хорошо приготовляется. Между прочим, абыста с мацони очень приятная еда.

Мясо чаще употребляется жареное, причем необычайно соленое и наперченное. Необычайная любовь к перцу — характерна не только для абхазцев, но вообще для Кавказа.

Еще одна подробность. Там много кур и вообще птицы. И вот, когда варят суп, то его не едят, а выливают. Мясо варится перед жаркой, а бульон есть не принято. Птицу они готовят, на наш взгляд, со-

---

вотным: Жвабран (Жәабран) — был покровителем крупного рогатого скота; Джабран (Цьабран) — мелкого рогатого скота; Хуарах (Хәарах) — покровитель свиней и др.

[6] Кислое молоко по абх. ахарцвы (ахартцәы).

вершенно невозможным образом. Курицу ощипывают, потрошат и, прежде чем жарить, берут большой нож и этим ножом мясо вместе с костями мелко рубят, так что куриные кости превращаются в месиво. Объясняется это тем, что при таком способе приготовления костный мозг никуда не исчезает, а используется на 100 %. Но есть такое мясо довольно неприятно, потому что все время попадаются мелкие осколки костей.

Современные абхазские хозяйки, вероятно, уже знают, что это может не нравиться, и поэтому умеют приготовить и на наш лад. Но такой способ приготовления пищи был характерен для абхазцев.

Значит, скотоводство носит характер крупного скотоводства, преобладают коровы и соответственно имеются быки. Затем очень характерно для Абхазии наличие животного, которого мы в наших северных широтах совершенно не знаем. Это — буйвол, тип быка. Это животное необычайно сильное, но вместе с тем, очень нежное, избалованное. По-видимому, буйволы с древнейших времен культивировались в Закавказье. Для иллюстрации силы буйвола приведу такой пример. Лет 20 тому назад, когда производились исследования угольных месторождений в южной Абхазии (ткварчельский уголь), то в эту труднодоступную местность надо было доставлять довольно сложные и тяжелые машины, связанные с работой по разведке угля. Неизвестно было, как их транспортировать. Автомобильной дороги сколько-нибудь сносной не существовало. Лошадям по горным дорогам с крутыми подъемами передвигаться было трудно. Люди, занятые транспортировкой, достали пятитонные грузовики, погрузили несколько машин и повезли. Ехали, ехали, но на полдороге застряли грузовики, а с ними и машины. Я был случайно в этих местах, совершенно независимо от геологических разведок, и наблюдал, как после долгих разговоров прибегли, по совету местных жителей, к силе буйволов. Запрягли несколько буйволов в эти безнадежно застрявшие грузовики, и буйволы по крутому косогору потащили наверх пятитонные автомобили вместе с тяжелыми машинами. Вместе с тем, буйволы очень нежные животные. У них тонкая кожа, шерсти нет, и они легко простужаются. Излюбленное занятие буйволов — погрузиться целиком в жидкую грязь и целый день лежать там. Только головы торчат. Это меланхолическое, приятное животное, чрезвычайно спокойное. Очень много нужно, чтобы вывести буйволов из равновесия. Маленькие буйволята мышиного цвета, с совершенно гладкой кожей, очень симпатичные животные, гораздо симпатичнее телят. Древнейшее местожительство буйволов известно из исторических источников. Это восточная Грузия, Кахе-

тия, бассейн р. Алазани. В Азербайджане буйволы тоже очень часто встречаются. Это чрезвычайно полезное животное, мало едящее, неприхотливое. Обычно буйвол встречается в сочетании с арбой. В местную арбу, двухколесную телегу, причем колоса очень большого диаметра, запрягается пара буйволов. Они способны пройти по любой дороге, например, по пересохшему руслу речки, которое все засыпано огромными валунами. Лошадь запрягать в арбу не принято. Это тоже характерная особенность кавказского быта, и в частности абхазского. Лошадь служит исключительно как верховое животное. Два вьюка, так называемые хараджины, которые перекидываются, будучи привязанными к седлу, — вот единственный груз, который перевозится на лошади. Это имеет свои корни. Лошадь в горах вообще появилась недавно (тут речь идет, разумеется, о столетиях, а не о десятилетиях), это равнинное животное. Когда лошадь появилась, то была принадлежностью привилегированного сословия, в крестьянском быту лошадь играла не очень заметную роль. Таким образом, то использование лошади, к которому мы привыкли, скажем, лошадь, которая тянет плуг, везет телегу, — оно совершенно не характерно для Кавказа. Плуг тянут те же буйволы или быки, но не лошади.

Характерным для абхазского скотоводства было и есть разведение коз. Процентное отношение коз к общему стаду очень высокое. Коза играет в Абхазии очень большую роль не только в материальной культуре, но и в религиозных, культовых обрядах. Например, при языческих жертвоприношениях в древнем культе предусмотрено принесение в жертву именно козла. Молодая козлятина не уступает всем другим привычным нам видам мяса. Козье молоко, козий сыр, тоже играют большую роль в абхазском быту.

Когда-то в давние времена, в начале XIX в. для Абхазии было характерно разведение свиней. Нужно сказать, что абхазцы в большом количестве причислялись к мусульманам, а у мусульман, как вы знаете, разведение свиней не практикуется: свинья считается, с мусульманской точки зрения, нечистым животным. Однако абхазцы разводили свиней в большом количестве. Но вот случилась такая вещь. В период обострения борьбы между Россией и Турцией за обладание Абхазией (борьба продолжалась приблизительно 70 лет) безразличный когда-то момент — недостаточно последовательное и ревностное выполнение предписаний мусульманской религии — приобрел политический смысл. И абхазцы, желая доказать свою политическую приверженность к Турции, должны были усилить внешние признаки принадлежности своей к мусульманству.

Во время Крымской кампании 1854–1856 гг. на Абхазском побережье высадился турецкий генерал Омер-паша, и абхазцы, которые держались турецкой ориентации, желая доказать приверженность Турции, начали производить облаву на свиней, которых было великое множество. Был такой абхазский деятель Ханифа, который организовывал эти облавы. Свиней расстреливали из ружей сотнями и тысячами штук. Очевидцы рассказывали, что огромное количество этих свиных туш лежало и разлагалось. Воздух был отравлен запахом гниения, от которого никуда нельзя было деваться. Словом, было учинено великое «свинское побоище». В современном абхазском быту свиней почти нет. Вообще, свиньи в Абхазии есть, но они характерны для неабхазского населения — для колонистов, русских, греков и т. д.

Следующая очень старая и очень ярко выраженная земледельческая культура в Абхазии — это виноделие. Виноделие характерно преимущественно для бзыбских абхазцев. Они разводят огромное количество самых разнообразных сортов винограда. Каждый средний крестьянин в Бзыбской Абхазии назовет вам 35–40 сортов винограда, в то время как мы здесь знаем всего каких-нибудь несколько сортов. Пожалуй, преобладающий у них сорт — это черный виноград «изабелла», из которого выделывается довольно недурное вино. Но это вино плохо переносит транспортировку и не выдерживает долгого хранения. Приятнее всего его пить молодым, тогда оно вкуснее. За последнее десятилетие абхазское виноделие несколько пострадало: там распространилась филлоксера, грибок, который страшно вредит виноградной лозе. Но вообще виноделие продолжает играть в Абхазии крупную роль. Некоторые, употребляемые у нас, сорта вин («массандра» и др.) происходят из Абхазии.

Кроме того, надо назвать еще один вид старой культуры, ныне почти заброшенной ввиду коренных сдвигов в распределении производств. Это — льноводство. Культура льна исключительной древности. Эта культура была характерна для древней Колхиды, которая занимала всю западную часть Закавказья. Колхи больше двух тысяч лет тому назад славились своим полотном, которое они ткали из местного льна. Сейчас эта культура не имеет уже почти никакого значения, но вам надо знать, что такая культура была.

Имеется еще одна отрасль хозяйства, которая интересна по связанным с нею суевериям и предрассудкам. Это — шелководство. Вы знаете, что шелковичных червей кормят листьями тутового дерева, и в Абхазии условия для развития этой отрасли хозяйства исключительно благоприятные. Но на пути развития шелководства в Абхазии стоит одно очень странное обстоятельство — именно, нелепый

предрассудок, что шелковичные черви вызывают засуху. Поэтому, когда случается в Абхазии засуха, то шелковичные черви подвергаются избиению. Вплоть до Октябрьской революции наша литература кишит сообщениями о самых нелепых случаях, которые имели место в Абхазии в связи с этим обстоятельством. Я кое-что могу прочитать из этой серии.

В Абхазии развито птицеводство, в частности, разводят много кур. Обычно в старину, когда приезжали гости, полагалось зарезать быка или теленка. Но тогда приезжала целая партия людей, и потому такого быка можно было съесть. Кроме того, в съедении быка принимали участие соседи, так что остатков не было. Но с изменениями быта, при меньшем контакте между отдельными жителями, разумеется, зарезать быка по случаю приезда гостя было бы нецелесообразно. Сейчас обычно угощают курами, абыстой, сыром и водкой, наряду с вином, которое там пьют в огромном количестве. Это может поразить свежего человека. Быт западного Закавказья проникнут вином в такой мере, что нам может показаться, будто там все пьяницы. В действительности же, там пьяные встречаются реже, чем у нас, потому что к вину люди приучены с детства. Иногда мать, когда ей надоедает грудной ребенок, начинает его поить красным вином. Вино почти заменяет собой воду. Никому не приходит там в голову, когда хочется пить, пить воду.

У вас должен был возникнуть вопрос: почему абхазцы, живя на берегу моря, не занимаются рыболовством. Это странное обстоятельство, которое требует объяснения.

Действительно, рыболовство в Абхазии сколько-нибудь заметной роли не играет. В Абхазии имеются два вида промысла, связанные с рыболовством. Во-первых, около Гудаут имеются отмели, где очень много устриц. Но устричный промысел находился преимущественно в руках турок. Во-вторых, большое значение имеет дельфинный промысел. Дельфины дают жир, который имеет техническое, лекарственное значение и т. д. Дельфинов очень много в Черном море, в частности, у берегов Абхазии. Но этот промысел опять-таки находится не в абхазских руках.

Существуют противоречивые сведения в старой литературе о том, что когда-то абхазцы занимались рыболовством. Вообще, рыба в Черном море проходная. Очень много рыбы в Азовском море и она периодически продвигается вдоль Черноморского побережья, так что может служить объектом лова. Но это занятие в Абхазии не было развито.

Вопреки мнению старой литературы, приписывающей в прошлом абхазцам занятие рыболовством, я думаю и считаю возмож-

ным вам внушить эту мысль, что абхазцы не занимались рыбной ловлей, потому что являются приморскими жителями сравнительно с недавнего времени. По существу, традиционные основы абхазского хозяйства слагались в тот период, когда абхазцы непосредственно в приморской части Абхазии не жили. Они, собственно, жители предгорий, а не приморской равнины, которая здесь очень узка и которая абхазцами заселена всего только несколько столетий. А лов рыбы в Черном море не такая простая вещь, он требует большого навыка, соответствующего развития мореплавания и судостроения, которые абхазцам не свойственны. Вообще, этот вопрос неясный, но есть ряд соображений, которые позволяют таким образом объяснить эту аномалию[7].

Вообще, в горных реках водится рыба, но только форель. Остальные сорта рыбы не выдерживают режима быстротекущих горных рек. Форель действительно ловят, но этот лов играет совершенно незаметную роль и никак не может характеризовать быт народа в целом.

Гораздо более старые, я бы сказал традиционные занятия абхазцев — это, во-первых, охота, а во-вторых, пчеловодство, собственно бортничество, потому что пчеловодства культурного типа здесь не было. Не скажу, как на сегодняшний день. Вероятно, и здесь, как во всех отраслях хозяйственной жизни, произошел значительный сдвиг. Есть разные виды пчеловодства: пчеловодство со сложным оборудованием, специальными методами и т. д., и пчеловодство примитивное, когда выдолбленные стволы деревьев служат ульями. Примитивное пчеловодство в Абхазии было развито, меду было много.

Что касается охоты, то ни в какой другой области жизни абхазцев не сказываются так ярко происшедшие изменения, как в этой сфере.

У абхазцев есть даже два языка — язык обыкновенный и язык охотничий, лесной. Это собственно даже не язык, а словарь из нескольких десятков слов. Это названия отдельных животных, дома, женщины, мужчины, ребенка. Лесной язык — любопытное явление, возникшее на основе предрассудка, что если человек, общаясь с животным миром, будет пользоваться обыкновенным языком, то этим он отпугнет животных. Это связано с явлением табуации, т. е. запрета называть животных и соответствующие предметы их именами. И вот, на основе потребности избегать называть вещи своими име-

[7] Многочисленные исторические данные свидетельствуют о развитых традициях мореходства и хозяйственного освоения черноморских вод у абхазов в Древности и Средневековье.

нами, дабы не спугнуть и не испортить удачу, и вырос этот особый язык абхазцев. Сейчас охота в качестве профессионального занятия в Абхазии столь же редкое явление, как и у нас. У нас профессионалы охотники насчитываются теперь единицами. Такое же положение в Абхазии. Но положение это новое, создавшееся в результате постепенного оттеснения этого вида хозяйственной деятельности на задний план.

На кого охотились абхазцы? Охота имела не только непосредственно потребительское значение, но и промысловое. В Абхазии водилась, например, куница (она и сейчас имеется в большом количестве). Охота на куницу имела значение промысловое. Мех куницы представлял большую ценность в той торговле, которая искони существовала на побережье.

Надо сказать, что занятие торговой деятельностью в Абхазии чрезвычайно ярко отражает тот уровень общественной жизни, когда торговля, как промысел, вызывала отрицательное к себе отношение. Абхазцы до второй половины XIX в. считали невозможным для себя чем-либо торговать. Это отношение к торговле характерно для стадии родового строя с его натуральным хозяйством. На этой почве происходило очень интересное размежевание сфер деятельности по национальному признаку. Все торговцы в Абхазии до последнего времени были пришлые элементы: мегрелы, турки, греки, — кто хотите, но только не абхазцы. Абхазцы никогда не торговали, и стали торговать только тогда, когда был создан аппарат советской торговли.

Сейчас в аппарате этом можно встретить и абхазцев, но здесь уже торговля на принципиально иной основе. Абхазцы же в качестве частных предпринимателей и торговцев — совершенно невероятная вещь. Это то же самое, что представить себе еще в недавнее время цыгана в роли мирного, оседлого земледельца. (Сейчас, конечно, это положение изменилось.) Поэтому те лица, которые пытались что-нибудь купить у абхазца, попадали в трудное положение. Получить даром — это была вещь возможная. Но это только так говорилось что «даром». В действительности же принцип был такой: я тебе дарю такую-то вещь, но ты должен мне ответить тем же. Можно было в качестве гостя приехать и требовать к себе внимания. (От этой мелочи быта абхазцев мы сразу попадаем в гущу тех специфических отношений, которые опять-таки характеризуют эпоху родового общества и натурального хозяйства.)

Есть нечто безмерно раздуваемое в популярной литературе, а именно — прославленное гостеприимство. Действительно, госте-

приимством абхазцы исключительно славились. Любой человек, кто является в дом к абхазцу, — это гость, священная особа, и в течение нескольких дней его интересы ставятся на первый план. Разумеется, гость тоже не дикарь, должен знать границы претензий. Но все, что хозяин мог добыть, он должен был предоставить в его распоряжение: внимание, покой, пищу и проч. (Это, разумеется, отражение той эпохи, когда человек без особой необходимости не ездил, а если уж ездил, то его к этому побуждали какие-нибудь серьезные причины — это не то, что туристы, которые из праздного любопытства ездят смотреть, как люди живут.) Поэтому явление гостя — было явлением редким. При этом предполагалось: мы должны принять гостя, потому что сами когда-нибудь тоже можем оказаться в таком положении. В этих условиях возникает специфическая вещь, доставляющая много неприятных минут приезжающим. Представьте себе, что вы приезжаете верхом. К вам сразу подбегают несколько человек (по адату гостя должны принять младшие дочери), и все, желая показать свое внимание к вам, хватаются за стремя. Иногда 5–6 человек держат ваше стремя. Затем лошадь от вас убирают, а вам дают мыть руки. Это сейчас так, а совсем недавно полагалось по адату мыть приезжему ноги. Мне рассказывали лица более пожилые, что они подвергались этой процедуре, причем без особой необходимости, потому что шли они не пешком и особой усталости не испытывали.

Итак, вам перед едой приносят кувшин с водой, чтобы помыть руки. При этом мыть нужно по старшинству, но для гостя делается исключение. Хотя бы гость был юнец, а принимал его седобородый старец, но всегда гостю предлагают мыть руки первым. Конечно, гость, если он человек благовоспитанный, хочет показать, что он тоже не лыком шит и правила знает. Поэтому он предлагает раньше мыть руки старшему хозяину. Начинается страшное препирательство, которое длится 15–20 минут: «пожалуйста, мой руки», «нет, ты, пожалуйста, мой руки» и т. д. В конце концов кто-нибудь, предварительно извинившись, начинает мыть руки.

Теперь дальше. Когда входит гость, все поднимаются со своих мест и стоят, дожидаясь, пока сядет тот, кому это по праву полагается. Опять-таки это право предоставляется или самому старшему, или самому почетному. Любой, кто бы ни вошел, пусть хотя бы парнишка сосед, все встают и не садятся, пока он не сядет. (Все это, конечно, очень хорошие обычаи, но нудные до последней степени.)

Затем начинается трапеза. Здесь, конечно, не обходится без вина, и главное, без тостов. Абхазцы замечательные мастера произносить то-

сты. Опять-таки последовательность тостов строго предписана обычаем. Сначала пьют за одно, потом другое, третье и т. д., при произнесении каждого тоста встают, и потом снова начинается упрашивание: «садитесь, пожалуйста», «нет, вы садитесь, пожалуйста». Каждый стесняется сесть первым.)

Кончается трапеза, и вас укладывают спать. Тут происходит вещь, к которой нам, с нашими несколько надуманными, европейскими привычками, трудно приспособиться. Именно, является какая-нибудь девица — иногда девочка, а иногда постарше — и начинает самым бесцеремонным образом вас раздевать. Это пережиток старого времени, когда такого рода, по существу, дешевые услуги, должны были подчеркнуть внимание, расположение к гостю.

Сейчас многие из этих обычаев уже исчезли. Современное сознание уже несколько изменилось. Вообще, все это имело место не везде, а в наиболее глухих местах. Хотя отношение к гостю по-прежнему хорошее, но к нему примешивается некоторая ирония. Существует, например, такая пословица: «Гость, как ягненок», т. е. что ему ни скажешь, он все сделает. Пословица эта показывает, что, конечно, гость — почетная особа, но он в плену, и довольно тягостном.

Уважение к старшинству было нерушимым правилом, [но оно] влекло за собой часто неудобства. Бывало, например, в старые времена так, что какой-нибудь молодой офицер, дослужившийся в русской армии до чина полковника или генерала, увешенный орденами и проч., привыкший к тому, что перед ним все становятся во фронт, обязан был вставать при появлении любого оборванца, нищего, если тот был старше по возрасту, и никогда не позволял себе сесть, пока не сядет этот вошедший человек.

В патриархальных домах младшие члены семьи никогда не могли себе позволить сесть на то место, где обычно сидит глава семьи, — все равно присутствует отец или отсутствует, место его священно, неприкосновенно. Абхазцы курят, но считается неприличным и по сие время, чтобы молодой человек или сын закурил в присутствии отца. «Прикурить» от старшего, папиросу от папиросы, трубку от трубки — верх неприличия.

Много есть таких подробностей, которые характеризуют абхазский быт, патриархальный древний уклад эпохи родового строя, когда социальная дифференциация была не велика, и когда люди различались только по возрасту. Какое-то различие людей по определенному признаку необходимо, и вот, естественным признаком различия являлся возрастной признак: старшинство определяло собой социальное значение человека. Чем человек старше, тем опыт его больше, и тем

больше уважение к нему окружающих. Выражается это в различных внешних знаках внимания.

Интересно, хотя и противоречиво, положение абхазской женщины. Вообще, это положение характеризуется как свободное. Нельзя себе представить абхазку, закрывающую лицо, как это до самого недавнего времени имело место в других районах Кавказа. В 1927 г. в Дагестане, в горных селениях, я, прожив полтора месяца, не видел ни одной женщины, хотя они ходили кругом. Достаточно было мне, гяуру, постороннему человеку, выйти на улицу, или то, что заменяет улицу, как женщины исчезали. Достаточно было мне войти в комнату, опять-таки женщины прятались. Я прожил в доме полтора месяца, имел дело с хозяином, взрослыми сыновьями, но хозяйки не видел ни разу. Она убирала комнату, готовила, все делала, но это было так обставлено, что я ее не видел. Я как-то поинтересовался устройством домашнего очага, кухонного помещения и т. д. Хозяин мялся, мялся, но потом все-таки согласился. Когда мы пришли туда, то застали все в полном порядке, но женщины с детьми куда-то ушли. Хозяин часто, когда я спрашивал о том или другом предмете кухонного обихода, терялся, так как сам не знал, как называется, для чего употребляется и т. д. Он уходил, спрашивал у хозяйки и потом мне объяснял. Когда я в этом же месте побывал в 1937 г., то спокойнейшим образом разговаривал с хозяйкой, и она смеялась, вспоминая, какие у них были странные предрассудки. Оказывается, она меня тогда десятки раз видела, но сама на глаза мне не показывалась. Это, между прочим, характерная вещь. Вы постоянно чувствуете, что множество глаз за вами наблюдает из какой-нибудь щели. Но это все относится к той части Кавказа, о которой мы будем говорить дальше. К абхазцам это не относится.

Положение женщины в Абхазии было относительно свободным. Женщина играла настолько значительную роль, что когда в давние времена происходили стычки, или даже взаимные набеги, то иногда во главе таких партий оказывались женщины. Если у ряда народностей Кавказа существуют обряды, очень относительные и подчеркивающие подчиненное положение женщины, в частности обряды, связанные с деторождением, то абхазские обычаи ничего подобного не знали. Абхазки рожают в нормальных условиях, в своем доме и т. д., так что никаких запретов в этом смысле не делалось и не делается[8].

[8] У ряда народов Кавказа роды должны были проходить вне дома, поэтому рожениц удаляли в отдельное, удаленное от основного жилища помещение.

Но не следует думать, что абхазская женщина в быту была равноправна. Равноправие женщины и мужчины в абхазском быту достигнуто только теперь, когда сама жизнь доказала, что никакой принципиальной разницы между ними нет: женщина — председатель сельсовета, женщина — крупный работник в какой-нибудь системе — это факты, встречающиеся на каждом шагу. Но до недавнего времени было редкостью, чтобы женщина сидела за столом, когда приезжает гость. Правда, это объясняется и тем, что ей нужно готовить и проч., но, как бы то ни было, она неохотно садилась с вами за стол. Женщина ела потом и отдельно от вас. Или то, что всякие услуги гостю оказывались не мужскими представителями семьи, а женщинами. Это тоже показывает, что женщина выступила в служебной роли.

Так что тут есть противоречие. Но, во всяком случае, по сравнению с другими кавказскими народами, особенно мусульманскими (абхазцы частично мусульмане), положение абхазской женщины было очень независимым. Такой подчиненности, такой приниженности в положении абхазской женщины не было.

По ассоциации я вспомнил такое обстоятельство из эпохи родового строя, тоже очень характерное для абхазского быта недавнего времени.

Абхазцы, в силу гостеприимства и в силу адатов считали неприличным, если они дома, запирать двери своего жилища, потому что если вы запираете дверь, это может дать повод думать, что вы не желаете принимать гостей. Двери бывают закрыты только тогда, когда нет дома хозяев. Опасности воровства нет никакой — за исключением лошадей, никогда ничего не крадут. Более того, конокрадство нигде так не распространено, как в Абхазии. Так что опять-таки получается противоречие. С одной стороны — полная уверенность, что вещи ваши будут целы, а с другой стороны — исключительная боязнь того, что у вас украдут лошадь. Замечательно то, что этим воровством лошадей занимались отнюдь не неимущие, а наоборот, материально обеспеченные люди, представители привилегированных сословий. Люди, которые называли себя князьями, дворянами, составляли по преимуществу контингент этих конокрадов. В чем здесь дело?

Объяснить это явление можно опять-таки только при условии, если мы постараемся составить себе ясное представление о родовом строе. Родовое общество представляет собой хаотическое состояние. Мир, гарантия безопасности личной и имущественной, тут дается только внутри рода. Ваши сородичи вас никогда не тронут, они

вас будут до последнего издыхания защищать всеми возможными и невозможными средствами. Вне рода, вне этих отношений, вам на каждом шагу грозит опасность. Опасность какого рода? Со стороны представителей другого рода, которые, может быть, принципиально не враждебны вам, но в силу того, что вам приходится сталкиваться на бранном поприще, они заинтересованы в усилении своих военных позиций, в усилении мощи представляемого ими рода. Лошадь играет преимущественную роль верхового животного, т. е. она имеет военное значение, чрезвычайно усиливая оборонительные и наступательные качества обладателя ее. Поэтому похищение лошади отражало естественную тенденцию усилить свое военное значение, свою военную мощь. Отсюда постоянные похищения, с одной стороны, лошадей, а, с другой стороны, людей. До XIX в., т. е. до упрочения русского политического влияния на Черноморском побережье, Кавказ был главным поставщиком живого товара, т. е. людей. Людьми торговали оптом и в розницу, продавали в огромном количестве, настолько огромном, что существует мнение, будто тип османских турок, населяющих Малую Азию, резко изменился под влиянием импорта живого товара, производившегося на протяжении столетий. Все гаремы и подобного рода учреждения Турции были заполнены черкешенками, а черкешенками собирательно назывались все уроженки Кавказа.

Особенно ценились женщины, но и мужчины вывозились за пределы Кавказа в качестве рабов. В Египте в XIV–XV вв. существовала целая масса рабов, так называемых мамлюков, которые были родом с Кавказа. Они даже основали свою династию и в результате численного и военного преобладания стали играть крупную политическую роль в жизни Египта. Это эпоха — непосредственно предшествовавшая присоединению Египта к Турции. Ведь до XIX в. Египет составлял часть Турции, а потом был завоеван англичанами. И только каких-нибудь 20 лет тому назад Египет получил относительную автономию, хотя и сейчас относится к системе стран, находящихся под политическим влиянием Англии. (И вот этот мамлюкский Египет был населен огромным количеством вывезенных с Кавказа рабов.)

Конечно, когда мы узнаем, что наряду с пушниной, воском, самшитом (кавказская пальма, дающая замечательный строительный материал), т. е. с естественными, с нашей точки зрения, статьями экспорта, с Кавказа в огромном количестве вывозились люди, причем торговля людьми на Кавказском побережье производилась вплоть до середины XIX в., — нам это кажется очень странным. И в частности, совсем ди-

ким кажется нам то, что часто, особенно в голодные годы, родители продавали своих детей в неволю.

Но надо учесть, что эта неволя подчас могла казаться им краше полуголодного существования у себя на родине. Они не на смерть обрекались; в частности, женщины уезжали в какой-нибудь гарем, где положение их было не хуже, а во многих случаях лучше, чем на родине. Источники часто описывают случаи, когда женщины, так называемые невольницы, с нетерпением ждали, когда, наконец, их купят. Разумеется, неизвестность волнует, но, вместе с тем, отчаяния в их поведении не наблюдалось. Видите, такие странные, с нашей точки зрения, явления отмечались. Явления, которые объясняются некоторыми специфическими общественными условиями существования этой эпохи.

Итак, возвращаясь несколько назад, отметим, что конокрадство было чрезвычайно характерным явлением абхазского быта до самого последнего времени. Занимались этим, повторяю, феодальные элементы, которые там существовали.

Теперь, поскольку речь зашла о наличии привилегированного сословия, скажу несколько слов относительно социального расслоения абхазского общества, каким мы его застаем в Новейшее время. Абхазское общество находилось в феодальном состоянии. Существовало сословное деление: феодалы и зависимые от них подчиненные элементы — крестьянство. Это было родовое общество, которое уже разлагалось и перешло в высшую стадию — раннефеодальное общество.

Таково было социальное состояние Абхазии к началу XIX в., когда в 1810 г. в Абхазии появились русские.

* * *

Сегодня у нас продолжение лекции об абхазах.

Как я уже сказал, абхазцы, сохранившие чрезвычайно большое количество родовых пережитков к началу XIX в., когда мы получаем более близкое с ними знакомство, находятся уже на том уровне общественного развития, который в литературе называется феодализмом. Что такое феодализм, вам известно, и потому я в детали не вхожу. Скажу только, что абхазское общество слагалось из элементов социально неравноправных, т. е. не было той однородности состава общества, которая характеризует собою родовой строй, когда нет дифференциации социальной и когда нет сословных различий. Разумеется, не следует думать, что в эпоху родового строя, который господствовал на Кавказе, и развитое состояние которого мы застаем в очень многих местах Восточного Кавказа, Дагестана, Чечни, — все абсолютно равны. Во-

обще, полное равенство людей — это теоретический идеал, который никогда на практике не осуществляется. Всегда есть глупые и умные, сильные и слабые и т. д. Это — с одной стороны. А с другой стороны, есть имущественно более обеспеченные и менее обеспеченные. Эпоха родового строя характеризуется нередко такого рода фактом, что не отдельно богатый человек противостоит отдельному бедному, неимущему, а богатый или сильный род противостоит слабому, захудалому роду. Такие явления, конечно, имели место в Абхазии. Но на основе дальнейшего общественного развития Абхазия перешла эту грань и создала феодальные различия. Там были князья и был над князьями князь. Абхазские князья носили фамилию Шервашидзе. Они стояли во главе абхазского общества.

Территория Абхазии была поделена на различные участки, во главе которых и стояли различные представители рода Шервашидзе. Кроме того, был старший в роде, глава его.

В чем выражалось господство Шервашидзе? Они, конечно, не представляли собой той власти, которая является для нас привычным понятием. Вообще, государственный аппарат в эпоху феодализма представляет собой нечто неопределенное, рыхлое. Внимание государственной власти, представленной высшим феодалом, не распространяется на целый ряд сторон жизни. Власть эта заинтересована лишь в том, чтобы население выполняло какую-то сумму повинностей. В прочих отношениях население оказывается представленным самому себе. В частности, продолжается господство так называемого самоуправства. Это значит, что когда кто-нибудь обижен кем-нибудь, то он не обращается в суд (нет такой инстанции, которая являлась бы судебной в полном смысле слова), а своими силами при помощи сородичей или покровителей расправляется с обидчиком, старается убить его или нанести какой-нибудь другой материальный ущерб.

В таком положении находилась и Абхазия. В стране господствовали интересы рода, и каждый член рода обеспечивал интересы своих сочленов против всех остальных. Поэтому, с нашей точки зрения, Абхазия непрерывно находилась в состоянии анархии. Постоянно были конфликты, убийства и проч. Это типичное положение, которое мы вообще можем признать господствующим на Кавказе, и которое производит на нас, с нашими привычками и с нашими представлениями о порядке, странное впечатление.

Какие были еще классы? Кроме князей, были непосредственные их вассалы, тоже очень высокопоставленная категория, в переводе на наши понятия, примерно, дворяне. Они, в свою очередь, име-

ли подчиненных им людей, имуществом, а в некоторых случаях и жизнью которых они распоряжались. Вообще, по народным обычаям, правом распоряжаться жизнью своих подданных никто не обладал, но фактически, в силу наличия физических возможностей, самоуправство имело место, т. е. князья и дворяне могли убивать безнаказанно своих подданных, если те чем-нибудь не угодили им. Разумеется, как всегда, эта господствующая верхушка составляла меньшинство населения. Хотя она распоряжалась и пользовалась огромной массой материальных благ, доставляемых страной, но, тем не менее, она всегда составляла меньшинство населения; большинство населения составляла масса крестьян, которые жили сельскими общинами, имели свой культ, свою территорию и свои родовые связи.

Что представляла собой абхазская община? В этой связи надо отметить одно обстоятельство, которое резко отличает Западный Кавказ от Восточного. Абхазцы не живут селениями. До сих пор они по существу живут хуторами. То, что называется абхазским селением, представляет собой совокупность хуторов. Там нет такого положения, чтобы рядом стояли один, два, три дома, потому что каждый дом находится на территории приусадебного участка, занимающего иногда довольно обширную площадь. Когда вы приезжаете в так называемое абхазское селение, то видите, правда, нечто вроде улицы, но это сплошной ряд заборов, из чрезвычайно буйно вьющейся растительности. Если вы все-таки поинтересуетесь, что же скрывается за этой изгородью и попробуете свернуть в какую-нибудь сторону и найти вход в эту изгородь, то попадете на довольно большой участок, среди которого будет стоять дом, окруженный некоторыми хозяйственными постройками. Территория участка настолько обширна, что соседнего дома вы можете, как правило, даже не видеть. Разумеется, в таких условиях селение, насчитывающее несколько сот домов, тянется иногда на 10–15 верст. Эти условия расселения есть прямое производное от географических условий, о которых мы говорили в свое время. Абхазцы, осваивая территорию Абхазии, селились в густых лесах, и та борьба с лесом, о которой вы уже знаете, особенно ярко сказалась именно здесь. Приходили небольшие группы людей, вырубали земельные участки и на этих участках селились. Селиться небольшими сплоченными селениями с тем, чтобы всякие угодья земельные в виде пастбищ, садов и проч. иметь где-то на стороне, было и неудобно и невозможно.

Вообще, человеку приятно жить более или менее независимо, и если в тех или других условиях создается скученность, концентрация

ряда домов в одном месте, то к этому обычно побуждают соображения безопасности. Кажется, что, поселившись в глухом лесу, вы подвергаетесь всяким опасностям. Между тем, такое расселение имело свои выгодные стороны. Труднодоступная местность, совершенно непроходимые леса и т. д. служили естественной защитой жителям от всякого рода опасностей.

Постройки у абхазцев были чрезвычайно своеобразные. Анализируя сумму хозяйственных и других сооружений, которые имеются у абхазцев, мы можем проследить развитие абхазского жилища от самых первобытных стадий до современных. Современный абхазский дом уже ничем не отличается от тех домов, к которым мы привыкли. Дом деревянный с двускатной крышей, с обыкновенными дверями и окнами, причем окна застекленные. Словом, ничего особенного нет, кроме одного: дома эти обыкновенно двухэтажные и в первом этаже не живут. Дома стоят на высоких столбах и жилым помещением является второй этаж. Объясняется это чрезвычайно сырым и влажным климатом. Если жить непосредственно на уровне земли, т. е. если пол будет прилегать к естественному грунту, то вы будете жертвой малярии. По этим соображениям абхазцы и живут обычно не в первом, а во втором этаже. К этому и сводятся различия. Во всех прочих отношениях абхазский дом кажется нормальным с нашей точки зрения.

Между тем, в более глухих местах и сейчас, а прежде повсеместно, абхазский дом представлял собой нечто принципиально отличное от нашего дома. Прежде всего, жилище не строилось из дерева, а плелось. Это было плетеное сооружение, причем древнейшая форма его была круглая, вроде стога сена — круглое в плане и постепенно сужающееся кверху. Обыкновенно использовались для плетения ивовые прутья, отличающиеся своей гибкостью. И вот такое, из ивовых прутьев сплетенное, стогообразное сооружение служило домом. Дверями служили естественные отверстия. В Абхазии самая низкая температура бывает в январе и достигает она, самое большое, 1–2° мороза. Снега вообще не бывает, а если он иногда выпадает, то моментально тает. Если снег держится на земле 2–3 часа, то это уже событие. Потому в абхазских домах старого типа окна и двери отсутствовали. Вместо того и другого были дыры. Очаг, на котором готовили, располагался посреди этого сооружения, и дым выходил в те щели, которые естественно существовали в таком помещении.

Спрашивается, откуда мы все это знаем, и не плод ли это нашего воображения?

Методы определения такого рода стадий развития вам полезно усвоить. Дело в том, что в хозяйственных постройках, окружающих

современный абхазский дом, как раз сохранилась это древнейшая форма сооружения. С хозяйственными постройками связан некоторый домашний культ, они более архаичны. В этих постройках сохраняется поэтому древняя форма самого дома. У абхазцев кухня, помещение, в котором готовят пищу, всегда находится на отлете, отдельно от жилого дома. И вот это помещение, так называемое амацурта, сохраняет как раз древний тип постройки. Затем кукурузник, т. е. сарай, в котором хранятся кукурузные початки, тоже имеет такую форму. Отдельно стоит и курятник. Все эти помещения по своему типу как раз сохраняют пережиточные древние формы абхазского дома.

Еще одно обстоятельство, тоже странное на наш взгляд, показывает, что абхазцам трудно было строить деревянные дома. Дело в том, что абхазцы не умели пилить доски, у них не было соответствующего инструмента. Делать доски из деревьев совсем не простая вещь. Поэтому на Кавказе в большинстве дома были каменные, а не деревянные, из дерева делались только потолочные балки. Деревянные дома первоначально появились в Карачае, Балкарии и других местах, богатых лесом. Деревянные дома на каменных столбах, в которых жили абхазцы, строились не ими, а рачинцами[9] и другими пришлыми элементами. Как же все-таки справлялись с толстыми деревьями? Их не пилили, а кололи, забивая предварительно клинья.

Словом, пилить деревья на доски до последнего времени на Кавказе не умели, и это, конечно, отражает ту эпоху, когда не было ни соответствующего инструмента, ни соответствующих навыков, ни потребностей иметь такие навыки. Сейчас, конечно, там есть лесопильные заводы и т. п. усовершенствованные способы деревообделочной промышленности. Но сравнительно недавно ничего подобного не было. Например, в Карачае, где дерево служит главным строительным материалом, дома производят впечатление наших изб. Они складываются из бревен, причем бревна надрубаются топором и крестообразно закрепляются. Круглые выступы заполняются мхом и т. п.

Возвращаемся к жилищам абхазцев. Сооружения из ивовых ветвей покрывались папоротником. В Абхазии имеется особый тропический папоротник гигантских размеров с необычайно толстыми стволами (его очень трудно корчевать), и этим папоротником перекрывают крыши. Разумеется, дома эти быстро разрушаются и требуют частого

[9] Жители западногрузинской этнографической области Рача.

возобновления. В числе абхазских обычаев был такой обычай, что когда старший сын женился или младшее поколение обзаводилось семьями, то этот акт сопровождался непременно сооружением отдельного дома. И до сих пор сохранилось такое положение, что при естественном росте семьи каждая семейная ячейка обособляется и получает отдельное помещение (обычно из одной комнаты, но все же отдельное). Постройка этих домов не требует тех физических и материальных затрат, с которыми связана постройка домов в других местах, и осуществляется очень легко.

Итак, абхазское поселение — это разбросанная на широком пространстве сумма хуторов, располагающихся обычно на более высоких местах, на холмах. Такой холм, господствующий над окружающей местностью, служил средоточием селения. Для абхазского селения есть специальный термин — акыта. Этот термин сравнительно новый, есть и старое название. Дело в том, что эти селения первоначально представляли собой объединение кровных родственников, причем абхазский род, который застает история, это род патриархальный, т. е. счет родства производится по отцовской линии. Следы материнского рода в Абхазии сохранились пережиточно. Селений, которые бы целиком состояли из членов одного семейства, на сегодняшний день в Абхазии нет, но еще недавно такие селения были. Сейчас в Абхазии очень частое явление, что все жители селения состоят из 2–3 фамилий, но селений, состоящих из представителей одного рода, на сегодня уже нет.

Основную массу населения составляло свободное крестьянство, т. е., не закрепощенное и не выполнявшее барщины. Свободные крестьяне платили налог или оброк (в разных местах это обставлялось по-разному), но все-таки они были свободны. Кроме этой основной массы населения в Абхазии имелись низшие категории: крестьяне зависимые, вроде крепостных, которые жили при доме князя или дворянина и выполняли для него различные работы, и, наконец, рабы, потомками которых, между прочим, являются живущие на сегодняшний день в Абхазии негры. В южной Абхазии, в селении Адзюбжа есть несколько негритянских семейств, которые говорят, правда, на абхазском языке, но по внешности они негры. Это потомки рабов, ввезенных когда-то из Африки на Кавказ и оставшихся здесь в Абхазии. Их очень немного, и это единственное место в СССР, где имеется негритянское население[10]. Я уже говорил о работорговле

[10] В настоящее время потомки чернокожих поселенцев полностью ассимилировались и растворились в абхазской среде.

на Кавказе и указывал, что наше представление о положении этих рабов превратное. Наше понимание положения раба существенно отличается от того понимания, которое было в эпоху существования рабства. Конечно, не следует идеализировать это положение, но вместе с тем и не следует представлять дело совсем так, как мы это сейчас представляем. С рабами обращались, как с младшими, менее заслуживающими внимания, членами семьи. Они находились на положении несколько третируемых, но все же членов семьи. Общий уровень жизни был настолько низок, культурные блага, которыми пользовалось население, были столь малозначительны, что особого различия между рабами и рабовладельцами не было. Питались в общем одним и тем же, одевались, в общем, в одно и то же. Но были некоторые пункты, очень характерные для Кавказа, в которых различались между собой классы. Разница заключалась в знаках внешнего внимания, в руководящей роли в военных и других предприятиях князей и дворян, и затем, в некоторых пунктах бытового порядка. Прежде всего, неотъемлемой привилегией каждого князя или дворянина было обладание хорошим оружием. Нужно сказать, что первые годы русского господства в Абхазии ознаменовались довольно трагической историей. Брат одного из владетельных князей — Гассан-бей — был арестован русскими властями по недоразумению и сослан в Сибирь. Население страшно волновалось, предъявлялись разные требования к русским властям и т. д.[11] Но что характерно? Когда абхазское общественное мнение восстало против этого акта насилия, то трудно было понять, чем оно возмущалось больше: тем ли, что русские насилием захватили Гассан-бея и сослали его в Сибирь, или тем, что они отняли у князя замечательную шашку, которая была знаменита во всей Абхазии. Об этой шашке шли нескончаемые разговоры. Все жалобы, все претензии к русским обязательно начинались с этой шашки. Вы читаете и можете принять это за ребячество: тут, можно сказать, человек пропадает, а они о шашке говорят. Для того чтобы понять всю эту историю, надо учесть, что у абхазцев оружие было, действительно, чем-то таким, на что обращалось исключительное внимание. Шашки эти привозились издалека и передавались из поколения в поколение. На Кавказе искусство закалки стало развито слабо. Клинки, шашки

[11] Гасанбей Шервашидзе (Чачба) — князь, член правящего владетельского дома, принимал активное участие в политической жизни Абхазии эпохи присоединения к России, пользовался значительным авторитетом. Его арест в 1821 г. и ссылка вызвали в Абхазии массовые народные волнения.

привозились из Дамаска, Египта. Это действительно замечательные вещи. Иногда встретишь такой клинок, который можно свивать как бумагу и с ним ничего не делается. Достаточно отпустить его и он, как пружина, выпрямляется. Ценилось также огнестрельное оружие. Надо сказать, что одевались князья и дворяне по-разному, можно было встретить оборванца, в грязной и заплатанной одежде, но на прекрасном коне и с замечательным оружием. Это объясняется следующими причинами. По абхазскому обычаю (пережиток родового строя, сохранившийся в условиях феодального строя), если вы при встрече со знакомым, особенно с высокопоставленным лицом, начинаете хвалить какой-нибудь предмет, ему принадлежащий, то вы обязательно этот предмет получаете в подарок. Раз вы что-нибудь хвалите, значит, считаете приятным этим предметом обладать, и поскольку вами выражено такое желание, то адат требует ваше желание удовлетворить. Многие из-за этого обычая оказывались в неудобном положении. Русские и вообще иностранцы, не зная этого обычая, из вежливости, желая сделать приятное хозяину, начинают хвалить его одежду или еще что-нибудь, и моментально им это дарилось. Напрасно вы будете отказываться, говорить, что вы этого вовсе не хотели и проч., раз вы похвалили, то должны эту вещь получить в подарок. Однако в сумму этих неписаных правил адата входило то, что оружие не дарилось. Подарить оружие, это то же самое, что подарить жену или ребенка. Оружие было изъято из этого правила, потому что это был предмет первой необходимости, особенно холодное оружие, в меньшей мере огнестрельное. Вообще, вооружены были абхазцы до недавнего времени луком и стрелами. Еще при первых столкновениях с русскими очень часто употреблялись лук и стрелы, а не ружье. Огнестрельное оружие вообще давнего происхождения: в Европе пушки употреблялись с XIV в. Но на Кавказе оно появилось позднее, там главное распространение имело холодное оружие.

И вот с такими оборванцами, но на прекрасных конях и с исключительно хорошим оружием, сталкивались русские наблюдатели еще в начале XIX в.

Таким образом, социальная дифференциация, которая имела место в бытовом плане, не была столь резкой, как нам могло бы казаться. Тем не менее, сословное деление, принадлежность абхазского общества уже к эпохе феодальной есть результат очень длинного и сложного развития. Как произошло это развитие? Что стимулировало переход от родового строя к феодальному?

Объясняется это исторически: влияниями и связями Абхазии с очень развитым в экономическом и социальном отношении сосе-

дом — Грузией. Абхазия и сейчас входит в состав Грузинской республики и искони была связана с Грузией. А в Грузии дело дошло до политической централизации, до царской власти и т. д. Это был уже развитый феодализм и, естественно, что принадлежность к Грузии Абхазии отражалась на последней[12].

Непосредственно к северу от Абхазии, на Черноморском побережье, севернее Сочи, начиналась полоса расселения черкесских племен, так называемых шапсугов, которые не знали такого социального деления. Живя в гораздо более доступных, чем абхазцы, местах, они сохраняли первобытный общинно-родовой строй, оставаясь на более ранней стадии общественного развития, чем абхазцы.

Самое важное, с точки зрения этнографа, что дает нам Абхазия, это исключительно своеобразные и обильные переживания древних религиозных и магических воззрений. Это, пожалуй, наиболее яркая и наиболее своеобразная сторона в абхазской действительности.

Кавказ, по формальной принадлежности к официальным религиям, до Октябрьской революции разделялся на две части — мусульманскую и христианскую. Мусульманская часть Кавказа это — почти весь Северный Кавказ, Дагестан, Чечня, Кабарда, Балкария, Карачай, Черкессия. Все эти районы в эпоху присоединения к России были мусульманскими. Христианские районы — это преимущественно Закавказье, в состав которого входит и Абхазия. Здесь христианство гораздо более давнее, чем в России. Христианство в России связано с Киевской Русью X в., тогда как в Закавказье христианство распространилось в IV в., т. е. на 600 лет раньше, чем в России. Это раннее христианство чрезвычайно благоприятствовало переживаниям древних религий. Христианство оказалось фактически более терпимым к древним пережиткам, чем мусульманство. Объясняется это в кавказских условиях очень просто. Мусульманство распространилось в гораздо более позднюю эпоху, когда средства и методы пропаганды, обращения в соответствующую религию были подняты на значительно более высокий идеологический (если можно так выразиться) уровень, когда борьба

[12] А. Н. Генко несколько односторонне представляет культурно-исторические взаимодействия Грузии и Абхазии. Процессы централизации Грузии стали следствием активной политической и военной экспансии Абхазского царства, объединившей к X в. в своих границах Западную и Восточную Грузию. Династическая уния абхазских Леониидов и южногрузинских Багратиони завершила объединение грузинских земель, два века спустя добившись зенита могущества в годы правления царицы Тамар.

с древними пережитками, древними обычаями, древними воззрениями проводилась беспощадно. В эпоху Шамиля мы видели ожесточенную борьбу с пережитками древних языческих воззрений в Дагестане, Чечне. То же самое происходило и на Северо-Западном Кавказе, среди черкесов: истреблялись древние культовые места, преследовались представители древнего культа, жрецы и т. д. Христианство, распространявшееся в древние времена в гораздо более трудных условиях, по необходимости оказалось более дипломатичным и занимало более примирительные позиции в отношении древних культов.

Так как Абхазия оказалась вовлеченной в сферу старо-христианской пропаганды, эпоха распространения которой связывается с именем знаменитого в истории византийского императора Юстиниана (V–VI вв.), посылавшего своих миссионеров на Кавказ обращать абхазцев в христианство, то в этой связи мы узнаем о древнем абхазском культе. Этот древний культ заключался в поклонении деревьям. До последнего времени в Абхазии был целый ряд очень своеобразных представлений, связанных с деревьями. В частности, деревья были последним прибежищем покойников[13].

Теперь абхазцы хоронят людей в земле, соблюдая при этом различные церемонии. Когда случается смерть, то специальные горевестники посылаются, чтобы оповестить об этом событии всех соседей и родственников. Приходят мужчины и женщины, и начинается обряд оплакивания. Они царапают себе лица до крови, рвут на себе одежду, особенно, конечно, отличаются женщины. Обряд этот должен производиться перед покойником, но так как долго сохранять тело невозможно, а обряд оплакивания должен продолжаться приблизительно 40 дней, то труп хоронят, а оплакивание продолжается уже над куклой, специально сделанной и одетой в одежду покойника.

Попутно скажу об одежде абхазцев.

Одежда эта состоит из рубашки, сшитой из грубой шерсти. За рубашкой следует так называемый бешмет, нечто вроде жилета, но с глухим воротом. Зато надеваемая сверху чуха или черкеска имеет вырез спереди. Она стянута в талии и имеет полы различной длины, у

[13] Речь идет о т. н. воздушных погребениях, практика которых зафиксирована на территории Абхазии на протяжении длительного исторического периода, начиная с III тыс. до н. э.; последние упоминания этого обычая относятся к началу нового времени. По историческим свидетельствам, тело умершего (мужчины) водружали на ветви деревьев в сакральных рощах. Однако ветви не оставались «последним прибежищем». После истления мягких тканей костные останки подвергались захоронению.

некоторых длинные, у других короткие. Опытный человек может по покрою черкески узнавать национальную принадлежность кавказца. Есть черкески с откидными рукавами; рукава эти разрезаны и пришиты на плечах; они откинуты назад и завязаны наглухо за спиной. Черкески различаются также по покрою нижней части. Она может быть длинная и короткая. Абхазцев характеризует короткая черкеска. Сами черкесы носят черкески с более длинными полами, ниже колен. Разумеется, такого покроя одежда сейчас уходит в область преданий.

Но больше всего характеризует горных жителей обувь, так называемые чувяки. Они шьются из целого куска кожи, в форме лодочки. Кожа довольно мягкая — несколько грубее, чем верхняя кожа нашей обуви, но мягче нашей подошвенной кожи. В горах чрезвычайно важно иметь мягкую подошву, чтобы нога могла проявлять гибкость, ощущать грунт, всякие неровности его и проч. Носки в чувяках загнуты кверху, чтобы не зацепляться за выступы. В некоторых случаях имеется еще специальное приспособление — лыжи. Лыжи эти совсем не похожи на наши. У нас лыжи длинные и узкие, а там короткие и широкие, лопухообразные или похожие на лягушачьи лапы. Лыжи способствуют тому, чтобы нога не проваливалась в снег. Они употребляются в Абхазии, в Сванетии и других горных местах. В очень крутых отвесных местах иногда носят чувяки с подошвой в виде сетки, особенно при хождении по траве. Если вы идете в кожаных чувяках по альпийским лугам, то страшно скользит нога, и для того, чтобы задержать скольжение ноги по траве, часто практикуется подвязывание веревками крест-накрест, что создает естественное трение. Так что обувь приспособлена к местным условиям.

Наряду с чувяками нужно отметить еще один вид обуви, который характеризовал старый быт, преимущественно феодальный (крестьянская среда это менее знала). Замужние женщины, для придания себе вящего достоинства, часто ходили в обуви, которую можно сравнить с ходулями. Это скамеечки, игравшие приблизительно роль наших каблуков. Каблуки женщины носят по двум соображениям: для того чтобы казаться выше, а другие, для того чтобы казаться более модно одетыми. Не знаю, какие соображения определяли ношение скамеечек, так называемых […][14] на Кавказе, но как бы то ни было, лет 40–50 тому назад это было явление, распространенное в кавказском быту. Надо сказать, что эти скамеечки имеют преимущество перед на-

[14] Пропуск в тексте. В Абхазии этот вид обуви именовался «акап-кап» (аҟап, -ҟап).

шими каблуками. Каблуки страшно негигиеничны, потому что женщины фактически ходят на носках и тем самым искривляют ступню. Скамеечки же представляют собой как бы два каблука. Иногда они были довольно высокие. Особенно далеко, конечно, на таких скамеечках не уйдешь, и употреблялись они преимущественно при хождении по дому, по двору, для торжественных приемов гостей и т. д. Они укреплялись ремнями. Кроме того, на них делались разные украшения, инкрустации и т. п.

Очень характерен головной убор абхазцев. Это большая войлочная шляпа, вроде лопуха, которая одновременно предохраняет и от холода, и от солнца. Наряду с этой шляпой, имеющей необычайно широкие поля, есть другая разновидность, нечто вроде тюбетейки, покрывающая только макушку. Но характерна для Абхазии именно большая лопухообразная войлочная шляпа.

Между прочим, в старину, как говорит предание, верхний бешмет и черкеска делались из шкур животных. Затем они делались из войлока, т. е. из бурочного материала. Это было нечто вроде пальто, с рукавами, короткое. У абхазцев это называлось ачиба.

Возвращаюсь к вопросу о самой важной стороне абхазского быта, которая больше всего интересует этнографа. Из всех народностей Северного Кавказа абхазцы наилучше сохранили переживания древне-языческого культа: древне-языческий пантеон, все имена богов, подробное перечисление их функций, их эпитетов и т. д. Объясняется это древностью распространения на Кавказе христианства, когда христианство должно было — хотело ли оно или не хотело — идти на компромисс с древними верованиями. Поэтому под покровом формального христианства продолжала жить древне-языческая религия. Заключалась она — по сведениям древних авторов и по наблюдениям авторов XIX и даже XX вв. — прежде всего в культе деревьев.

Есть такое дерево граб (по-абхазски — ахяца). И вот, существует воззрение, что молния никогда не бьет в это дерево, потому что оно священное, а священное оно потому, что состоит в каком-то родстве с божьей матерью[15]. Деревья связаны какими-то интимными узами с человеком, они как бы люди второго сорта. Некоторые породы деревьев по разным ассоциациям связываются таинственными узами с людьми. В родстве с грабом, как я уже сказал, находилась божья матерь, пред-

[15] В абхазской религиозной мифологии мать верховного бога Анцва происходит из рода Хеция. Имя рода созвучно абхазскому наименованию граба.

мет христианского культа и поэтому молния никогда не ударит в граб, его грешно срубить, а тем более сжечь.

Это связано с тотемизмом. В древности человек и коллектив в целом, в силу отсутствия у них точных знаний по природоведению, усматривали какие-то связи с каким-либо животным или растением и членами данной группы. Возникшие на почве такого представления религиозные обряды классифицируются в этнографии как явление тотемизма. Данный предмет является тотемом, и отношение к нему мотивировано представлением о какой-то внутренней взаимозависимости благополучия данного коллектива людей и благополучия соответствующего предмета. Если данный предмет страдает, то страдает и человек и т. д. Тут целая серия довольно заумных представлений. В подробности я не могу вдаваться, отмечу только, что поклонение деревьям у абхазцев относится к категории тотемических явлений.

Помимо того, что целый ряд деревьев считается священным, деревья играют совершенно определенную роль. Абхазцы, как я уже отметил, хоронили своих покойников не в земле, а подвешивали их на деревьях. Нечто подобное происходило до недавнего времени, но при особых обстоятельствах, именно, если человек погибал какой-нибудь необыкновенной смертью, в особенности, если он оказывался убитым громом. Такого человека нельзя было хоронить обыкновенным образом. На четырех очень высоких столбах устанавливался помост, настилка, и на ней хоронили покойника. Труп быстро истлевал, от него ничего не оставалось[16].

Чем же можно объяснить такой способ хоронения?

Если человек хоронится в земле, то это связано с представлением, что человек уходит обратно туда, откуда он пришел. Здесь же усматривается какая-то связь с древесным существованием. Человек продолжает свое существование, будучи подвешенным на ветвях деревьев. Вера в продолжение загробной жизни, в самостоятельное существование души очень ярко проявляется в абхазских воззрениях. Абхазцы хоронят человека, имея в виду, что они вместе с тем хоронят его душу. Когда случается, что человек тонет, то принимаются специальные меры, чтобы спасти его душу. Положим, его унесло в море, и тело

[16] Специфический способ захоронения связан в данном случае с культом бога молнии Афы, олицетворявшего грозную силу небесного огня. Пораженный ударом молнии человек считался отмеченным печатью Афы, что сакрализировало тело убитого. Его похороны сопровождались особым обрядовым действием, в частности, устройством специального погребального помоста ашвямкят (ашəамкьат).

найти нельзя, но душу надо как-то выручать из беды. С этой целью устраивали специальную церемонию, ловили душу в пустой мешок, бурдюк. Душу призывали, предполагалось, что она попадала в кожаный мешок, и после этого мешок завязывался и доставлялся в то место, где надлежало хоронить душу.

Сейчас в Абхазии практикуются похороны обычного типа, т. е. хоронят в земле. Но есть и отличие от наших похорон. В Абхазии очень распространен обычай хоронить человека в том месте, где он умер. Если он умер в пути, то его тут же хоронят. Часто на дороге, среди поля вы можете встретить одиночную могилу. Если человек выморочный, т. е. являющийся последним представителем данного дома, умирает в доме, то его, как правило, хоронят в доме, и дом этот перестает функционировать. В этом смысле практика, сильно отличающаяся от нашей, т. е. отсутствие кладбищ. Подобно тому, как живут абхазцы разбросанно, они и после смерти продолжают свое существование, если можно так выразиться, в очень разбросанном состоянии[17].

Огромное количество самых разнообразных поверий, культов связано с различными сферами жизни. Мы знаем, что существует древнегреческая и римская мифология, различные боги — кузнечного дела, торговли и т. д.; причем знаем мы это из литературы. Если вы хотите в пределах Кавказа убедиться в том, что такое мифология, что такое распределение всех сфер жизни по функциям разных богов, то достаточно познакомиться с абхазскими представлениями. У них огромное количество богов, причем каждый имеет свои функции, свой церемониал и ритуал, который и совершается при заинтересованности в содействии данного бога.

Главный абхазский бог называется «Анцва». Здесь легче всего вскрыть понятие единобожия. Абхазец говорит: «….»[18], т. е. «Большой Анцва». Но «анцва» исторически есть множественное число от слова «….»[19]. Абхазцы представляют дело так, что есть единая божественная сила, которая распадается на множество долей, как ожерелье на отдельные бусы. Это понятие о «долевом» боге, который имеет свою

[17] У абхазов было принято хоронить умерших членов семьи на территории усадьбы. При «хуторском» характере абхазских поселений могло возникнуть впечатление, что могила находится у дороги.

[18] Пропуск в тесте. Должно быть: Анцва ду (по абх. Анцәа ду), т. е. Большой / Великий Анцва — формула молитвенного обращения к верховному богу абхазского пантеона.

[19] Пропуск в тексте. По одной из точек зрения, в основе теонима Анцва слово ан (мать) + суффикс множественности –цәа-, т. е. матери.

специальную сферу деятельности, очень характерно для абхазцев. Они говорят так: «Доля такого-то бога. Помоги мне…». Скажем, если абхазец заинтересован в преуспеянии его посевов, то он обращается к той доле бога, которая ведает посевами[20]. Если он заинтересован в охоте, то просит о помощи у той доли бога, которая способствует удачной охоте. Это — лесной царь, у которого много дочерей. И вот охотник заинтересован в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с «….»[21] и его дочерьми. Бог этот обладает таким свойством: каждое животное, которое он представляет охотнику, он потом, на основании оставшихся костей, снова возрождает[22]. Скажем, если охотник убил оленя и принес в жертву известную часть, то, на основании этой небольшой частицы, бог заново создает этого оленя. Существует такой рассказ: один охотник преследовал замечательного оленя, убил его и съел, но часть этого оленя осталась, причем внутри этой части охотник забыл свой нож. Через некоторое время этот охотник снова убивает хороший экземпляр оленя и в убитой туше обнаруживает свой нож. Это означает, что однажды съеденное животное вновь воскресает. Так несколько наивно объясняют абхазцы появление все новых и новых экземпляров животных.

Как видите, функции бога очень значительны. Если человеку удается пользоваться благами животного царства, то это только в меру снисходительного отношения к нему соответствующего бога. Очень большую роль играли земледельческие культы, причем боги здесь различались благожелательные и менее благожелательные. Очень нехорошую репутацию имела богиня посевов. Главная ее функция заключалась в том, чтобы портить посевы. Она представлялась в роли сварливой, злой старухи, которая расхаживает по посевам, нашептывает разные неприятные вещи, и в результате посевы портятся[23].

---

[20] Богиня посевов Джаджа (по абх. Цаца).

[21] Бог охоты Ажвейпшя (по абх. Ажәе́ипшьаа), у которого было семь красавиц дочерей.

[22] Ажвейпшя позволяет охотникам убить только ту дичь, которую он и его семейство уже съели, но затем бог оживляет животных, оставляя их для охотящихся людей.

[23] Джаджа была некрасивой, коренастой, невысокого роста женщиной. Однако образ ее амбивалентен. Она могла быть благосклонной к земледельцу, способствовала умножению его посевов, но если кого-то угораздило вызвать неудовольствие богини, то обиженная Джаджа могла заговаривать растения и лишать дерзкого хозяина его урожая.

Важную роль в абхазском быту играло изобилие влаги или недостаток влаги. До сегодняшнего дня можно наблюдать в Абхазии специальный церемониал вызова дождя. Существуют различные средства, чтобы вызвать дождь. Одно из самых распространенных заключается в том, что сооружается специальная кукла, и народ целой толпой ходит с этой куклой и распевает особые песни, которые даже сами поющие плохо понимают. Они спрашивают: «Существует ли вообще дождь? Дай нам дождя, иначе мы пропадем… Земля растрескалась: все жаждут» и проч. Кончается церемониал тем, что куклу топят в реке. Предполагается, что этим обрядом вызывается дождь[24]. Иногда применяются другие средства. Например, своеобразный обычай — вспахивание плугом сухого русла речки. Там часто встречаются овраги, которые во время ливня заполняются водой. Когда ливень прекращается, вода постепенно высыхает. И вот такое сухое русло полагается вспахивать против течения, чтобы вызывать дождь. При этом плуг должны тянуть не буйволы, а люди, специально женщины. Они протаскивают несколько десятков метров этот плуг и этим якобы способствуют появлению дождя.

Если, наоборот, дожди слишком обильные и частые, то это склонны объяснить тем, что где-нибудь лежат не похороненные кости человека. Начинаются поиски, и если где-нибудь удается найти кости, то эти кости должны быть закопаны в землю. Это — средство борьбы с чрезмерными дождями.

Существует очень много своеобразных поверий, примет и т. д. Чтобы дать некоторое представление о характере этих поверий, я приведу несколько примеров. [Читает]

Это отражает очень своеобразные воззрения абхазцев на взаимоотношения человека и природы, в частности, животного царства.

---

[24] По имени наряженной куклы обряд назывался Дзиуоу (Зиуоу).

II

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ» АБХАЗИИ В КНИГЕ БАРОНА Ф. Ф. ТОРНАУ «ВОСПОМИНАНИЯ КАВКАЗСКОГО ОФИЦЕРА»

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-143-160
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

«ВОСПОМИНАНИЯ КАВКАЗСКОГО ОФИЦЕРА» — ГЛАВНЫЙ ТРУД Ф.Ф. ТОРНАУ

© 2021 г. Р. Л. Авидзба

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье представлен обзор творческого наследия Ф. Ф. Торнау в контексте изучения Кавказа в XIX в. Особое внимание уделено главной книге писателя — «Воспоминаниям кавказского офицера», созданной на основе собственного опыта автора как разведчика. История публикации «Воспоминаний…» свидетельствует о неподдельном интересе читателей к захватывающему повествованию о пребывании Торнау среди горцев, в плену и нескольких побегах из плена. Однако сюжетная линия является далеко не главным достоинством книги, ставшей настольной для нескольких поколений ученых кавказоведов. Торнау удалось собрать чрезвычайно редкий материал. Русская этнография, историография, физическая география и примыкающие к ним отрасли знаний значительно обогатились уникальными материалами, составленными на основе личных наблюдений Торнау, с многочисленными подробностями военных операций на Кавказе; отдельные наблюдения писателя-разведчика не имеют аналогов в науке о Кавказе. Несомненное литературное дарование и природный художественный талант Торнау проявились в его стилистической манере, привлекающей самых искушенных ценителей слова.

Ключевые слова: Русская литература, Кавказ, Абхазия, Ф. Ф. Торнау, кавказоведение, этнография.

Информация об авторе: Регина Леонтиевна Авидзба — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/ https://orcid.org/0000-0001-7940-2712. E-mail: reginaavidzba@rambler.ru.

Для цитирования: *Авидзба Р. Л.* «Воспоминания кавказского офицера» — главный труд Ф. Ф. Торнау // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 143–160. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-143-160

"MEMORIES OF A CAUCASIAN OFFICER", THE MAIN WORK OF FJODOR TORNAU

© 2021. Regina L. Avidzba

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No 20-012-00098A).

Abstract: The article provides an overview of Fjodor Tornau in the context of studying the Caucasus in the 19th century. Special attention is paid to the main book of the writer — "Memories of a Caucasian Officer", created on the basis of the author's own experience as a scout. The history of the publication of "Memories ..." testifies to the genuine interest of readers in the exciting story of Fjodor Tornau's stay among the mountaineers in captivity and several escapes from capture. However, the storyline is far from the main advantage of the book, which has become a tabletop for several generations of Caucasian scholars. Fjodor Tornau managed to collect extremely rare material. Russian ethnography, historiography, physical geography and related branches of knowledge were significantly enriched by unique materials compiled on the basis of personal observations by Fjodor Tornau, with numerous details of military operations in the Caucasus; individual observations of the scout writer have no analogues in the science of the Caucasus. Fjodor Tornau's undoubted literary talent and natural artistic talent manifested itself in his stylistic manner, which attracts the most sophisticated connoisseurs of the word.

Keywords: Russian literature, Caucasus, Abkhazia, Fjodor Tornau, Caucasian studies, ethnography.

Information about the author: Regina L. Avidzba, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7940-2712.
E-mail: reginaavidzba@rambler.ru.

For citation: Avidzba, R. L. "'Memories of a Caucasian Officer', the Main Work of Fjodor Tornau." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 143–160. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-143-160

В научном изучении исторического прошлого Кавказа важной страницей являются «Воспоминания кавказского офицера» барона Федора Федоровича Торнау, отразившие эпоху 1830-х гг., когда восточное побережье Черного моря перешло под покровительство России, но обнаружилась нехватка сведений о крае.

С этой книгой справедливо связано литературное имя автора, и в ней в наибольшей степени отразились самые сильные и самые характерные черты его писательского таланта.

Важным художественным открытием Торнау стали приемы реалистического изображения картин жизни Кавказа, первозданной природы, традиций, обычаев, бытового уклада горцев, типов и характеров русских офицеров и солдат. Это ставит кавказские очерки Торнау в один ряд с литературой, которая, как писал в 1856 г. журнал «Библиотека для чтения», «увековечила для потомства эпос прошедшей и настоящей борьбы нашей и жизни на Кавказе»[1].

Торнау от природы обладал художественным талантом и несомненным литературным дарованием. Литератором, мемуаристом он стал по обстоятельствам и запросам той культурной среды, в традициях которой сформировалась его личность. Темперамент, ярко проявившийся в условиях военной службы, обогатил природный талант опытом жизни, развил его и реализовал в мемуарно-биографических произведениях.

Исследования жизни и творчества барона Торнау предпринимались в отечественной историографии учеными-кавказоведами Е. Г. Вейденбаумом, М. О. Косвеном, А. П. Берже, А. И. Лаврентьевым, академиком Н. Ф. Дубровиным[2]; выдающийся абхазский ученый Г. А. Дзидзария не только подытожил работу биографов Торнау, но и опубликовал внушительный объем кавказских материалов, значительно дополняющих «Воспоминания кавказского офицера»[3].

---

[1] Библиотека для чтения. 1856. Отд. VI. № 11–12. С. 23.

[2] *Вейденбаум Е. Г.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888; *Вейденбаум Е. Г.* Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901; *Вейденбаум Е. Г.* Материалы для историко-географического словаря Кавказа // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894. Т. 20; *Вейденбаум Е. Г.* Материалы для библиографии Кавказа // Кавказ, книжный вестник. Тифлис, 1900. № 3. Прил.: С. 1–32; № 4. С. 32–40; *Косвен М. О.* Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967). М., 1968; *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа: исследования и материалы. М., 1961; *Берже А. П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859; *Берже А. П.* История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым. Тифлис, 1861; *Лаврентьев А. И.* Кутаисское генерал-губернаторство, состоящее из Кутаисской губернии, владений: Мингрелии, Абхазии и Сванетии и приставств: Самурзаханского и Цебельдинского. СПб., 1858.

[3] *Дзидзария Г. А.* Торнау и его кавказские материалы. М., 1976.

В «Этнографическом обозрении Кавказа» известный кавказовед А. П. Берже писал о главном труде Торнау: «В 1864 г. Ф. Ф. Торнау издал свои "Воспоминания кавказского офицера". Представляя живой рассказ трехлетнего (1835–38) томления автора в плену у горцев, они содержат много новых и любопытных подробностей о домашнем и юридическом быте абхазцев и их соседей черкесов. Как по изложению, так, главным образом, по содержанию своему сочинение Торнау принадлежит, по моему мнению, к лучшим произведениям, вышедшим из-под пера наших отечественных деятелей на Кавказе»[4].

Именно «Воспоминания кавказского офицера» являются подлинной жемчужиной из всего комплекса кавказских мемуарно-документальных произведений Торнау. Творческую работу над их текстом писатель завершил в 1864 г. в Вене, в период своей военно-дипломатической службы в качестве военного агента при русском посольстве. Впервые «Воспоминания» были опубликованы в «Русском вестнике» (1864, № 9–12) за подписью «Т». Знавшие Торнау современники безошибочно узнали его в авторе. Впоследствии это было подтверждено перепиской Торнау с издателем исторического журнала «Русская старина» М. И. Семевским, сыгравшим важную роль в судьбе публикации.

Также благодаря содействию Семевского в 1865 г. стали появляться положительные отзывы и рецензии на произведения Торнау в газете «Голос» (№ 184), журналах «Отечественные записки» (№ 10) и «Военный сборник» (№ 11). «Любопытные приключения, в которых главным действующим лицом был автор "Воспоминания", представляют столько интереса и так хорошо знакомят с краем, с характером и нравами <…>, что от книги нельзя оторваться, не дочитав ее до конца. Правда действительных фактов при их романтическом характере придает книге занимательность истории и романа. Переход автора через ту часть правого фланга кавказской цепи, которая была до тех пор совершенно недоступна русским, и продолжительный плен его у горцев представляет несравненно более поэтический интерес, чем наши поэмы и романы, в которых действие перенесено на Кавказ и украшено всевозможными вымыслами», — писала газета «Голос» в 1865 г.

На произведения Торнау ссылался в своем географическом исследовании «Тропами горного Черноморья» Н. М. Альбов; обращался к ним русский историк литературы академик Н. А. Котляревский. В 1876 г. французский и российский востоковед академик М. И. Брос-

---

[4] *Берже А. П.* Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879. С. 17.

се, возглавлявший Восточное отделение Русского археологического общества, в качестве приложения к своей книге «Collection d`historiens Armeniens» (SPb., 1876) поместил «Воспоминания…» Торнау, переведенные, в свою очередь, на французский язык.

О литературных заслугах «художественной этнографии» писал А. Н. Пыпин: «Этнографы-беллетристы сделали свое полезное дело в литературе: они помогли утверждаться в ней здравому пониманию народа, потому что сумели, не прикрашивая, изображать его жизнь и с тем, что они могли представить поэтического, и особенно с тем, что в ней было и есть тяжелого и невыносимого, требующего внимания и участия. Они разъясняли этот быт, столь многим неизвестный; даже простая фотография, какою очень часто были их произведения, была полезнее тем, что устраняла иллюзию о народном быте»[5].

Публикация произведений Торнау о Кавказе предпринималась в отечественных периодических изданиях в разные годы. Газета «Кавказ» в 1850 г. напечатала очерк «Горские племена, живущие за Кубанью и по берегу Черного моря от устья Кубани и до Ингура»[6]; в 1852 г. там же вышли очерки «Взгляд на настоящее положение Абхазии и русских войск, ее занимающих» и «Записки русского офицера, бывшего в плену у горцев»[7].

Первое книжное издание «Воспоминаний кавказского офицера» увидело свет в Москве в 1864 г.[8] Тогда же «Воспоминания…» были напечатаны и в журнале «Русский вестник» (№ 9–12). Следующее прижизненное переиздание кавказских мемуаров Торнау предприняли спустя пятнадцать лет, в 1879 г., в Тифлисе «Известия кавказского общества любителей естествознания и Альпийского клуба».

Кавказская тема является главной и в более поздних публикациях Торнау. «Воспоминания о Кавказе и Грузии» печатал в 1869 г. в нескольких номерах «Русский вестник» (1869, т. 79, № 1–4). В 1874 г. петербургское издание «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу голодающих Самарской губернии» включило в свой состав очерк Торнау «Из воспоминаний бывшего кавказца». «Русский архив» в 1881 г. познакомил своих читателей сразу с двумя очерками писателя: «Государь Николай Павлович. Из автобиографических рассказов бывшего кавказского офице-

---

[5] *Пыпин А. Н.* Новейший этнографический стиль // Вестник Европы. 1877. № 8. С. 827.

[6] Кавказ. 1850. № 94–96, 98.

[7] Кавказ. 1852. № 1, 2.

[8] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 1864.

ра»[9] и «Гергебиль»[10].

Высоко оценил научное значение кавказского мемуарно-документального комплекса Торнау Г. А. Дзидзария: «Следует признать, что, когда встает вопрос о более или менее глубоком изучении истории и культуры Кавказа первой половины XIX столетия, особенно его северо-западного района, вряд ли можно обойтись без тех уникальных сведений и красочных описаний, которыми так богаты многочисленные рукописи — официальные донесения, записки и письма, погребенные в свое время в недрах военных архивов, а также печатные работы Торнау»[11].

Действительно, русская этнография, историография, физическая география и примыкающие к ним отрасли знаний значительно обогатились уникальными материалами, составленными на основе личных наблюдений Торнау, с многочисленными подробностями военных операций на Кавказе. Отдельные части наблюдений писателя-разведчика не имеют аналогов в историко-этнографической и географической литературе Кавказа. Бесценны материалы о бытовом укладе, национальных традициях и особенностях кавказских народов, остававшиеся недосягаемыми для исследователей. Представленные Торнау описания убыхов, садзы-джигетов и некоторых других народов, полностью исчезнувших с карты Кавказа в 60-х гг. XIX в. в ходе мухаджирского движения (переселения в Турцию и страны Ближнего Востока), и по сей день остаются едва ли не единственным источником по изучению их культуры. Для научного изучения исторического прошлого Кавказа и кавказского народонаселения наследие Торнау содержит, как отмечал Г. А. Дзидзария, «материалы непреходящей ценности»[12].

«Воспоминания кавказского офицера» являются также и мемуарно-автобиографическим, литературно-документальным памятником; «автор, рассказывая о своем жизненном пути в порядке хронологии событий, делает акцент не на собственно приватной жизни, а на тех важных, с его точки зрения, событиях, свидетелем либо участником которых он был лично»[13].

---

[9] Русский архив. 1881. Кн. II (1). С. 228–248.

[10] Русский архив. 1881. Кн. II (2). С. 425–470.

[11] *Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976. С. 2.

[12] *Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976. С. 46.

[13] *Черкашина Т. Ю.* Мемуарная литература: синтез мемуарного и автобиографического начала // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Май-

Помимо бесспорной научной ценности, «Воспоминания кавказского офицера» и примыкающие к ним мемуарные очерки являются фактом литературы; они отличаются художественной незаурядностью; в них очевидно литературное мастерство автора, наделенного несомненным писательским даром. Богатство сообщаемых сведений органично сочетается с захватывающей сюжетной интригой «Воспоминаний...», достоверная автобиографическая основа поддерживает романтический характер повествования. Но при всех присущих «Воспоминаниям…» внешних, формальных чертах романтического произведения, в традиции Марлинского[14], кавказский мемуарный комплекс Торнау по своей художественной природе принадлежит реализму.

П. А. Зайончковский справедливо отмечал, что XIX в. — период бесспорного утверждения в России мемуаров и дневников; их расцвет приходится на XIX и начало XX вв.[15]

Преломляясь через призму авторского сознания, мемуары, воспоминания, повествуют о впечатлениях, строго соответствующих исторической правде; они по праву котируются как источник первостепенной важности, отличающийся фактографичностью, хроникальностью повествования, отсутствием вымысла, ретроспективностью.

Размышляя о специфике жанра, В. Г. Белинский писал: «…мемуары, совершенно чуждые всякого вымысла, ценные только по мере верной и точной передачи ими действительных событий, самые мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая ее собою»; и пояснял далее: «Что же общего

коп, 2014. Вып. 1. С. 187–191.

[14] О А. А. Бестужеве-Марлинском Ф. Ф. Торнау писал в очерке «Воспоминания о Кавказе и Грузии»: «С Александром Бестужевым (Марлинским) я имел случай часто встречаться у брата его, Павла. Литературный талант его известен и давно оценен, поэтому нечего о нем говорить. Как человек он отличался благородством души, был слегка тщеславен, в обыкновенном светском разговоре ослеплял беглым огнем острот и каламбуров, при обсуждении же серьезных вопросов путался в софизмах, обладая более блестящим, чем основательным умом. Он был красивый мужчина и нравился женщинам не только как писатель, о чем в мое время кое-что поговаривали в Тифлисе» (*Торнау Ф. Ф.* Воспоминания о Кавказе и Грузии // Воспоминания русского офицера. М.: АИРО–XX, 2002. С. 165.).

[15] История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / под ред. П. А. Зайончковского; аннот. указ. книг и публ. в журн.: в 13 т. М.: Книга, 1976–1989. Т. 1. С. 5. URL: http://www.runivers.ru/lib/book4749/58776/ (дата обращения 09.10.2016).

между вымыслами фантазии и строго историческим изображением того, что было на самом деле? Как что? — художественность изложения! <…> Кажется, что бы делать искусству (в смысле художества) там, где писатель связан источниками, фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно вернее? Но в том-то и дело, что верное воспроизведение фактов невозможно при помощи одной эрудиции, а нужна еще фантазия. Исторические факты, содержащиеся в источниках, не более, как камни и кирпичи: только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание… верно списывать с натуры так же нельзя без творческого таланта, как и создавать вымыслы, похожие на натуру. Сближение искусства с жизнью, вымысла — с действительностью в наш век особенно выразилось в историческом романе.<...> Тут степень достоинства произведения зависит от степени таланта писателя»[16].

Следует также помнить о всегда имевшем место в литературном процессе взаимопроникновении жанров. «Но при этом, — писал Б. И. Бурсов, — каждый жанр потому и существует, что представляет особую область литературы, направлен по преимуществу на определенный круг явлений»[17].

Есть еще одна грань, которую нельзя не учитывать, обращаясь к мемуарам как литературным источникам. «Необходимо помнить, — подчеркивает М. И. Щербакова, — что многие свидетельства мемуаристов требуют к себе, как источнику, особого критического отношения»[18].

Это значит, что обращение к тексту «Воспоминаний кавказского офицера» нуждается в дополнении знанием о жизненном пути автора и о его творческой личности.

Густая романтическая закваска была присуща всей жизни писателя от первых до последних ее мгновений. «Я родился, — пишет он, — в десятом году в доме моего деда, генерала Екатерининских времен, поселившегося в Полоцке, и остался на руках у бабушки, когда матушка уехала к отцу, квартировавшему с батареей в Виннице. В двенадцатом году, во время отступления нашей армии, не доходя Смоленска, отец выпросил двухсуточный отпуск, поскакал в Полоцк — и не застал меня. Семейство моего деда выехало накануне по петербургской дороге, спасаясь от французов. Не имея времени догонять, он вернулся к своей батарее, потом ушел с армией за границу, под Дрезденом кончил

---

[16] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 3 т. М., 1948. Т. 3. С. 802–803.

[17] *Бурсов Б. И.* Лев Толстой и русский роман. М.; Л., 1963. С. 5.

[18] *Щербакова М. И.* Текстология // Введение в литературоведение. М., 2007. С. 141.

жизнь, и таким образом никогда не видал своего сына»[19].

Отец Торнау — Федор Григорьевич Торнов (1776–1815), барон, из лифляндских дворян, всю свою молодость посвятил, равно как и сын, служению своей родине, своей отчизне. Сохранившийся в архивах послужной список полковника Ф. Г. Торнова убедительно свидетельствует об успешной военной службе русского офицера[20].

В отличие от отца, барону Ф. Ф. Торнау посчастливилось прожить долгую восьмидесятилетнюю жизнь. Никакие житейские трудности и невзгоды, суровые испытания и проза обыденности так и не смогли заглушить чистый родник романтического видения, преломлявший картину мира на страницах «Воспоминаний кавказского офицера».

Художественное изложение документально-исторического материала «Воспоминаний…» нисколько не снижает достоверности

---

[19] *Макарова С. Э.* Барон Ф. Ф. Торнау и его воспоминания // Дружба народов. 1996. № 2. С. 4. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/tornau/pre.html (дата обращения 09.10.2016).

[20] Торнов Ф. Г. после окончания кадетского корпуса 24 июля 1791 г. — штык-юнкер 1-го фузелерного полка. 6 июля 1796 г. произведен в подпоручики с переводом во 2-й канонирский полк. 11 января 1797 г. произведен в поручики. 23 января 1797 г. переведен в батальон артиллерии генерал-майора Мамонтова; 21 мая 1798 г. — в 5-й артиллерийский батальон; 23 июля 1803 г. — в 1-й батальон 9-го артиллерийского полка; 14 декабря 1803 г. — во 2-й батальон 9-го артиллерийского полка. 29 июня 1805 г. произведен в штабс-капитаны с переводом в батальон полковника Бельгарда. 23 июня1806 г. переведен в 14-ю артиллерийскую бригаду. 27 декабря 1806 г. произведен в капитаны. 30 августа 1807 г. переведен в 12-ю артиллерийскую бригаду. 25 ноября 1807 г. произведен в майоры с переводом в 5-ю артиллерийскую бригаду. 29 ноября 1809 г. переведен в 16-ю артиллерийскую бригаду. 9 февраля 1811 г. произведен в подполковники. 15 февраля 1811 г. переведен в 3-ю артиллерийскую бригаду (с 23 сентября 1814 г. — 4-я артиллерийская бригада). 13 мая 1813 г. произведен в полковники. Во время Итальянского и Швейцарского походов в 1799 г. участвовал в бою при р. Требии (ранен пулей в правую руку, награжден орденом Св. Анны 3 кл.). Участник войны с Австрией (1809 г.). В Отечественной войне 1812 г. участвовал в боях и сражениях при Какувячине, Смоленске (5–6 августа 1812 г.), Бородине. В 1813 г. участвовал в боях и сражениях при Калише и Люцене. Также награжден орденами Св. Анны 2 кл. и Св. Владимира 4 ст. с бантом. Скончался от ран 15 мая 1815 г. в 38 летнем возрасте, так и не увидев своего сына (РГВИА. Ф. 395. Оп. 125. 3 отд. 1819 г. Д. 762. Л. 4 об.–5; 11–12; 13 об.).

описания политической обстановки в Абхазии и на всем Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX вв. Обращение к исторической хронике и ее введение в повествовательную канву «Воспоминаний…» существенно расширило поэтические возможности и придало разнообразие структуре сюжета. На всем протяжении текста «Воспоминаний…» автор искусно варьирует жанровые характеристики, сохраняя при этом целостность художественного произведения.

Говоря об исторической канве «Воспоминаний кавказского офицера» Торнау, следует обратить внимание на сложности присоединения Кавказа к России, состоявшие из многих исторических этапов и развивавшиеся в соответствии с ними по-разному.

Значительная часть Северного Кавказа и Закавказья добровольно приняла русское подданство: Кабарда — в 1557 г., Восточная Грузия — в 1801 г. В результате русско-персидских и русско-турецких войн были присоединены другие территории. Объединение Кавказа и России способствовало экономическому, политическому и культурному развитию кавказских народов. Однако некоторые территории (особенно в горных районах) не сразу вошли в состав Российской империи, были присоединены в результате ряда военных кампаний, известных под общим названием Кавказской войны 1817–1864 гг.

С заключением Адрианопольского мирного договора (1829 г.) восточные берега Черного моря и черкесские земли между Кубанью и морским берегом, вплоть до границы Абхазии, были переданы России. Однако подобная уступка имела значение только на бумаге. Горцам она была непонятна: «Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить»[21]. На объяснения генерала Н. Н. Раевского: «Султан отдал вас в пеш-кеш, подарил вас русскому царю», один из старейшин ответил: «А! Теперь понимаю, — и показал птичку, сидевшую на ближнем дереве. — Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!»[22]

Уступленными кавказскими землями Россия на деле могла завладеть не иначе, как силой. Сломить характер и упорство горцев было практически невозможно. Война стала неизбежностью и, как оказалось, не принесла быстрого и легкого решения вопроса.

---

[21] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. М., 2000. С. 171.

[22] Там же. С. 172.

Неприступность территории во многом была обусловлена природными особенностями Кавказских гор и Черноморского побережья между Геленджиком и Гаграй. «Чрезвычайная изрезанность рельефа, крутизна горных склонов, непроходимые каньоны рек (например, Бзыби и Мзымты), буйная растительность, теплый климат, — все это делало горы несокрушимой цитаделью свободолюбивых адыгейских и абхазских племен»[23]. К тому же российское командование совершенно не владело необходимой информацией о народностях и местах их проживания, тропах и перевалах. Все это оставалось загадкой.

Кавказский вопрос требовал особого внимания и особых средств исполнения. Долгий путь покорения Кавказа лежал через Абхазию, страну, которая на протяжении многих веков была притягательна своим местоположением и природой.

В «Воспоминаниях о Кавказе и Грузии» Ф. Ф. Торнау признавался в своем отрицательном отношении к войне: «считаю ее глубоким злом, неотвратимым, однако, пока человечество не освободится от гнета жалкого невежества, искони веков враждующего против правды и справедливости. До той поры одна сила способна приводить людей в рассудок и сберегать между ними принужденный порядок или служить к их крайнему унижению, если завладел ею бездушный честолюбец. А отдал я себя на службу этой силы не ради удовольствия глядеть, как бьют людей, а с желанием, в числе других, упорствовать против существующего зла и на защиту родного края пожертвовать и мою лепту пота и крови»[24].

Чтобы понять, позволяют ли местность и обстоятельства действовать сухопутным путем, следовало точнее изучить Черноморское побережье, где русское командование предполагало утвердиться прочным образом. В 1834 г. последовал приказ немедленно начать обустраивать береговую линию, открыв военные действия против кубанских и абхазских черкесов; а для пополнения сведений о береге между Гаграми и Геленджиком предписано было произвести усиленные десантные рекогносцировки.

В 1834 г. в Абхазию был послан отряд, состоявший из нескольких батальонов для разработки дорог и укреплений, необходимых для защиты путей сообщения. Работа шла в течение всего лета; дорогу удалось проложить всего лишь до древнего Драндского монастыря, который, в свою очередь, был обращен в укрепление, и построить не-

---

[23] Там же. С. 2.

[24] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания о Кавказе и Грузии // *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2007. С. 157–158.

большой редут в Илори. Абхазская природа всячески препятствовала планам русского командования. Сухопутное продвижение за Гагры оказалось невозможным, путь преграждали скалы. Препятствие это распространялось исключительно на русские войска; горцам оно не мешало проходить в Абхазию горными тропами. В связи с этим Военное министерство ускорило организацию разведывательных действий в Абхазии и вообще на Кавказе.

По мнению Ф. Ф. Торнау, «для производства десантных рекогносцировок в разных пунктах, на протяжении сорока географических миль совершенно нам незнакомого, гористого берега, покрытого сплошным лесом, представлявшим для неприятеля отличную оборону, требовалось употребить несколько тысяч человек и около двадцати военных и транспортных судов. Жертвы людьми и деньгами, которые правительство должно было понести в этом случае, далеко превышали выгоды, которые могли принести рекогносцировки. Места пришлось бы занимать наудачу, платя жизнью десятков солдат за каждый клочок земли, не превышающий пространства, находящегося под огнем нашей артиллерии. Самые важные сведения о дорогах внутри гор, о количестве народонаселения, о его средствах к жизни и к войне, оставались совершенно недоступными для войск. Все потери и издержки, понесенные во время рекогносцировок, должны были сверх того повториться еще раз при окончательном занятии пунктов, избранных для постройки укреплений. Кроме того, рекогносцировки, без сомнения, привлекли бы внимание горцев на осмотренные места и побудили бы усилить их оборону искусственными средствами, сверх природных препятствий, которыми так щедро наделен черкесский берег»[25].

Оставалось только одно средство, позволявшее, в свою очередь, более гуманно и полезно заменить малообещающие рекогносцировки: поручить опытному офицеру тайно осмотреть морской берег. Выбор пал на поручика Торнау. Он вспоминал: «На Кавказе я находился с начала тридцать второго года, участвовал прежде того в задунайской кампании против турок и в польской войне. Получив довольно значительную рану во время ичкеринской экспедиции тридцать второго года, я был долго болен и через год еще принужден был провести лето на кавказских минеральных водах для укрепления моих сил. Когда я вернулся в Тифлис, Вольховский встретил меня с предложением отказаться на долгое время от общества и от всех его удовольствий, преобразоваться с виду в черкеса, поселиться в горах и посвятить себя на

[25] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. М., 2000. С. 177–178.

сообщение сведений, добыть которые предполагалось такой дорогой ценой: он не скрыл от меня опасностей, с которыми я должен был бороться; да и я сам понимал их очень хорошо»[26].

Расположение и доверие к Торнау Владимира Дмитриевича Вольховского, начальника штаба русских войск на Кавказе в 1832 г., подкреплялось еще и тем, что оба были выпускниками Царскосельского лицея. Вольховский учился вместе с А. С. Пушкиным, В. К. Дельвигом, А. М. Горчаковым, М. А. Корфом; Ф. Ф. Торнау был выпущен из Благородного пансиона Императорского Царскосельского Лицея в 1829 г. «Надеюсь, мы сойдемся, и вы не откажетесь от должности, для которой я вас предназначаю, хотя ею никогда не занимались, — сказал Вольховский при первой встрече с молодым офицером. — В Царском Селе нас приготовляли к военной и к гражданской службе, поэтому вы должны уметь свободно писать по-русски…»[27]

Для нового секретного задания Торнау, чтобы не вызвать подозрений, перед экспедицией обрил голову, отпустил бороду и переоделся в черкесскую одежду. Однако притворяться немым не стал, а предпочел выдавать себя за чеченского абрека, полагая, что на Западном Кавказе вряд ли сыщешь человека, говорящего по-чеченски, а также надеясь на «общее правило», согласно которому абрек не смел возвращаться в родной аул.

Его дело выходило из разряда обыкновенных. Торнау писал: «Готовый жертвовать собой безусловно для государственной пользы, но отнюдь не располагая торговать своей жизнью и свободой, я отвергнул условия, которые могли касаться до моих личных выгод, и настоял только на доставлении мне всех тех преимуществ, от которых зависела, по моему убеждению, удача предприятия. Барон Розен согласился предоставить мне право: располагать свободно собою и своим временем, вступать в сношения с покорными и непокорными горцами, не стесняясь существующими правилами, и, в указанных мне границах, обещать им награды или прощения за различные преступления, если кто из них станет мне помогать в моих делах. Обеспеченный таким образом против постороннего вмешательства местных кавказских властей, я принялся с охотой и с уверенностью в успехе за мое поручение и в тридцать пятом году сделал два удачных путешествия из Абхазии на линию и обратно»[28].

Итак, главной задачей офицера Торнау стала разведка. Ему было

---

[26] Там же. С. 178.

[27] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания о Кавказе и Грузии // *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2007. С. 43.

[28] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. М., 2000. С. 179.

поручено произвести «скрытый обзор берегового пространства на севере от Гагр», необходимый для разработки плана сухопутного сообщения вдоль восточного берега Черного моря, включая Абхазию.

Постоянное пребывание Торнау планировалось в Бамборах; там же размещались командир егерского полка генерал А. Г. Пацовский, батальон 44-го егерского полка, полковой штаб и все главные военные заведения, и склады для войск, занимавших Абхазию. Несомненный интерес для Торнау представлял расположенный возле крепости небольшой базар, где собиралось много абхазов и черкесов — не столько для торговли, сколько для того, чтобы узнавать новости и высматривать, что делается у русских. «Положение Бамбор в широкой и привольной долине реки Пшандры, в трех верстах от морского берега и почти в таком же расстоянии от селения Лехне, или Саук-су, как его называли турки, местопребывания владетеля Абхазии, давало этому пункту значение, которым Пацовский воспользовался весьма искусно для сближения с нами абхазцев и для распространения на них, сколько было можно, нашего нравственного влияния»[29].

Пацовского абхазский народ глубоко уважал и ценил. «Абхазцев он умел привлечь к себе и овладеть их доверенностью, приноравливаясь к их понятиям, и не нарушая ни в каком случае данного слова»; «они тем более умели ценить правдивость»[30]. Абхазы верили ему и часто приезжали издалека за советом и помощью. Политические взгляды Михаила Шервашидзе были направлены на поддержание отношений с русским командованием. Однако представители последнего часто смотрели на вещи другими глазами. Пацовский периодически мирил обе стороны и улаживал их отношения, но это «не всегда было легко при столкновении русской начальственной власти с владетельской гордостью, опиравшейся на сан и на свои независимые права»[31].

Под «благовидным предлогом», способным отвлечь любопытство местных жителей, Торнау совершал частые поездки, осторожно заводил знакомства с абхазами, в которых пытался найти содействие своим расчетам. «Никогда я не говорил заранее, когда и в какое место намерен ехать; никогда не возвращался по прежней дороге. Эта последняя предосторожность соблюдается постоянно у горцев, из коих редкий не имеет врага, способного выждать его на пути, если он ему

---

[29] Там же. С. 195.

[30] Там же. С. 198.

[31] Там же. С. 190.

будет известен»[32]. Торнау требовалось как можно быстрее познакомиться с Абхазией для выполнения порученного ему разведывательного задания.

Переводчиком и сопровождающим Торнау во всех разъездах Пацовский назначил поручика своего полка (абхазского уроженца) Николая Шакрилова. Он свободно владел несколькими языками — русским, абхазским и турецким; основательно знал свою родину, обладал большой смелостью, «прикрытой видом необыкновенной скромности». Всю зиму 1834–1835 гг. Торнау знакомился с приморской Абхазией и устанавливал знакомства с местными феодалами. Все принимали его за горца; таково было первое условие безопасности.

Экспедиция Торнау в самые труднодоступные районы Западного Кавказа была подготовлена к началу июня 1835 г. В небольшой отряд вошли рекомендованные Михаилом Шервашидзе проверенные и надежные люди: абхазский дворянин Соломон Мкамба с двумя слугами, переводчик Муты Шакрилов (Шакрыл), охотник Хатхуа и проводник из Псху Багры. Первая экспедиция отряда Торнау прошла по маршруту: селение Анухва — ущелье Гумисты — истоки Чхалты — перевал Главного Кавказского хребта между истоками р. Бзыби и Б. Зеленчука — ущелье Б. Зеленчука — ущелье Кяфира — р. Уруп — р. Кубань — станица Баталпашинская — Пятигорск.

В начале сентября этого же 1835 г. был разработан маршрут второй экспедиции: ущелье М. Лабы — Главный Кавказский хребет — аул Ахчипсу — р. Мзымта — мыс Адлер. После шести с половиной недель, проведенных в горах, группа Торнау вышла к Гагринскому укреплению.

С целью тайных рекогносцировок и полного обозрения морского побережья Торнау были намечены еще несколько экспедиций, которые он благополучно провел через Главный Кавказский хребет (перевал Псеашхо) в район современного Большого Сочи: Красная поляна, Кудепста, Хоста, Мацеста, Центральная часть Сочи. Выйдя к морю, от устья долины за полчаса он дошел берегом до Сочипсы, затем повернул обратно к Гаграм. «Хитрее всего оказалось в черкесской одежде пройти по неприступному Гагринскому карнизу. За восемьсот сажен от крепости по одетому в горское платье барону русские пальнули ядром. С отчаянным риском, лепясь по едва заметным уступам, Торнау достиг-таки крепости и, только назвав себя, был торжественно встречен соотечественниками»[33].

В 1836 г. проводниками Торнау оказались ненадежные люди. В ночь

---

[32] Там же. С. 208.

[33] *Ефремов Ю. К.* Тропами горного Черноморья. М., 1963. С. 53.

с 9 на 10 сентября на берегу реки Курджипс Торнау захватили воинственные кабардинцы, потребовавшие от русского правительства большой выкуп: столько золота, сколько весил сам пленный. В плену Торнау провел более двух лет, совершил пять неудачных попыток побега, был посажен на цепь в холодном сыром подвале и все-таки не терял надежды на спасение. Переговоры длились более двух лет, пока, наконец, ногайскому князю Тембулату Карамурзину не удалось похитить пленника в ночь с 9 на 10 ноября 1838 г.

Вслед за освобождением из черкесского плена Торнау был призван в Петербург по именному повелению государя императора Николая I. История пленения Торнау широко обсуждалась в столичных кругах. Один из эпизодов, описанных в мемуарном очерке «Государь Николай Павлович», достоверно передает незыблемое, сформированное преимущественно Марлинским и Лермонтовым и далекое от реальности представление о Кавказе, бытовавшее в русском обществе.

«Не успел государь удалиться, — писал Торнау, — как для меня наступила нестерпимая мука: толпа, державшаяся в почтительном отдалении, пока он присутствовал, волною нахлынула со всех сторон, сжала меня и принялась закидывать вопросами — и какими еще вопросами. Ума и сил недоставало отвечать.

— Правда ли, что черкесы два года вас держали в дупле?

— Как глубок был колодезь, в который вас опускали на ночь?

— Были у вас подошвы надрезаны и засыпаны рубленым конским колосом или рану просто растравляли рассолом?

— Справедливо ли, что черкешенка из-за вас бросилась в реку? — вопрос из Пушкина “Кавказского пленника”.

— Как высоки горы, и нет ли возможности взорвать их порохом?»[34]

«Воспоминания кавказского офицера» внесли большой вклад в кавказоведение. Они стали настольной книгой, как для профессиональных исследователей, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и этнографией. Без яркого художественного таланта писателя все богатство им сообщенных разнообразных сведений не смогло бы стать фактом литературы и осталось бы всего лишь сводом, пусть и довольно полным, ценных научных наблюдений. С другой стороны, именно научная ценность представленных Торнау результатов делает его мемуары надежным и достоверным источником. Роскошные описания географических и климатических условий края созданы в традиции литературы путешествий, получившей мощное развитие как результат «Литературных экспе-

[34] Там же. С. 432.

диций», активной деятельности Русского Императорского Географического общества. Вся художественная фактура повествовательной манеры писателя свидетельствует, что автор «Воспоминаний кавказского офицера» — образованный, умный, начитанный наблюдатель, внимательный к окружающей жизни, глубоко в нее вглядывающаяся личность. Сюжетную интригу романа, романтический характер повествовательной канвы придают «Воспоминаниям…» достоверные события, пережитые самим Торнау.

Синтетичность «Воспоминаний кавказского офицера» позволяет свободно объединять на структурном и содержательном уровнях элементы различных жанровых форм: очерка, сказания, эссе, репортажа, рассказа, философских и романтических размышлений, писем, дневников, хроник. Такая открытость и жанровая многослойность способствует полному раскрытию внутреннего мира повествователя. Язык повествования в записках и изложение органично сочетают художественные достоинства, безупречную стилистику, сохраняют национальный колорит, соответствующий этнографическому материалу.

Стиль мемуарной прозы Торнау привлекает самых искушенных ценителей слова. Воспоминания написаны легко, без риторических нагромождений и избитых клише. В непринужденной и увлекательной повествовательной форме автор открывает перед читателем и красоту кавказской природы, и подвиги своих сослуживцев, и обычаи горцев, создавая уникальный синтез, в котором нерасторжимы, с одной стороны, смертельные опасности боевой жизни офицера русской армии, с другой — трепетное, благодарное отношение к этой, дарованной Богом, жизни.

«Солнце перешло уже за полдень, когда мы подошли к северному спуску. На краю его стояла непокрытая снегом гранитная скала, очень похожая по своему виду на высокий жертвенник. К ее вершине, составлявшей площадь около трех саженей в квадрате, вели ступени, высеченные в граните. Посреди площадки находилось круглое углубление в виде котла. Мои абхазцы поднялись на нее, и каждый из них положил в углубление какую-нибудь вещь: ножик, огниво или пулю. И меня заставили принести в жертву несколько мелких монет, для того чтоб умилостивить горного духа, — иначе, говорили мои проводники, он зароет нас под снегом, когда мы станем спускаться, или не пошлет нам дичи, или отдаст нас в руки наших врагов. Углубление было наполнено до половины древними монетами, железками от стрел, съеденными ржавчиной кинжалами, пистолетными стволами, пулями и женскими застежками и кольцами. Ни один горец не переходит в этом месте через перевал, не пожертвовав чем-нибудь горному духу, и мож-

но быть уверенным, что ничья рука не осмелится коснуться того, что ему принадлежит»[35].

Думается, не случайно роль Торнау в истории изучения Кавказа увековечена своеобразным памятником. Его именем назван в долине реки Мзымты пик, возвышающийся над величественным гребнем гор. Пик Торнау достигает более 2 922 м.; он неизменно привлекает и манит своим царственным величием и красотой альпинистов, туристов и просто путешественников.

[35] *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. С. 251.

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-161-214
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

АБХАЗИЯ ПОД ПЕРОМ Ф.Ф. ТОРНАУ

© 2021 г. Р. Л. Авидзба

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: Впервые в отношении страниц книги Ф. Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера», посвященных Абхазии, предпринята научная критика текста, выявлены опечатки и ошибки, допущенные в первом издании и повторявшиеся во всех последующих. Художественное дарование писателя определило вклад Торнау в развитие кавказской темы — одной из постоянных в русской литературе XIX в. Абхазские страницы «Воспоминаний…» живо воссоздают далекий от европейской цивилизации национальный быт горцев во всей полноте их традиционной жизни; многие страницы посвящены первобытной природе Кавказа, картины которой были столь привлекательны для романтиков. Между тем мемуарист обнаруживает себя истинно военным человеком, знающим офицером, взгляд которого на окружающий мир отличается трезвыми и ясными оценками. В непринужденной и увлекательной повествовательной форме автор открывает перед читателем и красоту кавказской природы, и подвиги своих сослуживцев, и обычаи горцев, создавая уникальный синтез, в котором нерасторжимы, с одной стороны, смертельные опасности боевой жизни офицера русской армии, с другой — трепетное, благодарное отношение к этой, дарованной Богом, жизни.

Ключевые слова: Русская литература XIX в., Кавказ, Абхазия, Ф. Ф. Торнау, мемуары, кавказоведение, этнография.

Информация об авторе: Регина Леонтиевна Авидзба — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0001-7940-2712. E-mail: reginaavidzba@rambler.ru.

Для цитирования: *Авидзба Р. Л.* Абхазия под пером Ф. Ф. Торнау // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 161–214. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-161-214

ABKHAZIA UNDER THE PEN OF FJODOR TORNAU

© 2021. Regina L. Avidzba

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No 20-012-00098A).

Abstract: For the first time, regarding the pages of Fjodor Tornau's "Memories of a Caucasian Officer" dedicated to Abkhazia, scientific criticism of the text was undertaken, typos and mistakes made in the first edition and repeated in all subsequent ones were revealed. The writer's artistic talent determined Fjodor Tornau's contribution to the development of the Caucasian theme, one of the constant in Russian literature of the 19th century. The Abkhazian pages of "Memories..." vividly recreate the national life of the mountaineers, far from European civilisation, in all the fullness of their traditional life; many pages are devoted to the genuine nature of the Caucasus, whose paintings were so attractive to romantics. Meanwhile, the memoirist reveals himself to be a truly military man, a knowledgeable officer, whose view of the world around him is distinguished by sober and clear assessments. In a relaxed and fascinating narrative form, the author reveals to the reader the beauty of the Caucasian nature, and the exploits of his colleagues, and the customs of the highlanders, creating a unique synthesis in which, on the one hand, the mortal dangers of the military life of an officer of the Russian army are indissoluble, and on the other, the tremulous, grateful attitude to this God-given life.

Keywords: Russian literature of the 19th century, Caucasus, Abkhazia, Fjodor Tornau, memoirs, Caucasian studies, ethnography.

Information about the author: Regina L. Avidzba, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0001-7940-2712. E-mail: reginaavidzba@rambler.ru.

For citation: Avidzba, R.L. "Abkhazia under the Pen of Fjodor Tornau." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M.I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 161–214. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-161-214

«Воспоминания кавказского офицера» барона Ф.Ф. Торнау занимают почетное место в истории русской литературы, являясь источником богатейшего материала по истории, географии, этнографии малоизвестного региона, а также характерным связующим звеном

Барон Федор Федорович Торнау
(1810–1890)

эпох романтизма и реализма. Художественное дарование писателя, явленное в его кавказских воспоминаниях, определило вклад Торнау в развитие кавказской темы — одной из постоянных в русской литературе XIX в. Без яркого таланта автора все богатство им сообщенных разнообразных сведений не смогло бы стать фактом литературы и осталось бы всего лишь сводом, пусть и довольно полным, ценных научных наблюдений. В то же время захватывающая сюжетная интрига «Воспоминаний...», романтический характер повествования имеют достоверную, автобиографическую основу.

Торнау художественно воссоздал далекий от европейской цивилизации национальный быт горцев во всей полноте их традиционной жизни; многие страницы посвящены первобытной природе Кавказа, картины которой были столь привлекательны для романтиков. Между тем мемуарист обнаруживает себя истинно военным человеком, знающим офицером, взгляд которого на окружающий мир отличается трезвыми и ясными оценками.

Перед читателем захватывающее повествование о разведывательных и исследовательских экспедициях по неизведанным местам Западного Кавказа, по еще не «замиренному» Черноморскому побережью от Гагры до Геленджика, по тайным тропам горных перевалов через главный Кавказский хребет на Линию. Хотя Торнау и описы-

вает реальные события, все происшедшее с разведчиком настолько неординарно, настолько нова и необычна для русского читателя среда горцев, в которой находился повествователь, что невозможно отделаться от некоего романтического восприятия текста. К тому же «Воспоминания кавказского офицера» перенасыщены подробностями самого разного свойства, что естественно для острого глаза разведчика и его профессионально-пристального внимания к окружающей жизни.

К «лучшим произведениям, вышедшим из-под пера наших отечественных деятелей на Кавказе»[1], отнес «Воспоминания кавказского офицера» выдающийся кавказовед А. П. Берже. Торнау создал подлинную энциклопедию жизни кавказских народов, уделив основное внимание народу Абхазии.

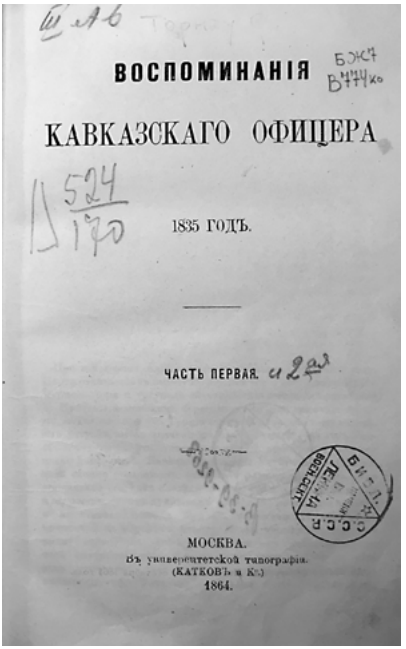
Фрагменты из «Воспоминаний кавказского офицера» Ф. Ф. Торнау, посвященные Абхазии и абхазам, приводятся по изданию: Воспоминания кавказского офицера. 1835, 36, 37 и 38 года. Ч. 1–2. М.: Унив. тип., 1865. 116, 173 с. — с исправлениями выявленных опечаток и неточностей.

По дороге к Бамборам в Абхазию

«Не стану описывать подробно моего путешествия от Тифлиса до границ Абхазии; оно было весьма незанимательно. Зимнее время скрывало от меня живописную сторону богатой имеретинской и мингрельской природы. Плохие дороги, дурные ночлеги, холод, грязь и снег попеременно преследовали меня от начала до конца путешествия. <…> Теперь, говорят, устроена от Тифлиса до Поти дорога, весьма удобная для проезда в самом тяжелом экипаже; тогда было совсем не то; в 1834 году и еще долго после того и верхом было нелегко проехать по этим местам во всякое время года. Особенно последние три почты, не доезжая Редут-Кале[2], были невыносимы. Дорога, проходившая над болотом, была устлана полуобтесанными бревнами, плававшими в тинистой грязи. При каждом шаге, который делала лошадь, ступая на них, они погружались в грязь. Не попав на бревно, лошадь проваливалась в болото выше колена, падала и нередко сбрасывала с себя седока. Тогда все останавливались, поднимали упавшего, освобождали лошадь из

[1] *Берже А. П.* Этнографическое обозрение Кавказа / сост. А. П. Берже. СПб., 1879. С. 17.

[2] Редут-Кале — крепость, заложенная русскими в 1804 г. на берегу Черного моря к северу от Поти в устье реки Хопи.



ВОСПОМИНАНІЯ

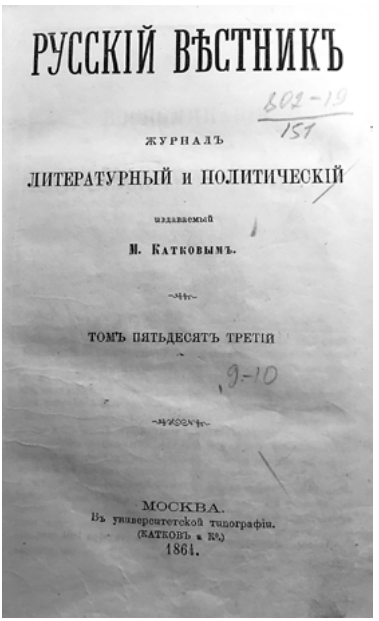
КАВКАЗСКАГО ОФИЦЕРА

1835 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ университетской типографіи.
(КАТКОВЪ и К°.)
1864.

Титульная страница первого отдельного издания книги барона Федора Федоровича Торнау «Воспоминания кавказского офицера», изданного М. Катковым в 1864 г.



РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

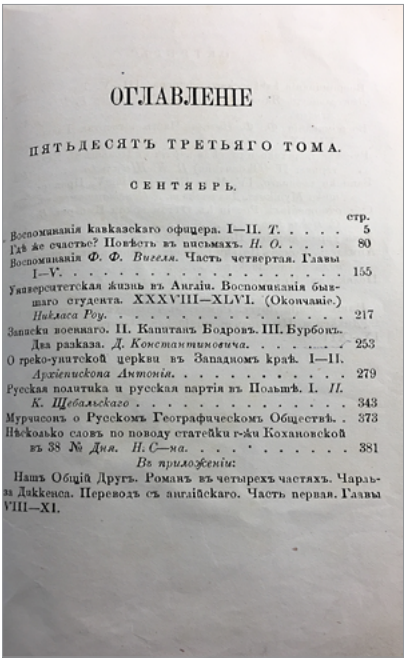
издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ

МОСКВА.
Въ университетской типографіи.
(КАТКОВЪ и К°.)
1864.

Титульная страница первого издания книги барона Федора Федоровича Торнау «Воспоминания кавказского офицера» в журнале «Русский вестник», издаваемом М. Катковым в университетской типографии, Т. 53, № 9–10, 1864



ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СЕНТЯБРЬ.

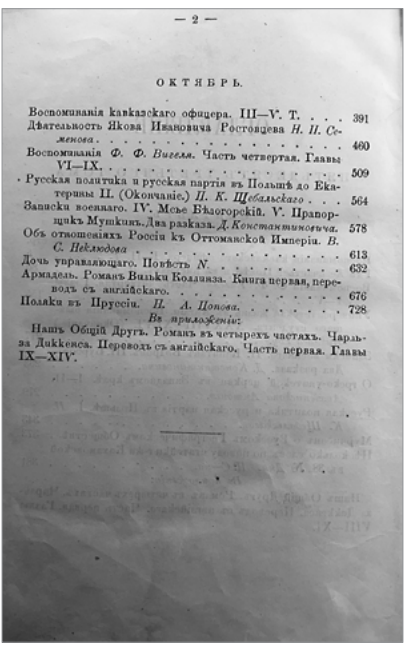
стр.

Воспоминанія кавказскаго офицера. I—II. *Т.* 5
Гдѣ же счастье? Повѣсть въ письмахъ. *Н. О.* 80
Воспоминанія *Ф. Ф. Вигеля*. Часть четвертая. Главы I—V. 155
Университетская жизнь въ Англіи. Воспоминанія бывшаго студента. XXXVIII—XLVI. (Окончаніе.) *Никласа Роу*. 217
Записки военнаго. II. Капитанъ Бодровъ. III. Бурбонъ. Два разказа. *Д. Константиновича*. 253
О греко-уніатской церкви въ Западномъ краѣ. I—II. *Архіепископа Антонія*. 279
Русская политика и русская партія въ Польшѣ. I. *К. Щебальскаго* 343
Мурчисонъ о Русскомъ Географическомъ Обществѣ. . 373
Нѣсколько словъ по поводу статейки г-жи Кохановской въ 38 № *Дня*. *Н. С—ма*. 381

Въ приложеніи:

Нашъ Общій Другъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Главы VIII—XI.

Оглавление первого издания книги барона Федора Федоровича Торнау «Воспоминания кавказского офицера» в журнале «Русский вестник», издаваемом М. Катковым в университетской типографии, Т. 53, № 9, 1864



— 2 —

ОКТЯБРЬ.

Воспоминанія кавказскаго офицера. III—V. Т. . . . 391
Дѣятельность Якова Ивановича Ростовцева *Н. П. Семенова* 460
Воспоминанія *Ф. Ф. Вигеля*. Часть четвертая. Главы VI—IX. 509
Русская политика и русская партія въ Польшѣ до Екатерины II. (Окончаніе.) *П. К. Щебальскаго* . . . 564
Записки военнаго. IV. Мсье Бѣлогорскій. V. Прапорщикъ Мушкинъ. Два разказа. *Д. Константиновича*. 578
Объ отношеніяхъ Россіи къ Оттоманской Имперіи. *В. С. Пеклюдова* 613
Дочь управляющаго. Повѣсть *N*. 632
Армадель. Романъ Вильки Коллинза. Книга первая, переводъ съ англійскаго. 676
Поляки въ Пруссіи. *П. А. Цопова*. 728

Въ приложеніи:

Нашъ Общій Другъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Главы IX—XIV.

Оглавление первого издания книги барона Федора Федоровича Торнау «Воспоминания кавказского офицера» в журнале «Русский вестник», издаваемомМ. Катковым в университетской типографии, Т. 53, № 10, 1864

западни, в которую она попала, хорошо еще, если не с переломанными ногами. Не проходило часа без подобного происшествия с кем-нибудь из нашего поезда, состоявшего, кроме меня, из моего слуги, вьюка и обычной команды донских постовых казаков, без которых не ездили в то время даже по Мингрелии. Подобного рода похождениями и чувством постоянного голода, так как на казачьих постах имелись только хлеб да кислое вино, ограничивались мои путевые впечатления. <…>

От Редут-Кале до Сухума вели две дороги. Первая из них, служившая для абхазцев обыкновенным сообщением искони веков, проходила над самым морем по береговому песку и мелким камням. Весьма неудобная для движения артиллерии и обозов, она, кроме того, заливалась водой в ветреную погоду. Другая была проложена нашими войсками в прошедшем году, для избежания этого неудобства, в некотором расстоянии от моря. Небо было покрыто тучами, необыкновенно сильный ветер дул с моря, гряды темных волн, окаймленных белой пеной, мерно разбивались об обрывистый берег, возвышавшийся справа над дорогой, и заливали ее на протяжении, какое мог видеть глаз. Берегом ехать было невозможно. Казаки просили меня лучше переждать погоду, чем следовать новою дорогой, по которой, как они говорили, лошади не дойдут до первого поста, находившегося в двадцати верстах от Редута. Время было для меня дорого, и я, не слушая их совета, отправился по верхней дороге, разработанной генералом N., полагая найти ее все-таки в лучшем виде, чем как говорили постовые казаки. Но скоро я убедился в справедливости их слов. Проходя на большом протяжении через вековой лес, без выбора местности, вдоль глубоких лощин и по топким местам, она извивалась лентой густой черной грязи, в которой лошади утопали выше колена, спотыкаясь на каждом шагу о пни и корни срубленных деревьев. В Абхазии снег начинал таять, и это обстоятельство не служило к улучшению обыкновенных качеств дороги. Не находя никакого способа подвигаться по ней вперед, мы были принуждены объезжать ее по лесу, медленно пробираясь между деревьями, хлеставшими нас ветвями в лицо, и частым колючим кустарником, цеплявшимся за лошадей и рвавшим на нас платье. <…>

В первый день моего отъезда из Редут-Кале я добрался с большим трудом, поздно ночью, до первого поста, сделав не более двадцати верст. Объезды, которые мы принуждены были отыскивать беспрестанно в лесу, для того, чтобы избегнуть мучения ехать по разработанной дороге, и частые переправы нас совершенно измучили. Люди и лошади едва дотащились до ночлега. На другой день, испытав те же самые напасти, я переехал в Илори, на границу Абхазии, где в прошед-

шем году наши войска построили укрепление на берегу Галидзги[3]. Настоящая граница Абхазии начиналась на правом берегу Ингура. <…>

От Илори до Дранд считали сорок верст, которые я проехал в один день, потому что на этом пространстве встречалось меньше леса, следовательно, и дорога была получше. Через три рукава Кодора, на которых не было возможности устроить паромов, по причине необыкновенно быстрого течения, мы переправились вброд, имея воды выше седла, так что местами лошади должны были плыть.

Драндская древняя церковь, построенная, как должно полагать, в середине шестого века, в одно время с Пицундским[4] монастырем, лежит в пяти верстах от морского берега, на возвышении, образующем открытую площадь, окруженную лесом со всех сторон. Как памятник византийской архитектуры, она представляла немало замечательного; но я не имел тогда времени заняться ее рассмотрением и ограничился первым впечатлением, которое она произвела на меня своею простою, величественною массой, уединенно господствовавшею над пустынною окрестностью. Кто пожелает ближе познакомиться с характером ее постройки, равно как и с другими памятниками древности на Кавказе, найдет их подробное описание в путешествии археолога Дюбуа[5]. Направо от Дранд виднелись постепенно подымавшиеся лесистые контрфорсы главного хребта, подпиравшие ряд снеговых вершин, врезавшихся в горизонт зубчатою блестящею стеной. Налево шумело море, скрытое от глаз темными лесами. За исключением этого шума повсюду царствовала пустынная тишина.

Выбор этого места под укрепление был весьма удачен, жаль только, что при этом коснулись церкви, заняв ее офицерскими квартирами и складом провианта. В полухристианской, полумагометанской Абхазии следовало беречь подобного рода памятники христианской старины, к которым сами абхазцы-мусульмане питали неизъяснимое чувство благоговения, основанное на темных преданиях о святыне, осенявшей веру их праотцов. В военном отношении этот пункт представлял весьма ощутительные выгоды: давал твердый базис для действий против Цебельды, занимавшей неприступные ущелья по верховьям Кодора, и

---

[3] Автор придерживается написания Гализга.

[4] В источнике ошибочно: Тецундским.

[5] Frédéric DuBois de Montperreux. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, 6 Bände, Librairie de Gide, Paris, 1839–1849 (*Дюбуа де Монпере, Фр.* Путешествие вокруг Кавказа, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Париж, 1839–1849).

представлял, по причине здорового климата и хорошей воды, все условия, необходимые для сбережения войск. Приятно было видеть свежие и веселые лица солдат, ясно свидетельствовавшие в пользу драндской стоянки. Число больных в батальоне Грузинского гренадерского полка, зимовавшего в Драндах, не превышало обыкновенно двенадцати человек из семисот. Это был замечательный факт между кавказскими войсками, которые обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского оружия. <…>

От Дранд дорога спускалась к берегу через густой лес и, поворотив направо, вела потом до Сухума, над самым морем, по глубокому береговому песку. С одной стороны море, а с другой непроходимый лес, отнимали у нее простор до того, что местами она была не шире четырех или пяти саженей. Здесь абхазцы перегородили в двадцать четвертом году дорогу высоким завалом и встретили из-за него и из лесу самым убийственным огнем русский отряд, шедший, под начальством управлявшего Имеретией князя Горчакова[6], выручать капитана Марачевского, оборонявшего около Бамбор с двумя ротами абхазского владетеля Михаила от его восставших подданных. Несмотря на отчаянное сопротивление неприятеля и на невыгоды положения, подвергавшего их метким выстрелам в упор, от невидимых противников, наши войска мгновенно овладели завалом и открыли себе дорогу в Сухум. Абхазцы, видя, что русских нельзя остановить страхом смерти и перегородить им дорогу открытою силой, рассыпались после того в опушке леса, прекратили огонь по солдатам и стали стрелять исключительно по артиллерийским и по вьючным лошадям. Перебив большую часть из них, они принудили отряд остановиться в Сухуме и выждать, пока собралось достаточное число судов для перевозки его морем в Бамборы, потому что сухим путем не на чем было везти провиант и снаряды. От этого Марачевский едва не погиб. Более шестисот убитых лошадей лежали на морском берегу и заражали воздух по дороге, что принудило нарядить на другой год два военных транспорта для отвоза их остатков в открытое море. <…>

Сухум произвел на меня самое неблагоприятное впечатление. Базар, находившийся перед крепостью, состоял не более как из двадцати грязных духанов-кабаков, в которых были выставлены для продажи без всякого разбора: вино, водка, табак, седла, оружие, говядина, соленая рыба, овощи и самые простые турецкие материи. Хозяева были греки и армяне. По единственной топкой улице этого рынка проха-

---

[6] Горчаков Петр Дмитриевич (1789–1868) — князь, русский военачальник, правитель Имеретии с 1820 г.

живались лениво несколько абхазцев с винтовками за спиною, с башлыками на голове, повязанными в виде чалмы, и перебегали матросы в своих холщовых брюках и темно-зеленых куртках, заглядывая в лавки и торгуясь с купцами. Только из одного духана раздавались веселые голоса; в его открытом окне виднелись эполеты и фуражки наших морских офицеров. Это был духан Тоганеса, избранный ими для постоянного пристанища на берегу, единственное место отдыха в Сухуме, доставлявшее им возможность за стаканом портера или марсалы забывать невыразимую тоску, которую он наводил на каждого. Тоганесова лавка отличалась от других духанов поставленною перед ее дверьми гипсовою статуей с транспорта, потерпевшего кораблекрушение посреди Сухумской бухты.

Крепость, построенная из дикого камня в виде четырехугольника, около ста саженей по фасу, с башнями по углам, имела вид развалины. Внутри ее помещались две ветхие, деревянные казармы, госпиталь, артиллерийский цейхгауз[7], провиантский магазин и дом коменданта. Сухумский гарнизон составляли две пехотные роты и команда крепостной артиллерии. Люди имели болезненный вид несчастных жертв, обреченных на вечную лихорадку, от которой половина их ежегодно умирала. Они знали это и, нельзя сказать со спокойным духом, но безропотно несли свою участь, не переставая исполнять тяжелую службу с покорностью, свойственною русскому солдату. Побеги случались между ними очень редко. При турках считали в Сухуме около шести тысяч жителей; в тридцать пятом году нельзя было насчитать и сотни, сверх гарнизона. Прежде крепость была окружена красивыми предместьями, отличавшимися множеством тенистых садов, и пользовалась отличною водой, проведенною из гор далее мили. Турки называли Сухум вторым Истамбулом. Теперь расстилались около крепости болота, заражавшие воздух своими гнилыми испарениями; водопроводы были разрушены, солдаты пили вонючую, тинистую воду, и это было главной причиной болезней. Нас нельзя было нисколько винить в упадке Сухума, он был неотвратимым последствием неблагоприятных обстоятельств, сопровождавших пребывание наших войск в Абхазии. Видя, что мы положительно утвердились в крепости, турки оставили немедленно предместье; абхазцы не имели обыкновения жить в городах; а русское население не могло существовать в соседстве их, при тревожном и неустроенном состоянии, в котором находился край. Окрестности Сухума опустели, и только в стенах крепости прозябали около четырехсот русских солдат, из числа которых сто человек постоянно ле-

[7] Цейхгауз — военный склад оружия или амуниции.

жали в лазарете. Весьма понятно, что эта горсть людей не могла в одно время исполнять службу, обороняться от дразнившего ее неприятеля и производить около крепости очистительные работы, лежавшие прежде на всем турецком населении. В таком положении застал я Сухум. Впрочем, если крепость и ее окрестности не имели ничего живого и привлекательного, зато рейд представлял картину самой оживленной деятельности. Кроме нескольких десятков турецких чектерм[8], качавшихся на воде, около десяти русских военных судов разной величины, начиная от красивого фрегата до уродливой иолы[9], лежали на якоре перед Сухумом. Тяжелые баркасы и легкие шлюпки перерезывали бухту по всем направлениям, сообщаясь с берегом и с судами, на которых кипела работа. Эскадра спешила исправиться от повреждений, причиненных ей последнею бурею, недели за две до моего приезда. Статуя, поставленная у дверей Тоганесова духана, принадлежала транспорту, выброшенному на берег этою бурей, причем его капитан и четыре матроса сделались жертвою моря. И другие суда были близки испытать ту же участь, если бы не унялся ветер. Фрегат, на котором находился контр-адмирал, касался уже дна: корвет и бриг потеряли рули, не считая поломанных мачт, рей и бугшпритов[10] у прочих судов. Все это происходило в Сухумской бухте. Несмотря на двойные и тройные якоря, корабли несло к берегу. Сильный ураган налетел с такою быстротой, что наша эскадра не успела уйти в открытое море. Мне очень хотелось побывать на наших кораблях и познакомиться с морскими офицерами, пользовавшимися уже тогда репутацией образованных людей и отличных моряков, но я должен был на этот раз отказать себе в этом удовольствии, имея в виду доехать как можно скорее до Бамбор.

Оставив Сухум на другой день с рассветом, я приехал к обеду в бамборское укрепление. От Сухума до Бамбор считали сорок пять верст довольно удобной береговой дороги, загроможденной камнями только в одном месте, что не составляло, впрочем, чувствительного препятствия для пешего или для конного. Брод через Гумисту считался довольно опасным в полноводье; другие маленькие речки не заслуживали внимания.

В Бамборах, где я должен был иметь свое постоянное пребывание, помещались: батальон 44 егерского полка, полковой штаб и все глав-

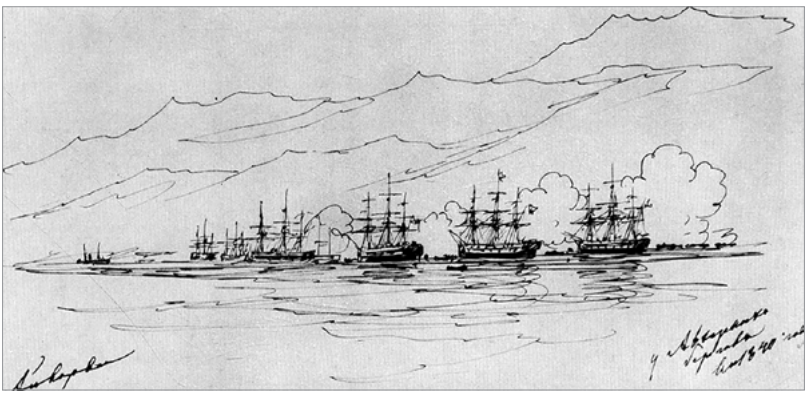
---

[8] Чектерма — фелюга, небольшое парусное судно.

[9] Иола — канонерская лодка малого размера, оснащенная одной пушкой на носу или на корме. В источнике ошибочно: толлы.

[10] Бугшприт (бушприт) — выступающее вперед устройство на носу парусного судна, обеспечивающее его маневренность.

ные военные заведения, и склады для войск, занимавших Абхазию. Генерал Пацовский, командир егерского полка и начальник всех войск во время отсутствия генерала А., жил в Бамборах, занимая длинный низенький дом с небольшим садиком впереди, стоявший возле гауптвахты, на обширной площади. Укрепление имело вид большого бастионированного параллелограмма и состояло из земляного бруствера обыкновенного размера. Внутренность его, разбитая на шесть правильных кварталов, обстроенных небольшими, чисто выбеленными домами, длинными казармами и магазинами, была опрятна и не наводила тоски, свойственной другим абхазским укреплениям. Возле крепости находился небольшой форштадт[11] с неизбежным базаром, населенным армянскими и греческими торгашами. Сюда абхазцы, а



Иван Константинович Айвазовский. Русская эскадра у берегов Абхазии. 1880 г. Материал: Бумага, тушь, перо 13 × 20,8 см.
Источник электронного ресурса:
http://i-aivazovsky.ru/painting/item/f00/s00/e0000026/index.shtml

под их покровительством и незнакомые неприятельские черкесы приходили, менее для торговли, чем для того, чтоб узнавать новости и высматривать, что делается у русских. Положение Бамбор в широкой и привольной долине реки Пшандры, в трех верстах от морского берега и почти в таком же расстоянии от селения Лехне, или Саук-су, как его называли турки, местопребывания владетеля Абхазии, давало этому пункту значение, которым Пацовский воспользовался весьма ис-

[11] Форштадт (нем. Vorstadt — пригород) — поселение вне города или крепости.

кусно для сближения с нами абхазцев и для распространения на них, сколько было можно, нашего нравственного влияния. Бамборы имели только одну невыгоду, общую со всем берегом, на котором, кроме трех бухт, Геленджикской, Суджукской и Сухумской, нигде не существовало удобного якорного места. Суда не могли бросать перед Бамборами якоря ближе трех миль от берега, что служило чувствительным затруднением для выгрузки военных тяжестей, привозимых сюда в довольно большом количестве. Сверх того, суда должны были уходить в море с открытого бамборского рейда при первых признаках будущей зыби, из опасения быть брошенными на берег прежде, чем разыграется ветер, который позволил бы распустить паруса. В тридцать девятом году военный пароход, стоявший на якоре в Туапсе, разбился, прежде чем успели развести пары. Подобных несчастных примеров можно было насчитать очень много».

Знакомство с Абхазией

«Не доезжая пяти верст до крепости, лежало на пути абхазское селение Келассури[12], в котором жил Гассан-бей[13], дядя владетеля. Его рубленный деревянный дом, имевший вид широкой четвероугольной башни, стоял на высоких каменных столбах. Крытая галерея, обхватывавшая весь дом, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами, в котором открывалась тесная калитка, способная только пропустить одного человека или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружавший его палисад, на эту маленькую, плотно затворенную калитку, чтобы понять всегдашнее состояние опасения, в котором Гассан-бей проводил свою жизнь. Тревожное положение Абхазии вообще, личная вражда, какую он успел возбудить во многих, и несколько покушений на его жизнь, от которых он спасался почти чудом, заставляли Гассан-бея не пренебрегать никакими мерами осторожности.

Против его дома, над самым морем, находился длинный ряд деревянных лавок, принадлежавших туркам, перешедшим из Сухума в Келассури, когда крепость досталась русским. На пороге лавок сидели, по своему всегдашнему обыкновению, турецкие купцы и курили из длинных чубуков с видом глубочайшего спокойствия. Казалось, ничто, что происходило кругом, не занимало их духа, парящего в неведомых пределах, — так безжизненно-равнодушно глядели они вдаль. Но равно-

[12] Келассури — Келасур (абх. Кьалашәир).

[13] Гассан-бей — Гасан-бей (Хасан-бей) Шервашидзе (Чачба).

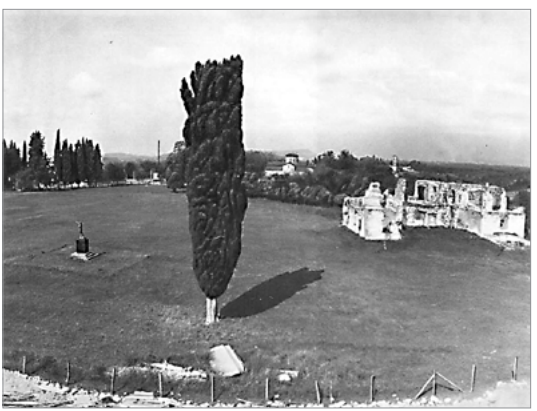
душие их было очень обманчиво. С одной стороны, они наблюдали за дорогой, пристально разглядывая проезжающих, а с другой — не упускали из виду нашей военной эскадры, стоявшей на сухумском рейде. Ничто из происходившего на наших судах не скрывалось от их напряженного внимания. Из всего они выводили свои заключения, имевшие одну постоянную цель: обмануть бдительность наших моряков и провезти запрещенный товар. Все, что клонилось к нашему вреду и могло мешать нашим видам, радовало их душевно. Турки откровенно нас ненавидели; — это в порядке вещей. Прежде они первенствовали в Абхазии и пользовались самой прибыльной торговлей с черкесами и с абхазцами, от которой купец обогащался в три или четыре рейса; теперь мы их вытеснили из этого выгодного положения и старались, кроме того, совершенно уничтожить их торговлю, захватывая и обращая в призы суда, нагруженные военными припасами и черкешенками. Гассан-бей, управлявший Сухумским округом на правах удельного князя, считался, не без причины, самым закоренелым покровителем турок, проживавших в Абхазии, и этого нельзя было ставить ему в вину. Религия, привычки молодости склоняли его на сторону турок, и кроме того, он находил постоянный источник доходов в своем келасурском базаре. Турецкие купцы платили ему значительную пошлину за право торговли и, сверх того, доставляли ему все редкие товары, которых нельзя было найти в целой Абхазии. Носились темные слухи про ночную торговлю на этом базаре, несравненно более оживленную, чем какою представлялась его денная деятельность, про лодки, виденные в лесу недалеко от Келассури, к которым съезжались в ночное время толпами вооруженные люди; но все это были, кажется, одни пустые толки завистников Гассан-бея. Наши военные баркасы, проходившие иногда случайно ночью мимо Келассури, никогда не замечали ничего подобного: базар они находили всегда в глубоком сне, а по всему берегу, на расстоянии десяти верст от Гассан-беева дома, не было уголка, в котором могла скрыться турецкая чектерма; в этом ручались все наши моряки, осматривавшие берег с величайшим вниманием. Поэтому келасурские турки невозбранно продолжали продавать табак, рагатлукум[14] и бумажные материи[15] и следить с участием и любопытством за нашею эскадрой, рассматривая ее, когда было нужно, в свои длинные зрительные трубы. <…>

Вскоре после моего прибытия в Бамборы я поехал с Пацовским в Лехне представиться владетелю, имевшему в то время звание полков-

[14] Рагатлукум — рахат-лукум, восточное лакомство.

[15] Бумажные материи — ткани из хлопка.

Михаил Георгиевич Шервашидзе (1806—1866) —
последний владетельный князь Абхазии (с 1822 и по 1866 годы).
Гравюра на дереве 70-е гг. XIX века. Гравер Э. Даммюллер.
Размер листа 33 × 23,5 см, размер изображения 14,5 × 11,5 см



Площадь в селе Лыхны. Лыхненский дворец. Вид на север.
Иллюстрация взята из книги: Л. Г. Хрушкова «Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии», М., 1998. С. 97, 100

Лыхны — резиденция абхазских князей. Лыхненский дворец.
Западный и северный фасады.
Из книги: Л. Г. Хрушкова «Средневековый дворцовый
комплекс в Абхазии», М., 1998. С. 97, 100

ника лейб-гвардии Преображенского полка. Дорога вела по широкой и совершенно гладкой поляне, уставленной тополями, шелковичными и ореховыми деревьями, повитыми до самой вершины необыкновенно толстыми лозами, составляющими одно из главных богатств абхазских поселян. От винограда, растущего в изобилии на этих лозах, получается очень порядочное вино, добываемое в Абхазии самым первобытным способом. Жители делают для этого яму в земле, обкладывают ее глиною и потом обжигают, сколько можно, разложив в ней огонь. Вы-

топтав виноград ногами в этой яме, из нее вычерпывают вино, когда сок перебродил, и хранят его в глиняных кувшинах, зарытых в земле. Лозы стоят в поле без ограды; каждый хозяин знает свое фруктовое дерево и употребляет весьма дешевый способ для сбережения его от воров. Для этого привешивают к лозе, к скотине или к каждому другому предмету, который желают уберечь от воровских рук, кусок железного шлака[16]. Не каждый горец осмелится тронуть вещь, отданную под покровительство этого талисмана, угрожающего, как полагают, насильственною смертью чужим рукам, которые позволят себе коснуться его. Впрочем, и кавказские горы имеют своих вольнодумцев, пренебрегающих подобного рода угрозами. От них уберегает одно ружье, исправляющее у черкесов главную полицейскую должность.

Дом владетеля нет причины описывать подробно. Архитектурою он был много похож на дом Гассан-бея и отличался от него только размерами, будучи несравненно выше и просторнее. Палисад заменялся высоким плетневым забором, огораживавшим чрезвычайно обширный двор. Вместо тесной калитки отворялись для приезжего широкие ворота. Заметно было, что Михаил менее Гассан-бея опасался врагов, или более надеялся на своих окружающих. Налево за оградою, в расстоянии ружейного выстрела от владетельского дома, находилась старинная церковь. Въезжая на двор, я рассматривал с большим любопытством дом и его окрестности, представлявшие для меня много замечательного. Здесь две русские роты и двадцать два абхазца, не покинувшие своего князя, защищались в двадцать четвертом году более трех недель против десяти или двенадцати тысяч джекетов, убыхов и бунтующих жителей Абхазии. Около трехсот пятидесяти человек, занимавших дом, службы и двор, огороженный одним плетнем, без рва и бруствера[17], успели не только выдержать осаду, но отбить удачно несколько нападений открытою силой, пока не выручил их, высадившись в Бамборах, князь Горчаков, командовавший войсками в Имеретии. Во время осады неприятель занял церковь, о которой я выше упомянул, командовавшую над всею окрестностью, и стал обстреливать из нее середину двора. В темную ночь двадцать солдат под командой поручика (не припомню его имени), сделали вылазку, ворвались в церковь и перекололи всех засевших в ней абхазцев, кроме одного, успевшего скрыться на хорах. Очистив церковь, они отступили в ограду владетельского дома, потеряв только четырех человек. Этот урок подей-

[16] Железный шлак — побочный продукт от производства железа.

[17] Бруствер — преграда в виде насыпи, предназначенная для удобной стрельбы.

ствовал на неприятеля так сильно, что он не решался более занимать церкви, стоявшей, как опыт доказал, слишком близко от руки и штыка наших солдат. Человек, уцелевший в церкви от побоища, был известный абхазец Каца Маргани[18], передавшийся впоследствии всею душой на сторону владетеля, который, кажется, теперь еще жив и пользуется генеральским званием. Сам Каца рассказывал мне об этом ночном происшествии, признаваясь, что при одном воспоминании о нем его пробирает дрожь и что он в жизни своей не испытал ничего более ужасного. Каца же, как все знают, был не из числа робких, и в продолжение своей жизни не раз глядел смерти в глаза без страха. На дворе владетельского дома не существовало тогда колодца, а водою пользовались из ручья, протекавшего возле самой ограды. К ручью вел спуск под гору около десяти сажен по совершенно открытому месту. Днем неприятель занимал все пункты, с которых можно было обстреливать ручей, и засыпал пулями каждого, кто подходил к воде. Ночью он приближался к самому ручью. Опасаясь, что абхазцы перебьют поочередно всех людей, пытавшихся достать воды, решили придумать другое, более безопасное средство запасаться ею. В доме оказался старый винный бурдюк, который ухитрились приспособить для этой потребности. Его поставили на колеса, к верхнему концу приделали клапан, а к нижнему груз, и в этом виде начали спускать на веревках в ручей, где он наполнялся водою, после чего его втаскивали на гору. Несколько дней гарнизон пользовался водою, добытою этим замысловатым способом. Сначала неприятель осыпал бурдюк выстрелами, но пули скользили по его толстой и упругой оболочке. Тогда несколько неприятельских удальцов подкрались ночью к самой ограде, и, когда наши на рассвете стали опускать бурдюк за водой, они напали на него и изрубили кинжалами. Почти все они заплатили жизнью за это отважное дело, но другого бурдюка не было, и гарнизон остался без воды. После нескольких дней мучительной жажды, дождик, пошедший вовремя, помог нашим людям. Провианту не было совсем; люди доедали последнюю кукурузу, заготовленную в доме для владетельских лошадей, которые были съедены уже прежде. В это-то время подоспел князь Горчаков и освободил осажденных, принудив горцев удалиться. Об этой защите владетельского дома в Лехне нашими солдатами, кажется, никто не писал, и я слышал о ней только в Абхазии, на самом месте

[18] Каца Маргани — Кац Бежан-Ипа Маан (1766–1864/1866), абхазский военный и государственный деятель, игравший ключевую роль в политической жизни Абхазии. В Российской императорской армии к началу 1850-х гг. был пожалован чином генерал-майора; имел российские ордена.

действия. Командовал ротами, принадлежавшими к 44-му егерскому полку, капитан Марачевский, которого Ермолов[19] наградил за это дело орденом Св. Владимира четвертой степени с бантом, что считалось в то время необыкновенным отличием.

Михаил Шервашидзе, абхазский владетельный князь, носивший у своих имя Гамид-бея, был тогда красивый молодой человек, лет двадцати четырех, пользовавшийся всеми качествами, имеющими высокую цену у черкесов, то есть был силен, стрелял отлично из ружья, ловко владел конем и не боялся опасности. Как правитель, он был, несмотря на свою молодость, далеко не хуже, если не лучше других, много хваленых кавказских владельцев; понимал простые нужды своего народа и умел заставить себе повиноваться. В отношении русских он держал себя как следует, без особой гордости и без подобострастия, действовал нескрытно и охотно исполнял все наши требования, когда они не находились в совершенном разногласии со средствами и с пользою Абхазии. Я познакомился с ним очень коротко и искренно полюбил его за участие, которое он мне показывал, и за его откровенные поступки со мною. Пацовский понимал его настоящим образом и, как умный человек, защищал его против людей, обвинявших его в нерасположении к русскому правительству потому только, что они не находили в нем всегдашнего выражения покорности, которая в сущности так редко доказывает истинную преданность. Как настоящий горский князь, Михаил исполнял правила гостеприимства в самых широких размерах; никто не уезжал из его дома без угощения и без подарка. Мне он подарил в начале нашего знакомства прекрасную винтовку, с которою я потом никогда не расставался до моего последнего, весьма неудачного путешествия, лишившего меня и этой дорогой для меня вещи. <…>

Одна из моих первых поездок была направлена в Пицунду, куда я поехал вместе с Пацовским, с целью осмотреть место для постройки укрепления, долженствовавшего обеспечить сообщение Гагр с Бамборами. Пицундский монастырь, занимаемый нашими войсками, лежал на берегу моря, совершенно в стороне от прямой гагринской дороги, загороженный от нее и от Бамбор цепью невысоких, но очень крутых, покрытых лесом гор. Через эти горы вела в Пицунду довольно неудобная вьючная дорога, проходимая только для войск, а не для артиллерии и для тяжестей, которые принуждены были доставлять туда морем. От

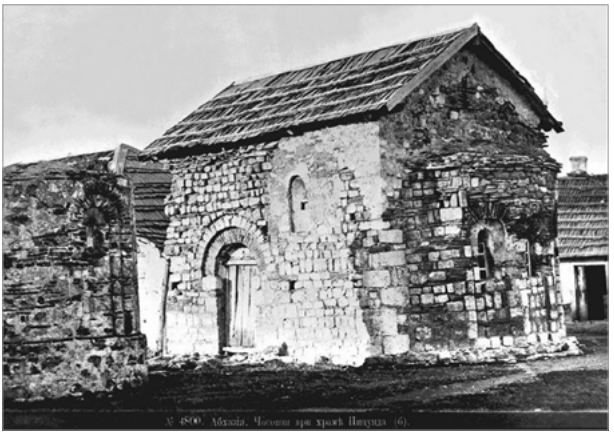
[19] Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) — русский военачальник, генерал, командир Кавказского корпуса и управляющий по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии.

Народные кавказские типы.
Слева: Каца Маргани — Кац Бежан-Ипа Маан (1766–1864/1866),
абхазский военный и государственный деятель, игравший ключевую роль
в политической жизни Абхазии. В Российской императорской армии к началу
1850-х гг. был пожалован чином генерал-майора;
имел российские ордена.
Автор рисунка: Григорий Григорьевич Гагарин
«Рисунки и наброски с натуры», 1902 г.

Бамбор до Пицунды считалось двадцать восемь верст, от Пицунды до Гагр восемнадцать. Прямая гагринская дорога была двенадцатью верстами ближе, и на ней не встречалось гор. На ней же существовал около Аджепхуне довольно удобный брод через Бзыб. Между Пицундою и Гаграми переправа через эту реку, возле ее устья, была в полноводье положительно невозможна, а в остальное время года чрезвычайно опасна, по причине переменчивого ложа, то заносимого с моря песком, то размываемого быстрым речным течением. Бзыб обтекал северную подошву горного хребта, заслонявшего пицундский мыс от Бамбор. Между Бзыбом и отраслью Главного Кавказского хребта, примыкавшею за Гаграми к морскому берегу, открывалась широкая равнина, принадлежавшая по своему положению к Абхазии; но загагринские джекеты завладели ею для пастбища, и абхазцы молча терпели это нарушение своих прав, чтобы не заводить открытой ссоры со своими нахальными соседями. На берегу Бзыба, у поворота дороги через горы в Пицундский монастырь, находилось многолюдное селение Аджепхуне, в котором жили Инал-ипы, считавшиеся, после владетеля, самыми

Абхазия. Пицундский храм и крепостная ограда. 1870-е годы XIX в.
Фотография выполнена известным русским этнографом, фотографом, военным топографом — Дмитрием Ивановичем Ермаковым
Источник электронного ресурса:
http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/267627

Абхазия. Пицундский храм с восточной стороны. 1870-е годы XIX в.
Фотография выполнена известным русским этнографом, фотографом, военным топографом — Дмитрием Ивановичем Ермаковым.
Источник электронного ресурса:
http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/267616



Абхазия. Часовня при Пицундском храме. 1870-е годы XIX в.
Фотография выполнена известным русским этнографом, фотографом,
военным топографом — Дмитрием Ивановичем Ермаковым.
Источник электронного ресурса:
http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/267640

богатыми и сильными князьями в Абхазии. От Бамбор до Аджепхуне существовала уже весьма удобная дорога; далее не встречалось никакого затруднения проложить ее по совершенно ровной местности до самого Гагринского монастыря. <…>

Пицундский монастырь занял мое внимание еще более Драндской церкви; положение его было не менее живописно, а постройка отличалась величиною и некоторыми частными достоинствами, которых не было у последней. Церковь чисто византийской архитектуры, воздвигнутая по указанию Прокопа[20] в шестом веке, в царствование Юстиниана, сохранилась довольно хорошо. В одном приделе были видны на стенах и на потолке весьма любопытные фрески, пережившие время владычества турок в Абхазии. На большом ореховом дереве возле церкви висел колокол весьма искусной работы, с изображением Мадонны и латинскою надписью, указывавшею, что он был отлит в 1562 году. Уважение, которое абхазцы и джекеты питали по преданию к остаткам Пицундского монастыря, не позволило им коснуться этого колокола, принадлежавшего ко времени генуэзского владычества на восточном берегу Черного моря. Пицунда была снабжена отличною

[20] Прокоп — Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 — после 565), византийский писатель, секретарь полководца Велизария.

Абхазы у древнего Пицундского храма.
Фото Д. И. Ермакова. 1870–1890 гг.
Фотография найдена в сети интернет

ключевою водой посредством древнего водопровода, сохранившегося в полной целости. На Пицундском мысу существовала, кроме того, сосновая роща, единственная по всему абхазскому прибрежью, доставлявшая отличный строевой лес. <…>

До Гагр мы не пытались доехать, так как пространство, лежавшее между ними и Пицундою, было, как я уже упоминал, в руках неприятеля. Туда еще можно было проехать, не подвергаясь опасности; но обратно пришлось бы пробиваться через неприятеля, который, конечно, не упустил бы удобного случая отрезать нам дорогу. Это обстоятельство доказывало ясно, что гагринское укрепление, невзирая на свою позицию, вследствие которой оно считалось ключом береговой дороги, вовсе не открывало нам пути в неприятельские владения и не запирало для неприятеля входа в Абхазию. Чего же можно было ожидать от других подобных крепостей на морском берегу?

После того я продолжал, не давая себе отдыха, странствовать по горной Абхазии, осматривать дороги и знакомиться с людьми, от которых надеялся узнать что-нибудь полезное для моего скрытого намерения. Беспрестанно бывал я в Сухуме, в Келассури у Гассан-бея, или в Драндах, не говоря уже о моих частых посещениях владетельского дома. Дороги были в то время весьма небезопасны. Между Бамборами и Сухумом появлялись нередко разбойники из Псхо[21] и Ачипсоу, двух

[21] Псхо — Псху (абх. Пҳсҳәы), село. О названии села в русской транскрипции писал А. В. Бобров: «В 1894 году ботаник Н. М. Аль-

независимых абазинских обществ, занимавших высокие горы около источников Бзыба и Мзымты[22]; между Сухумом и Драндами встречались цебельдинские искатели приключений. Трудно было уберечься от них, тем более что все выгоды находились на их стороне. Спрятанные в чаще, они выжидали путешествующих по открытой дороге, пролегавшей между морем и густым лесом, убивали их из своей засады и грабили, не подвергаясь сами большой опасности. Абхазские леса были непроходимы для того, кто не знал местности и всех проложенных по ним воровских тропинок. Дерево теснилось возле дерева; огромные пни и корни деревьев, опрокинутых бурею, загораживали дорогу со всех сторон; колючие кусты и тысячи нитей от вьющихся растений, снабженных острыми шипами и широкими листьями, пресекали путь и составляли непроницаемую сеть, через которую можно было прорываться только с помощью топора или кинжала. Поэтому, иногда даже

бов во время своего путешествия по Черноморским горам за 31 августа пишет в своём отчёте: "На том берегу реки, на уроч. Псхё (или Псху, как его называют русские), мы остановились на отдых". Здесь Н. М. Альбов приводит правильное звучание — Псхё, которое на арабском языке и хотел записать Эвлия Челеби. Похожее название Псхо, которое встречается в "Воспоминаниях Кавказского офицера" Ф. Ф. Торнау, вызвало большое удивление, так как во всех документах того времени всегда встречается название Псху. Учитывая, что книга переиздавалась много раз, то решено было поискать первое издание этой книги 1864 года. И действительно в издании книги 1864 года, начиная со стр. 81, где идёт обсуждение организации путешествия из Анухвы вместо написания Псхо или Псху используется несколько иное написание, а именно — Псхё! Похоже, в то время буква ё еще только начинала входить в печати в обиход, и Ф. Ф. Торнау для точной передачи звучания использует букву ö из немецкого языка, как наиболее точно передающую правильный звук. Ну, а поздние книгоиздатели не смогли понять этого нюанса и использовали букву о. Таким образом, загадка правильного названия горного племени теперь разгадана — это Псхё! Однако буквы ё ни в абхазском, ни в абазинском языках нет! Но, как указывает исследователь абхазского языка П. К. Услар, сочетание двух букв абхазского алфавита позволяет получить: "...звук русского е, в слове елка"! Даже в издании книги П. К. Услара 1887 года буква ё всё ещё не была использована и только в статье Н. М. Альбова за 1894 г. мы встречаем букву ё» (*Бобров А.В.* Загадки Псху. Исторический очерк. М., 2017. С. 25–26).

[22] Здесь и далее Ф. Ф. Торнау придерживается написания: Мдзимта.

видя неприятеля, нельзя было до него добраться и его преследовать. Беспрестанно получались известия о солдатах и казаках, убитых из лесу неведомо кем; нередко сами абхазцы подвергались той же участи, и только после долгого времени успевали узнавать, кто были убийцы. Впрочем, каждый участок береговой дороги имел своего героя, присвоившего себе право грабить путешественников преимущественно на его протяжении. Между Бамборами и Сухумом делал обыкновенно засады со своей шайкой абхазский беглец Софыдж Гублия, живший в Псхо, которого имя наводило неописанный страх на каждого из его соотечественников, имевшего повод считать его своим недругом. Про его хитрость и отвагу рассказывали чудеса. Что Софыдж ненавидел русских и подстерегал их, где было возможно, считалось в порядке вещей и никого не удивляло. За Сухумом и около Дранд грабил чаще других цебельдинский князь Богоркан-ипа Маршомий, молодой, ловкий и смелый наездник».

Абхазы

«Восточный берег Черного моря населен двумя совершенно различными племенами: от Анапы до реки Саше живут натухайцы и шапсуги, принадлежащие к племени, известному у нас под именем черкесского, или адыге, как они сами себя называют; от Саше до устья Ингура морской берег занят абазинами, называющими себя “абсасуа”. Последние делятся на джекетов, или садзов, живущих между реками

Абхазцы. Фото Д. И. Ермакова. 1870–1890 гг.
Источник электронного ресурса:
http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/197562

Саше и Бзыб, и на абхазцев, составляющих отдельное владение. Черкесы и абазины говорят на двух различных языках, не имеющих между собою никакого сходства. Трудно определить число абхазского народонаселения: в мое время нам не удавалось еще нигде пересчитать горцев точным образом. Все цифры того времени, которыми означали кавказское население, брались приблизительно, можно сказать на глаз. По понятиям горцев считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться. В мое время, то есть в тридцать пятом году, считали в Абхазии около сорока тысяч голов мужского пола, цифра, которую я повторяю, не позволяя себе ручаться за ее точность.

Абхазцы, называющие своего владетеля "ах", делятся на пять сословий: на "тавад"[23], князей; "амиста", дворян; "ашнахмуа", владетельских телохранителей, составляющих среднее сословие; "анхао", крестьян, и "агруа", рабов.

Владетельская власть была в то время весьма ограничена. Не получая определенной подати от народа и пользуясь только постоянным доходом со своих собственных земель, владетель находился в зависимости от князей и дворян, которые всегда были готовы сопротивляться его требованиям, когда они не согласовались с их сословными интересами. Принудить кого-нибудь из них подчиниться безусловно его воле он мог не иначе как с помощью тех же дворян, которых он должен был в подобном случае сперва склонить на свою сторону просьбами и подарками. Согласно весьма древнему обычаю, владетель пользовался правом раза два в году навестить каждого князя и дворянина, и при этом случае получить от него подарок. Кроме того, ему платилась особенная пеня за убийство, воровство и за каждый другой беспорядок, произведенные в соседстве его дома или на земле, составляющей его родовую собственность. Эти подарки и пени составляли единственную подать, получаемую владетелем от своих подданных.

Князья и дворяне числятся в одной категории, имея одинаковые права над народом и те же обязанности в отношении к владетелю. Они составляют господствующий класс землевладельцев. Крестьянами они владеют на праве подданства за землю, которою они их наделяют, сами избавлены от податей и не подлежат другому наказанию, кроме денежной пени. По зову владетеля они обязаны собираться для защиты края и его собственного лица, обязаны также почтить его подарком, когда он посещает их дома. Ценность подарка зависит от достатка и от воли

[23] В тексте ошибочно: тавод.

хозяина, который обыкновенно старается из самолюбия не отставать в этом случае от своих богатых собратьев. Абхазское дворянство, в чувстве своей независимости, никогда не хотело признавать подарок, делаемый владетелю, за обязательную повинность, считая его только способом доказать свое уважение почетному гостю. Вообще должно заметить, что правила гостеприимства, установленные здешним обычаем, во всех отношениях весьма разорительны для абхазцев. Земля их покрыта лесом, пастбища скудны, следственно, они очень небогаты скотом; а обычай требует между тем от хозяина в честь каждого почетного гостя убить козла, барана или даже быка и ставить его разом на стол, причем, что подано, должно быть и съедено, если не гостями, так народом, сбегающимся на угощение приезжих. В прочее время абхазец живет чрезвычайно умеренно, имея обыкновение есть только один раз в сутки, перед закатом солнца. Вместо хлеба здесь употребляют кукурузу или крутую кашу из мингрельского проса, *гоми*[24], и обыкновенная пища состоит из вареного мяса, яиц и молока, приготовленных самым простым образом. Княжеским званием пользуются в Абхазии: Шервашидзе, Инал-ипы, Анчабадзе, Эмхуа, Чабалурхуа, Маршани и Дзапш-ипы. Самые значительные дворянские фамилии: Лакербаи, Маргани, Микамбай и Зумбай. Кроме того, существуют в Абхазии незначительные дворяне, называемые лесными, "акуаца амиста", состоящие из чрезвычайно многочисленных родов: Цымбай, Баргба и Акыртаа.

"Ашнахмуа", владетельские телохранители, составляют особенное сословие, степенью ниже дворянства, но пользуются всеми его правами относительно земли и крестьян. Это сословие образовалось частью из владетельских крестьян, освобожденных от повинностей и поставленных выше своего прежнего звания за разные заслуги, частью из черкесских выходцев, прибегнувших под защиту владетеля, который мог им дать только это сословное положение, не имея права возвышать в дворянское достоинство, достающееся не иначе как по рождению. Они не платят никаких податей, и вся обязанность их заключается в охранении владетеля и его дома.

Крестьяне имеют право владеть землей и даже рабами, но сами несут установленные обычаем повинности по отношению к господину, на земле которого поселены. Они обязаны помогать ему в полевых работах, когда их собственные хозяйственные дела то допускают, два раза в год давать ему по полной арбе кукурузы или гоми, по одной

---

[24] Гоми — однолетнее злаковое растение Setaria italic. Автор придерживается написания гомми.

скотине и по кувшину вина с дыма[25]. Телесное наказание не допускается в Абхазии для крестьян, и их заковывают в железа только в случае неисполнения своих обязанностей или сопротивления господину. Крестьянин вправе звать своего господина на суд за обиды и за притеснение и, когда господин окажется действительно виновным, освобождается[26] от его власти. Чтобы спастись от мщения своего прежнего владельца, освобожденный крестьянин обыкновенно принужден селиться на земле другого дворянина, подчиняясь обыкновенным крестьянским условиям, или отдать себя под непосредственное покровительство владетеля. В первом случае он меняет только господина, во втором — делается чем-то похожим на вольного собственника, не изъятого, впрочем, от обычной крестьянской подати.

Рабы существуют в Абхазии двух родов: коренные "агруа", рожденные в крае, и новые, добытые грабежом или на войне. Раб составляет неотъемлемую собственность своего господина, обязанного его кормить и одевать или снабдить его землею, подобно крестьянину. Находясь в доме своего господина, раб обязан исполнять все работы, которые на него будут наложены; если же господин снабжает его землей, то он обязан работать на хозяина три дня в неделю, а в остальное время свободен. Дочери рабов находятся в доме владельца, имеющего право подарить их, кому захочет, променять или продать. Жены рабов не могут быть разлучены с мужьями. Коренного агруа господин может продать не иначе как с разрешения владетеля, который один имеет над ними право жизни и смерти; новоприобретенного раба он продает, куда и как ему угодно. Хотя рабы не изъяты от телесного наказания, но оно почти никогда не исполняется над ними, потому что горцы вообще его гнушаются.

Власть родительская неограниченна. Отец не отвечает ни перед кем за жизнь своего ребенка; но абхазцы, как и прочие горцы, так сильно привязаны к своим детям, что случаи злоупотребления родительской власти почти неслыханны.

Обычные законы о наследстве весьма просты. Имение делится после умершего поровну между его сыновьями. Дочери не имеют участия в наследстве, но должны получить пропитание до замужества у своих братьев, обязанных также дать им приданое сообразно их состоянию. Когда умерший не имел прямых наследников, то имение делится поровну между его ближайшими родственниками, которые равномерно

---

[25] Дым — жилище, дом, хозяева которого обязаны заплатить дань.

[26] В тексте ошибочно: освобождаются.

обязаны содержать и выдать замуж его дочерей. Вдова ничего не получает из имения своего покойного мужа, но вправе требовать пожизненного содержания от его наследников. Имение человека, умершего без наследников, переходит к владетелю.

Все спорные дела решаются в Абхазии судом по обычаю; к шариату абхазцы прибегают редко и весьма неохотно, так как исламизм не пустил еще между ними глубоких корней. Тяжущиеся стороны выбирают обыкновенно судей из числа дворян, пользующихся весом в народе. Избранные судьи назначают, по своей воле, день суда, испросив на то соизволение владетеля. В случае важного дела заседание помещается в ограде одного из древних монастырей, возле развалин церкви или под тенью священных дерев, в местах, уважаемых абхазцами по преданиям христианской и языческой старины. Народ собирается слушать дело, которое обсуживается публично. Судьи, дав присягу, что станут судить дело по совести, по правде и по обычаю, выслушивают тяжущихся и свидетелей и, когда все обстоятельства приведены в ясность, удаляются для тайного совещания. Согласившись между собою, они, до объявления приговора, берут от обеих спорящих сторон присягу и поручительство в исполнении его, потому что на судьях лежит не только обязанность решить дело, но и выполнить решение. Иногда тяжущиеся подчиняются суду самого владетеля, который, в таком случае, разбирает дело на основании общих правил, служащих руководством для обыкновенного третейского суда. Подобным образом разбираются все дела, касающиеся до наследственных споров, до условий, семейных дел, воровства, грабежа, убийства и кровомщения.

Смертная казнь не существует в Абхазии. Князья и дворяне отвечают обиженному только своим имуществом; крестьяне своею личною свободой, когда их собственности недостанет на уплату пени. В таком случае они обращаются в собственность обиженного, который может их продать в рабство или оставить за собою, пока они не найдут способа откупиться. Пеня вносится деньгами, скотом и всякого рода имуществом или мальчиками-рабами. За воровство, грабеж или убийство, учиненные в соседстве владетельского дома или на земле, принадлежащей владетелю, преступник подвергается, сверх обыкновенного взыскания в пользу пострадавших, уплате самому владетелю двух мальчиков, ростом не ниже четырех и не выше шести ладоней, или денежному взносу их стоимости. Для определения меры детского роста служит ладонь того, кто взимает пеню.

За убийство зовут на суд только люди, не имеющие силы сами отомстить обидчику, или когда кровомщение угрожает сделаться бесконечным.

За бесчестие женщины или девушки отплачивают смертью, не зная в этом случае другого способа загладить стыд. В минуту доказанной неверности жены муж имеет право убить ее. По суду она обращается только в его рабу, что ему дает возможность продать ее. У черкесов, строго соблюдающих правила исламизма, существует совершенно противоположный обычай. Муж пользуется правом продать неверную жену, если он не хочет подвергнуть ее суду шариата, неумолимо наказывающего смертью подобного рода преступления.

Все абазинское племя воинственно несколько менее черкесов. Занимая весьма лесистую и гористую местность, абазины дерутся преимущественно пешком и пользуются славою отличных стрелков. В домашней жизни, в одежде и вооружении они совершенно сходны с черкесами и отличаются от них в этом отношении только двумя особенностями, весьма приметными для горца. Кафтан, с патронами на груди, составляющий общую горскую одежду на всей северной стороне Кавказа, они носят гораздо короче черкесов и, кроме того, имеют привычку обвивать башлык чалмою около шапки, когда концы его не распущены по плечам против дождя, чего не делают черкесы.

Прибрежные абхазцы занимаются рыбною ловлей. Устья горных речек, впадающих в море, изобилуют лососиною, которая составляет весьма лакомую пищу и по здешнему обычаю жарится обыкновенно на вертеле. Берега посещаются летом несчетным количеством дельфинов, которых абхазцы ловят для вытапливания из них жиру, закупаемого турками и греками. Ловля дельфинов весьма любопытна. В хорошую погоду они имеют привычку держаться на поверхности моря, подпрыгивая беспрестанно колесом. Тогда абхазцы выезжают на самых маленьких каюках, выдолбленных из дерева, обхватывают довольно большое водяное пространство длинною сетью, имеющею футов шесть ширины[27], с поплавками наверху и с тяжестью внизу, заставляющими ее принять в воде вертикальное положение. Два или три каюка въезжают во внутренность обхваченного сетью пространства, и ловцы начинают бить баграми находящихся в нем дельфинов. Этот способ ловли не безопасен, потому что каюки иногда тонут под тяжестью убитой рыбы и опрокидываются, когда дельфины ударяют в них, кружась в воде, но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей островов Южного океана.

Хлебопашество находится в Абхазии, как и во всех горах, в самом первобытном состоянии и ограничивается небольшим посевом гоми, кукурузы, ячменя, фасоли и табаку. Пшеницы сеют очень мало. Рус-

[27] 6 футов = 1,8 м

ские научили абхазцев разводить капусту, картофель и некоторые другие овощи. Абхазия чрезвычайно богата виноградом и разными фруктами, в особенности грушами, сливами и персиками, растущими без всякого ухода. В лесах господствуют — дуб, бук, чинар, чиндар[28], орех, каштан и шелковица. Около Сухума встречается в больших размерах буксовое дерево[29] и растет лавр. Скотом абхазцы беднее прочих горцев. Лошади их небольшого роста и не отличаются силою; ослы в большом употреблении. Дичи так много в горах и в абхазских лесах, что хлебопашцы не знают, как уберечь от нее свои поля. Чаще всего встречаются дикие козы, серны и кабаны. Последние производят весьма убыточные опустошения в полях, засеянных просом, почему абхазцы истребляют их без пощады и продают в Сухуме их головы и окорока за несколько зарядов пороху. Из диких зверей водятся медведи, волки, лесные кошки, лисицы, куницы и шакалы в несметном количестве. Иногда случается охотникам ловить барсов, но это бывает не часто. <…>

Горцы употребляют весьма простой и удобный способ спутывать лошадей *треногами*, отнимающими у них возможность далеко уходить и делать скорые прыжки. Тренога состоит из двух широких сыромятных ремней, одного длинного и другого короткого, связанных между собою в виде латинского Т; на концах этих ремней находятся петли из узких ремешков, застегиваемые на костяные чеки. Коротким ремнем спутываются обе передние ноги несколько выше копыта, а концом длинного ремня обвязывается одна из задних ног выше колена. Петли с чеками позволяют растреножить лошадь в одно мгновение, что имеет особую важность в быту горца, встречающего так часто надобность, в случае неожиданной тревоги, вскочить на лошадь, не теряя времени. Зато горец никогда не выезжает без треноги, привешенной за седлом».

Традиции абхазов

«Не позже как на третий день после моего отъезда из отряда в Бамборы прискакал абхазец уведомить меня о несчастье, случившемся на Бзыбе. Видев состояние реки и переправу через нее, я мог ожидать несчастья, но отнюдь не полагал, что оно коснется меня так близко. Баркас, ходивший от одного берега к другому, опрокинуло напором воды с бывшими на нем двадцатью человеками, из которых двенадцать потонуло. В числе утопших находился Эмин Шакрилов, тело которого

[28] Чиндар — граб(?).

[29] Буксовое дерево — самшит.

унесло в море, так что его не смогли даже отыскать. Это известие меня чрезвычайно огорчило, потому что я привык видеть в Шакрилове моего неразлучного товарища и любил его за добрый нрав и за качества ума, которыми он отличался перед всеми знакомыми мне молодыми абхазцами. Первым долгом было для меня поспешить к его несчастной вдове. Здесь меня ожидала сцена, которой я не мог предвидеть, не имевши прежде случая присутствовать на абхазском погребении.

В нескольких шагах от дома, около которого толпилось немалое число мужчин и женщин, я сошел с лошади и попросил уведомить вдову о моем приезде. Через несколько времени послышался из дома громкий плач, дверь отворилась, и Шакрилова вышла ко мне, рыдая и заливаясь слезами; несколько молодых девушек, родственниц покойного мужа, окружали и поддерживали ее. Она была одета в длинную шерстяную рубашку черного цвета, босая, с открытою грудью и с распущенными волосами. Лицо, грудь и руки были исцарапаны и избиты до крови не только у нее, но и у всех родственниц Шакрилова. Непритворная скорбь, написанная на ее лице, возбуждала искреннее сожаление; но, признаюсь, язвы, которыми оно было изуродовано, не усиливали этого чувства, а возбуждали только отвращение. В этом случае она исполняла обычай, которого никакая абхазка не смела нарушить под опасением потерять всякое уважение в народе. Выслушав от меня выражение участия, какое принимал я в постигшем ее горе, она ввела меня за руку в шалаш, построенный возле дома и убранный внутри коврами и разными материями, посреди которого стояла на высоких подмостках парадная постель. Вместо неотысканного тела лежало на постели платье Шакрилова, оружие и седло висели над изголовьем. При виде этих вещей, принадлежавших покойнику, и как бы заменявших его теперь, плач и рыдания, перемешанные с ударами в грудь и лицо, возобновились с удвоенною силой и продолжались, пока вдова не упала в изнеможении на кресла, поставленные для нее возле подмостков. После нескольких минут отдыха ее отвели в дом. Эта сцена должна была повторяться при появлении каждого нового посетителя, причем все присутствующие женщины присоединяли свои голоса к плачу вдовы с оглушительным рвением. Приличие не позволяло мне скоро уехать; я должен был увидать еще несколько выходов вдовы и исполнил свою обязанность весьма добросовестно, не желая показать пренебрежения к народному обычаю, особенно когда дело касалось до человека, который, как все знали, в продолжение многих месяцев не отставал от меня ни на шаг. <…>

Через три недели после несчастной кончины Шакрилова было положено его семейством совершить поминки по нем тем же самым

порядком, который описывал несколько веков тому назад генуэзец Интериано. Отец покойного Эмина приехал в Бамборы звать меня на эти поминки, на которых должен был присутствовать сам владетель. Каждый гость обязан сделать при этом случае какой-нибудь подарок вдове, без чего подобные поминки, продолжающиеся трое суток, в течение которых поминающие обязаны кормить всех посетителей, могут совершенно разорить небогатое семейство. Гости приносят в подарок, кто чем богат, оружие, сукно, холст, материи, лошадей, скотину, баранов, даже домашнюю птицу и зерно.

Взяв с собою для подарка кусок шелковой материи и десятка два целковых, я поехал на место собрания, назначенного около домов, принадлежавших семейству Шакриловых, между Бамборами и владетельским домом. Вся поляна была покрыта людьми и лошадьми, расположенными живописными группами под тенью высоких шелковичных дерев, обвитых виноградными лозами. Народу собралось более двух тысяч. В открытом поле стояли подмостки с кроватью, убранною по-прежнему коврами, материями и платьем, принадлежавшим покойнику. Возле подмостков сидела вдова под черным покрывалом, окруженная множеством молодых и очень хорошеньких женщин в самых ярких нарядах. Недалеко от нее братья покойника держали под уздцы трех лошадей, оседланных разными седлами, детским, щегольским с серебряными украшениями и боевым. Когда я приехал, все еще были заняты утренним угощением. Груды вареного мяса и баранины истреблялись с неимоверною скоростью; котлы с просом кипели во всех местах, вино, разносимое в глиняных узкогорлых кувшинах, лилось ручьем. Когда все насытились, народ собрался в одно место и образовал круг, в середину которого ввели первую лошадь с детским седлом. Возле нее шел импровизатор, рассказывавший рифмованным напевом, как рос Эмин в детстве на радость отца и матери. Когда привели лошадь с седлом из яркого сафьяна, украшенного серебряным галуном, тот же человек пел народу о красоте и ловкости покойного и рассказывал, как на него заглядывались и как вздыхали о нем абхазские красавицы. При появлении лошади с боевою сбруей он привел на память его военные достоинства, храбрость, хитрость и рассказал его несчастный конец. Под конец каждой фразы народ отвечал на его слова, громко вскрикивая и ударяя себя по лицу, в знак скорби и сожаления. Это прославление покойника повторялось в течение трех дней каждое утро, между тем как жена его сидела неподвижно под своим покрывалом. После того стреляли в цель из ружей разными способами, с присошек, и с руки в неподвижную и в подвижную мишени, в кружок, поднятый на высоком шесте, и в живого орла, привязанного

к вершине его на длинной веревке. За удачные выстрелы раздавались призы разного достоинства, начиная от огнива и поясного ремня, до пистолета в серебряной оправе. Выстрелы гремели весь день до позднего вечера, пока народ не принялся опять пировать при свете многочисленных огней. Женщины отправились потом ночевать в Лехне, а мужчины заснули на месте, укутавшись в бурки по кавказскому обыкновению.

На третий день была назначена скачка, которою всегда кончается тризна по умершему. Эта скачка представляла самый оживленный и самый любопытный эпизод празднества. Скакали на тридцати лошадях мальчики лет двенадцати и четырнадцати, имея под собою черкесские седла без подушек, для того чтоб не сидеть, а стоять в стременах, с места поминок к Пицундскому монастырю и обратно, через горы по чрезвычайно тесной и каменистой дороге. Расстояние, которое они должны были проскакать, составляло около сорока восьми верст. Хозяева скаковых лошадей следовали за ними на переменных лошадях, расставленных по дороге, имея право возбуждать их голосом и хлопаньем, не касаясь только плетью. Вся эта ватага, состоявшая более чем из сотни ездоков, неслась, подобно вихрю, с криком, гиком и хлопаньем нагаек, через бугры и рытвины, по полям и по лесу, на гору, под гору, нигде не сдерживая лошадей, с одной мыслью перегнать один другого и взять призы, состоявшие в прекрасной кабардинской лошади с седлом и в богатом ружье, пожертвованных владетелем на поминки Шакрилова. Я ничего не видал в Абхазии более увлекательного этой скачки. Владетель и я вмешались в толпу, когда она понеслась мимо нас, и скакали с нею, пока наши лошади не выбились из сил, и мы не были принуждены остановиться поневоле. Редкая скачка подобного рода обходится без несчастья. Мальчики очень часто падают с лошадей, убиваются, и за одними поминками следуют другие, кончаясь теми же головоломными скачками. На этот раз, к великой радости участников скачки, все скакавшие дети остались в целости; тризна совершилась как следует, по закону праотцов, и дух бедного Эмина мог, наконец, успокоиться.

Скоро после этих тревожных дней, поднявших на ноги весь Бзыбский округ, Михаил дал мне знать, что Микамбай готов к отъезду и ждет меня у себя. <…>

В Анухву, лежавшую в горах, против Анакопии, верст пятнадцать от морского берега, мы приехали поздно ночью. Микамбай ожидал нас каждый час, и наши постели были уже приготовлены в *кунахской*, как называют дом, назначенный для гостей. Абхазцы, равно как и черкесы, живут обыкновенно в хижинах, крытых соломою или камышом,

которых плетневые стены плотно замазаны глиной, перемешанною с рубленою соломой. В каждой хижине по одной комнате, получающей свет через двери, растворенные настежь летом и зимою. Около стены возле дверей, сделано полукруглое или четверо-угольное углубление в земле для огня, над которым привешена высокая труба из плетня же, обмазанного глиною. По другую сторону очага, в почетном углу, находится небольшое окно, без стекла, плотно запираемое ставнею и служащее более для наблюдения за тем, что происходит на дворе, чем для освещения внутренности хижины. У горцев каждый имеет свою особую хижину: хозяин, его жены, взрослые дети; но посторонний человек никогда не проникает в эти помещения, посвященные исключительно семейной жизни. Для гостей определена кунахская, совершенно пустая комната, убранная только по стенам рядом деревянных гвоздей для развешивания оружия и конской сбруи. Сидят и спят в ней на земле, на камышовых циновках, на коврах, подушках и тюфяках, составляющих у гостеприимного черкеса самую значительную и самую роскошную часть его домашних принадлежностей. В кунахской всегда есть, кроме того, медный кувшин с тазом для умыванья и намазлык, шкурка от дикой козы или небольшой коврик, для совершения молитвы. Кушанье подают на низких круглых столиках. Весьма немногие знатные и богатые горцы строят рубленные деревянные дома. Микамбай имел такой дом, и по этой причине слыл очень богатым человеком. Дом этот, занятый его семейством, был в два этажа, с окнами, затянутыми пузырем, между которым кое-где проглядывало небольшое стеклышко, добытое от русских. Кроме того, Микамбай пользовался уважением народа еще по другой причине: его меховая шапка была постоянно обвита белою кисейною чалмой, доставлявшею ему вид и титул хаджия, хотя он никогда не бывал в Мекке. На Кавказе нередко горец, задумавший ехать в Мекку поклониться Каабе, надевает чалму, принимает название хаджия и пользуется им иногда всю жизнь, не думая исполнить своего обета; а народ смотрит на него с глубоким уважением, как на избранника веры.

Весь следующий день хаджи Соломон посвятил обсуждению вопросов, касавшихся до нашего путешествия. Горцы не начинают никакого дела, не собрав для совета всех в нем участвующих. Переговоры бывают в этих случаях очень продолжительны, так как старики, излагающие обыкновенно содержание дела, любят говорить много и медленно, и в свою очередь также терпеливо и внимательно выслушивают чужие речи. По черкесским понятиям, опрометчивость и нетерпеливость простительны только детям и женщинам, а мужчина должен обдумывать и обсуждать каждое предприятие зрелым образом и,

если есть у него товарищи, то подчинять их своему мнению не силою, а словом и убеждением, так как каждый имеет свою свободную волю. Мне нельзя было уклониться от этого обыкновения, и я провел весь день в переговорах и рассуждениях, выслушивая поочередно мнение всех моих будущих путевых товарищей, знавших, что я русский и еду за горы для свидания с князьями Лов. Всего нас готовилось в дорогу семь человек: трое верхом: Микамбай, я и Муты Шакрилов, и четверо пеших: Хатхуа, двое слуг Соломоновых, да Багры, абазин из Псоу или Псхо, женатый на дочери Хатхуа. Последнего вызвал Микамбай из Псхо, для того чтоб он служил проводником при проезде через места, принадлежащие этому обществу. Мы не могли обойтись без него, так как в горах опасно путешествовать по незнакомым местам, не имея провожатого из того племени, общества или аула, через которые приходится ехать. Такой провожатый служит перед своими ответчиком за путешествующих и, с другой стороны, обязан защищать их и мстить за них, если им будет нанесена обида. Багры был настоящий горный волк, готовый на все из алчности, подчинявшийся одному инстинкту своей хищной природы, но в то же время бессознательно покорный всему, что повелевал вековой обычай. Полуодетый, с обнаженною грудью и с руками голыми до локтей, покрытыми густыми черными волосами, с всклокоченною бородой и с косматою шапкой на голове, из-под которой светилась пара маленьких черных глаз, с буркою на плечах, — он походил скорее на какого-то мохнатого зверя, чем на человека. Только три вещи: ружье, обувь и кинжал, без которых нельзя жить и путешествовать в горах, были у него исправны; все остальное висело на нем в лохмотьях. Микамбай и даже сам Хатхуа мало ему верили и не решились бы взять его в товарищи, если бы не знали за ним слабых сторон, позволявших спутать его по рукам и по ногам. Багры очень любил деньги, но еще более денег любил он свою жену: через нее-то надеялись привязать его к нашему делу. За это взялись следующим образом. У черкесов существует давний обычай не воспитывать дома детей знатного происхождения. Вскоре после рождения, мальчика отдают обыкновенно на прокормление и воспитание в чужую семью, до тех пор, пока он не подрастет и не научится владеть оружием. Весьма часто выбирают для этого совершенно другое племя. Принявший ребенка на воспитание называется *аталык* и приобретает все права кровного родства с семейством своего питомца. Этот обычай много способствует к примирению и к сближению между собою разноплеменных горских семей и обществ; а дети научаются говорить на чужих наречиях, что для них бывает весьма полезно при существующем на Кавказе разноязычии. Женщины заботятся с особенною нежностью

о своих питомцах, которые тем сильнее привязываются к посторонним кормилицам, чем менее знают своих родных матерей. Горцы убеждены, что вред, сделанный аталыком своему питомцу, навлекает неотвратимое несчастье на семейство аталыка, падающее преимущественно на кормилицу. Кроме аталычества существует еще другой род приемного родства, хранить который обычай повелевает так же свято, как и настоящее аталычество. Если два человека согласились составить между собою союз на жизнь и на смерть, то жена или мать одного из них дает другу мужа или сына коснуться губами три раза своей груди, после чего он считается родственником семьи и пользуется покровительством, какое принадлежит действительному питомцу. При этом случае делаются подарки аталыку и кормилице. Жена Багры, пришедшая с мужем погостить в отцовском доме, была налицо, следственно, дело не представляло больших препятствий. С согласия мужа, Хатхуа породнил меня с нею описанным способом, причем несколько кусков бумажной материи, холста, ножницы и иголки, считавшиеся в Псхо неоцененными редкостями, да кинжал с золотою насечкой запечатлели наш союз. Багры, вступив в обязанность аталыка, принадлежал мне вполне. Благодаря его суеверию и привязанности, которую он питал к своей жене, я мог полагаться на него, как на самого себя.

Совет, на который мы были созваны, начался торжественною присягой хранить все дело в совершенной тайне, не обманывать и не выдавать друг друга ни в каком случае, даже если б это стоило жизни. Шакрилов и я клялись крестом, абхазцы кораном, а Багры могилою отца и матери. После того сообразили, какою дорогой нам следовало идти через горы, и постановили условия, на которых Микамбай и его товарищи соглашались служить мне проводниками и защитниками. <…>

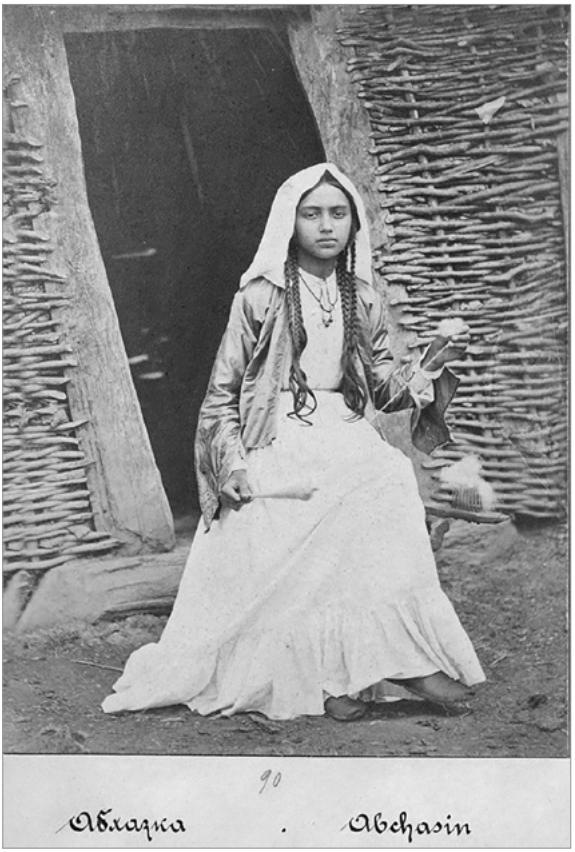
В абхазских селениях дома раскиданы на большом пространстве небольшими группами, означающими число отдельных семейств. Жители сходятся довольно редко и только издали наблюдают одни за другими, стараясь, из чувства приличия, победить свое любопытство и недоверчивость, побуждающие их мешаться в дела соседей. Хаджи Соломон не мог скрыть ни от кого, что у него гостит чужой человек; но почтение, которое он внушал крестьянам Анухвы, оберегало нас от нескромности любопытных, и никто из них не решился допытываться, кого именно хаджи принял под своею кровлей. Перед самым вечером наше спокойствие было нарушено неожиданным конским топотом возле кунахской. Люди засуетились, Микамбай вышел навстречу гостям и через несколько времени вернулся с тремя чужими горцами. На лице его была заметна скрытая досада: гости приехали,

видимо, некстати; но ничего не оставалось, как принять их, а наше путешествие отложить до их отъезда. Приезжих расположили довольно далеко от нас, на другом конце кунахской, которая, к нашему счастью, была очень велика и темна. Микамбай, как водится, сам снял с них оружие и, вместо того чтобы повесить его в кунахской, приказал отнести к себе в дом. Это могло иметь, по черкесским обычаям, двоякое значение: или что хозяин берет на себя, из дружбы, всю ответственность за безопасность гостей под его кровлею, или что, не зная их, не очень им доверяет. После того взошел Багры и, увидав приезжих, стал с ними здороваться как с весьма короткими знакомыми. Тогда я понял досаду Микамбая: приезжие были из Псхо».

Абхазец перед обедом (обмывание рук).
Фото Дмитрия Ивановича Ермакова. 1870–1890 гг.
Источник электронного ресурса:
http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/197637

Этнографические сведения

«Если пройденная мною дорога не представляла особенного интереса, зато собранные мною этнографические сведения были новы и весьма положительны. Из Абхазии до верховья Урупа я шел по местам совершенно незаселенным, наполненным на нашей карте множеством несуществующих народов, которые мне пришлось стереть. Ошибки происходили оттого, что карты местностей, куда не проникали еще ни путешественники, ни войска, пополнялись через расспросы людей, дурно говоривших по-русски и которых языка мы совершенно не зна-



Прядение нитей. Девушка-абхазка у входа в *амацурта* (кухонное помещение). Фото Д. И. Ермакова. 1870–1890-е гг. Источник электронного ресурса: https://ucrazy.ru/interesting/1548676082-abhazy-kto-takie.html

ли. Таким образом, верховья Зеленчугов[30] считались заселенными довольно сильным племенем аланетов, которого я нигде не мог отыскать или, вернее сказать, находил повсюду, потому что аланет на мингрельском языке значит горец. Благодаря Эмину Шакрилову и Мамат-Кирею Лову, я познакомился с языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью, и получил этим способом возможность

[30] Зеленчуги — реки Большой и Малый Зеленчук. Здесь и далее Ф. Ф. Торнау придерживается написания: Зеленчуг.

Абхазская княгиня в национальном костюме.
Фото Д. И. Ермакова. 1870–1890-е гг.
Источник электронного ресурса:
http://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/134355

положить первое основание правильному систематическому разделению на племена горцев, живущих против правого фланга Кавказской линии. Прежде у нас считалось за Кубанью столько же различных народов, сколько там существовало названий обществ или отдельных аулов. Древние греческие, византийские, арабские и генуэзские историки также мешали племена и народы, без разбора называя их синтами, керхетами, ахеянами, гениохами, зигами, джиками, джикетами и, наконец, абазгами. Я же нашел на берегу Черного моря и за Кубанью только три различных народа: абазин, черкесов и татар, говорящих на трех коренных, нисколько между собою несходных языках. Они не

Абхазец из Сухума.
Фото Д. И. Ермакова. 1870–1890-е гг.
Фотография найдена в сети интернет

понимают друг друга; между тем как наречия, образовавшиеся из одного, коренного языка, всегда сходны с ним и не мешают объясняться между собою горцам одинакового происхождения. Не знаю, позволено ли считать убыхов, имеющих свой собственный язык, четвертым племенем, или они составились из абазин, черкесов и европейцев, выброшенных, как говорит предание, на черкесский берег еще во время первого крестового похода.

В пример разнозвучия трех указанных мною языков привожу из каждого по несколько слов. Так, слова: приятель, женщина, девушка, ружье — значат на одном из этих языков: суазар, апхыс, ипха, ашкуа-

ки; на другом — иблагас, фыз, пшаша, фоки; на третьем — кунах, арвад, кыз, мултук.

Привожу из моих заметок несколько статистических данных, относящихся к тогдашнему времени. С тех пор все изменилось, особенно после громадного выселения, положившего конец кавказской войне: где прежде жили черкесы, ныне русские казаки пашут землю и пасут свои стада.

Абхазская семья за работой.
На переднем плане — арба с сохой, на заднем — амбар для кукурузы.
Фото Д. И. Ермакова. 1870–1890-е гг.
Фотография найдена в сети интернет

А. Абазинское племя.

Не останавливаясь на бесполезном разборе темных сказаний древних историков и баснословных народных преданий, я берусь только означить первое место, занятое абазинами на Кавказе. Оно находилось, бесспорно, в нынешней Абхазии, между морем и горами, ограничиваясь на юге Ингуром и на севере Бзыбом. Внутренние раздоры, кровомщение и недостаток удобной земли, в особенности пастбищных мест, заставили небольшую часть абазин переселиться во внутренность гор, к источникам Кодора, Бзыба и Мзымты, и образовать там вольные общества, после того как они столкнулись с черкесами на реке Соче[31], распространяясь по берегу моря на север. Не находя до-

[31] Здесь и далее Ф. Ф. Торнау склоняет несклоняемое название реки Сочи.

вольно средств для своего существования, и в этих местах, некоторые семейства перешли через снеговой хребет, на северную сторону гор, и поселились там в недальнем между собою расстоянии. Старшие линии всех значительных абазинских родов Цебельды, Медовея и северной стороны гор, можно было найти в Абхазии, чем совершенно оправдывается мое мнение. В языке абазин, перешедших за снеговой хребет, произошло слабое изменение, сравнительно с чистым абхазским язы-

Абхазская семья.
Фото Д. И. Ермакова. 1870–1890-е гг.
Фотография найдена в сети интернет

ком, заметное, впрочем, только для привычного уха, а именно — утрата буквы *а*, прибавляемой в начале каждого существительного. Вместо адомбей, ачгун, ашкуаки, апхюс, ахюс — на северном говоре: домбей, чгун, шкуаки, пхюс, хюс и т. д. К абазинскому племени принадлежали следующие владения и общества:

а) На южной стороне гор:

1. Абхазия, от устья Ингура до Бзыба, владение фамилии Шервашидзе — около 80.000 жителей.

2. Цебельда, Херпыс-куадж или Цымпар, около верховья Кодора, вольное общество, в котором первенствующая фамилия князей Маршаниев, — до 8000 жителей.

3. Псхо, у источников Бзыба и Апсты.

4. Ачипсоу, Айбога[32] и Чужгуча, на верховьях Мзымты, Псоу и Мцы. Последние четыре селения известны были у черкесов под одним общим названием Медовей. В них господствовали также Маршании, разделившиеся на две отрасли Богоркан-ипов и Мас-ипов. Жителей в Медовее можно было считать не более 10000.

5. Садзы, или джекеты, на морском берегу от Гагр до реки Сочи, — 11000 душ. Они разделялись на множество вольных обществ.

6. Саша, на реке Соче, под властью княжеской фамилии Облагу. Жителей до 10000; в том числе есть отчасти черкесы и убыхи.

б) На северной покатости главного хребта:

1. Башилбаи, на верховье Урупа, под властью Маршаниев, — 1800 душ.

2. Там, недалеко от источника Большой Лабы, — 550 жителей, повиновавшихся узденям Заурум-ипа.

3. Кызылбеки, между Большою и Малою Лабою, на речке Андрюк, — 500 душ; господствующая фамилия — Маршании.

4. Шегирей[33], в начале Малой Лабы, — 600 душ, под властью узденей Шиокум.

5. Баг, на реке Ходзе, у подошвы горы Ашишбог (имя произошло от дворянской фамилии, владеющей этим аулом), — 600 душ.

6. Баракай, на реке Губсе[34], — 1.250 жителей, повиновавшихся двум дворянским фамилиям Лях и Анчок[35].

7. Ловов аул, на Куме, по правую сторону Кубани, — 1800 жителей.

8. Дударуков аул, на левом берегу Кубани, против станицы Баталпашинской[36], — 1700 душ.

9. Бибердов аул существовал на Урупе до 1829 года, когда он был совершенно разорен русскими войсками, под командой генерал-майора Фролова, и жители его отведены в плен.

Всего можно было полагать на Кавказе абазинского племени около 128800 душ.

В. Черкесское племя адыге.

Черкесы сами называют себя адыге. Одна их отрасль признавала над собою власть своих родовых старшин или князей, другая пользуется совершенною независимостью. Равным образом в черкесском языке два наречия: кабардинское — наречие княжеских черкесов, и абазехское— вольных обществ.

---

[32] Айбога — Аибга.

[33] В первом издании ошибочно: Шетрей.

[34] В первом издании ошибочно: Будее.

[35] В первом издании ошибочно: Апчок.

[36] Станица Баталпашинская — современный город Черкесск.

Собственно за Кубанью были в мое время:

а) Черкесы, повинующиеся княжеским родам:

1. Бесленей, на Большой Лабе на Тегенях[37], — около 8000 жителей, подвластных княжеским фамилиям Канукуа и Шалох.

2. Кемюргой и Егерукой, два владения, соединившиеся под управлением одного князя из фамилии Балатукуа, находились на низовье Лабы, — 9000 душ.

3. Мохошь на левом берегу Лабы, выше Кемюргоя, — 2500 душ, повиновавшихся князьям Богорсук.

4. Гатюкой, достояние князей Гатюк, на Лабе и частью на правом берегу Сагуаши, — 5000 жителей.

5. Бжедухи[38], по низовьям рек Пшекупс и Пшиша, — 6000 душ под властью двух княжеских родов Камышей и Черченей.

6. Кабардинцы, поселенные на Урупе и на Тегенях, — от 4 до 5000 душ.

б) Вольные черкесы:

1. Сапсуги по берегу Черного моря, от Анапы до реки Шахе, и по низовой части Закубанья, делятся на больших и на малых. Большие, между Кубанью и горами, составляли одно общество; малые, приморские, делились на множество вольных обществ, соединившихся между собою только впоследствии, когда были атакованы нашими силами. Натухайцы, около Анапы и Суджукской бухты, те же сапсуги, составившие отдельный союз. Всего сапсугов с натухайцами можно было полагать до 300000 душ.

2. Абазехи, за Сагуашею, в глубоких лесах, покрывающих эту часть Кавказа. У них считалось до 160000 жителей.

3. Убыхи, которых некоторые считают народом особого происхождения, на юго-западной покатости гор, между реками Сочи и Шахе. На берегу моря они составляли, перемешавшись с шапсугами, несколько отдельных обществ: Хизе, Уордане, Шмиткуадж и Зюеш, известных у черкесов под общим именем Ардона. Я не успел познакомиться с их народным языком, потому что убыхи, с которыми я встречался, всегда говорили по-черкесски. Убыхов полагали не более 6000 душ.

Всего черкесского племени можно было приблизительно считать до 500000 душ.

С. Татарское племя.

1. Ногайские татары были поселены русским правительством, в числе 12.000 душ, на левом берегу Кубани, от Баталпашинской стани-

---

[37] В первом издании здесь и далее ошибочно: Теченях.

[38] В первом издании ошибочно: Бжецухи.

цы вниз до устья Лабы. Между ними нет дворянства, а существуют только вольные люди или так называемые второстепенные уздени, повинующиеся князьям пяти фамилий: Келембет, Мансур, Кипчак, Карамирза и Навруз.

2. Карачаевцы, на верховьях Кубани и Тиберды и у подошвы Эльбруса, более торговый, чем воинственный народ, состоит приблизительно из 8000 душ.

Ногайцы и карачаевцы говорят наречием употребляемого во всей Средней Азии татарского языка».

Географические сведения

«Три дороги открывались нам с линии к морю: первая, через Гатюкой и сапсугов к реке Джубе[39], вторая, через абазехов и убыхов, к устью Шахе, третья, через Агипсоу к реке Соче, или вниз по Мзымте на мыс Адлер. У горцев они слыли большими дорогами, будучи несколько удобнее других, весьма трудных путей, пролегавших с Кубани к морскому берегу. <…>

Я намеревался проехать к устью Джубги или к Шахе, и Карамурзин не находил препятствия переправиться по одной из этих дорог через горы к морскому берегу. Между тем хаджи Берзек, главный убыхский старшина, перешедший с партией в несколько сот человек на северную сторону гор, имея в виду напасть на башилбаевцев и, если представится возможность, участвовать в набеге на русскую границу, предложил Карамурзину присоединиться к нему для этого дела и потом ехать вместе к морю. Считая слишком рискованным совершить со мною это путешествие в таком многочисленном неприятельском обществе, Тембулат отказался от предложения Берзека, под предлогом крайней необходимости съездить к Гассан-бею абхазскому еще до зимы. Через этот отказ он отнял у себя возможность ехать к убыхам и должен был поневоле выбрать для своей поездки в Абхазию кратчайший путь через Агипсоу; иначе он возбудил бы подозрение хаджи Берзека, которого надо было очень остерегаться по причине важного значения, какое он имел между приморскими черкесами. Это обстоятельство разрушало первоначальный план моего путешествия, отнимая у меня возможность: осмотреть довольно значительное пространство морского берега; но делать было нечего, и я сам видел всю безрассудность добиваться невозможного. <…>

Кавказ богат красотами природы, но я помню мало мест, которые бы могли равняться по живописному виду с долиною Мзымты. Пролегая

[39] Джуба — Джубга.

на расстоянии тридцати пяти верст от главного хребта до гребня Черных гор, идущего параллельно морскому берегу, она ограничивается с двух сторон рядами высоких неприступных скал, защищающих Агипсоу с севера и юга. В этой глубокой котловине течет быстрая Мзымта, образующая бесчисленное множество водопадов. По обе стороны реки раскиданы купы домов и хижин, окруженных темною зеленью садов, виноградниками, посевами кукурузы, проса, пшеницы и свежими бархатными лугами. По мере удаления от берегов постройки и обработанные участки земли заменяются вековым лесом, который окаймляет бока гор, упирающихся в красноватые зубчатые скалы. Через отрог Черных гор, перегораживающих реке путь к морю, она прорывается в тесные скалистые ворота, образующие неприступный проход со стороны юго-запада. Недалеко от Агипсоу находятся еще два селения, Айбога[40] на реке Псоу и Чужгуча на реке Чужипсы, составляющие все вместе одно общество, известное под именем Медовей. Жителей в нем не более десяти тысяч. Они не богаты скотом, мало имеют пахотной земли; но зато пользуются изобилием фруктов: персиков, абрикосов, груш и яблок, превосходящих величиной и сочностью все подобные плоды, какие можно встречать в других местах по берегу Черного моря. Горы покрыты каштановыми деревьями, дающими пропитание большей части бедного населения, у которого очень часто недостает пшена и кукурузы. Жители сушат каштаны на зиму и, разварив потом в воде, едят их с маслом или с молоком. В Агипсоу имеется отличный мед, добываемый от горных пчел, гнездящихся в расселинах скал. Этот мед очень душист, бел, тверд почти как песочный сахар и весьма дорого ценится турками, от которых медовеевцы выменивают необходимые им ткани исключительно на мед, воск и на девушек. <…> Погода была прекрасная, и все в Агипсоу дышало миром и спокойствием. Медовеевцы действительно пользовались этими благами, мало известными в других частях Кавказа, благодаря неприступному месту, которое они занимали; но зато они сами нередко отнимали у других покой, спускаясь к морю в Абхазию и на северную сторону гор грабить каждого встречного. Пользуясь между горцами репутацией отъявленных разбойников, они за пределами своих крепких гор находились во всегдашней опасности быть перебитыми без всякой жалости».

* * *

«Бзыб проходим везде в обыкновенную воду, но в три летних месяца, когда снег тает в высоких горах, или после сильных дождей по-

---

[40] Айбога — Аибга.

лая вода заливает все броды. Горцы называют Бзыб бешеною рекой, потому что по всему берегу Черного моря нет другой реки, которая так неожиданно и так скоро поднимается, так часто меняет глубину и направление, и в которой гибнет столько людей от неимоверной быстроты течения. Около Аджепхуне и выше этого селения броды весьма удобны в обыкновенное время, хотя с опасностью, но возможны и в полноводье, между тем как возле устья исчезает всякая возможность воспользоваться бродом или устроить переправу. N. оправдывал свой выбор тем, что шапсуги и джекеты пристают в этом месте на своих галерах, делая на Абхазию набеги с моря, и что он надеется прекратить эти набеги, устроив здесь укрепление. Это было весьма сомнительно. Прибрежные черкесы и абазины, живущие на севере от Абхазии, имели действительно обыкновение отправляться на морской разбой в узких, длинных и чрезвычайно легких лодках, вмещавших от тридцати до пятидесяти человек. Эти лодки, названные нами галерами, были уже известны византийским грекам под именем "камар".

Быстрота их удивительна, и они так легки, что люди выносят их из воды на своих плечах, прячут в лесу и отправляются потом на грабеж. Черкесские морские разбойники приставали около устья Бзыба, потому что это место не посещалось никем, и находилось в совершенной глуши, но кто мог заставить их приставать к нему, если бы на нем находилось наше укрепление; несколько сот саженей выше или ниже его, да и где угодно имелось множество подобных притонов на абхазском берегу. <…>

Ожидали полноводья, и именно в это время надо было изучить свойства реки для того, чтоб убедиться в невозможности устроить на ней какого бы рода ни было постоянную переправу, кроме натурального брода, когда состояние воды его допускало. Я знал характер Бзыба довольно хорошо, по расспросам, но теперь хотел лично удостовериться, верны ли были сведения, собранные мною через Шакрилова, и которые я передавал уже начальнику войск. С одним из его братьев я приехал в отряд в то самое время, когда вода стала подниматься. Не видав собственными глазами, трудно себе представить силу и быстроту, с какою беспрестанно возрастающая масса воды отрывала куски берега, ворочала камни и проносила в море огромные деревья, подмытые в корнях. Для переправы на другой берег ходил баркас на блоке по якорному канату, перетянутому через реку под острым углом. Вниз он летел с быстротою стрелы, пущенной из лука; вверх его тянули более ста солдат, выбиваясь из сил, и работая иногда целый час, хотя река была в этом месте не шире

сорока саженей[41]. Когда баркас тянули вверх по течению, вода ударяла в его носовую часть с такою силой, что каждое мгновение можно было ожидать, что он разобьется в щепки, или будет залит водою. Устройство этой переправы стоило неимоверных трудов, канаты рвались, баркасы ломало, и надо отдать полную справедливость искусству и терпению, с которыми наши моряки успели, наконец, взять верх над бешеною рекой. Я не понимал только цели, для которой все это делалось, и удивлялся, что до сих пор не случилось какого-нибудь большого несчастья. Его дождались, впрочем, очень скоро. Ночью река выступила из берегов и залила часть лагеря, в котором я ночевал; пришлось спасаться в рубашках и переносить палатки на другое место».

* * *

«Но я сказал слишком мало о Хатхуа, нашем главном путеводителе. Ему было более семидесяти лет, из коих большую часть провел он не под кровлею, а в путешествиях и на охоте в горах. Высокий, худощавый, закаленный в трудах и опасностях, всегда рассудительный и хладнокровный, стрелок без промаха, — этот железный человек не имел в целой Абхазии равного себе охотника, который бы так хорошо знал в горах все тропинки и все скрытные места, представлявшие удобную защиту от врага и от непогоды. Его загорелое морщинистое лицо, казалось, имело самое угрюмое выражение, но, всматриваясь в него поближе, можно было отыскать мягкие черты, позволявшие угадать его настоящий характер. Он был невероятно добродушен. Обыкновенно он молчал; когда его спрашивали, отвечал коротко и отрывисто; но зато находился в беспрестанном движении и делал более других. Усталость не существовала для него; он вставал раньше и ложился позже всех, осматривал каждый раз с большим вниманием места около ночлега, замечал все и по признакам, незаметным для прочих, делал самые безошибочные заключения. Его опытность и верный взгляд на все, касавшееся горной жизни, знание зверей, за которыми он привык охотиться с детства, имели такое значение, что никто не смел спорить с ним, и сам Микамбай беспрекословно подчинялся его мнению.

Несколько часов подвигались мы вперед, беззаботно вдыхая свежий горный воздух и любуясь прекрасными видами, беспрестанно менявшимися перед нашими глазами. Солнце поднялось уже довольно высоко на чистом, безоблачном небе, разливая повсюду знойные лучи.

---

[41] Сажень — русская единица измерения расстояния равная 2,16 м. Таким образом, Ф.Ф. Торнау свидетельствует, что ширина Бзыби в том месте, которое он наблюдал, была «не шире» 86,4 м.

Мы были рады ехать в тени густого леса, весьма редко прерываемого небольшими полянами, покрытыми свежею травой, усыпанною множеством разнородных цветов и кустами спелой клубники. Чем выше поднимались мы в гору, тем тщательнее Хатхуа рассматривал дорогу, лес и траву. В одном месте, где наша дорога сошлась с другою тропинкой, он остановил нас, внимательно рассмотрел каждый куст, прошел несколько сот шагов по боковой дороге и, довольный осмотром, кивнул головой, что значило: ехать дальше. Около полудня он стал опять приглядываться к каменистой почве нашего пути, через который местами протекали небольшие ручьи. Около них земля была несколько размягчена. Возле одного из ручьев он остановился, прильнул к земле и, рассмотрев ее, сказал:

— Недавно лошади прошли!

Осторожный хаджи Соломон встревожился.

— Сколько их было? куда идет след? — вскрикнул он.

— Дальше узнаем, — ответил Хатхуа, и мы продолжали еще несколько времени нашу дорогу. <…>

Хатхуа, наморщившись, объявил, что он знает другую дорогу, и согласен вести нас по ней, но предупреждает, что она трудна, продолжительна, неудобопроходима для лошадей и пролегает по совершенно безлюдным местам. На замечание Микамбая, что у нас недостанет съестных припасов для такой дороги, Хатхуа возразил, что с ружьем нечего бояться умереть с голоду там, где есть козы, туры и адомбеи. Абхазцы зовут адомбеем зубра, который водится на северной покатости Кавказа, в глубоких ущельях, около источников Урупа и Большого и Малого Зеленчугов. Микамбай не смел более отговариваться; дело было решено, и все согласились идти по дороге, которую станет указывать Хатхуа. Мы свернули вправо от прежнего пути, перешли через глубокое ущелье и начали подыматься на высокий гребень, без видимой тропинки, по густому вековому лесу, нетронутому от сотворения мира. Хатхуа и Багры шли опять впереди и помечали топорами некоторые деревья, для того чтобы найти по ним обратный путь, если бы мы потеряли в лесу дорогу. Солнечные лучи едва проникали в чащу леса, загроможденного деревьями, опрокинутыми бурей, которые на каждом шагу перегораживали путь нашим лошадям. Иногда мы бились по целым часам, отыскивая обход мимо этих натуральных завалов, или прорубая себе топором дорогу чрез них. Весь первый день мы провели на безводном гребне, не имея капли воды, чтобы напиться в палящий жар. Два абхазца, которым была поручена провизия, отстали от нас в лесу; невзирая на крики и ружейные выстрелы, мы не могли их дозваться; по этой причине у нас не стало даже молока уто-

лить жажду. Микамбай не понимал, каким образом они нас потеряли, и был уже готов думать, что они бежали. Во всяком случае, их надо было отыскать, и это дело мы поручили Багры, который должен был идти потом по нашему следу и по знакам, оставленным Хатхуа на деревьях. На этом не кончились еще наши неудачи этого дня, сделавшие очень дурное впечатление на суеверных абхазцев, которые видели в них дурное предзнаменование. Лошадь Муты оборвалась на горе и покатилась с крутизны в несколько десятков сажен. Кусты, за которые она, падая, цеплялась, помешали ей убиться, и пострадало только одно седло. Сначала Муты был в отчаянии, хотел вернуться домой, потом успокоился, но все-таки не переставал морщиться, вспоминая об этом происшествии. Микамбай бормотал все время невнятные слова, обвиняя, кажется, меня во всех несчастьях, и призывал на помощь Аллаха; молчали только и крепились Хатхуа по привычке и я из самолюбия. Измученные трудным переходом и жаждою, мы остановились перед сумерками для ночлега, — можно себе представить, в каком расположении духа. Часа через два голос Багры известил нас, что он близок, и скоро явились к нашему огню он, слуги Микамбая, бараны и молоко. Оказалось, что абхазцы потеряли нас из виду, гоняясь за баранами, упущенными на дороге в каком-то трудном месте. Теперь, казалось, все было хорошо; дело стояло только за водою. Никто не знал, где ее найти, и не решался идти за нею в темноте. Посоветовавшись с Хатхуа, помнившим источник около этих мест, Багры согласился за три червонца совершить головоломное ночное путешествие, спустившись под гору по скалам, доступным с виду для одних только зверей. Долго ждали мы, пока он воротился с козьим тулуком[42], наполненным счастливо отысканною водой. Тогда мы напились, сварили проса, баранины и, поужинав, легли спать, закутавшись в бурки, имея возле себя ружья в чехлах, чтобы сберечь их от сырости. Стреноженные лошади ели траву возле нас. <…>

На другой день наша дорога все еще шла по густому лиственному лесу, состоявшему преимущественно из дуба, карагача, клена, чинара и чиндара. Полоса, богатая каштановыми и ореховыми деревьями, лежала уже ниже нас. Подъемы становились круче, ущелья суживались заметным образом. Этот переход обошелся совершенно без приключений; погода была прекрасная, и мы пользовались ею, чтоб уйти как можно дальше. В прямой линии можно было полагать, от морского берега до перевала через главный снеговой хребет от шестидесяти до семидесяти верст; по дороге, которую мы принуждены были избрать

[42] Тулук — бурдюк, кожаный мешок.

для нашего путешествия, должно было считать не менее ста-двадцати. Бедность наших съестных припасов, рассчитанных сначала только на три перехода, заставляла нас спешить.

На третий день мы поднялись на высоту, покрытую сосновым лесом такой величины, о которой я не имел до того времени никакого понятия. В нем нас застигла страшная буря. С первого порыва ветра оглушительный скрип и треск пронеслись по всему лесу, задрожавшему, как в лихорадке. Вековые сосны неимоверной вышины, в пять и более охватов, зашатались на корню; молодые деревья крутило и ломало вихрем, устилавшим землю огромными сучьями, летевшими в лесу по всем направлениям. Я не испытывал прежде опасности быть в подобном лесу во время бури, и потому не совсем и понимал ее. Мои абхазцы раскрыли мне глаза. С криком: Аллах! Аллах! они бросились к ближайшей скале и под ее навесом прождали все время, пока не перестала буря. Опустошение, произведенное ею в лесу, дало мне понятие об участи, которая нас ожидала, если бы мы не встретили так близко спасительной скалы. Везде лежали огромной величины деревья, переломленные, расщепленные сверху донизу или вырванные с корнем из земли; лес был буквально усеян сучьями и отломленными вершинами.

Четвертый и пятый день мы переходили по скалам из долины Гумисты к началу Чаголты, впадающей в Кодор. Узенькая тропинка, на которой лошади едва находили довольно места ставить копыто, испорченная во многих пунктах дождем, а в других заваленная большими скользкими камнями, тянулась карнизом над пропастями неизмеримой глубины. Мы шли все время пешком, а лошадей гнали перед собою: было опасно вести их в поводу; к тому же они шли гораздо охотнее на дурных местах за катером[43] Микамбая, признавая его инстинктивно надежным указчиком дороги в горах.

Поворотив от начала Чаголты круто налево, к источнику Бзыба, мы только на седьмой день подошли к Главному перевалу, покрытому вечным снегом. Еще накануне, мы сделали более половины перехода по снегу, растворявшемуся, под лучами июньского солнца, в потоки студеной воды, протекавшей ветвистыми ручьями по всем лощинам и ниспадавшей потом, собравшись в одно более широкое русло, шумными водопадами в глубокую расселину, дававшую Бзыбу свое начало. Жаркое солнце палило наши головы, между тем как ноги не выходили из снега и из холодной воды. Надвинув на глаза мохнатые бараньи шапки и намазав веки пороховым раствором, для того чтобы не ослепнуть от солнечных лучей, ярко отражаемых блестящею снежною пеле-

[43] Катер — помесь от осла и кобылы.

ной, покрывавшею все видимое пространство, босоногие, потому что наша размокшая обувь не держалась более на ногах, мы подвигались медленным шагом, проваливаясь беспрестанно в снегу. Неудивительно, если мы утомлялись более чем следует. Наши силы заметно упадали от недостатка пищи. Порции, на которые мы были принуждены разделить наши припасы, для того чтобы не остаться совершенно без продовольствия, едва служили для утоления голода, и не могли возобновлять сил, растрачиваемых нами ежедневно в усиленной ходьбе. Накануне мы съели последний кусок баранины; молока давно уже не было; оставалось в запасе несколько проса, которое Микамбай берег на крайний случай, выдавая скупою рукой каждый вечер не более одной горсти на человека. Багры и Хатхуа уходили от нас беспрестанно в сторону искать дичи, но, к несчастью, не находили ее. Туры показывались на скалах, как будто для того только, чтобы дразнить наш голод, всегда далее выстрела, и потом исчезали с быстротой молнии. Они так осторожны, что их нельзя иначе стрелять как из засады, устроенной на дороге, по которой они имеют обыкновение ходить к воде. Эти дороги бывают чрезвычайно опасны. Днем надо отыскивать след туров, садиться вечером за скалой и ждать до утра, пока они пойдут к водопою. Более одного выстрела охотник не успевает сделать в подобном случае, если б он имел с собою даже два ружья: прежде чем он успеет приложиться во второй раз, все стадо пропало уже у него из виду. Мы слишком дорожили временем, для того чтобы жертвовать им на эту трудную и не всегда удачную охоту, требующую иногда нескольких дней для отыскания только турьих следов. Хатхуа не взял с собою собаки, с которою он и в обыкновенное время не любил охотиться в горах, потому что она призывает своим лаем неприятеля и не позволяет скрыться от него. Последние два дня Хатхуа уходил в сторону с самого утра и присоединялся к нам только вечером, каждый раз с пустыми руками, утешая нас надеждой на адомбеев, которые, по его обещанию, должны непременно нам встретиться на северной стороне гор.

Перед Главным снеговым хребтом мы переночевали в котловине, окруженной со всех сторон высокими скалами, покрытой пушистою травой и загороженной от завалов густым сосновым лесом. На дне котловины протекал многоводный ручей. Место было самое скрытное, и доступ к нему сопряжен с трудностями, которых никто бы не решился испытать без настоятельной надобности. Хатхуа говорил, что кроме него разве только еще один или два абазинских охотника знают об этом уголке и в состоянии отыскать к нему дорогу. Несколько дней перед нашим приездом на горах выпал в большом количестве свежий снег, не позволявший вести лошадей через перевал. Ждать, пока он

осядет от солнца, не зная, чем мы будем кормиться завтрашний день, казалось совершенно безрассудным, и мы решились поэтому продолжать наше путешествие без лошадей, покинув их на месте нашего последнего ночлега и там же зарыв седла. На возвратном пути Микамбай должен был отвести лошадей в Абхазию.

Выбравшись из нашей котловины до восхода солнца, мы стали подыматься на гору по снежной крутизне, перегораживавшей нам путь, подобно неизмеримо высокой стене, без следа дороги и без уступа для отдыха. Абхазцы, вооруженные своими длинными дорожными палками, окованными железом с обоих концов, шли впереди и испытывали снег, под которым нередко кроются расселины, куда можно провалиться безвозвратно. Следуя один за другим, мы пролагали узкую и глубокую борозду через рыхлый снег, погружаясь в него выше пояса. Таким образом мы поднимались не менее пяти часов, медленно ступая и не возвышая голоса, для того чтобы не вызвать снежного обвала, местами грозно висевшего над нашими головами, пока не достигли до гладкой снеговой равнины, шириной около пятисот сажен, с которой открывался вид на обе стороны гор. Вправо и влево от нас возвышались зубчатые горные вершины ослепительной белизны. За нами чернелись абхазские горы и обозначалось море далекою синею полосой. Впереди нас виднелись скалы, лесистые гребни и зеленые травяные отроги главного хребта, между которыми мелькали, подобно серебристым лентам, Кубань и впадающие в нее реки. Погода была прекрасная, на небе ни облака, в воздухе ни ветерка, тишина повсюду, и близь и даль облиты ярким светом. Вид, в одно время на Черное море и на степи кавказской линии, с высоты верных одиннадцати тысяч футов над поверхностью моря, был поразителен своим величием. Седловина Главного хребта, через которую мы переходили, лежала между источниками Бзыба, текущего в Черное море, и большого Энджик-су, впадающего в Кубань. Русские переделали Энджик-су в похожее на него название Зеленчуга».

III

ЗЕМЛЯ АПОСТОЛЬСКОЙ ПРОПОВЕДИ

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-217-233
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АБХАЗИИ А. Н. МУРАВЬЕВА

© 2021 г. М. И. Щербакова

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: Статья посвящена малоизвестным путевым заметкам об Абхазии Андрея Николаевича Муравьева, выдающегося русского духовного писателя, зачинателя жанра литературных паломнических путешествий, первооткрывателя для своих соотечественников и современников христианских, православных святынь в России и за ее пределами. Путевой очерк «Абхазия. Пицунда», включенный отдельной главой в книгу «Грузия и Армения», создан под впечатлением поездки автора весной 1847 г. на Черноморское побережье Кавказа. В нем представлены жанровые зарисовки городской жизни Сухума, описания роскошной южной природы, даны экскурсы в историю края, охарактеризованы особенности его экономического состояния. Основная часть черноморских воспоминаний Муравьева касается Пицунды. Как глубокий знаток истории Христианства Муравьев проследил его древние корни на земле Абхазии, где проповедовали апостолы Симон Кананит, Андрей Первозванный, свт. Иоанн Златоуст. В подробных описаниях древних церквей писатель зафиксировал их состояние; несмотря на художественную форму повествования, они имеют значение достоверного исторического документа, помогающего реконструировать многие утраты, происшедшие под воздействием времени.

Ключевые слова: Русская литература XIX в., А. Н. Муравьев, паломничество, литература путешествий, «Грузия и Армения», «Абхазия. Пицунда», Анакопия.

Информация об авторе: Марина Ивановна Щербакова — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6705-8707. E-mail: m-shcherbakova@mail.ru.

Для цитирования: *Щербакова М. И.* Путешествие по Абхазии А. Н. Муравьева // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 217–233. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-217-233

ANDREY MURAV'YOV'S TRAVEL IN ABKHAZIA

© 2021. Marina I. Shcherbakova

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No 20-012-00098A).

Abstract: The article is devoted to the little-known travel notes about Abkhazia by Andrey N. Murav'yov, an outstanding Russian spiritual writer, the pioneer of the genre of literary pilgrimage travels, the discoverer of Christian and Orthodox shrines in Russia and abroad for his compatriots and contemporaries. Travel essay "Abkhazia. Pitsunda", included as a separate chapter in the book "Georgia and Armenia", was created under the impression of the author's trip in the spring of 1847 to the Black Sea coast of the Caucasus. It presents genre sketches of the city life of Sukhumi, descriptions of the luxurious southern nature, it gives excursions into the history of the region, and it characterises the features of the economic state. The main part of Andrey Murav'yov's Black Sea memories concerns Pitsunda. As a deep connoisseur of the history of Christianity, Andrey Murav'yov traced its ancient roots in the land of Abkhazia, where the apostles Simon the Canaanean, Andrew the First-Called, St. John Chrysostom. In detailed descriptions of the ancient churches, the writer recorded their condition; despite the artistic form of the story, they have the value of a reliable historical document that helps to reconstruct many of the losses that occurred under the influence of time.

Keywords: 19th century Russian literature, Andrey Murav'yov, pilgrimage, travel literature, "Georgia and Armenia", "Abkhazia. Pitsunda", Anacopia.

Information about the author: Marina I. Shcherbakova, DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6705-8707. E-mail: m-shcherbakova@mail.ru.

For citation: Shcherbakova, M. I. "Andrey Murav'yov's Travel in Abkhazia." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 217–233. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-217-233

В истории русской и мировой культуры Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) занимает достойное место зачинателя жанра литературных паломнических путешествий, первооткрывателя для своих соотечественников и современников христианских, православных святынь в России и за ее пределами.

Дворянский и графский род Муравьевых дал Отечеству многих видных деятелей. Глава семьи — Николай Николаевич Муравьев — участвовал в Отечественной войне 1812 г. и, получив за отличия чин генерал-майора, был награжден золотой саблей; основатель «Московского учебного заведения для колонновожатых», которое много лет содержал на свой счет. Брат Михаил — выдающийся государственник своей эпохи; брат Николай — генерал, получивший во время Крымской войны почетный титул «Карский» как знак победного штурма Карса, в 1854–1856 гг. был Кавказским наместником; брат Александр — один из основателей декабристского движения.

Литературные наклонности А. Н. Муравьева сформировались рано, чему способствовали наставничество поэта С. Е. Раича, среда Московского университета, знакомство с А. С. Норовым, князем В. Ф. Одоевским, М. П. Погодиным, Ф. И. Тютчевым, А. С. Грибоедовым, богословом и философом А. С. Хомяковым, служба в Коллегии иностранных дел. Первыми творческими опытами Муравьева были преимущественно поэтические произведения.

Подлинную славу еще молодому человеку принесла книга, вышедшая в 1832 г., «Путешествие ко Святым местам в 1830 году». Благословение на ее издание было получено от митрополита Филарета (Дроздова) и В. А. Жуковского. Автор описывал свою паломническую поездку в 1829–1830 гг. в Александрию, Каир, Иерусалим, Кипр, Смирну, Константинополь и передавал глубокие впечатления от увиденного в форме увлекательного повествования, включавшего, помимо собственных духовных наблюдений, события Библейской истории, географические, искусствоведческие и этнографические сведения, свидетельства древних авторов об увиденных святых местах.

«Путешествия по Святым местам в 1830 году» открыли в русской словесности новое направление, талантливо объединив глубину духовной и церковной литературы с легкостью художественного повествования. «Живо помню я, какое громадное впечатление произвела на нас эта книга, — вспоминал по прошествии многих лет профессор Московской духовной академии П. С. Казанский. — Живость языка, картинность образов, горячие чувства благочестия и самый внешний вид книги, напечатанной на хорошей бумаге и хорошим шрифтом, — были чем-то новым, небывалым для того времени. Залучив книгу, мы не спали ночь, пока не прочли всю ее»[1]. Известно, что А. С. Пушкин

[1] *Казанский П. С.* Воспоминание об Андрее Николаевиче Муравьеве // Душеполезное Чтение. 1877. Март. С. 361.

«с умилением и невольной завистью»[2] прочитал «Путешествие…» Муравьева.

Следующим шагом на так счастливо определившемся литературном поприще стала книга Муравьева «Путешествие по Святым местам русским. Троицкая Лавра. Ростов. Новый Иерусалим, Валаам», изданная в С.-Петербурге в 1836 г. Она начинается авторским объяснением причин, побудивших и к новому путешествию, и к литературному изложению новых впечатлений: «Сие краткое описание некоторых обителей русских может отчасти служить продолжением моему путешествию ко святым местам, потому что в Палестине возникло во мне желание посетить их. Помню, как смутили меня иноки иерусалимские, когда во время заключения в Храме Св. Гроба они начали спрашивать у меня о Троицкой Лавре, и я должен был им признаться, что хотя родился в Москве, но никогда не видел сей родственной святыни, близкой сердцу каждого русского и знаменитой по всем странам. Тогда же дал я обещание сходить в Лавру, по возвращении в Отечество»[3].

Служебные назначения Муравьева во многом способствовали его творческим возможностям. С 1833 г. он занимал должность обер-секретаря в Святейшем синоде; в 1836 г. стал камергером российского Императорского Двора и почетным членом Императорской академии наук. В этот период вышли в свет его труды: «Письма о богослужении Восточной Кафолической Церкви» (М., 1836), «Воспоминания о посещении святыни московской государем наследником» (СПб., 1838), «История Российской Церкви» (СПб., 1838), «Убиение царевича Димитрия» (СПб., 1840), «Первые четыре века Христианства» (СПб., 1840), «Священная история» (СПб., 1842).

В 1842 г. Муравьев стал членом общего присутствия в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Азиатский департамент был одним из трех департаментов Министерства, пришедшего в 1832 г. на смену Коллегии иностранных дел. Неполных три десятилетия его возглавлял последний канцлер Российской Империи граф К. В. Нессельроде.

Середина 1840-х гг. в жизни Муравьева была отмечена двумя длительными путешествиями. Первое состоялось в Европу; его главной целью был Рим. Впечатления от увиденного в Вечном городе составили книгу «Римские письма» (СПб., 1846).

---

[2] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. XI. С. 217.

[3] *Муравьев А. Н.* Путешествие по Святым местам русским. Троицкая Лавра. Ростов. Новый Иерусалим, Валаам. СПб., 1836. С. III.

Второе путешествие было на Кавказ. Оно продлилось с сентября 1846 г. по июль 1847 г. Муравьев побывал в Грузии и Армении. В Россию возвратился через Имеретию, Мингрелию и Абхазию. «Я имел случай, — писал Муравьев, — хорошо осмотреть их замечательную святыню и древности, по благорасположению ко мне Владетелей Мингрелии и Абхазии, с которыми отчасти совершал путешествия, или в доме коих гостил, стараясь изучать, сколько можно было, внутренний быт их феодальных владений»[4].

В Абхазию Муравьев прибыл в мае 1847 г. «Не мне описывать чудеса природы Кавказа, которых уже коснулась гениальная кисть наших поэтов»[5], — признавался он, оставляя за собой иное поприще: смотреть на увиденное «более со стороны церковной, нежели гражданской древности»[6]. Абхазские впечатления Муравьева вошли в главу «Абхазия. Пицунда» части III книги «Грузия и Армения» (1848), основная часть которой посвящена Пицунде и христианским святыням Абхазии.

Вдоль берегов «живописной Абхазии» Муравьев проследовал от Редут-Кале, минуя Илор, Очамчиры и Дранды. Первая остановка была в Сухуме, сразу поразившем ароматом роз: «все цвело и благоухало и дышало необычайной жизнью для нас, жителей Севера». «Нигде, даже в Мингрелии, не видал я столь богатой растительности», — писал Муравьев.

От Сухума до Анакопии пароход шел два часа. Устье Псырцхи поразило «довольно обширными развалинами». «Еще стояла круглая башня, вся обросшая плющом, и местами обрушенная ограда тянулась вдоль берега, столь же роскошно украшенная рукою времени». Сойдя на берег, путешественники не сразу нашли церковь, возведенную в IX в., по преданию, на мощах Симона Кананита. Составленное Муравьевым подробное описание внешнего и внутреннего состояния этой святыни имеет несомненную научную ценность. Следуя православной традиции, Муравьев помолился святым апостолам Симону Кананиту и Андрею Первозванному, определив в открывшемся ему запустении храма место алтаря, и воскликнул: «Утешительна молитва на таких местах, освященных стопами первых учеников Христовых».

Следующая по курсу парохода краткая остановка была в Бамборах. С моря путешественники «наслаждались очаровательным видом широкой долины Лехны у подножия гор Абхазских».

---

[4] *Муравьев А. Н.* Грузия и Армения. СПб., 1848. Ч. 3. С. IX–X.

[5] Там же. Ч. 1. С. 2.

[6] Там же. С. V.

Основная часть черноморских воспоминаний Муравьева касается Пицунды — места, «предназначенного для водворения Христианства в Абхазии». Излагая бытовавшие поверья о пребывании здесь святого апостола Андрея Первозванного, святителя Иоанна Златоуста, византийского императора Иустиниана Великого, в том числе и те, которые не находили подтверждения в сохранившихся источниках или вовсе противоречили историческим фактам, Муравьев настаивал на том, что «нельзя не иметь веры к преданиям, освященным глубокой верой народа с незапамятных времен».

Пароход подошел к самому берегу мыса Пицунда, «поросшего вековыми соснами», и путешественники смогли вблизи увидеть древнюю святыню: «Вне сосновой рощи стоял храм, посреди развесистых вязов и смоковниц, обвитых виноградом, во всей роскоши дикой природы Абхазии». В описании Пицундского храма Муравьев явил себя тонким знатоком византийского зодчества и просвещенным ценителем церковной живописи, глубоким и всесторонне образованным историком Церкви, талантливым созерцателем и благочестивым христианином. Вечером субботнего дня, на который пришлось посещение Пицунды, как и положено, служилась всенощная, о чем оповестил «серебристый звук» небольшого генуэзского колокола, отлитого в 1529 г. Побывав почти во всех местах, ознаменованных подвигами святого апостола Андрея Первозванного, «начиная от Иерусалима и до чуждой для нас Амальфи», Муравьев имел возможность сравнить свои впечатления: «Столь же отрадно было для меня молиться на месте евангельской проповеди Первозванного в Абхазии, как и на горах Киевских». Утром еще раз помолился под священными сводами Пицундского храма: «Вокруг все было тихо и ясно, и как бы родственно». Наступил час прощания с Абхазией.

В истории Абхазской земли имя А. Н. Муравьева еще раз появилось почти через тридцать лет после выхода книги «Грузия и Армения», имея опосредованное отношение к основанию Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря.

Корреспондентом Муравьева многие годы, вплоть до своей кончины в 1879 г., был афонский монах Арсений (Минин), основатель и первостроитель Ново-Афонской обители. С Муравьевым, как ктитором Андреевского скита на Святой Горе Афон, о. Арсений состоял в переписке по вопросам строительства одного из величественнейших афонских храмов — во имя святого апостола Андрея Первозванного, проповедью которого освящена Абхазия.

Когда в середине 1870-х гг. афонские старцы благословили о. Арсения на поиск в России места для нового монастыря, энергично

поддержал эту мысль и, в свою очередь, благословил его в феврале 1875 г. святитель Феофан, Затворник Вышенский, точнее указав регион поиска: «На Кавказ может быть далеко, но будто спокойнее»[7]. Муравьеву святитель Феофан был также хорошо знаком по второму своему паломничеству в Иерусалим в зимние месяцы 1849–1850 гг. Тогда еще молодой иеромонах Феофан, сотрудник первого состава Русской духовной миссии, сопровождал высокого гостя в его поездках по Палестине. Недавно прояснился удивительный факт, отмеченный Муравьевым в его «Письмах с Востока», литературным адресатом которых был митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов). 16 декабря 1849 г. на берегу Иордана иеромонах Феофан с Иоасафом, игуменом Лавры Саввы Освященного, в присутствии Муравьева отслужили Божественную литургию на церковнославянском языке — «на берегах Иордана, над звучным течением его вод, которые, конечно, впервые огласились нашими родными напевами! Мы, все русские, составили хор, и давно не помню я столь торжественной литургии, хотя и под открытым небом, и в чаще леса. Служба была полная Богоявленская»[8]. Прошло не многим более двух лет после посещения Муравьевым Абхазии и год после выхода его книги «Грузия и Армения». С большой долей вероятности можно предполагать, что впечатлениями своего путешествия по Кавказу и Черноморскому побережью Муравьев делился с иеромонахом Феофаном, пересказывая свежие страницы своих воспоминаний. Не будет ошибкой также считать, что именно воспоминания Муравьева сформировали то общее впечатление о малоизвестном крае, которое сыграло свою роль при выборе места для обустройства Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря.

---

[7] Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломникъ», 1994. Вып. I. С. 88.

[8] *Муравьев А. Н.* Письма с Востока в 1849–1850 годах. СПб., 1851. Ч. II. С. 204–206.

АБХАЗИЯ. ПИЦУНДА
(Из книги А. Н. Муравьева «Грузия и Армения». Ч. 3. СПб., 1848)

Если тягостна была разлука на берегах Мингрелии, приятная встреча ожидала меня на пароходе: Начальник Черноморской линии, с которым я начал мою службу, по чувству давней приязни, пожелал везти меня до Керчи, вдоль берегов живописной Абхазии. В первые годы молодости мы разделяли с ним скромную хату посреди цветущих садов Малороссии или палатку кавалерийского лагеря, и вот, после стольких лет, он разделил со мною каюту на бурной пучине Черного моря. И действительно бурно было оно в течение десятичасового плавания от Редута до Сухума; мимо меня мелькнули Илори и Очамчиры, и Дранды, и ни на что не мог я обратить даже минутного внимания от сильной качки. Когда же мы стали входить в широкий залив Сухумский, хотя и беспокойный при западных ветрах, погода начала утихать, и я мог любоваться с палубы красотою окрестных гор; однако мне хотелось провести ночь на берегу. Сильный запах роз обвеял меня в ограде бывшей Турецкой крепости: аллеи итальянских тополей[9], которыми обсажены все здания, обвиты были розовыми кустами до половины их стройного стана. Нигде, даже в Мингрелии, не видал я столь богатой растительности. Это было в самом начале весны; все цвело и благоухало и дышало необычайной жизнью для нас, жителей севера. Наши береговые укрепления обязаны своей роскошной зеленью первому начальнику Черноморской линии Раевскому[10], который по своей страсти к ботанике, украсил их лучшими произведениями Крымской природы и умел сделать наследственным вкус свой к садоводству в охранителях сих твердынь; каждая из них представляется малым садом, так что забываешь о потоках крови, которыми они были обагрены, и о непрестанной опасности им угрожающей; виноградные лозы их обыкновенное украшение, а иногда, в каком-либо громоносном бастионе, уединенно цветет тюльпанное дерево[11].

Отдохнув ночь в Сухуме, я уже мог с обновленными силами продолжать морское путешествие. На расстоянии двух часов от сей турецкой крепости, которая заступила место древней Диоскурии, сре-

---

[9] Итальянский тополь — пирамидальный тополь, раина.

[10] Раевский Николай Николаевич (1801–1843) — генерал-лейтенант, один из основателей Новороссийска.

[11] Тюльпанное дерево — лириодендрон тюльпановый, лиран, дерево семейства магнолиевых.

доточия греческой торговли на берегу Понта, мы увидели довольно обширные развалины там, где малая речка Псирст[12] впадает в море. Еще стояла круглая башня, вся обросшая плющом, и местами обрушенная ограда тянулась вдоль берега, столь же роскошно украшенная рукою времени. Это была Анакопия, древняя Никопсия греков, о которой упоминает Царь Давид Возобновитель[13] в своем завещании, как о крайней точке западных своих пределов. Позади нее углубляется в горы знаменитое ущелие Трахейское, проникающее внутрь Абхазии, и на гребне утеса видны остатки замка Трахеи[14], который греки отняли у абазгов после кровопролитной осады в царствование Иустиниана. Для меня драгоценно было другое историческое предание, записанное в хронике царя Вахтанга, который говорит, что один из проповедавших здесь Апостолов, Симон Кананит, скончался и погребен в Никопсии.

Мы сошли на берег, чтобы посетить церковь, на которую указывает местное предание как на погребальную Апостола, и долго ее искали посреди развалин Никопсии, ибо по незнанию языка не могли объясниться с жителями, дико на нас смотревшими. Нам пришло на мысль, что она должна быть в горном замке Трахейском, и мы уже хотели туда подыматься, когда один из проводников, с ближнего казачьего поста, вызвался указать нам желанную церковь. Он возвратил нас опять к развалинам Никопсии и, позади ограды, вывел на довольно обширную поляну, усеянную также обломками. Она была ограждена прибрежными скалами Псирсты, которая омывала своими волнами дикое, живописное место, как бы нарочно созданное природой, чтобы приманить на жительство людей. Посредине стояла церковь, небольшая, но почти совершенно уцелевшая, кроме обвалившегося купола; западный ее притвор завален камнями и зарос дикими растениями, как и самая вершина церкви; вход от южного притвора, над коим виден еще полустертый лик Спасителя. Устройство храма совершенно греческое, с тройным разделением алтаря и полукружием горнего места; поразительна тонкость стен, складенных из римского кирпича[15], и высота

---

[12] Псирст — Псырдзха.

[13] Давид Возобновитель — Давид IV Строитель (1089–1125), царь Иверии и Абхазии, выдающийся государственный, культурный и церковный деятель; причислен к лику святых.

[14] Склоняясь к мнению, что древняя Трахея известна в более поздние времена как Анакопия и Никопсия, ученые все-таки расходятся в ее точной идентификации.

[15] Римский кирпич — плинфа, строительный материал в виде тонких квадратов.

стройных сводов, которые опираются на чрезвычайно легкие столбы; живопись уже стерлась, но на западной стене еще видны успение Богоматери и два мученика. Гробницы апостольской нельзя распознать; но предполагая, что святые мощи положены были, по древнему обычаю, под самым престолом, я помолился над тем местом, где он некогда стоял, и призвал имена обоих Апостолов Симона и Андрея, просветивших страну сию. Утешительна молитва на таких местах, освященных стопами первых учеников Христовых. В минеи Грузинской обители св. Давида Гареджийского[16] сохранилось житие Андрея Первозванного, переведенное с греческого, которое гораздо полнее нашего и довольно описывает его странствование кругом Черного помория.

Продолжая плавание наше от Анакопии к Пицунде, мы на краткое время остановились против Бамбор и наслаждались очаровательным видом широкой долины Лехны у подножия гор Абхазских. Вдали на холме виден был дом Владетеля Михаила в селении Сууксу и церковь, или малая обитель, где живет при нем архимандрит; но мы не сошли на берег, чтобы не беспокоить семейство князя, зная о его отсутствии. Немного далее песчаный мыс Пицунды, поросший вековыми соснами, выдался в море, как бы приглашая пловцов отдохнуть в его гостеприимной пристани. Несмотря на песчаный слой, море так глубоко, что пароход наш мог подойти к самому берегу. Природа обильно одарила место сие, предназначенное для водворения Христианства в Абхазии: здесь долго пребывал Первозванный Апостол; сюда, хотя и невольно, предназначали другого великого проповедника истины, Златоуста; здесь, наконец, великий Иустиниан основал изящный храм Богоматери, доныне уцелевший в древней красе своей и ожидающий обновления: его высокий купол виден был с моря промежду сосновых вершин. Первым моим движением было устремиться через вековую рощу к древнему святилищу. Нельзя не иметь веры к преданиям, освященным глубокой верой народа с незапамятных времен. Если несправедливо то, что св. Апостол здесь довершил земной свой подвиг, то нет никакого сомнения о его долгом пребывании на сих местах, и быть может многие истязания испытал он за слово истины в городе Пифионе[17], ибо все поморие было наполнено колониями эллинскими. Вне сосновой рощи стоял храм, посреди развесистых вязов и смоков-

[16] Давид Гареджийский, преподобный — восточно-христианский монах из Сирии, пришедший в Грузию в сер. VI в. с преподобным Иоанном Зедазнийским; один из основателей грузинского монашества и Давидо-Гареджийской лавры, комплекса пещерных монастырей.

[17] А. Н. Муравьев имеет в виду античный город и порт Питиунт.

ниц, обвитых виноградом, во всей роскоши дикой природы Абхазии; вокруг него ограда грубо складена из булыжника уже в позднейшие времена, ибо частые нападения принудили католикосов искать себе защиты в стенах и бойницах.

Чувство восторга и глубокого благоговения исполнило мое сердце, когда, проникнув внутрь ограды, остановился я пред великолепным святилищем Иустиниана. Оно действительно носит на себе печать того времени и изящества, даже и в состоянии упадка, как великие мужи, под бременем тяжких испытаний сокрушаемые, но не сокрушенные. Строгие размеры зодчества Византийского приятно поражают взоры в обширном здании, которое отчасти поросло плющом и кустами, пробившимися сквозь его расселины. Основание его из дикого камня, стены пестро сложены полосами, частью из кирпича; тройное полукружие образует алтарь; двухъярусный портик, до половины обрушенный, пристроен к трапезной части храма; двое малых сеней по сторонам, и сферический купол легко венчает стройное здание; но медные листы его были сорваны, и треснули вековые своды. Кругом роскошная зелень дерев и сосновый бор, и снежные горы Кавказа на небосклоне дополняли красноречивое зрелище запустевшего храма.

Я взошел в его внутренность, и еще большим умилением исполнилось сердце; меня обвеяло нечто родное, как бы кто дохнул на меня древнею святынею Киева и Новгорода; казалось, недавно только прекратилось священнодействие, и отголосок гимнов будто звучал еще в пустоте обнаженных сводов. Тремя дверями входят из западного притвора в трапезную часть, которая осенена хорами, как в лавре Печерской и обеих Св. Софиях[18]. Каменный иконостас, весьма низкий, был подобен Сионскому, что в Атенской долине[19]; сквозными арками малых колонн своих он не заслонял глубокого алтаря, и видны были на горнем месте остатки стенной живописи: Влахернская Божия Матерь с Архангелами и приобщение[20] под двумя видами. Двенадцать стоящих святителей окружали высокую кафедру католикоса и сопрестолие епископов и пресвитеров, возвышенное на пять ступеней от помоста. Еще четырнадцать ликов святых в малых кругах, воскресение Лазаря и умовение ног слабо видны были на стенах алтаря, и несколько изображений апостольских в куполе между окон; вся же прочая жи-

---

[18] Св. Софии — Соборы Святой Софии в Константинополе (VI в.) и в Киеве (XI в.).

[19] Атенский Сион — грузинский монастырь Сиони (VII в.) в селе Атени.

[20] Приобщение — причащение Святых Тайн.

вопись стерлась или отбита. Но легкая сферическая форма купола, хотя и треснувшего, производила впечатление отрадное: душа как бы порывалась на молитву под воздушными сводами сего храма, располагающего к богомыслию. Сколько бы ни должна превозмогать духовная природа человека его грубую оболочку, нельзя не сознаться, что внешнее благолепие святилища невольно действует на душу.

Достоин внимания престол Пицундского храма, составленный весь из мраморных обломков, с изваянными на них крестами, как будто бы кто нарочно разорил воздвигнутый прежде на этом месте и опять собрал его из разбитых частей. Некоторые полагают, что это воинские трофеи славного воителя Вамека Дадиана[21], ходившего войною в горы в XV веке и собравшего там остатки греческих памятников для храмов Пицунды и Хопи. Невероятно, однако, чтобы Вамек заменил своими трофеями первобытный престол, который, конечно, не был составлен из обломков и едва ли подвергался разрушению; это загадка для археологов, но и при нынешнем обновлении не должно касаться оригинального престола. Давно ли прекратилась на нем Божественная служба? — не знаю; то лишь известно, что и после перенесения кафедры католикосов в Гелат в половине XVII века они продолжали приходить для священнодействия в оставленную ими Пицунду хотя однажды в год, вероятно, на праздник Успения Богоматери или на память Первозванного Апостола, ибо предание народное переименовало в честь него святилище. Рукоположение епископов, подвластных католикосу Абхазии, и освящение мира совершалось всегда в храме Пицундском по древнему уважению к сему месту, как видно из путевых записок Патриарха Иерусалимского Досифея.

Утратился летописный ряд католикосов Абхазии, которые восседали в святительской славе на горнем месте храма Пицундского как преемники Первозванного Апостола и простирали духовную власть свою далеко в горы, до пределов Грузии. Нет сомнения, что приморские епархии гораздо древнее Иверских, ибо отселе началось Христианство; но летопись Грузинская сохранила нам имена своих католикосов, начиная от Петра, жившего при Царе Вахтанге в V веке, до VIII столетия, когда временно они прекратились, по смутным обстоятельствам Царства. При Давиде Возобновителе опять является католикос Грузии, знаменитый Иоанн III, участвовавший во всех его соборах, и уже ряд

[21] Вамек Дадиан (ум. 1396) — из княжеского рода; губернатор (эристави) исторического региона Одиши, занимавшего основную часть княжества Мегрелия.

верховных святителей не прерывается до младшего Антония, брата последнего царя. В Абхазии, напротив того, не сохранились имена ее иерархов, хотя нет сомнения, что кафедра Пицундская не оставалась без пастырей, разве только по временам, в смутные эпохи. В житии Давида Возобновителя назван современный ему католикос Евдемон, вместе с ним устроивший обитель Гелатскую по образу Пицундской; но в завещании царя и в летописях упомянуто только, во множественном числе, о присутствии на соборах католикосов, но без имени. Нельзя, однако, предполагать, чтобы тут подразумевался католикос Армянский, странствовавший тогда в Киликии, хотя столичный город Ани подвластен был Давиду, и чтобы в славную эпоху предков его Багратов, собственно царей Абхазских, не было католикосов в Пицунде. Летописи грузинские вспомнили о них только в позднейшие времена: в исходе XIV века является католикос Арсений[22] и потом, спустя некоторое время, Иоаким[23], а за ним уже непрерывный ряд католикосов, имена коих нам известны из дарственных грамот. Их считается 18, и между ними самые знаменитые были два Малахии, один князь Абашидзе, а другой сын Владетеля Гурии, еще два Евдемона, Захария, перенесший кафедру, и три последних: Виссарион сын Эристава Рачи, Иосиф царевич, брат великого Соломона, и Максим, скончавшийся в Киеве. Мы обязаны летописным порядком сих католикосов ученому изысканию академика Броссе[24].

У входа в святилище, в западном его притворе, находится особый придел, устроенный гораздо позже, с гробницею уже упраздненною, которая служит предметом многих толков. На внешней стене его сохранилось отчасти изображение Архангела Михаила и Великомученика Георгия на коне. Внутри, в полукруглом углублении к востоку есть малый престол, и над ним начертан лик Спаса поверх трех Святителей, с греческой надписью: «Бог во святых почивающий». Тут же в стене видно место для жертвенника и хранения сосудов, и опять греческая надпись с грубыми ошибками и полустертыми буквами; если я не ошибся, вот ее содержание: «Помяни Господи раба твоего Параскева живописца, который устроил храм и купол при владыче-

[22] Католикос Арсений был возведен на Пицундскую кафедру в 1390 г.

[23] Католикос Иоаким был возведен на Пицундскую кафедру в период между 1470–1474 гг.

[24] Броссе Марий Иванович (Marie-Félicité Brosset; 1802–1880) — французский и русский востоковед, основоположник грузинской археологии; в 1859–1867 гг. возглавлял восточное отделение Русского археологического общества.

стве (не разобрано слово) католикоса Евдемона. Ты вся веси, исполни сие». Год 7-й хроникона соответствует 1320-му. На стенах написаны распятие Господне, снятие со Креста, погребение с греческими словами: «погребальный плач», и изведение праотцев из ада над престолом. На дверях Спаситель и два верховные Апостола, а напротив, над пустою гробницею, Апостолы Андрей и Симон. Есть еще две могилы под помостом, закладенные досками, из которых веет мертвою сыростью.

Предание народное указывает на главную гробницу, как на ту раку, в которой покоились мощи Первозванного, и лики обоих Апостолов на стене о том гласят. В одной дарственной грамоте минувшего столетия княгини Анисии Абашидзе написано так: «Мы сделались достоянием святого Апостола Андрея, который был мучим в земле людоедов Анухарет и погребен на месте, называемом Бичвинта (Пицунда). Господь прославил его честное тело, и по Его повелению была тут построена церковь во имя Божией Матери, сделавшаяся кафедрою католикосов» (год 1731). И так по всему поморию издавна утвердилось мнение, что Апостолы покоятся — один в Пицунде, другой в Никопсии. Еще одно местное предание называет сию гробницу Златоустовою, ибо известно по истории, что его хотели сослать в пустынный Пифион, не довольствуясь суровым заточением в пределах Малой Армении, где, кроме холодного климата, непрестанно его тревожили набеги исавров, нынешних курдов. Но известно и то, что Златоуст не дошел до места заточения и скончался дорогою близ Коман. — Так описаны его последние минуты:

Златоусту наступило время его всесожжения; поприще совершил он, веру соблюл, и ему, подобно как Апостолу Павлу, готовился венец правды, который Господь воздает всем возлюбившим его явление. Враги его исходатайствовали, наконец, у императора повеление сослать его еще глубже, на поморие негостеприимного Понта. Три месяца продолжалось утомительное странствие; двое стражей сопровождали святого, не давая ему ни малейшего отдыха; но один из них, более человеколюбивый, иногда оказывал втайне некоторое снисхождение; другой же воин, нрава зверского и сурового, раздражался даже, если встречавшиеся на пути просили его пощадить слабого старца. И в проливной дождь, и в знойный полдень выводил он нарочно своего узника, чтобы промочить до костей или опалить священное чело его, лишенное волос, и не позволял останавливаться в городах или селениях, чтобы укрепиться банею, необходимою для его изнуренного тела. Так достигли они города Коман и прошли мимо, остановившись для ночлега в уединенной церкви мученика Василиска, епископа Ко-

манского[25], который пострадал при суровом Максимине Даие[26] вместе с пресвитером Антиохийским Лукианом[27]. Ночью явился спящему труженику мученик Василиск и сказал: «Мужайся, брат Иоанн, завтра мы будем вместе»; явился заблаговременно к священнику той церкви, говоря: «Приготовь место брату моему Иоанну, ибо уже приходит». Наутро тщетно умолял стражей своих Златоуст остаться в церкви хотя до полдня, надеясь сложить к тому времени тяжкое бремя жизни; он принужден был продолжать путь, но болезнь его так усилилась, что сами мучители решились возвратиться. Тогда, предчувствуя скорую кончину, Иоанн, не вкушая пищи, изменил одежды свои и весь облекся в белое, даже до обуви, роздал присутствующим немногое, что имел с собою, и, причастившись страшных таин Христовых, произнес пред всеми свою последнюю молитву, которую заключил обычными словами: «Благодарение Богу за все!» — потом сказал тихое предсмертное аминь и, простершись на одре, испустил дух. — Великое множество иноков и дев соседних обителей Армении и Понта стеклись на его погребение в пустынной церкви Команской, и святое тело нового мученика положено было с честию близь пострадавшего, подобно ему, блюстителя сего места Василиска. Но не прошло тридцати лет, и более славным торжеством почтены были нетленные останки святителя. Сам он, как бы подвигнутый молитвенною грамотою восприятого им от купели императора Феодосия младшего[28] и ученика своего Прокла[29], архиепископа Царьградского, перенесен был на поприще своих духовных подвигов и поставлен опять на ту кафедру, которая оглашалась его златыми беседами.

Где же Команы, место кончины Златоуста, до которого было три месяца хода от Арабиссы, из Малой Армении? — Город сего имени показан на древних картах на юго-запад от Требизонта, между Амассиею и Токатом, на реке Ирисе (нынешнем Токат-су) и довольно вероятно, что непрестанная опасность от исавров заставила сделать большой

---

[25] Василиск Команский — христианский святой, мученик; принял смерть в Команах в 308 г.

[26] Максимин Дайа — Гай Галерий Валерий Максимин Даза (Максимин II Даза), римский император в 305–313 гг.

[27] Лукиан Антиохийский († 312) — пресвитер, богослов, один из основоположников Антиохийской богословской школы; причислен к лику святых преподобномучеников.

[28] Феодосий младший — Флавий Феодосий (Феодосий Каллиграф; 401–450), император Восточной Римской империи.

[29] Прокл — архиепископ Константинопольский в 434–446 гг.

обход к Трапезонту, чтобы потом уже следовать вдоль помория, населенного греческими колониями, или, быть может, плыть морем в Пифион. Между тем я слышал от князей Гурии, что в одной из обителей их земли показывают доныне могилу Златоуста, и собственно в том монастыре, который служит теперь, близь главного города Озургет, кафедрою для епископа Гурии. Я просил экзарха Грузии спросить о том письменно преосвященного Евфимия и получил отзыв, что ни в его кафедральном монастыре Шемок-меди, ни в Джуматском, который ближе к морю, нет могилы Златоуста, если только верны его сведения. Достойно замечания то, что на древней иконе Пицундской святитель всегда пишется вместе с Ангелом своим Предтечею по сторонам Божией Матери.

Нет никакого сомнения, что предание о погребении Первозванного Апостола и Златоуста в Пицунде не имеет исторического вероятия, ибо, хотя Апостол проповедовал в Абхазии, но окончил подвиг свой в Патрасе Морейском, а Златоуст, не дошедший до Пицунды, перенесен, как мы видели, из Коман в Царьград; но весьма вероятно, что часть некая мощей их отделена была императором Иустинианом для храма Пицундского. Можно предполагать и то, что сами католикосы после запустения Никопсии перенесли мощи Апостола Симона Кананита из разоренной его церкви в свой кафедральный собор, ибо гораздо невероятнее забвение такой великой святыни в месте столь близком. Что касается до других гробниц в помосте, то они могли быть местом упокоения католикосов, и хотя греческая надпись над жертвенником неудовлетворительно разобрана, однако в ней, кажется, есть имя католикоса Евдемона, быть может современника царя Давида, ибо год хроникона написан сбивчиво. Перевод же Дюбуа[30] с именем некоего Католикоса Ваурафа совершенно неверен.

С западной стороны храма видны еще остатки трех малых церквей, гораздо позднейшего времени, а к востоку — доселе бьет из земли ключ свежей воды, который местное предание приписывает молитвам Первозванного. Утешительно, в пустынной Абхазии утолять жажду свою струями, освященными Апостольскою молитвою! — Нет в Пицунде походной церкви, как в прочих укреплениях Абхазского и Черкесского берега, потому что предположено обновить великолепный храм Иустиниана, и уже прислан архитектор для сего истинно полезного дела, которое опять возвратит всю Абхазию к Христианству, особенно

[30] Дюбуа — Фредерик Дюбуа де Монпере (1798–1850), швейцарский путешественник, этнограф, археолог; автор шеститомного труда «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и в Крыму» (1839–1843).

если тут учредится кафедра епископская и миссия духовная. Есть там, однако, молитвенный дом со всею нужною утварью для устройства церкви, и даже довольно богато украшены иконы: везде проявляется благочестие русских воинов. В сенях сей молитвенной храмины висит небольшой генуэзский колокол, на котором изваяны лик Богоматери, Вероника с убрусом и епископ в латинской митре, и выставлен год 1529. Кто пожертвовал колокол сей — неизвестно; но, занесенный с запада в сии пределы, он и доныне сзывает православных к утреннему и вечернему богослужению, в ограде Пицундской обители.

Это был вечер субботний; с радостью услышал я серебристый звук его благовеста ко всенощному бдению. Столь же отрадно было для меня молиться на месте евангельской проповеди Первозванного в Абхазии, как и на горах Киевских. Я имел духовное утешение посетить почти все места, ознаменованные его подвигами, начиная от Иерусалима и до чуждой для нас Амальфи[31], где хранится сокровище его мощей; оставался не посещенным один только Патрас, в котором он довершил свое Апостольское поприще.

На утро просил я отслужить часы в погребальном приделе большого храма, ибо не было освященного престола для литургии. Малый, но стройный хор кантонистов, огласил гимнами священные своды, и довольно забилось сердце при сих торжественных звуках. Вокруг все было тихо и ясно, и как бы родственно: едва колыхались майским ветром густые вершины отечественных сосен; ярко сияли утренним солнцем родные нам снега на дальнем хребте Кавказа, и плавно колебалось море, синею волною манившее усталого путника в дальнюю его родину.

---

[31] Амальфи — город в итальянской провинции Салерно, где хранятся мощи св. Андрея Первозванного, почитаемого покровителем города.

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-234-272
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ОСНОВАТЕЛЬ НОВО-АФОНСКОГО СИМОНО-КАНАНИТСКОГО МОНАСТЫРЯ ИЕРОМОНАХ АРСЕНИЙ (МИНИН)

© 2021 г. М. И. Щербакова

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье представлен очерк жизни основателя и первостроителя Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонаха Арсения (Минина). По сохранившимся источникам прослежен его путь, предшествовавший поездке на Афон. По прибытии на Святую Гору Минин выполнял в монастыре разные поручения старцев. Возвращение в Россию было связано с новым послушанием — сбором пожертвований для Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Энергичная деятельность о. Арсения заключалась в обустройстве постоянного монастырского подворья в Москве, часовни, где сохранялись привезенные им афонские святыни. О. Арсений стоял у истоков издательской деятельности Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря, основал в 1878 г. в Москве его периодическое издание «Душеполезные размышления» («Душеполезный собеседник»). Он сам много писал, преимущественно духовно-нравственные наставления, поучительные письма. В середине 1870-х гг. послушания о. Арсения были дополнены еще одним, более трудным: в ответ на начавшиеся притеснения русских иноков на Святой Горе ему поручили найти на Черноморском побережье место, где бы могла быть устроена обитель, некий прообраз Руссика, где соблюдались бы его иноческие традиции и Устав. О. Арсений нашел такое место близ Сухума, где стоял разрушенный храм во имя св. апостола Симона Кананита. В 1875 г. началось устроение Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. Для истории обители сведения о ее основателе представляют безусловную ценность.

Ключевые слова: Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, Русский Пантелеимонов монастырь на Афоне, иеромонах Арсений (Минин), духовное наследие.

Информация об авторе: Марина Ивановна Щербакова — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии

наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6705-8707. E-mail: m-shcherbakova@mail.ru.

Для цитирования: *Щербакова М. И.* Основатель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонах Арсений (Минин) // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 234–272. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-234-272

HIEROMONK ARSENIY (WORLDLY ALEKSANDR MININ) — FOUNDER OF THE NEW ATHOS MONASTERY NAMED AFTER SIMON THE CANAANEAN

© 2021. Marina I. Shcherbakova

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No 20-012-00098A).

Abstract: The article presents an outline of the life of Hieromonk Arseniy (worldly Aleksandr Minin) — founder and first builder of the New Athos Monastery named after Simon the Canaanean. According to the preserved sources, his path is traced, which preceded the trip to Athos. Upon arrival at the Holy Mountain of Athos, Aleksandr Minin carried out various assignments of the elders in the monastery. The return to Russia was associated with a new taking of God's orders by collecting donations for Panteleimon Russian Monastery on Athos. Vigorous activity about Arseny consisted in the arrangement of a permanent monastery courtyard in Moscow, a chapel, where the Athonite shrines brought by him were preserved. Fr. Arseny stood at the origins of the publishing activity of the Athos Saint Panteleimon Monastery, founded in 1878 in Moscow its periodical "The Soul-Saving Reflections" ("The Soul-Saving Interlocutor"). He himself wrote a lot, mainly spiritual and moral instructions, instructive letters. In the mid-1870s Fr. Arseniy's taking of God's orders was supplemented with one more, more difficult one — the response to the oppression of the Russian monks on the Holy Mountain, he was instructed to find a place on the Black Sea coast where a monastery could be built, a certain prototype of Russik, where its monastic traditions and Rule would be observed. Fr. Arseniy found such a place near Sukhumi, where there was a destroyed church in the name of St. the Apostle Simon the Canaanean. In 1875 the dispensation of the New Athos Monastery named after Simon the Canaanean began. For the history of the monastery, information about its founder is of absolute value.

Keywords: New Athos Monastery named after Simon the Canaanean, Panteleimon Russian Monastery on Athos, Hieromonk Arseniy (worldly Aleksandr Minin), spiritual heritage.

Information about the author: Marina I. Shcherbakova, DSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6705-8707. E-mail: m-shcherbakova@mail.ru.

For citation: Shcherbakova, M. I. "Hieromonk Arseniy (Worldly Aleksandr Minin) — Founder of the New Athos Monastery Named After Simon the Canaanean." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M.I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 234–272. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-234-272

К предыстории Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря относится документ, датируемый 24 февраля 1875 г. Это письмо святителя Феофана (Говорова), Затворника Вышенского, в котором он благословляет афонского иеромонаха Арсения (Минина) подыскать подходящее место для новой обители. «Делу вашему желаю всякого благопоспешения. Перейти в Крым или на Кавказ — мысль добрая… если, то есть не сделают греки, как вам хочется. — На Кавказ может быть далеко, но будто спокойнее»[1].

В ответ на начавшиеся в середине 1870-х гг. притеснения русских иноков на Св. Горе афонские старцы назначили в послушание о. Арсению подыскать на Черноморском побережье место, где бы могла быть устроена обитель, которая служила бы неким прообразом Руссика, — Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, — где соблюдались бы его иноческие традиции и Устав. Свт. Феофан горячо поддержал афонских отцов: «Переходите в Крым… все русские, и русский Афон сделайте… И ни одного греченка паршивого не принимайте. Затем за сбором ни один греченок не показывайся на русскую землю»[2]. В местечке Анакопия, около города Сухума, где стоял разрушенный храм во имя св. апостола Симона Кананита, такое место нашли.

Настоятелем новой обители на Кавказе афонские старцы намечали сделать о. Арсения. Но Промысл Божий был иным. В истории Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеромонах Арсений (Минин) остался как его основатель и первостроитель.

---

[1] Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства Паломник, 1994. Вып. I. С. 87–88.

[2] Русский Пантелеимонов монастырь (Афон). Оп. 24. Д. 41. № 4327. Л. 17–20.

* * *

Биографический очерк «Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря иеромонах Арсений» его автор, священник Николай Воинов, начал с глубокого наблюдения относительно главных качеств русских духовных делателей. «Люди, избравшие себе единое на потребу (Лук. 10, 42), имеющие внутрь себя Царствие Божие (Лук. 17, 21), обыкновенно скрывают свой духовный и многоценный бисер (Мат. 13, 45) от постороннего взора и слуха, и только некие малые, едва уловимые проблески от сего бисера проявляют вне, сообразно с родом своего служения Церкви и обществу (Мф. 5, 14). В особенности это надо сказать о лицах монашествующих. Самое название "монах" или "инок" означает человека, живущего одиноко, так сказать особняком и ведущего иную, в сравнении с мирскими людьми, жизнь, жизнь отшельническую»[3]. Тем назидательнее и полезнее бывают для последующих поколений примеры поступков самоотверженных духовных делателей. Их значение особенно подчеркнул о. Николай Воинов, приступая к рассказу о жизни и трудах афонского подвижника. «Если когда, то особенно в нынешнее время оскудения живой и крепкой веры в Бога и чистой, бескорыстной любви к ближнему, нельзя от души не пожелать, чтобы как можно чаще выходили в свет биографические сведения о лицах, стоявших так сказать выше своего времени, жизнь которых, при помощи благодати Святаго Духа, горела ярким пламенем веры в Господа Бога и добрых, истинно христианских дел. Ничто так сильно не может обличить современных маловерия и неверия, как живые, современные же примеры христианского совершенства. Люди же, идущие тесным и узким путем спасения, в сих примерах найдут для себя столь необходимые для них и благое воодушевление, и надежное руководство, и крепкое утешение»[4].

Составление биографического очерка осложнялось, по признанию о. Николая Воинова, тем, что «о. иеромонах Арсений как афонский строгий инок вел сокровенную подвижническую жизнь и, проникнутый глубоким смирением, не любил поведать кому-либо не только о своих монашеских подвигах, но и о прежней, мирской своей жизни. Как ни близки были мы к нему в некоторые годы, но мы не могли добиться от него сведений ни об его прежнем мирском звании и месте и

---

[3] *Воинов Н.* Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря иеромонах Арсений. Биографический очерк, посвящаемый почитателям памяти почившего мужа. С приложением: Слова и речи сказанные при его погребении. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. С. 4–5.

[4] Там же. С. 3–4.

времени его рождения, ни об его образовании, ни об его мирских занятиях. Даже прежнего мирского имени его мы не знали. Кое-что из его мирского мы могли узнать уже по смерти его, и то, главным образом, только от родной сестры его, монахини; других же близких родных о. Арсения, у которых можно было бы навести нужную справку, в живых нет. Что касается боголюбивых почитателей памяти его, то и для них, как и для нас, о. Арсений был сокровенным лицом. За нужными нам сведениями обратились мы к старцам Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, и оттуда дали нам более или менее положительные сведения, касающиеся первоначального прибытия о. Арсения на Афон и пребывания его на Афоне. Что же касается до мирской жизни о. Арсения, то и старцы афонские сообщили о ней нам не более того, что узнали мы от родной его сестры. "О рождении и воспитании о. Арсения, — пишет к нам между прочим о. архимандрит Макарий, игумен монастыря, — что могли мы узнать от родной его сестры, сообщили вам. О продолжении жизни его в мире, может быть, он и сообщил нам что-нибудь, но мы теперь не помним ничего. В надежде на продолжение его жизни и на его деятельность, мы полагали, что он напишет сам свои записки. В одной краткой записи его и видно, что он хотел вести свои путевые записки, но не успел за кончиною". Так сокровен был о. Арсений! И на самом далеком от мира Афоне, и между близкими к нему по духу лицами он не хотел сколько-нибудь открываться!»[5]

Благочестивая купеческая семья родителей о. Арсения — Иоанна и Александры Мининых — свои корни имела в Новоторжском уезде Тверской губернии, но проживала в Мамадышском уезде Казанской губернии, где занималась хлебной торговлей и владела мельницей. Подрастали дети: у о. Арсения, родившегося в августе 1823 или 1824 г. и получившего при крещении имя Александр, было четыре брата и три сестры.

Грамоте и Закону Божию о. Арсений научился дома и продолжил дальнейшее образование в Мамадышском уездном училище. По окончании его был отправлен в Петербург, к своему дяде, «служившему управляющим по откупам у г. Базилевского, где обучался бухгалтерии, затем занимал конторскую должность у самого г. Базилевского и жил в его доме»[6]. Не установлено, у кого именно из семьи Базилевских начал свой трудовой путь о. Арсений. Не исключено, что это был Иван Федорович Базилевский, золотопромышленник и известный меценат. Основываясь на воспоминаниях очевидцев, о. Николай Воинов писал

[5] Там же. С. 5–7.

[6] Там же. С. 9.

о петербургском периоде жизни о. Арсения: «В ведении своего дела у г. Базилевского он был точен и аккуратен, и потому, кроме хорошего жалованья, получал он от г. Базилевского и денежные награды. Но не столько житейскими выгодами увлекался Александр Иванович, сколько возможностью к возвышению в просвещенной столице своего образования: так он в доме Базилевского на свои денежные средства обучался французскому языку и музыке. Живя в шумной столице и вращаясь в обществе образованных людей, Александр Иванович, естественно, не мог не облагородиться внешне, именно, он стал развязен в разговорах, полюбил одеваться чисто и даже щеголевато и ознакомился с приемами светского приличия, но как благовоспитанный родителями своими в страхе Божием и от природы любознательный, он не имел привязанности к мирским удовольствиям и свободное от занятий время употреблял преимущественно на усовершение своего образования. Мягкосердечный и общительный, он был любим всеми; какие же оставались у него лишние деньги, употреблял их на пособие бедным из своих родных и чужим нуждающимся. В праздничные и воскресные дни старался быть в храме Божием: но, как от природы слабый здоровьем, почти постоянно употреблял мясную пищу»[7]. Честность, аккуратность, исполнительность и другие деловые качества о. Арсения обратили на него внимание хозяина, и он как сведущий конторщик был отправлен на золотые прииски в Енисейск.

О жизни о. Арсения в Сибири известно со слов Михаила Александровича Кононова, гжатского мещанина и сослуживца будущего афонского иеромонаха по Енисейску.

15 июня 1880 г. Кононов откликнулся на просьбу о помощи в составлении биографии о. Арсения и написал афонскому иеромонаху Иассону, служившему при Афонской в Москве часовне: «Отец Иассон, вы пишете в своем письме и желаете знать о мирской жизни блаженной памяти отца Арсения. Я знаком был с ним в Енисейске. Мы оба служили по золотопромышленности, только у разных хозяев, он в К. Баркова лет, кажется, до пяти занимал обязанности бухгалтера, это было в 50-х гг. Тогда он был Александр Иванович Минин и был уважаем как своими хозяевами, так и прочими многими жителями г. Енисейска, вел себя очень прилично, одевался щеголевато и был прилежен к церкви. Кажется, едва ли не каждый праздничный день ходил в собор к поздней литургии, но постов не соблюдал и кушал постоянно скоромную пищу, и нельзя было думать, чтобы он пожелал в монастырь; но верно Богу так угодно вложить ему такую добрую мысль. Но когда он уда-

[7] Там же. С. 9–10.

лился, я не знаю. В 1856 г. я уезжал в Екатеринбург и, возвратившись в 1862 г., узнал, что А. И. отправился на Афонскую Гору, это меня даже удивило. Более я не могу вам описать о мирской его жизни»[8].

Из Сибири о. Арсений уехал в связи со смертью своего отца. Вернувшись в родную для него Казанскую губернию, он устроил в Чистопольском уезде мыловаренный и свечной завод, употребив на это полученное наследство и капитал, нажитый на золотых приисках. Дело о. Арсения шло весьма успешно. «На заводе до самых мелочей он доходил все сам, сам же ездил по разным уездам для закупки потребного для завода материала; вообще, при его способностях и умении вести дело, завод его стал процветать»[9]. Казалось, ничто не предвещало резких перемен в жизни. Однако они случились. «В Казани, — писал в биографии о. Арсения священник Николай Воинов, — где часто бывал он по делам завода, понравилась ему одна девица, дочь купца, и он сделал было ей предложение жениться на ней, но та не согласилась выйти за него, по нежеланию жить в деревне. Этот неожиданный отказ невесты сильно повлиял на Александра Ивановича: он сделался задумчив и стал особенно прилежать молитве и чтению святоотеческих и подвижнических писаний. По словам родной его сестры, прежнего светского петербургского франта и узнать в нем тогда нельзя было: так согласно с переменой душевного строя мыслей изменилась и самая его внешность. В сие время Александр Иванович, действительно, как бы переродился, он стал скучать мирскою суетою и мысленно порывался оставить все мирское и поступить в монастырь, но все еще колебался в своем решении, ожидая на то предуказание перста Божия»[10]. Вскоре такое «предуказание» о. Арсений получил.

Младший брат о. Арсения Иван Иванович Минин был юношей лет 17–18; он работал и жил вместе с ним на заводе. Чтобы расширить жизненные горизонты Ивана, о. Арсений стал склонять его к поездке, по примеру братьев, в Енисейск, на золотые прииски. Тот согласился. По дороге разыгралась непогода; Иван остановился в Саровской обители и… навсегда остался там. «В поступке своего меньшего брата Александр Иванович тотчас узрел предуказуемое рукою Божиею и ему поприще иноческой жизни. “Могу ли я, — восклицал по прочтении письма он, — более томиться в душной мирской атмосфере? Как я останусь в мире, когда самый меньший мой брат — монах? По истине,

---

[8] Там же. С. 10–11.

[9] Там же. С. 12.

[10] Там же. С. 12–13.

и самый меньший он мне брат, а гораздо умнее меня[11]!" Тут Александр Иванович уже не стал более колебаться и решительно утвердился в мысли поступить в какой-либо монастырь, непременно дальний, в тихом и уединенном месте, дабы беспрепятственнее было ему в подвигах строгой иноческой жизни спасти свою душу»[12]. Относительно брата Ивана сохранились такие сведения: «Не долго Господь судил ему подвизаться в пустыни. Года через три или четыре он, и вообще от природы слабый здоровьем, тяжко заболел и скончался, удостоившись, по уверению некоторых лиц, пред смертию своею принятия великой схимы»[13].

Мысль о монастыре о. Арсений не осмеливался предоставить своей воле. Уповая на указание Господа и Богородицы, он вознамерился осуществить свое давнее желание побывать в Иерусалиме и в этом паломничестве обрести ответ на свой вопрос. «Вот в 1857 году, сдав завод своему дяде, он в конце августа или начале сентября, 32-х или 33-х лет от роду, с несколькими поклонниками отправляется во Святой Град, и по пути к Иерусалиму богомольцы пожелали побывать на Святом Афоне, о котором, как жребии Царицы Небесной и как месте строгого подвижничества иноческого, им приходилось читать и слышать. Подъезжают они на судне (пароходов тогда еще не было) к Афону и вступают на его Берег, и что же? Чудесная природная красота Афона так пленила Александра Ивановича, что он мысленно решился здесь остаться теперь же навсегда. <…> Прибывших богомольцев встретил иеромонах (ныне игумен и архимандрит) Русского Пантелеимонова монастыря о. Макарий, благословил их и препроводил в гостиницу. Осмотрев вкупе с прочими богомольцами Святую Гору, пещеры и монастыри ее и побывав на службах церковных, Александр Иванович стал именем Господа Бога и Царицы Небесной умолять старцев монастырских принять его в число братства Русского Пантелеимонова монастыря. Видя чистоту и искренность его просьбы, старцы охотно приняли его»[14].

---

[11] Так именно, изменив своей обычной скромности, рассказывал сам о. Арсений помещику М. А. К-ну, бывшему к нему, до самой смерти, в самых близких отношениях.

[12] *Воинов Н.* Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря иеромонах Арсений. Биографический очерк, посвящаемый почитателям памяти почившего мужа. С приложением: Слова и речи сказанные при его погребении. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. С. 14.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 15–16.

Испытания, которым подвергся новый монастырский послушник, были обычные: чистить овощи, мести коридоры, носить сено, пшеницу, собирать маслины, сливы и проч. Горячее усердие, с которым послушник выполнял все эти работы, подвигли афонских старцев перевести его в письменную канцелярию, под управление монаха Пантелеимона. «В сем послушании тотчас выказались его опытность и способности: но Александр Иванович был так смирен, что и при послушании письменном, вменил себе в обязанность подметать ежедневно коридоры, чего не оставлял он до самого посвящения своего в иеромонаха. Согласно его желанию, келья была ему отведена маленькая, вверху при Покровском храме»[15].

Духовное возрастание Минина шло под руководством опытных афонских старцев. Вследствие непрестанной Иисусовой молитвы, самоукорения и памяти смертной явилось благодатное дарование слез. Чрез полтора года он был назначен к пострижению в монахи, что и исполнилось 6 марта 1859 г., в пятницу 2-й недели Великого поста, с наречением имени Арсения. «Преподобный Арсений Великий, имя которого дано было при пострижении Александру Ивановичу, празднуется Св. Церковью 8 мая, вместе с возлюбленным учеником господним, св. апостолом и евангелистом Иоанном Богословом, — и новопостриженный о. Арсений, сколько, с одной стороны, старался, при помощи благодати Божией, преуспевать в сокровенной во Христе Боге смиренноиноческой жизни, по образцу новоданного ангела, св. Арсения Великого, столько, с другой стороны, по образцу апостола любви, непрестанно возгревал в себе благодатиею Божиею любовь к Богу и ближним»[16]. Это промыслительное совпадение отметил в биографии о. Арсения священник Николай Воинов и подтвердил его рассказом о подвиге самоотверженной любви о. Арсения к тяжело болевшему схимонаху о. Неофиту: «Начав служить страдальцу еще послушником, он и в монашестве служил ему до самой его смерти. Когда этот добродетельнейший старец совсем слег в постель, и когда келья его от гниения его тела стала наполняться тяжелым запахом, о. Арсений почти неотлучно был при нем, всеусердно ухаживал за больным. Случалось растворять келью о. Неофита, и проходивших по коридору обдавало едва выносимым запахом, но о. Арсений, оставаясь подолгу у болящего, никогда не жаловался на тяжелый запах. За такое самоотверженное служение Господь сподобил о. Арсения, по кончине старца, несказанного утешения: именно при чтении им

[15] Там же. С. 17.

[16] Там же. С. 19.

псалтири над почившим, а также при отпевании его, он ощущал обильнейшее благоухание от подвижнического тела страдальца Христова — благоухание это в некоторой степени ощущали и прочие братия»[17].

На Афоне о. Арсений обрел все то, что так жаждала его душа: уединение для молитвы, строгий устав, окормление опытными старцами, красоту сотворенного Господом мира, премудрость в книгах монастырской библиотеки. Это была та желанная гавань, в которой он стремился завершить круг своей земной жизни. Освобождаясь от пут мирской суеты, о. Арсений продал свою собственность в России и вырученные деньги принес в дар Пантелеимонову монастырю. Однако «Господу благоугодно было его, удалившегося от сует мира на Афон, с Афона опять “явить” его “мирови” (Иоан. 7, 4), дабы свет веры его и добрых дел не таился под спудом, а разливался бы повсюду, к прославлению имени Божия (Мф. 5, 15–16)»[18].

Середина XIX в. для Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря оказалась во многом переломным этапом. Состав братии стал энергично пополняться прибывавшими из России. Усилилось внимание к Руссику членов царской семьи и государственных персон, что способствовало возраставшим пожертвованиям на нужды обители. Возможности ее укрепления и расширения нуждались в дополнительных тратах, что подтолкнуло афонских старцев обратиться за Высочайшим разрешением получить книгу для сбора по России доброхотных пожертвований. Такой опыт уже имелся. В 1850-е гг. в Россию дважды отправлялся монах Селевкий (Трофимов) и успешно выполнял поручение по сбору средств для монастыря, о чем впоследствии рассказал в своих воспоминаниях[19].

В 1861 г. книга для сбора доброхотных пожертвований Русскому на Афоне Пантелеимонову монастырю была получена. Первоначально для отправки в Россию за сбором были намечены иеромонах Макарий (Семыкин) и уже опытный в этом деле монах Селевкий. Однако, ввиду разных обстоятельств, «старцы монастырские решили найти среди простых монахов способного для сбора и достойного сана иеромонашеского, — и предоставили выбор такового общему духовнику братии о. иеросхимонаху Иерониму. Опасаясь погрешности в выбо-

---

[17] Там же. С. 19–20.

[18] Там же. С. 21.

[19] Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия, о своей жизни и о странствовании по святым местам: Русским, Палестинским и Афонским. СПб., 1860. 240 с.

ре, старец духовник решил избрать трех лиц и выбор из них одного предоставил воле о. игумена Герасима. Три достойных лица и были им избраны, именно: о. Пантелеимон, о. Анатолий и о. Арсений, которые и были представлены о. игумену. О. игумен первых двух знал хорошо, ибо один из них был управляющим письменной канцелярией, а другой служил на архондарике (то есть гостинице), отец же Арсений, хотя и носил иногда о. игумену письма для подписи, но не успел еще обратить на себя его внимание. Благословив трех избранных кандидатов, о. игумен велел первым двум из них, как хорошо ему уже известным, идти обратно, отца же Арсения несколько приудержал при себе, чтобы ознакомиться с ним. Какое-либо важное дело почивший о. игумен никогда не решал сразу, а всегда по предварительной молитве, спустя день или два. Так он поступил и в настоящем случае, не прежде велел прийти к нему за узнанием его решения, как на другой день. Когда же в сей день о. иеромонах Макарий (теперешний игумен) явился к нему за ответом, старец игумен сказал ему: "Помысл возвещает мне Арсения". Такое решение старца игумена немало удивило братию монастырскую; но в каждом его решении она обыкла видеть волю Божию. Как новоизбранный к посвящению в иеромонаха, о. Арсений должен был получить благословение игуменское на приуготовление себя к хиротонии, именно, по каноническом испытании он должен был держать пост неделю. В 1861 году 8 июня, в четверток, пред св. Пятидесятницей, он был в соборе св. великомученика Пантелеимона произведен во иеродиакона митрополитом Иосифом Варнским, жившим на покое в Ватопеде, а в самый день св. Пятидесятницы — 11 числа июня был произведен во иеромонаха. После того он служил положенные 40 дней в соборном храме»[20].

Отъезд о. Арсения в Россию, затянувшийся по непредвиденным обстоятельствам, состоялся через год. 28 августа 1862 г. «напутствованный благословениями и молитвенными благожеланиями братии, выбыл он из Св. Афона с его святынею, составлявшею Крест с частию Животворящего Древа, часть от камня Живоносного Гроба Господня, часть мощей св. великомученика и целителя Пантелеимона и многих других угодников Божиих. Кроме сей святыни, в напутствие о. Арсению дана была еще чудотворная малого размера икона Тихвинской

[20] *Воинов Н.* Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря иеромонах Арсений. Биографический очерк, посвящаемый почитателям памяти почившего мужа. С приложением: Слова и речи сказанные при его погребении. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. С. 22–23.

Царицы Небесной»[21].

Служение о. Арсения по благословению афонских старцев в России, продлившееся более семнадцати лет, вплоть до его кончины 17 ноября 1879 г., стало подлинным духовным и общественным подвигом во славу Православия и России. «Всегда энергичный и деятельный, новому послушанию своему он посвятил все силы свои; как вообще в мирской жизни своей не любил делать он какое-либо дело кое-как, тем более не мог изменить себе в деле Божием, деле пользы своей дорогой обители, а паче всего деле распространения славы Божией! Не будем перечислять градов и весей России, которые в течение четырех лет объехал он с Афонскою святынею, скажем только, что, при огне ревности по Бозе, это посещение градов и всей России сопровождалось для о. Арсения великим физическим его трудом. Так иногда не только целые дни без всякого отдыха, но и целые ночи приходилось ему проводить в предстоянии святыне и служении пред нею молебнов, иногда же он должен был, уже усталый, с крестным ходом пеший сопровождать святыню из веси в весь. Усердие народа русского к святыне, конечно, воодушевляло труженика Божия, — и с своей стороны он и сам не только опасался каким-либо малым опущением охладить усердие, но и старался всячески поднять и возвысить его, — и благоговейным служением молебнов, и кротким, предупредительным обращением с каждым, и безмездным раздаянием привезенных им с Афона и находившихся при святыне различных священных предметов, как то: икон, изображений святых на бумаге и холсте, крестиков, образков, четок, ложечек и книжек. И Господь, богатый в милости, с избытком вознаграждал труды верного раба Своего. От Афонской путешествующей святыни, благодатиею Божиею, повсюду для притекавших к ней с верою и теплым молением стал истекать обильный источник исцелений от душевных и телесных болезней. Это благодатное явление чудес от святыни, распространяясь слухом и оповещением в различных повременных духовных журналах, а также и в особо печатаемых книжках, естественно, возжигало повсюду огнь усердия к святыне, вследствие большего и большего возгорания этого усердия, расширяло более и более круг вещественных добровольных пожертвований на Св. Афон»[22]. За четыре года о. Арсений объехал почти всю Россию. Энергичный и деятельный, он все силы отдавал новому послушанию.

В Москву афонские святыни были привезены о. Арсением в 1867 г.

---

[21] Там же. С. 25.

[22] Там же. С. 26–28.

Местом их пребывания стал соборный храм Богоявленского монастыря. С утра до позднего вечера шли к ним богомольцы, получая исцеления, свидетельства которых о. Арсений аккуратно записывал. Два случая были опубликованы им в духовном журнале «Душеполезное чтение» (1867, № 11) по благословению Филарета, митрополита Московского. Полная публикация записей о. Арсения состоялась сначала в 1868 г., а затем в 1880 г., после его смерти: «Описание знамений и исцелений, благодатию Божиею, бывших в разных местах в 1863–1879 годах, от святых мощей и части Животворящаго Древа Креста Господня, принесенных со Св. Афонской Горы из Русского Пантелеимонова монастыря».

Деятельная натура о. Арсения везде находила себе применение: он служил молебны перед афонскими святынями, проводил беседы с богомольцами, пополнял списки имен для Афонского синодика на вечное поминовение, посещал со святынями жилища горожан для молитвословия и водоосвящения. «Удивляюсь, как только он выносит, — говорил один из афонских послушников, — почти совсем не спит, поздно ляжет и весьма рано встанет и постоянно при деле»[23]. Помощниками о. Арсения становились многие из братии Богоявленского монастыря и доброхоты. Очень быстро его келья превратилась в своего рода канцелярию или штаб. «В ней за несколькими столами сидело и писало несколько человек. Некоторые из них, из усердия к святыне, возжелали безмездно подсоблять о. Арсению, некоторые же из бедного состояния за небольшое вознаграждение. О. Арсений умел каждому дать дело, сообразно способности и образованию. Так, мы видели, — свидетельствовал священник Николай Воинов, — иной переписывает проверенные благодатные исцеления от святыни, иной вписывает под диктовку в книгу поминовенную имена, иной переписывает различные письма о. Арсения, и тому подобное. И все эти занятия производились под контролем и наблюдением о. Арсения. Как сам энергичный к каждому делу, точный во всем и аккуратный, он требовал и от пособствовавших ему энергии, точности и аккуратности и, чуть заметит в ком леность и невнимание к делу, тотчас отсылает от себя»[24].

Масштабы духовно-просветительских трудов о. Арсения трудно соотнести с физическими возможностями одного человека. Им была налажена и получила энергичный импульс издательская деятельность Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. «В начале 1868 года, когда я был у него в келье, — вспоминал священник Николай Вои-

[23] Там же. С. 31.

[24] Там же. С. 31–32.

нов, — он говорил мне: "У меня есть намерение по временам издавать, при помощи Божией, душеспасительные размышления для народа, взятые преимущественно из творений св. отцов Церкви. Мы от своего немощного ума мало что можем сказать полезного, а святые отцы, как сосуды благодати Божией, писали по вдохновению свыше. Речь в этих размышлениях должна быть краткая, но сильная. Вооружаться надо особенно против современного неверия и господствующих в народе пороков, как то: пьянства, стремления к скорой и не всегда чистой наживе, сквернословия, разврата, памятозлобия, неуважения воскресных и праздничных дней и тому подоб. А чтобы пробудить и растолкать беспечного грешника, надобно как можно чаще напоминать ему о страшном суде Божием и неизвестности для нас часа смертного". Я, конечно, не мог не одобрить высказанного намерения о. Арсения, как, действительно, благополезного, но, быв неоднократным свидетелем многообразной его деятельности, усумнился в его осуществлении. "Без того, — подумал я, — много дела у о. Арсения, когда еще заниматься ему сочинениями?" Но в том же самом 1868 году, к немалому моему удивлению, он уже издал книжку под заглавием "Единое на потребу". Когда же о. Арсений находил время заниматься? Поздно вечером, по окончании дневных занятий, тогда, когда многие уже отходят ко сну, — как раз случайно мне и пришлось видеть это. Именно в один из осенних вечеров вхожу я в келью о. Арсения, чтобы чрез послушника его возвратить ему какую-то взятую у него святоотеческую книгу. Было уже 8 часов, я так и полагал, что о. Арсений, как днем не видевший покоя, уже почивает. Что же? Вхожу я в келью и вижу: о. Арсений при зажженной свече сидит за столом, покрытым разными книгами, и что-то пишет. Увидев меня, н невольно смутился, так как должен был признаться, что тишину вечернюю считает он самым благоприятным временем для писания душеспасительных статеек. И способен был о. Арсений быстро писать, как вообще быстро он и говорил и действовал! И Господь благословил задуманное им благое предприятие на пользу души ближнего. Нашлись ему многие помощники из ученейших, как светских, так и духовных»[25].

Находясь у истоков издательской деятельности Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря; о. Арсений основал в 1878 г. в Москве периодическое издание Руссика «Душеполезные размышления» (позднее — «Душеполезный собеседник»). Этот ежемесячный журнал издавался и после смерти о. Арсения, вплоть до 1887 г. Журнал представлял собой небольшие тетрадки в 32 страницы, не более, которые рассылались исключительно благотворителям монастыря. На его страницах

[25] Там же. С. 32–35.

печатались отрывки из Пролога, из творений святых отцов, читатели знакомились с подборками изречений и мыслей Василия Великого, Иоанна Златоуста, св. Ефрема Сирина, патриарха Кирилла Иерусалимского, прп. Иоанна Дамаскина, святителей Тихона Задонского, Филарета (Дроздова) и др.; были и републикации из «Троицких листков», издававшихся Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой и по примеру которых во многом и создавались «Душеполезные размышления». В качестве приложения к «Душеполезным размышлениям» в 1883 г. были изданы «Письма в Бозе почившего афонского старца иеромонаха о. Арсения».

О. Арсений сам много писал, преимущественно духовно-нравственные наставления, поучительные письма: «Беседа о молитве» (1866), «Единое на потребу» (1868), «Описание Афонской часовни и находящихся в ней священных икон, присланных из Пантелеймонова монастыря, списанных там с чудотворных иконных изображений» (1878); из святоотеческих творений составлял назидательные книги и брошюры, например: «Маргарит, или избранные душеспасительные изречения, руководящие к вечному блаженству, с присовокуплением некоторых бесед, относящихся исключительно к женским обителям» (1876), «Цветник духовный, в двух книгах», «Напоминание православным христианам о повиновении властям, выписанное из священного писания», «Путь ко спасению» (1880). Идею таких изданий горячо поддержал святитель Феофан, Затворник Вышенский, сам ратовавший за публикацию и распространение доступных для народа изданий: «Благослови Господи труды вашей обители по изданию назидательных книг. Кроме нравоучений у нас в России крайне нужны *разъяснения догматов* и *защищение их* против недоумений умников. Не кучкою, а вразбродь; обстоятельно, но просто… — и, главное, подешевле»[26].

«Служить чрез печать духовной пользе ближнего было для о. Арсения, можно сказать, насущным хлебом, и он не пренебрегал никаким представившимся к тому случаем, — писал о. Николай Воинов. — Так, как скоро знакомились с ним способные к духовной литературе лица, он давал им для сочинения различные духовного содержания темы. Раз сказал я ему, что у меня есть выписки из разных печатных проповедей, эти выписки тотчас же он выпросил себе для переписки. “Что пользы, что они лежат у вас в шкапу! — сказал он. — Лежат и истлеют, не принеся своей пользы, а у меня они пойдут в дело, для славы Божией и назидания ближних”. Как скоро же узнал он, что у одного из моих братьев хранятся выписки назидательных мыслей и добрых советов, извлеченные из трудов ученых мужей и писателей, преимущественно

[26] АРПМА. Ф. Свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 41. Л. 246 об.

же из творений святых отцов и учителей Церкви, то с радостью воскликнул: "Ах, какое бесценное сокровище! Я непременно попрошу у вашего братца эти выписки для напечатания". Выписки эти и были в скором времени взяты им у моего брата, сданы в цензуру, а потом в типографию[27]. Одному только пламенному желанию о. Арсения не пришлось осуществиться, именно, в обличение современного неверия, он пламенно желал издать в свет книгу, в которой бы, на основании источников христианских, наподобие изданной им в 1869 году книги "Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы", заключалось самое полное описание земной жизни Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа, и для сего обращался с просьбою взять на себя этот труд ко многим ученым мужам, но за раннею своею смертию не успел видеть исполнение сего своего желания»[28].

* * *

В 1872 г. о. Арсений издал «Путеводитель в Святый град Иерусалим к Гробу Господню и прочим святым местам Востока и на Синай. С воспоминанием страстей Христовых и прочих знаменательных событий, совершившихся на святых местах».

Творческая история «Путеводителя…» такова. В 1870 г. о. Арсению удалось, с соизволения и благословения своих старцев, исполнить давнее заветное желание — побывать на Святой Земле. О чем в письме к о. Николаю Воинову он и написал 10 июля 1870 г.: «Боголюбивый и душевно уважаемый Николай Иванович! Давнишнее мое желание исполнилось. Господь сподобил меня посетить Св. Град Иерусалим и поклониться драгоценным святыням его, месту Благовещения спасения нашего в Назарете, Рождества Христова в Вифлееме, Богоявления на Иордане, Преображения на Фаворе, проповеди Христовой на Горе

---

[27] Выписки эти вышли из печати в свет, уже по смерти о. Арсения, в двух отдельных книгах под заглавием «Цветник духовный». По своей духовно-опытной назидательности, приспособленной к многообразной духовной деятельности христианина, в разных поприщах его служения Церкви и обществу, выписки эти для каждого, ревнующего о своем спасении, должны быть настольной, так сказать, справочной книгой; для пастырей же Церкви, при составлении им проповедей, они могут служить надежным светочем. — *Прим. Н. Воинова.*

[28] *Воинов Н.* Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря иеромонах Арсений. Биографический очерк, посвящаемый почитателям памяти почившего мужа. С приложением: Слова и речи сказанные при его погребении. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. С. 35–37.

блаженств, Тивериаде и по всей Галилее, страданиям в Гефсиманском вертограде, в доме Каиафы, претории и темнице, распятию на Голгофе и, наконец, живоносному Гробу Его в Иерусалиме и Гробу Пречистыя Богоматери в Гефсимании и Вознесению на Елеоне. Посетил я и дом, именуемый Давидов, гробницы многих пророков и царей Израилевых, Сион, именуемый Матерь церквей, где была Тайная Вечеря и где возлюбленные ученики Христовы были первыми причастниками Тела и Крови Христовых, и им первым было открыто высокое значение священного сего таинства. Наконец был я на месте великолепного храма Соломонова; от него уцелели одни лишь своды, сделанные из больших камней и сохранился огромной величины камень, на коем приносились ветхозаветные жертвы животных, и много иных святынь и остатков древности видел я. При помощи Божией, хочу заняться описанием всего виденного мною в настоящем его положении и отпечатать книжку, которую буду иметь удовольствие доставить вам[29]. При посещении этом сподобился я служить Божественную литургию на Гробе Господнем, на Голгофе, в Гефсимании, на Фаворе, в Назарете и на Иордане в временно устроенной церкви и за приятный долг себе поставил молиться о вас во св. местах. Путешествие мое продолжалось всего 7 недель. Возвратившись на Св. Афон в пустынную обитель свою, я теперь отдыхаю от дальнего, трудного, по моему слабому здоровью, путешествия, которое, по милости Божией, было во всех отношениях благоуспешно… С приезда в обитель имею множество ответов на мои письма… Испрашивая ваших св. молитв, остаюсь взаимно ваш смиренный богомолец недостойный иеромонах Арсений". Письмо это писано не собственною рукою о. Арсения, а постороннею, как обыкновенно, иногда поступал о.

[29] 1873 года января 2-го дня и была презентована мне о. Арсением, согласно данному им слову в письме, его сочинения книга, изданная в Киеве в 1872 году, под заглавием «Путеводитель в святый град Иерусалим, к Гробу Господню и прочим святым местам Востока и на Синай, с воспоминанием страстей Христовых и прочих знаменательных событий, совершившихся на святых местах». Книга украшена рисунками и политипажами. В предисловии к сей книге автор, означивший себя «паломник С.», т. е. паломник Святогорец, как после изъяснил мне, о. Арсений, между прочим, пишет, что он при своем труде, кроме личных наблюдений, руководился Священным Писанием, церковными преданиями и сочинениями знаменитых иерархов нашей Церкви, а также благочестивых паломников, посещавших Восток. Таков был о. Арсений! Он не любил какое-либо дело делать кое-как, для формы, для славы. И как смирен он был! Не выставил своего авторского имени. Целью всех вообще его трудов было единственно польза ближнего. — *Прим. Н. Воинова.*

Арсений, по множеству своих дел и по слабости своего зрения. Какие-либо важные, или более или менее секретные письма он писал всегда сам, другие же вообще письма диктовал кому-либо из Афонской братии. А иногда и так делал: набросает начерно (пером ли, карандашом ли) письмо и велит переписать. Ко всем такого рода письмам о. Арсений только всегда собственною рукою прикладывал свое имя. Почерк его был всегда быстрый, беглый и чистый и тем вполне отражал быструю деятельность, чистоту и светлость души его»[30].

Черновая копия путеводителя «Священный град Иерусалим»[31] сохраняется в архиве Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря в составе личного фонда свт. Феофана (Говорова), Затворника Вышенского. Авторство «Путеводителя» в описях Афонского архива условно приписано свт. Феофану, однако смысл сохранившихся на листах помет, исправлений, замечаний и почерк, которым они сделаны, ясно показывают, что преосвященный Феофан выступил в данном случае как редактор и консультант. Документ не датирован. Но поскольку речь в нем идет об архитектурном комплексе Русские постройки в Иерусалиме, то можно определить временну́ю границу, ранее которой он не мог появиться: начало 1860-х гг. Ансамбль зданий на Мейдамской площади возводился с 1860 по 1864 гг., а строительство дома для поклонников началось в ноябре 1861 г.

Путь к ответу об авторстве афонской черновой рукописи путеводителя по Иерусалиму подсказывает письмо свт. Феофана от 29 декабря (без года), адресованное о. Арсению: «Милость Божия буди с Вами, отец Арсений! Прочитал Ваши тетрадки. Заметки там прочитаете. Так путеводители не пишутся. Путеводитель только указывает места святые и вообще все замечательное, и предуведомляет поклонника, на что обратить внимание, в каком месте. Это простое перечисление мест и указаний. Размышления тут решительно не у места. Надобно Вам переделать все. За размышлениями, лишними в путеводителе, неподробно рассказывается, что есть на месте, т. е. опускается главное дело путеводителя. Размышления же, если охота, можно отдельно издавать, или враздробь, или все вместе. В путеводителе не следует говорить: мы были, то видели, — а так: вот там-то такое-то место, придешь туда, на

---

[30] *Воинов Н.* Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря иеромонах Арсений. Биографический очерк, посвящаемый почитателям памяти почившего мужа. С приложением: Слова и речи сказанные при его погребении. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. С. 59–62.

[31] АРСПМ. Ф. Свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 43. Док. 4347. Далее цитаты приводятся по этой рукописи.

то-то обрати внимание… Идут и исторические заметки»[32]. Условная датировка, присвоенная в архиве этому не публиковавшемуся ранее письму — 1872 или 1873 гг. Уточним: это 1870 г.

Аргументы к уточнению даты письма таковы. Во-первых, книга о. Арсения, о которой идет речь, — «Путеводитель в Святый град Иерусалим к Гробу Господню и прочим святым местам Востока и на Синай. С воспоминанием страстей Христовых и прочих знаменательных событий, совершившихся на святых местах. С рисунками и политипажами» — получила цензурное разрешение по заключению профессора Киевской духовной семинарии Х. Орды 27 июля 1872 г. и в том же году была напечатана в киевской типографии М. П. Фрица «на Большой Владимирской улице, возле памятника св. Ирины». Следовательно, позднее декабря 1871 г. письмо не могло быть написано. В пользу датирования письма декабрем 1870 г. говорит похожее содержание писем свт. Феофана к его корреспондентам в январе 1871 г., в частности к В. А. Колобовой[33].

Также отметим, что Афонский черновик путеводителя дошел до нас именно в виде тетрадки, о которой упоминает преосвященный. Листы сшиты блоками, в соответствии с главами. Копиисты разные; есть случаи, когда фрагменты одного текста переписаны разными почерками. Отдельные страницы тетради содержат вклейки.

Актуальность издания путеводителя остро ощущалась о. Арсением. Русское присутствие на Святой Земле после Крымской войны заметно активизировалось. Во-первых, состоялось возвращение в Иерусалим Русской духовной миссии, было учреждено Российское консульство, создан Палестинский Комитет (позднее — Палестинская Комиссия), Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) занялось доставкой паломников к святыням Ближнего Востока.

В 1863 г. в Петербурге был издан «Путеводитель по Иерусалиму и его ближайшим окрестностям», составленный Н. В. Бергом. Правда, эта брошюра мало отвечала духовным потребностям русского православного паломника, преодолевшего огромное расстояние и претерпевшего немалые трудности, чтобы припасть к величайшим святыням. Преимущественно этнографические, географические и бытовые зарисовки приближали ее к очеркам путешествий. Но паломничество (от *палома* — пальмовая ветвь, в память о встрече Спасителя жителя-

---

[32] АРСПМ. Ф. Свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 41. Л. 246.

[33] Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства Паломник. 1994. Вып. III. С. 60.

ми Иерусалима) — не экскурсия; это, прежде всего, молитва и поклонение святым местам.

Идея путеводителя именно как *духовного руководства*, духовного проводника по Святой Земле явлена в Афонской черновой рукописи путеводителя «Священный град Иерусалим». Там же — и собирательный портрет русских паломников, какими их увидел автор, и для кого создавал путеводитель: «Завидев издали Святый Град, благочестивые поклонники исполняются чувствами умилительного благоговения, падая ниц, поклоняются святому Граду; некоторые, от избытка чувств, проливают радостные слезы; другие молятся вслух, иные — тихо в глубине сердца, как кто умеет; каждый по состоянию души своей выражает радость; но кажется, безошибочно можно сказать, что все проникнуты бывают неизреченным благодарением к Господу, что сподобились узреть место спасения своего, заветную святыню христиан — святой Иерусалим» (л. 1 об.).

Первые разделы путеводителя — о главных святынях: «Священный град Иерусалим», «Иерусалимский храм Воскресения Христова и святые места в нем», «Гефсимания», «Ночь в Гефсиманском вертограде», «Сион. Сионская горница. Тайная вечеря. Дом Иоанна Богослова. Дом первосвященников Анны и Каиафы. Дом евангелиста Марка. Монастырь св. великомученика Георгия». Последующие посвящены не столько самим местам, сколько великим событиям, здесь происходившим; страданиям Господним, которые «были столь жестоки, что слух человеческий едва выносит описание их, и сердце болезненно содрогается, сочувствуя таковым лютым мучениям» (л. 53 об.). Особенно это относится к разделам «Предание Господа Иудою в вертограде Гефсиманском и ведение Его на вольную страсть», «Животворящий Крест Христов», «Воспоминание явления на небе Животворящего Креста Господня, виденного в Иерусалиме», «Слово св. Иоанна Златоустаго о Крестном Знамении», «Стихиры Честному Кресту. Глас 6», «Размышления о страданиях Христовых».

Такова канва путеводителя, по которой положен богатый узор духовной беседы с православным читателем — о покаянии, об исповедании грехов своих на святых местах. «За спасением приходим издалече к источнику нашего спасения» (л. 9). Например, один из фрагментов повествования о. Арсения выглядел так: автор ведет своего читателя по Святому Граду, по новозаветному Иерусалиму, по его «величайшим святыням, посвященным — почти на каждом шагу — воспоминаниям и событиями, запечатленным дивною земною жизнью и страданиями Богочеловека». «Это, так сказать, начальное обозрение и поклонение святым местам, а потом, несколько осмотревшись, советуем с помо-

щью сего путеводителя, по порядку, указанному в нем, не спеша обойти все святые места, прочитывая на каждом месте всё, касающееся оного, изложенное в путеводителе, дабы, таким образом, восчувствовать, что претерпел Господь ради нашего спасения, исполниться теплейшей любовью к Нему, Создателю и Искупителю нашему» (л. 21 об.).

Конечно, путеводитель нового типа, нисколько не похожий на те, к которым привыкли европейские путешественники, мог вызвать и вызвал — не столько, может быть, отрицание, сколько недоумение и размышления свт. Феофана — первого читателя и редактора. На страницах сохранились его карандашные пометы, настойчиво отсекающие все формальные нарушения жанровых границ. Наиболее густая правка в первой главе, по которой и названа вся Афонская рукопись: «Священный град Иерусалим». Это ранняя редакция; последующие расширяют обозначенные темы. На последней странице главы рукой свт. Феофана запись: «Сколько тут сбито материй?! И Иерусалим описывается с историею его — и первый прием в Патриархии, и первый обход святынь. Не след так. Все это, впрочем, так общеизвестно, что не знаешь, чего ради тратить бумагу на писание и печатание сего» (л. 22).

Главное замечание свт. Феофана о составе и содержательной стороне путеводителя было учтено о. Арсением, и он постарался усилить аргументы в пользу нового типа путеводителя. Во введении к книге обозначил широкий круг источников, которым пользовался, оснащая свою работу достоверными подробностями, и тем самым объяснил и оправдал присутствие многочисленных пространных отступлений на духовные темы. «С давнего времени желал я посетить Восток, поклониться драгоценным сердцу христианина святыням, принести покаяние на тех священных местах, где совершилось спасение наше, — и Милосердный Господь не отринул стремление души моей. Желая принести пользу соотечественникам моим, предпринимающим путешествие ко святым местам, я составил предлагаемое описание св. мест и присоединил размышления и воспоминания о совершившихся там событиях. При своем труде — кроме личных наблюдений — я руководился Священным Писанием, церковными преданиями и сочинениями знаменитых иерархов нашей Церкви, а также благочестивых паломников, посещавших Восток. Прошу Господа, да приимет Он мой убогий труд, как некогда вдовицыны две лепты, и да сподобит меня принести душевную пользу боголюбивым соотечественникам моим, как и чем могу. Главною моею целью было возбудить в паломниках чувства благоговейной любви к Пострадавшему за спасение всех нас; напомнить им о великих событиях, совершившихся на местах, освященных крестными страданиями Богочеловека, дабы самое поклоне-

ние святыням сделалось чрез то более сердечным, сознательным и благоплодным. Любящие Бога вероятно с утешением прочтут описание св. мест. Если кто по обстоятельствам своим не имеет возможности предпринять путешествие на Восток, то, благоговейно прочитав описание это, получит некоторую замену личного путешествия и долю участия в том блаженстве, которой Господь обещал не видевшим, но веровавшим»[34].

Мягко настояв на своем решении и представлении, каким должен быть «Путеводитель в Святый Град Иерусалим…», о. Арсений издал его в 1872 г. Книга была по достоинству оценена читателями и русскими паломниками, завоевала столь широкую популярность, что к 1904 г. успела выдержать восемь переизданий.

* * *

Подготовка к изданию «Путеводителя в Святый град Иерусалим к Гробу Господню…» отражена в переписке о. Арсения со свт. Феофаном (Говоровым) и относится к раннему периоду их творческого сотрудничества.

В архиве Афонского Русского Пантелеимонова монастыря сохраняются письма свт. Феофана к о. Арсению. 19 из них — относящиеся к периоду с 17 марта 1870 г. по 19 октября 1879 г. — были опубликованы после кончины преосвященного Феофана в первом из восьми выпусков его эпистолярного наследия «Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем», вышедшем на Афоне в 1898 г.

В письмах свт. Феофана к о. Арсению, как в системе зеркал, отражена активная и разнообразная деятельность адресата.

В 1870-е гг. о. Арсений стал активным помощником свт. Феофана по подготовке к изданию на Афоне его творений. Об этом периоде и этой стороне деятельности о. Арсения рассказывают письма к нему Вышенского Затворника. В марте 1870 г. свт. Феофан писал о замысле будущей книги: «О Евангелиях. Я все прилаживался, что и как лучше. Случайно напал на мысль не толкование писать, а размышления о Евангельской истории, по порядку событий… Можете догадаться, что сему делу конец очень-очень далеко. После можно будет издать отдельно; но ждать этого долго» (I, 80–81)[35]. Впервые труд издали в Мо-

[34] Путеводитель в Святый Град Иерусалим к Гробу Господню и прочим святым местам Востока и на Синай. Киев, 1872. С. б/н.

[35] Письма свт. Феофана цитируются по изданию: Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства Паломник, 1994 — с указанием номера выпуска и страниц.

скве в конце 1885 г., а на Афоне — в 1899 г. Полное название — «Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами св. Евангелистов с указанием оснований, почему именно такой, а не другой избран порядок последования евангельских событий одних за другими».

В октябре 1873 г. свт. Феофан активно поддержал идею о. Арсения печатать псалтирь. «Я тотчас сел сам за переписку, и трудился над этим денно-ночно. Сказываю об этом ради того, чтобы вы видели, с каким усердием я желаю, чтобы псалтирь сия была отпечатана… Скажу вам, что лучшего дара Афон не может доставить всем своим читателям» (I, 82–83). В конце февраля 1874 г.: «Поздравляю с окончанием псалтири! и очень рад, что она великолепна!.. Пришлите мне побольше… Раздаю книги; но ни одна так не будет подходяща, как эта» (I, 83–84). Изданная на Афоне «Псалтирь, или Богомысленные размышления святого отца нашего Ефрема Сирина» к 1913 г. выдержала девять переизданий.

В письмах к о. Арсению сохранились подробности творческой истории «Добротолюбия» — уникального пятитомного труда свт. Феофана. «Спешу вас известить о будущем "Добротолюбии", — писал преосвященный 24 февраля 1875 г. — Отцы приготовлены вот какие: Антоний Великий, Макарий Египетский, Марко подвижник, Исаия отшельник и Евагрий… Но этим не кончится "Добротолюбие", а пойдет далее… В каком порядке дело там пойдет, не знаю еще… Но когда все приготовить придется, не пророчу» (I, 86–88). Работа шла энергично; и уже летом свт. Феофан сообщил о. Арсению: «Печатанием "Добротолюбия" можете спешить. Скоро будет готов второй том» (I, 88–89). Объем издания разрастался, и все же, как настаивал составитель, «озаглавить его *полным* нельзя; ибо оно, как сборник, никогда не может быть полно, а можно прибавить: *в более полном виде* или *составе*» (I, 89–90). Предвидя возможные трения, просил о. Арсения: «Благословитесь у старцев печатать "Добротолюбие", как я его составлю — худо ли то, или хорошо, чтобы у нас с вами споров не было. Прошу у всех старцев молитв и благословения» (I, 89–90). Издание, успешно начатое в 1877 г., завершилось в 1899 г., после кончины и о. Арсения, и свт. Феофана.

История еще одного афонского издания сохранилась в письмах к о. Арсению. «Если хотите печатать — возьмите "Письма о том, что есть духовная жизнь, и как на нее наладиться". Они недавно кончены, и теперь решаю, отдать ли в какой журнал, или особо печатать. Если возьметесь, вам отдам. И думкам конец», — написал 25 ноября 1877 г. свт. Феофан (I, 92–93). Когда афонцы решили печатать, стал торопить: «Спешите; чтобы к посту вышла. Тут есть говетельная часть» (I, 95–96). И еще: «Письма писаны к красавице — не выдуманной, а

действительной… Имени автора не означайте. Красавица боится, как бы не догадались, кто она» (I, 95–96). Условие было выполнено.

Свт. Феофан вдохновился также идеей малых брошюрок для народа, издававшихся на Афоне стараниями о. Арсения. «Се доброе дело. Пришлите мне по одному экземпляру изданных брошюр. Я присмотрюсь и, может быть, что-либо кропать стану» (I, 103–104).

Именно о. Арсений выполнил в августе 1879 г. деликатное поручение свт. Феофана. Находясь в затворе, преосвященный вынужден был показаться московскому врачу-офтальмологу. Несколько дней он инкогнито прожил в доме Афонского монастыря на Большой Полянке. «В это время он посетил в Москве только одного митрополита Макария, своего бывшего товарища… ходил пешком в Кремль на поклонение св. мощам и Московским святыням», — вспоминал племянник преосвященного А. Г. Говоров[36].

По возвращении на Вышу, свт. Феофан написал о. Арсению: «Се — мы дома!.. Приношу вам и еще преискреннюю благодарность за покой, какой вы мне доставили, особенно за прикрытие. Всегда буду помнить ваше добро!» (II, 105).

* * *

Еще одна страница жизни о. Арсения связана со строительством в Москве часовни.

Временное пребывание в Богоявленском монастыре афонской святыни, поток на поклонение к ней богомольцев, явленные от нее исцеления и чудеса, видимая духовная польза подсказали о. Арсению мысль о необходимости устройства постоянного места ее сохранения в Москве. Подходил к концу определенный афонскими старцами срок, когда ими было подано прошение о строительстве в Москве при Богоявленском монастыре часовни во имя св. великомученика и целителя Пантелеимона. «С каким нетерпением ждал о. Арсений сего Высочайшего соизволения! — вспоминал о. Николай Воинов. — Сколько, по всей вероятности, было пролито им о сем молитвенных слез ко Господу Богу! И как возрадовался он духом своим, когда прошение старцев его обители увенчалось успехом! “Угодник Божий возлюбил Москву, — говорил он, — и возжелал не временно пребывать в ней, а постоянно. Слава и благодарение Господу, Его пречистой Матери и великому Угоднику! И многая, многая лета благочестивейшему Монарху!”»[37]

---

[36] Душеполезное чтение. 1894. Ч. II. С. 64–65.

[37] *Воинов Н.* Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря иеромонах Арсений. Биографический очерк, посвящаемый почитате-

Все заботы о строительстве часовни легли на плечи о. Арсения. К началу 1873 г. часовня была построена. Снаружи ее украшал изящный фасад, внутри — иконы, точная копия чудотворных афонских. «Посредине часовни художественно изображено Распятие Христово с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом, справа от Распятия помещена икона Божией Матери Тихвинская, прославившаяся многими благодатными знамениями и сопутствовавшая святыне в ее путешествии по градам и весям России, а слева икона св. великомученика и целителя Пантелеимона с частью св. его мощей. Пред Распятием поставлен аналой с Афонскою на нем святынею»[38]. Подробное описание новой часовни о. Арсений в 1878 г. поместил в небольшом, всего 8 страниц, издании «Описание Афонской часовни и находящихся в ней св. икон» с изображением на обложке ее фасада. Выстроенная о. Арсением часовня ненамного пережила своего создателя. Более просторная часовня во имя великомученика Пантелеимона Целителя у Владимирских ворот Китай-города была заложена в 1881 г. и освящена в 1883 г.

Торжество открытия и освящения афонской часовни привлекло множество народа. В Богоявленском монастыре литургию отслужил Леонид (Краснопевков), епископ Дмитровский, викарий Московский. В сослужении с преосвященным был и о. Арсений. При часовне быть получили назначение три монаха, в обязанности которых входило проведение ежедневных общих молебнов с акафистами, распространение икон, книг и брошюр афонского издания. «От утра до вечера ежедневно по настоящее время она полна богомольцами. В праздник же св. великомученика и целителя Пантелеимона 27 июля и накануне молебны в ней св. Угоднику Божию служатся, можно сказать, непрерывно. От всех концов стекаются к безмездному Врачу разных званий, возрастов и состояний страждущие душевными и телесными немощами или же получившие исцеление от них помощью Угодника Божия»[39]. О. Арсений получил множество поздравлений по случаю знаменательного события.

О. Арсений также стоял у истоков возведения на Афоне собора во имя св. апостола Андрея Первозванного, одного из самых больших храмовых зданий на Балканах: его длина — 60 м, ширина — 29 м, высота — 40 м, общая площадь — 2100 м^2; в нем 150 окон. Сегодня этот ве-

---

лям памяти почившего мужа. С приложением: Слова и речи сказанные при его погребении. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. С. 58–59.

[38] Там же. С. 63.

[39] Там же. С. 64–65.

личественный храм из гранита, облицованный белым мрамором, является подлинным украшением Андреевского скита, расположенного недалеко от Кареи, административного центра Афона, и относящегося к монастырю Ватопед. В нем два придела: в честь святого благоверного князя Александра Невского и равноапостольной Марии Магдалины. Греки называют скит «Серай» (дворец); русские переиначили: «Сей рай».

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде 188 Андрея Николаевича Муравьева содержится любопытный эпистолярный документ. В описи картона № 4 в числе писем разных лиц к А. Н. Муравьеву он значится как «Арсений, иеромонах. 1866, апр. 11»[40].

Содержание этого небольшого письма, выполненного писарским почерком, таково: «Ваше Превосходительство, милостивый государь Андрей Николаевич! Обсудив предмет, о коем Вы изволили говорить мне, я без благословения св. отцов моих не решаюсь ничего сделать, я уже написал им об этом, да и в письме к Вам от господина Попечителя церквей N. N. Батюшкова сказано, чтоб я испросил благословение своих старцев. Вы изволили говорить, что в мае месяце намереваетесь отправиться в Киев, а потому мне, полагаю, нужно будет познакомиться с Его Превосходительством N. N. Батюшковым, для приведения в исполнение желания их. Сегодня я занят служением молебнов при св. мощах, а потому и не мог лично передать Вам мое мнение, постараюсь потом быть у Вас. С чувством душевного к Вам уважения имею честь быть Вашего Превосходительства смиреннейший богомолец иеромонах Арсений[41]. Апреля 11 дня 1866 г. Александро-Невская Лавра». Упомянутый в письме о. Арсения «господин Попечитель церквей N. N. Батюшков» — Помпей Николаевич Батюшков (1811–1892), руководивший в это время церковно-строительным комитетом в Западном крае. Результатом двухлетнего пребывания Батюшкова в этой должности стало строительство двух тысяч православных храмов.

А. Н. Муравьев — известный духовный писатель и путешественник — как ктитор Андреевского скита много сил положил на его восстановление. Уже в 1867 г. состоялась торжественная закладка собора, на которой присутствовал великий князь Алексей Александрович, сын императора Александра II.

---

[40] РГБ. Ф. 188. К. 4. Ед. хр. 18.

[41] Смиреннейший Богомолец иеромонах Арсений — автограф.

* * *

В 1874 г. угроза закрытия нависла над Русским Пантелеимоновым монастырем на Афоне. Созревал план вывезти всех монахов в Малую Азию, предоставив им там для восстановления пустующую обитель. Совместными усилиями братии, нового игумена монастыря — русского старца о. Макария (Сушкина), при поддержке русского посла в Константинополе Николая Павловича Игнатьева смута была прекращена, и наступил подлинный расцвет русского монашества на Афоне.

Однако поручение афонских старцев найти на побережье Черного моря место для новой обители о. Арсений успел выполнить. Он нашел его в местечке Анакопия, где в древности располагалась столица Абхазского царства. Здесь, недалеко от города Сухума, стоял разрушенный храм во имя св. апостола Симона Кананита — в память о его мученической смерти. Также и гора, на которой о. Арсений предположил строительство монастыря, своими очертаниями напоминала Афонскую.

Наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу от имени афонских старцев поступило прошение о превращении этого храма в Ново-Афонскую Симоно-Кананитскую обитель. Прошение поддержали. 27 ноября 1875 г. было опубликовано распоряжение императора Александра II об отводе в Абхазии «327 десятин земли и передаче монастырю развалин храма апостола Симона Кананита, башни, оставшейся от времен генуэзцев, а также о предоставлении братии права рыбной ловли в реке Псыртсха»[42].

О. Арсений, при помощи благотворителей, энергично приступил к строительству. «На намеченное место прибыли самые мастеровые и опытные в строительных делах монахи, среди которых выделялся одаренный инженер и талантливый архитектор иеромонах Иерон — будущий настоятель новой обители. Всю зиму братия валили деревья, вырубали кустарники, вручную разбивали огромные камни, уравнивали горы и засыпали пропасти. Для расчистки плато надо было срезать часть горы, вывезти прочь десятки тысяч тонн горной породы и уравнять площадку. Из-за того, что местом для строительства была выбрана возвышенность на склоне горы, находящаяся на высоте 75 метров над уровнем моря, никаких подъездных путей не существовало. Но, тем не менее, вся подготовка, а также закладка фундаментов и даже строительство некоторых церквей были выполнены всего за несколько лет. Возведение нижней части монастыря по проекту архитектора

[42] Новоафонский монастырь. URL: drevo-info.ru (дата обращения 01.05.2020).

Н. Н. Никонова началось в 1876 году. Первый Покровский храм был освящен в октябре того же года»[43]. О. Арсений также открыл училище для горских мальчиков, которых набралось до 20 человек; «один из них, магометанин, вскоре был просвещен св. православною верою и окрещен»[44].

Цель устройства такой обители состояла в просвещении православной верой, в обучении православному богословию и другим наукам местного населения, чтобы со временем наиболее преуспевшие в занятиях и достойные могли бы стать священниками, православными миссионерами своего края. Эта цель в полной мере соответствовала как духовным потребностям, так и всей послушнической деятельности о. Арсения, проходившей в распространении через устное слово и через печать христианского учения и евангельской любви. «Мысль о просвещении светом Христовым язычников и магометан, населяющих Абхазию, где созидалась новая обитель, заняла всецело о. Арсения; он придумывал лучшие способы спасительного воздействия на них и свои соображения отдавал на суд опытных более или менее миссионеров»[45].

Одним из корреспондентов о. Арсения по вопросам миссионерства был протоиерей г. Кульджи, Семиреченской области Михаил Путинцев. Сохранившиеся письма о. Михаила отражают чрезвычайную заботу о. Арсения об исполнении послушания, возложенного на него афонскими старцами. «Он не довольствовался одною тесною, узкою, только формальною стороною каждого принятого им на себя дела. Нет, каждое дело он близко принимал к своему сердцу, охватывал его мощным своим духом со всех сторон, взирал на него чрез призму широкой любви евангельской»[46].

29 июля 1876 г. о. Михаил Путинцев писал: «Согласно желанию вашему, представляю, в главных чертах, общий способ проповеди Евангелия здешним туземцам, но считаю долгом оговориться, что и сам я еще недавно вступил на подвиг апостольского служения, сам не весьма еще опытен в этом великом делании; впрочем, что знаю и испытал как полезное, тем и поделюсь. Мне приходится более действовать

---

[43] Там же.

[44] *Воинов Н.* Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря иеромонах Арсений. Биографический очерк, посвящаемый почитателям памяти почившего мужа. С приложением: Слова и речи сказанные при его погребении. М.: Тип. И. Ефимова, 1881. С. 70.

[45] Там же.

[46] Там же. С. 77–78.

между язычниками, затем уже между магометанами только частью. С язычниками обыкновенно начинаю беседу прямо с их идолов, стараясь убедить их, что это бездушные вещи, не могущие ни двигаться, ни говорить, ни помощи какой оказать человеку, который сам их и делает; поэтому не делающие идолов люди должны поклоняться им, а идолы людям как творцам своим. Этот аргумент, развиваемый с подробностями и применительно к случаю, к окружающей обстановке, часто имеет благодетельное действие на умы слушателей, которые быстро соображают и понимают сущность дела. Затем, обыкновенно, перехожу к рассказу о том, как веруем мы, христиане, в кратких и простых словах развиваю пред слушающими учение о истинном Боге, Св. Троице, сотворении мира и человека, грехопадении первых людей, наказании за грех, обещании Спасителя, рождении Его, жизни на земле, учении, проповеди, страданиях, воскресении на небо, об участи ожидающей за гробом праведных и грешных, верующих и неверующих. После нескольких подобных собеседований бывает иногда добрый успех. С магометанами беседовать гораздо труднее. Не знаю, каковы магометане, с коими придется беседовать вам, батюшка, на Кавказе, а в нашем крае магометане, подстрекаемые своими муллами и хаджами, чрезвычайно фанатичны, чаще всего вовсе уклоняются от разговоров с миссионером о религии. Мне еще мало приводилось иметь дело с ними, так как все внимание пока обращено нами на язычников, более способных к восприятию евангельского учения. При случившихся собеседованиях с магометанами я старался навести их на ту мысль, что и они, и мы исповедуем одного и того же истинного Бога, что рассказы их религии о сотворении мира и человека, и праотцах и т. п. во многом согласны с нашей Библией, но что их лжепророк Магомет исказил эти рассказы из своих выгод, что Иисус Христос, почитаемый и магометанами за великого пророка, есть истинный Бог, воплотившийся от Пресвятыя Девы Марии, живший на земле, давший людям истинное учение, страдавший и умерший для искупления человеков и воскресший в третий день, а потом вознесшийся на небо. Затем раскрываю преимущества евангельского учения пред чувственным учением Магомета, величие нашего богослужения и мрачность служения их. Но по большей части, люди эти глухи бывают к словам истины. И только одна магометанка просвещена здесь св. крещением, во все пятилетнее существование миссии в Кульдже. Нужно заметить, что здешние, т. е. кульджинские магометане, кроме того, что фанатичны в религиозном отношении, пока еще не вполне доверчиво относятся к русским, как к своим завоевателям. Для миссионерства среди их не настало еще время: “не у прииде час”. Язычники же, особенно калмыки, народ весьма

добрый, простой, преданный русским, освободившим их от тяжелой, деспотической власти магометан, именно султана Таранчинского, во владении которого до 1871 года был Кульджинский край. Поэтому на язычников удобнее действовать. Извините, достопочтеннейший батюшка, отец Арсений, за том, что не много могу сообщить вам практических советов в деле миссионерском. Общий способ миссионерских собеседований вообще можно указать тот, который я выше изложил, но он должен разнообразиться применительно к местным условиям, к состоянию умственному и нравственному слушателей, а также к обстоятельствам и времени собеседования, в чем нас, слабых проповедников, вразумит Бог, великое имя Которого мы по силе своей проповедуем»[47].

Оригинальный прием миссионерской практики о. Арсения по достоинству был оценен о. Михаилом Путинцевым: «И мысль ваша об издании картины страшного суда Божия — прекрасна, ибо справедливо ваше мнение, что на умы грубые, младенчествующие сильнее действует наглядность. Хорошо и разумно исполненная эта картина может принести много пользы в деле христианской миссии. Но охотно ли будут брать такую картину к себе магометане, закон которых строго запрещает иметь всякие изображения, даже портреты? По крайней мере, кульджинские магометане строго исполняют это запрещение. Но, полагаю, испытать этот способ следует. Если бы издание предполагаемой вами картины осуществилось, то и я бы купил несколько ее экземпляров для язычников. С удовольствием буду я ожидать от вас, батюшка, сведений об устрояемой вами обители на Кавказе, а также о миссионерских ваших действиях. Подай вам, Господи, доброго успеха, во славу св. Церкви!»[48]

Как видно, на самом раннем этапе обустройства Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря в Абхазии о. Арсений заглядывал в будущее, отрабатывал приемы миссионерской работы, задумывался о способах просвещения местного населения, послужить которому обязывал его долг русского православного монаха.

Серьезным испытанием на прочность стен обители и силы духа ее насельников стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Побережье Абхазии было занято турками с мая по август 1877 г., монастырские постройки разрушены. Военное положение вынудило монахов разойтись: одни ушли в более отдаленный от берега монастырь, другие — на санитарную службу в Тифлис и в действующую армию. «Не только

[47] Там же. С. 72–76.

[48] Там же. С. 76–77.

Новоафонская обитель, но и самый Русский на Афоне Пантелеимонов монастырь находились в опасности от свирепства фанатичных турок. Как это все печалило пылкого и энергичного деятеля Божия! Но он, сам учивший других и устно и чрез печать терпению и упованию на Промысл Божий, не предавался пагубному унынию, в твердой надежде, что дело ново-созидаемой им обители, как дело Божие, не пропадет. И твердое упование его на Господа Бога не обмануло его. Грозные воинственные облака прошли, милостью Божией, безвредно и для Св. Афона и для ново-созидаемой обители, которую требовалось только восстановить после разгрома турецкого»[49].

Во время русско-турецкой войны под покровительством Императрицы Марии Александровны открылось «Общество Красного креста». Как член общества о. Арсений принял участие в сооружении на Девичьем поле лазарета и удостоился высокой благодарности. Им также был обустроен приют для раненых солдат в Москве, в доме на Полянке, пожертвованном Афонскому Пантелеимонову монастырю Иваном Исновичем Сушкиным, родным братом игумена Макария.

Восстановление Ново-Афонского монастыря после русско-турецкой войны было поручено также о. Арсению. С еще бóльшим энтузиазмом принялся он за это дело. Возрождавшаяся на глазах обитель, ее живописное местоположение, энергия первостроителя привлекали внимание благотворителей и высоких посетителей. 31 мая 1876 г. в монастыре побывали возвращавшиеся из Батума вел. князья Константин Николаевич и Константин Константинович.

В 1879 г. в кратчайшие сроки был восстановлен храм Покрова Пресвятой Богородицы. 8 декабря император Александр II утвердил Устав Ново-Афонского монастыря. О. Арсений не дожил до этого знаменательного дня три недели.

* * *

О последних месяцах и днях жизни о. Арсения иерей Николай Воинов писал: «Чем реже мы виделись с о. Арсением, тем яснее видели, как все более и более он седеет и худеет. Телесные силы его, как известно, были немощные и, само собою понятно, не могли бесследно пройти для них те невзгоды, те душевные потрясения, которые пришлось ему, волею судеб Божиих, испытать при деле своего столь сложного и многообразного послушания. В долгих и частых своих путешествиях, самих по себе уже утомительных, о. Арсению, кроме различных душевных тревог, неоднократно приходилось под-

[49] Там же. С. 80–81.

вергаться и физическим опасностям и несчастиям. Так однажды на пути от Поти до Сухума на пароходе по Черному морю он с своими спутниками едва не потонул, и одной милости Божией приписывал после избавление свое от явной опасности. Такой же опасности подвергался он в 1878 году в морском путешествии своем к Св. Афону, и о сем написал так к одному лицу: Милостью Божией я достиг благополучно Св. Афона, прибыл сюда 25 июля; в путешествии по Черному морю и Архипелагу я выдержал сильную качку. В одном месте, по неимению парохода, верст на 100 довелось пуститься в открытое море на небольшой лодке, и в продолжение нескольких часов лодочка ежеминутно была в опасности опрокинуться в море, но Бог сохранил. Такое затруднительное путешествие по случаю бывшей войны, а когда утвердится мир, то будет пароходное сообщение, как и было до войны»[50].

Посещение Афонского Пантелеимонова монастыря в 1878 г. оказалось для о. Арсения последним. Как бы предчувствуя это, он оставил афонским отцам запечатанный пакет с духовным завещанием и надписью — распечатать и прочитать только после его смерти.

«Святые отцы, батюшка, о. духовник Иероним и батюшка игумен Макарий, — писал о. Арсений. — Благословите именем Господним! Когда распечатаете это письмо, то меня уже не будет на земле. Бог весть, кто из нас кого переживет. Его святая власть! Прошу во всем отеческого благословения и разрешения. По милости Божией, я от вас никаких секретов не имел и не имею. Это очень облегчало путь моей немощной жизни. Вас имею в сердце моем как первых на земле благодетелей моих. Вы, по милосердию Божию, научили меня знать Бога, любить его и Пречистую Его Матерь и каяться в моих грехах. Без сомнения, я мог бы быть более полезным и для обители и для души своей, но моя немощь и любление плоти склоняли меня к небрежению и лености. Раздражительность, по действию диавольскому, и прочие греховные мои страсти вам известны, во всем прошу прощения и разрешения. В последнее время я удостоиваем был особого благоволения и милосердия от небесной нашей Владычицы, хотя и недостоин, но имею великую надежду на Ее матернее милосердие и ходатайство. Уповаю, что не лишен буду ваших св. отеческих молитв. Простите за малое писание. Собираюсь на Кавказ. Может, по времени, еще что напишу. Недостойный послушник ваш, убогий иеромонах Арсений. 2 октября 1878 г. Вечер. Св. Афон»[51].

---

[50] Там же. С. 82–84.

[51] Там же. С. 85–86.

В начале осени 1879 г. произошла незначительная, на первый взгляд, неприятность. В Петербурге о. Арсений нечаянно споткнулся, упал и ушиб ногу. Сильная боль уложила его в постель под присмотр врачей. В ноябре последовало острое воспаление легких, с которым организм о. Арсения справиться не смог. «Смерть его поистине была смерть праведника», — сказал один из лечивших его врачей. «Ноября 17-го дня совершено было над ним молитвенное последование на "исход души", и около двух часов дня он мирно почил о Господе»[52].

Очень жалел о. Арсений, что Господь не судил ему принять схиму.

* * *

Духовное и культурное наследие о. Арсения (Минина) отражает все грани его многообразных трудов. Неутомимый просветитель и усердный проповедник, он составлял из творений святых отцов, писал сам назидательные книги и брошюры, такие как «Беседа о молитве», «Единое на потребу», «Маргарит, или избранные душеспасительные изречения, руководящие к вечному блаженству, с присовокуплением некоторых бесед, относящихся исключительно к женским обителям».

На Кавказе главным детищем о. Арсения стал Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, подлинная жемчужина Абхазии, в которую он вложил всю свою любовь, весь опыт, и которой отдал без остатка все силы духовные и физические.

Обитель всегда привлекала и привлекает верующих, паломников, путешественников и туристов. Литература о Ново-Афонском монастыре насчитывает сотни исследований и статей. В этом библиографическом списке первым по времени написания является небольшой очерк о. Арсения (Минина), опубликованный, незадолго до смерти, в основанном им периодическом монастырском издании «Душеполезные размышления».

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь[53]

(Находящийся на Кавказе близь Сухума)

По преданию церковному, Иверия, как и св. Афон, — жребий Божией Матери[54]. Первыми просветителями Иверии были св. Апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит, на браке коего, в Кане Гали-

---

[52] Там же. С. 93.

[53] Душеполезные размышления. 1878–1879. Издание Афонского русского Пантелеимонова монастыря. М., 1882. С. 294–297.

[54] Чет. мин. св. Димитрия Ростовского 15 авг. — *Примеч. автора.*

лейской, Господь претворил воду в вино. В летописях Церкви Грузинской[55] о проповеди в этих странах св. Апостолов говорится следующее: «Блаженный Андрей, оставив Сванетию, вместе с Симоном Кананитом отправился в Осетию, достиг города Фостафоры. Здесь Апостолы после долгой проповеди обратили многих к вере Христовой. Оставив Осетию, Апостолы пошли в Абхазию и достигли города Севасты (Сухума), где после неутомимой проповеди также обратили многих к вере Христовой. Апостол Андрей, оставив тут Апостола Симона Кананита с прочими для утверждения новообращенных, отправился в землю джакетов. Царь Иверский Адеркий, услышав о распространении в его владениях Христианства, воздвиг на христиан жестокое гонение, во время коего мученически пострадал св. Апостол Симон Кананит с многими христианами. Могила св. Апостола, показываемая в Абхазии близь Сухума, сделалась предметом глубокого почитания местных жителей даже до сего времени».

Известный наш паломник и описатель священных древностей А.Н. Муравьев[56], посетив это место, написал о нем: «Для меня драгоценно историческое предание, записанное в хронике царя Вахтанга, что один из проповедовавших здесь Апостолов, Симон Кананит, тут скончался и погребен»[57]. В другом его описании говорится следующее: «Историческое предание указывает на церковь эту как на погребальную св. Апостола, находящуюся на довольно обширной поляне, омываемой волнами речки Псыртсхи. Дикое живописное место как-бы нарочно создано природою, чтобы приманивать на жительство людей. Посредине поляны стоит церковь, небольшая, но почти совершенно уцелевшая, кроме обвалившегося купола; западный ее притвор завален камнями и зарос дикими растениями, как и самая вершина церкви, вход — от южного притвора, над коим виден еще полустертый лик Спасителя. Устройство храма греческое, с тройным разделением алтаря и полукружием горнего места. Поразительна тонкость стен, складенных из римского кирпича, и высота стройных сводов, которые опираются на чрезвычайно легкие столбы; живопись уже стерлась, но на западной стене еще видны Успение Богоматери и два мученика».

---

[55] Полн. описан. Грузинск. Церкви, XI–XII стр. 1871. — *Примеч. автора.*

[56] Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) — православный духовный писатель, историк Церкви, зачинатель паломнической литературы.

[57] Изд. 1848 г. стр. 295.

Заметно, что на том самом месте, где было начало Евангельской проповеди, ныне устрояется иноческая обитель, имеющая целью содействовать восстановлению там христианства.

По благоволению Божию и благочестивому усердию августейшего Наместника Кавказского, в 1875 г. предоставлено Афонскому Пантелеимонову монастырю возобновить древний вышеупомянутый храм св. Апостола Симона Кананита[58] и переселить туда часть братий, основав там монашеское, по чину св. Афонской горы, общежитие, причем монастырь предполагает устроить сельское и духовное училище для обучения туземцев.

Устроение духовного училища в Абхазии имеет особое значение, там сельские священники преимущественно из грузин и имеретин, незнакомых с языком местных жителей абхазцев, чрез что религия христианская не усвоивается населением, тогда как предполагаемая духовная школа будет воспитывать туземных мальчиков, из коих достойные займут в среде своего населения места священнические, будут миссионерами. Несомненно, что при таких условиях просвещение края пойдет успешнее.

Предположено также знакомить учащихся мальчиков с ремеслами и земледелием, необходимыми в сельской жизни, дабы и этими познаниями они были полезны своим полудиким соотчичам.

Мая 31 числа 1879 года монастырь осчастливлен был посещением их императорских высочеств великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича, при возвращении их из Батума. Живописное местоположение монастыря и быстро возникшие после турецкого разорения постройки привлекли особое внимание высоких посетителей. Настоятель, афонский иеромонах Арсений и собратия его удостоены были от их императорских высочеств милостивых благожеланий преуспеяния в дальнейшем устроении монастыря и развитии просветительской деятельности.

Нетрудно заметить, как со временем эти несколько страниц, написанные рукой о. Арсения, обрастали дополнениями и подробностями по мере разрастания обители и расширения ее благотворной деятельности, что сам о. Арсений только провидел в своих планах ее обустройства.

---

[58] Древний храм этот при помощи Божьей теперь уже возобновлен. 10 мая сего 1882 г. совершено было торжественное освящение его Высокопреосвященнейшим Иоанникием, экзархом Грузии. — *Примеч. издателя «Душеполезных размышлений».*

Второй по времени очерк, посвященный Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю, был опубликован также в «Душеполезных размышлениях», во втором издании, объединившем материалы 1884 г. Не исключено, что в нем были использованы рукописные заметки о. Арсения, в изобилии сохранившиеся после его кончины.

Краткие сведения о Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре в пределах Абхазии[59]

Святые обители иноческие всегда служили рассадниками духовного просвещения. Это те светлые точки, которые ярко светили во мраке заблуждений и далеко распространяли вокруг себя тихий свет Христова учения не только среди невежественных язычников, но и среди православного русского народа вообще. Раскройте те страницы истории русской, которые говорят о духовном просвещении нашего отечества в то или другое время, и вы непременно встретите там имена св. подвижников иночества и св. обителей, ими основанных.

Сознавая это великое просветительное значение монастырей, правительство наше всегда оказывало особенное попечение о тех обителях, которые находятся в местностях, населенных инородцами, где или вовсе нет христиан, или же если они и есть, но только по имени. Одна из таких местностей есть страна, называемая Абхазией; она находится на Кавказе в пределах древней Иверии-Грузии, лежит по восточному берегу Черного моря и населена племенем, которое в древности исповедовало христианскую веру.

Иверская земля досталось в жребий Божией Матери, когда св. Апостолы по Вознесении Господнем кидали жребий, кому куда идти на проповедь Евангелия; тогда и Божия Матерь пожелала принять участие в служении апостольском. На долю Божией Матери достался жребий — Иверская земля на Кавказе, куда Она и имела намерение отправиться на проповедь; но Господь чрез Ангела Своего известил Ее, что доставшаяся Ей в жребий страна впоследствии просветится светом Евангелия от Апостолов. (Слово на Успение Божией Матери 15-го августа в Четьи-Минеи).

Первые просветители Христовой веры в земле Иверской и в горах Кавказа были св. Апостол Андрей и св. Апостол Симон Кананит, а после них благовестницею была о Христе Спасителе св. дева Нина[60].

---

[59] Душеполезные размышления. 1884 г. Издание второе Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1901. С. 419–424.

[60] Житие св. Нины 14-го января, издание 1875 года. — *Примеч. автора.*

Апостол Андрей оставил Апостола Симона в Абхазии, а сам отправился в землю джакетов. Апостол Симон проповедал св. Евангелие диким саунам сванетам — абхазцам, от которых и побиен был камнями. Могилу его местное предание полагает в древнем городе Никопсии или Анакопии, в 20-ти верстах от города Сухум-Кале. По всему вероятию, надо полагать, что в память св. Апостола Симона был здесь сооружен храм во имя него[61], который только один и остался в месте древнего города Анакопии.

Страна Иверская или Грузинская со всеми ее пределами долго процветала светом Христовой веры, а потом в продолжение пяти веков была сильно угнетаема и разоряема нашествием персов, турок и других магометанских народов, овладевших почти всем Востоком; от этого угнетения едва сохранилась здесь только малая часть Христианства. Наконец, со времени присоединения Грузии к Российской державе 1800 г., и особенно когда Всемогущему Промыслу Божию угодно было покорить владычество кавказских горских князей Шамиля и Магомета-Амина во власть русскому Императору, Кавказский край стал более и более процветать; особенно стало восстанавливаться Христианство и гражданство на Кавказе в правление его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича.

По ходатайству Его Высочества, в 1875 году высочайше разрешено Русскому Афонскому Пантелеимонову монастырю возобновить в Абхазии древний запустелый храм во имя св. Апостола Симона Кананита на реке Псырстхе и устроить монастырь со школою для просвещения здешней мало просвещенной и полудикой страны.

Еще до наступления русско-турецкой войны, посланные от Афонского Пантелеимонова монастыря иноки на высочайше утвержденном месте начали строить монастырь во имя св. Апостола Симона Кананита, неподалеку от его древнего храма. В непродолжительное время построены были: небольшой корпус для братских помещений, кухня с трапезою, школа для двадцати абхазских мальчиков, возобновлена башня древней генуезской крепости, и затем сооружен был небольшой храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, в коем уже и богослужение совершалось. Но, к сожалению, этот юный монастырь недолго существовал. С объявлением войны, по распоряжению начальника Сухумского отдела, монастырская школа была закрыта, братство выехало вовнутрь Грузии, из коего одна часть приютилась в Гелатском грузинском мужском монастыре, а другая поступила в общество Крас-

[61] Основан в 6-м веке Царем Иустинианом — Императором Греческим. — *Примеч. автора.*

ного Креста, в качестве санитаров для подавания помощи больным и раненым воинам. Как только началась война, большая часть абхазцев восстала против русских законных властей и присоединилась к турецкому войску, прибывшему в Сухум на броненосных пароходах; затем, по отступлении из Сухума русского отряда, город этот и его окрестные побережья подверглись нападению и истреблению от турок и от абхазцев; в то время и юная Ново-Афонская Симоно-Кананитская обитель подверглась полному разрушению.

По окончании войны афонские иноки возвратились к разоренному месту и снова начали устраивать монастырь пособием Афонского Пантелеимонова монастыря, от коего прибыли на помощь еще несколько братий. Несмотря на такое тяжкое испытание, с помощью Божиею и христолюбивых благотворителей в Ново-Афонской обители уже сооружено несколько построек, разоренный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы возобновлен, и с 3 февраля 1879 г. совершается в оном богослужение; построены два корпуса для братии, кухня с трапезною, открыта школа для двадцати мальчиков, и еще возводятся некоторые нужнейшие постройки, а также возобновлен и освящен древний храм св. Апостола Симона Кананита, основанный назад тому более 1200 лет.

В настоящее время (1884 г.) братства в Ново-Афонской Симона-Кананитской обители 150 человек, из которых большая часть со св. Горы Афонской. Богослужение и монастырский чин содержится по афонскому обычаю; по чиноположению Афонского Пантелеимонова монастыря совершается поминовение благодетелей, имена коих вписываются в синодики — временные и вечные.

Ново-Афонский монастырь в краткое время своего существования удостоился приемов высоких посетителей. 31 мая 1879 г. посетил обитель его императорское высочество великий князь Константин Николаевич с сыном, великим князем Константином Константиновичем. В октябре того же года посетил обитель высокопреосвященный архиепископ Иоанникий, экзарх Грузии. А 10 июня 1880 года осчастливил обитель своим посещением его императорское высочество великий князь Михаил Николаевич с сыном, великим князем Михаилом Михайловичем. Все эти высокие посетители тщательно осматривали церковь, школу и все монастырские здания, а также возобновлявшийся древний храм и заявили благодарность и сочувствие к трудам афонских иноков, особенно его высочество великий князь Михаил Николаевич, как хозяин Края, благодаря братство за труды, заявил желание на будущее время помогать нуждам обители, при чем пожертвовал ценную сребропозлащенную, большого размера лампаду высокой работы

для иконы св. Апостола Симона Кананита в древний храм, с надписью на верхнем поясе лампады: «Свет во тьме светит и тьма не объяла его», — а на нижнем поясе: «от Его Императорского Высочества Благоверного Государя великого князя Михаила Николаевича в память первого посещения древней церкви Симона Кананита и Ново-Афонской обители 10 июня 1880 года». Он же, извещая игумена и братство грамотою своею о высочайшем утверждении прав и преимуществ монастыря, последовавшем в 8-й день декабря 1879 года, прибавил от себя следующие незабвенные слова, исполненные сердечной теплоты:

«О таком высочайшем соизволении объявляю вам, настоятель и братия Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, призывая благословение Божие на предстоящий вам подвиг. Да процветает новоучрежденная обитель в тишине и мире на берегах Абхазии, и да послужит она местному населению, пребывающему в дикости и невежестве, примером жизни мирной и труженической, образцом человеколюбия, кротости и терпения! Да воспитает школа, устроенная при обители, в молодом поколении из туземцев привычку к полезному труду и любовь к знанию, необходимому для земледельца».

IV
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ АБХАЗИИ В ДОКУМЕНТАХ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-275-320
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ПИСЬМА НАСЕЛЬНИКОВ НОВО-АФОНСКОГО СИМОНО-КАНАНИТСКОГО МОНАСТЫРЯ 1884–1890 гг. К АРХИМАНДРИТУ ЛЕОНИДУ (КАВЕЛИНУ)

© 2021 г. М. С. Крутова

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В Отделе рукописей РГБ хранятся письма насельников Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря игумена Иерона (Носова-Васильева), схимонаха Иннокентия, монаха Иосифа к архимандриту Леониду (Кавелину), настоятелю Троице-Сергиевой Лавры, выдающемуся ученому, богослову, известному деятелю Русской Православной Церкви, одному из самых просвещенных священнослужителей XIX в. В 1885 г. подлинным событием стала книга архимандрита Леонида «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь». Публикуемые письма написаны насельниками монастыря, людьми разного культурного уровня; но все они проникнуты чувством признательности к автору, написавшему книгу об их святой обители, которую они любят и о благоустроении которой заботятся. В письмах игумена Иерона много подробностей об открытии Пицундского монастыря как скита Ново-Афонской обители, о реставрации древнего Пицундского храма, о его благоукрашении и предстоящем освящении. В письмах схимонаха Иннокентия сообщаются подробные сведения об истории монастыря, а также некоторые картографические данные, необходимые архимандриту Леониду для его книги. В письме монаха Иосифа — подробности хозяйственной жизни монастыря.

Ключевые слова: История русской литературы, Ново-Афонский монастырь, архимандрит Леонид (Кавелин), игумен Иерон (Носов-Васильев), схимонах Иннокентий, монах Иосиф.

Информация об авторе: Марина Семеновна Крутова — доктор филологических наук, главный палеограф, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ул. Воздвиженка, д. 3/5, 119019 г. Москва, Россия; профессор, Московская духовная академия, Троице-Сергиева Лавра, Академия, 141300 г. Сергиев Посад, Московская область, Россия; профессор, Московский государственный областной университет, ул. Веры Волошиной, д. 24, 141014 г. Мытищи, Московская обл., Россия. E-mail: mskrutova@yandex.ru.

Для цитирования: *Крутова М. С.* Письма насельников Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря 1884–1890 гг. к архимандриту Леониду (Кавелину), хранящиеся в ОР РГБ // Абхазия в русской словесности XIX-XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 275–294. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-275-320

THE 1884–1890 LETTERS OF THE BRETHREN OF NEW ATHOS MONASTERY, NAMED AFTER SIMON THE CANAANEAN, TO ARCHIMANDRITE LEONID (WORLDLY LEV KAVELIN)

© 2021. Marina S. Krutova

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No 20-012-00098A).

Abstract: The Department of Manuscripts of the Russian State Library contains letters of Hegumen Ieron (worldly Ivan Nosov-Vasil'yev), Schemamonk Innokentiy (worldly last name — Sibiryakov) and Iosif the monk, the brethren of New Athos Monastery, named after Simon the Canaanean, to Archimandrite Leonid (worldly Lev Kavelin), Rector of the Trinity-Sergius Lavra, a prominent scientist, a prominent scholar of the Russian Orthodox Church, one of the most enlightened priests of the 19th century. In 1885, the book "Abkhazia and New Athos Monastery, Named after Simon the Canaanean, in It" by Archimandrite Leonid was a real event. The published letters were written by the brethren of the monastery, people of different cultural levels; but they are all imbued with a sense of gratitude to the author, who wrote a book about their holy monastery, which they love and care about the improvement of. Hegumen Ieron's letters contain numerous details about the opening of Pitsunda Monastery as a skete of New Athos Monastery, about the restoration of the ancient Pitsunda temple, about its beautification and the forthcoming consecration. Schemamonk Innokentiy's letters provide detailed information about the history of the Monastery, as well as some cartographic data needed by Archimandrite Leonid for his book. Monk Iosif's letter contains details of the economic life of the monastery.

Keywords: History of Russian Literature, New Athos Monastery, Archimandrite Leonid (worldly Lev Kavelin), Hegumen Ieron (worldly Ivan Nosov-Vasil'yev), Schemamonk Innokentiy (worldly last name — Sibiryakov), monk Iosif.

Information about the author: Marina S. Krutova, DSc in Philology, Chief Palaeographer, The Manuscripts Department of the Russian State Library, Vozdvizhenka 3/5, 119019 Moscow, Russia; Professor, Moscow

Theological Academy, Trinity-Sergius Lavra, Academy, 141300 Sergiyev Posad, Moscow Region, Russia; Professor, Moscow Region State University, Very Voloshinoy St. 24, 141014 Mytishchi, Moscow Region, Russia. E-mail: mskrutova@yandex.ru.

For citation: Krutova, M. S. "The 1884–1890 Letters of the Brethren of New Athos Monastery, Named after Simon the Canaanean, to Archimandrite Leonid (Worldly Lev Kavelin), Stored in Manuscripts Department of the Russian State Library." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 275–294. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-275-320

В Отделе рукописей РГБ хранится несколько писем насельников Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря в Абхазии к архимандриту Леониду (Кавелину): настоятеля монастыря Иерона, схимонаха Иннокентия и монаха Иосифа.

Архимандрит Леонид (Кавелин) — выдающийся ученый, богослов, известный деятель Русской Православной Церкви, один из самых просвещенных священнослужителей XIX в. Его пастырское служение и творческая деятельность тесно связаны со многими монашескими обителями и храмами: Оптиной Введенской пустынью, Ново-Иерусалимским Введенским монастырем, Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой, Пантелеймоновым монастырем на Афоне, русской церковью при посольстве в Константинополе; в 1863 г. был начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме. Не обошел архимандрит Леонид вниманием и Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии. В 1885 г. подлинным событием стала его книга «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь»[1]. Первая часть включает главы: «Географическо-исторический очерк Абхазии», «Судьбы христианства в Абхазии», «Памятники христианства в Абхазии», «Нравы и обычаи абхазцев», а также «Исторические приложения» с планами и рисунками разных примечательных мест. Вторая часть целиком посвящена Ново-Афонской обители: «Местоположение монастыря», «Исторический очерк мона-

[1] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, с планом Абхазского приморского берега, с 21-м рисунком памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря в пользу строящейся обители / сост. А. Л. [Архимандрит Леонид]. М.: Тип. В. Ф. Рихтера, 1885. 143 с.

стыря с 1876–1885 года», «Хозяйство монастыря», «День монастыря и разные заметки».

Переписка архимандрита Леонида с игуменом и насельниками Ново-Афонского монастыря относится к периоду, когда он был наместником Троице-Сергиевой Лавры.

Корреспондент архимандрита Леонида игумен Иерон (в миру Иван Васильевич Носов-Васильев; 1829–1912)[2] — постриженик русского Пантелеимонова монастыря на Афоне; по благословению афонских старцев переселился в Абхазию для строительства Ново-Афонской обители; в 1880 г., после кончины иеромонаха Арсения (Минина), был избран игуменом монастыря. В этой должности он пребывал до 1912 г., попросившись на покой по состоянию здоровья за три месяца до своей кончины.

В Отделе рукописей РГБ хранятся три его письма к архимандриту Леониду, датированные 1885 г. В них игумен Иерон рассказывает об открытии Пицундского монастыря как скита Ново-Афонского монастыря, о реставрации древнего Пицундского храма, о его благоукрашении и скором освящении. Он благодарит архимандрита от лица всей братии за его книгу о Симоно-Кананитском монастыре. Из этих писем мы узнаем и о том, как ждали приезда в монастырь архимандрита Леонида и даже планировали построить специально для него домик. Пишет игумен Иерон и о недавней кончине, в 1885 году, афонского старца Иеронима (Соломенцова)[3], духовника русских насельников на Святой Горе Афон. Замечает также, что другой старец, Макарий (Сушкин), настоятель Пантелеимонова монастыря на Афоне[4], «стал телесной крепостью ослабевать». Именно эти знаменитые афонские старцы во второй половине XIX в. обратились к графу Н. П. Игнатьеву, русскому послу в Константинополе, с просьбой о ходатайстве перед правитель-

---

[2] *Бронзов А. А.* Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря: Умер 14 авг. 1912 г. / Имп. С.-Петерб. духовной акад. проф. А. А. Бронзов. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. 75 с.

[3] Великая стража: Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхим. Иеронима и схиархим. Макария. М., 2001. Кн. 1: Иеросхим. Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Св.-Пантелеимонова мон-ря / авт.-сост. иером. Иоаким (Сабельников). 830 с.

[4] Схиархимандрит Макарий (Сушкин) // Русский афонский отечник XIX–XX екст]: [или избранные жизнеописания русских старцев и подвижников, живших на Афоне в XIX–XX веках]. — Святая Гора Афон: Изд. Русского Св.-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2012. С. 106–115.

ством Российской империи о возможности поселения русских иноков на Кавказе (тогда из-за конфликта с греками у русских насельников возникла опасность быть изгнанными с Афона); именно благодаря их подвижнической деятельности и был основан Ново-Афонский монастырь.

Еще один корреспондент архимандрита Леонида — схимонах Ново-Афонского монастыря Иннокентий; семь его писем датируются 1884–1890 гг. В них о. Иннокентий сообщал подробные сведения об истории монастыря, а также некоторые картографические данные, необходимые архимандриту для его книги о Симоно-Кананитском монастыре. В этих письмах схимонах Иннокентий рассказывает и о том, что написал сочинение о древнерусском знаменном пении, и что оно должно в скором времени быть опубликовано. Действительно, оно было издано в 1890 г.[5] Еще одну статью о. Иннокентий опубликовал в 1897 г.[6]; в ней высказаны соображения о предполагаемом преобразовании церковного пения в духовных учебных заведениях, ведется полемика с известным хоровым дирижером и педагогом, директором Московского Синодального хора Степаном Васильевичем Смоленским.

Монах Ново-Афонского монастыря Иосиф написал лишь одно письмо к архимандриту Леониду (Кавелину). Оно отличается простотой и непосредственностью. О. Иосиф рассказывает архимандриту о том, как устроена жизнь в монастыре, сколько в нем братии, как во время тайфуна погибло огромное ореховое дерево, какие растения они выращивают, как разводят пчел.

Письма написаны людьми разного культурного уровня, но все они проникнуты чувством признательности к архимандриту Леониду (Кавелину), написавшему книгу об их святой обители, которую они любят и о благоустроении которой заботятся.

---

[5] *Иннокентий, монах.* Древнее русское знаменное пение и о разумном исполнении его / сост. Ново-Афон. Симоно-Кананит. монастыря монах Иннокентий. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1890. 22 с.

[6] *Иннокентий, схимонах.* Духовно-музыкальная полемика между схимонахом Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря Иннокентием и директором Московского синодального хора Ст. Смоленским по поводу уничтожения им цефаутного ключа древнего знаменного пения и вообще о характере церковного русского пения: [Ответ Иннокентия на ст. Ст. Смоленского «По поводу предполагаемого преобразования церковного пения в духовных училищах и семинариях», напеч. в № 5 и 6 «Церк. вестн.» за 1886 г.]. Новочеркасск: Дон. тип., 1897. 34 с.

Письма Иерона, игумена Ново-Афонского монастыря к архимандриту Леониду (Кавелину). Ф. 148. К. 6. Ед. хр. 44

1

1885, 27 апреля

Ваше Высокопреподобие Высокопреподобнейший Батюшко отец Леонид!

Христос Воскресе!

Господу угодно было положить конец судьбе о Пицундском монастыре в 2-й день минувшего марта. Государь Император утвердил Пицунду за Ново-Афонским монастырем с наименованием Пицундский скит, принадлежащий Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю. Указа еще мы не получили, но имеем телеграмму от обер-прокурора Победоносцева, что указ послан экзарху; тоже от Кутаисского губернатора телеграмма Сухумскому начальнику о дозволении нам приступить к ремонтировке Пицундского храма; и от экзарха Грузии Высокопреосвященнейшего Павла[7]: тоже благословляет приступить к ремонтировке Пицундского храма. И мы, с помощью Божией, начали исправление, и если Господь поможет, желательно бы освятить до Успения Божией Матери, и в Праздник Успения Божией Матери отслужить соборне Божественную Литургию. Иконостас покамест останется старый, а иконы, думаю, надо написать по тем местам, какие сделаны были в каменном иконостасе, лишь бы были хорошие и с золочеными рамами; да надо наверх большой крест и предстоящих Божию Матерь и святого Иоанна Богослова, как было прежде; а на время теперь поставим иконы, находящиеся у нас в заготовленном для будущей церкви иконостасе. Хотя они теперь будут не по местам, но до время[8] могут постоять, покамест напишутся настоящие.

Нам теперь надо будет для раздачи поклонникам видов пицундских и общего вида нашего монастыря; не оставьте указать, куда мы должны обратиться за этими видами, чтобы вас не утруждать! Отец Иннокентий по делу монастыря уехал в Одессу по приезде немедля, но хотел заняться снимкою Дубробши[9].

---

[7] Павел (Лебедев; 1827–1892) — в 1882–1887 гг. архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член Святейшего Синода.

[8] Так в рукописи.

[9] Дубропш — Дурипш, селение к северу от Лыхны в предгорной полосе у подножья Бзыбского хребта; известно о сохранившемся

Виды Пицунды, присланные Вами, очень хороши; весьма хорошее это искусство несравненно превосходит литографические. Нам на первый раз надо видов Пицунды и монастыря по 1000 штук и более — для раздачи посетителям и для лавки. Если заказать по 5000 штук, пожалуй, будут стоить не более 10 копеек, то есть ли расчет и печатать нарезными досками, которые, тоже будут, пожалуй, стоить то же самое.

В обители нашей, по милости Божией, покамест все благополучно и будущее в руце Божией. Смиренно испрашиваю Ваших святых молитв и благословения,

непотребный игумен Иерон с братией.

1885 года апреля 27 дня.

Ново-Афонской Симоно-Кананитской монастырь.

2

1885, 21 июня[10]

Ваше Высокопреподобие Высокопреподобнейший Батюшко
отец архимандрит Леонид!
Благословите!

Честное писанье Ваше от 29 мая я имел удовольствие получить, за что приношу Вам мою смиренную благодарность за вашу память и паки благодарю за неоцененный Ваш дар — святую икону, присланную Вами во благословение нашей юной святой обители. Икона — чудная работа и весьма хорошо составлена. Да воздаст Вам Господь сугубо за Ваш драгоценный для нас дар.

Вы изволите напоминать о обещанном Вам покойным отцом Арсением[11] домике; я с удовольствием готов исполнить; только прошу, не оставьте мне написать, на каком именно месте вы желаете, так как вы утвердительно не указали места в бытность Вашу у нас; и не оставьте прислать планик и фасад, что вам удобно, так как строить все равно по какому плану, расход один, лучше сделать удобнее. Вы изволили мне говорить, но я забыл: и каменный или деревянный, и это надо знать!

древнем фундаменте, на котором позднее была возведена церковь св. Архангела Михаила, освященная в сентябре 1914 г.

[10] Помета в верхнем левом углу: «Получено 30 июля».

[11] Арсений (Минин; 1823–1879) — иеромонах Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, первый настоятель и строитель Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители.

Пицундский храм освящать предполагаем пред Успением Божией Матери, но Бог весть, успеем ли. Много нужно разных предметов к освящению. Теперь исправили крышу и счекатурку[12] починили внутри, корпуса исправляем для житья братии.

Вы изволите указывать на место для домика — где жили имеретины, вероятно, то место, где живет и теперь женщина Нина, и еще, если припомните, Вы сидели под деревом на скамейке, а женщина выносила воды пить из колодца. Это место близ монастыря, но еще и не в сосновой роще; и устраивать домик лучше деревянный, чем каменный: в деревянном легче жить. Не оставьте разъяснить обо всем во избежание недоуразумений.

В обители нашей, по милости Божией, покамест все благополучно; а будущее в руце Божией.

Смиренно испрашиваю Ваших святых молитв и благословения

непотребный игумен Иерон.

Вся братия наша просит Вашего благословения и святых молитв.

1885 июня 21 дня.

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.

3

1885, 28 декабря

Ваше Высокопреподобие Высокопреподобнейший Батюшко отец архимандрит Леонид! Отечески благословите!

Честь имею поздравить Вас с праздниками — Рождеством Христовым и Новым годом, и Богоявлением Господа нашего Иисуса Христа. Да дарует Вам Господь Бог в радости встретить и в добром здравии и с душевной пользой проводить, и будущих многих дождаться. За святой Ваш труд, которым Вы осчастливили нашу юную святую обитель, да вознаградит Вас Сам Господь Бог и Его Пречистая Матерь, и святой апостол Симон со святым великомучеником Пантелеимоном!

Книга Вашего труда настолько заинтересовала всех; кто только ее получил — в восторге, начиная с Высокопреосвященнейшего Павла, экзарха Грузии; и все высокопоставленные лица очень заинтересованы и весьма довольны остались, кому только мы посылали книги, и всем говорили, что это труд Вашего Высокопреподобия, который Вы пожертвовали в пользу нашей обители. Паки[13] примите от меня и всей

[12] Так в рукописи.

[13] Паки — еще, снова (церк.-слав.)

нашей братии душевную нашу благодарность за Ваш святой труд, настолько полезный для нашей святой обители.

С 3-го сентября сего года в Пицундском храме с помощью Божией неукоснительно совершаются богослужения, и понемногу идут постройки сообразно силам средств на них, но надеемся на милость Божию и заступление Царицы Небесной, что не оставит Господь и Царица Небесная, если им угодно начатое дело.

В обители нашей, по милости Божией, и за молитвы отцовские и Ваши, покамест все благополучно, а будущее в руце Божией. Вам небезызвестно, что нас оставил общий наш отец, великий старец, батюшка отец Иероним[14], он отошел в вечность 14-го ноября, теперь мы остались сиротами, хотя не совсем. Батюшка отец архимандрит Макарий[15] с помощью Божией уже довольно напрактиковался от покойного старца, и мы к нему совершенно преданы. Лишь бы Господь поддержал его силы, но стал и он телесной крепостью ослабевать, а, сохрани Господи, и он за старцем уйдет, тогда Господь весть, что будет при таком многочисленном братстве. Всю нашу надежду возложим на Господа, а Он силен устроить все во спасение.

Прошу Ваших святых молитв и благословения,

сомолитвенник Ваш
грешный игумен Иерон с братией о Христе.

1885 года, декабря 28 дня.

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.

Письмо монаха Иосифа к архимандриту Леониду (Кавелину)
Ф. 148. К. 13. Ед. хр. 42

1886-го июня 29

Ваше Высокопреподобие Батюшка отец Леонид.
Благословите.

Божией милостью желаю Вам мира и долгоденствия. Имею честь Вашу известить, я Вам обещался писать, когда я побываю в Пицунде. Теперь я побывал в Пицунде — июня, с первых чисел его, и прожил

[14] Иероним (Соломенцов; 1805 или 1806–1885), иеросхимонах — духовник и ктитор Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, обладавший большим влиянием на святогорскую жизнь как главный деятель русского Афона.

[15] Макарий (Сушкин; 1820–1889), схиархимандрит — настоятель Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, ученик и преемник старца Иеронима (Соломенцова).

там дней 15. Пицунда наша и по-прежнему хороша, и место красивое, но во дни наши она все еще юная и требует много материнских трудов.

Внутри обители постройки все поправлены, и во всех живет наше братство теперь. Находится в ней настоятель временный отец Марин; он правитель, он же иконом. И навсегда живут иеромонах, иеродиакон и человек 5 певчих. И прочей братии есть человек до 20-ти монахов и послушников, следовательно, всех человек до 30. Церковное богослужение совершается каждый день по монастырскому порядку. Утреннее служение и Литургия, и вечерня, и повечерие, и каждая седмица. Понедельник, середа и пятница постноядение, и только по одной трапезе учреждается.

Человек до 20-ти есть и рабочих. Вне монастыря делаем гостиницу, довольно пространную, но одноэтажную, на том месте, где жила абхазка Нина. Эта женщина, абхазка Нина, отседова удалена в селение близ Пицунды, и ей правительство дало надел земли 15 десятин. И она уже построила себе домик и живет по-прежнему своим хозяйством. В праздничные дни приходит к нам на Литургию и прочих абхазов и абхазок приучает ходить в церковь.

Вот, к нашему несчастью, что случилось. Я думаю, Вы припомните большое ореховое дерево — стояло на дороге, которая дорога идет к морю, это напротив дома, где жила Нина абхазка. Под этим деревом была устроена лавочка для отдыха. И что же? В полдень 5 июня прошел ураган или тифон[16] и нашел на это дерево, и вырвал из земли, и бросил тут же, и образовал яму в диаметре саженя в два. И похоже, ураган на этом дереве положил все свои силы, другого никакого не было повреждения. И потом был сильный дождь. Жалко нам это дерево, потому что такого старожилы-дерева у нас не осталось. Толщиною оно было более двух обхватов. Береговая сторожка и по-прежнему у нас пребывает на берегу моря из 12 человек, и правительство им настройку довольно приличную сделало. В Пицунде теперь завели огороды, нанесли картофели, и уже начали картофель кушать. Картофель оказалась выдающаяся, очень вкусная и крупная. И будем садить капусты, бураки тоже хорошие, и лук, и чеснок, и огурцы — все идет хорошо. По осени будем и хлеб сеять. Благодарение Богу за все его милосердие над нами.

В Пицунде начали заводить и пчел. Пчелы идут хорошо. С абхазцами покедова живем ладно.

Обитель наша святого апостола Симона Кананита, и по-прежнему все идет хорошо, и построечки прибавляются, братство умножается.

---

[16] Тифон — тайфун, водяной смерч.

Игумен Иерон то бывает весел, то дряхлует, а дни приближают нас к исходу в будущее селение.

26 июня к нам приходил из Батума военный пароход «Забияка»[17], и на нем приезжали посетители: наш кутаисский губернатор господин Смекалов с семейством и прочих еще генералов до пяти, также с семействами. И еще из Тифлиса были два семейства: генерала Шепелева и прочие — всех персон до 25 было. В нашем монастыре ночевали, а на другой день ездили в Пицунду. Из Пицунды прибыли обратно в Батум. Теперь ожидаем господина прокурора Святейшего Синода Победоносцева и военного министра. А потом будет князь Корсаков-Дондуков. Начальство к нам относится очень радушно.

Весна у нас была очень дождливая: март, апрель и май много было дождей; даже и июнь весь много было дождя. Растение все растет хорошо. Но вот что. Хлеб порос хорош, и его пожали, а молотить нет хорошей погоды. Сена много накосили, но дождь не дает его убрать. По случаю дождей и холодов у нас опоздали и пчелы роиться, и дали очень мало роев. И роевщину окончили 15 июня, обаче[18] мы и сделали 380 ульев молодой пчелы. Теперь у нас всей на 3-х пасеках пчелы до 1100 ульев. Растения наши древесные все идут хорошо: маслины, яблони и прочие с хорошим успехом растут.

Я из обители выехал 26 июня, того же числа и прибыл в Батум, а отседова буду ехать в Тифлис, а потом отправлюсь в Пятигорск полечиться от ревматизма, где проживу до половины августа, а потом буду уже ехать на Старый Афон, проездом буду заезжать и паки на Новый Афон.

В Батуме все благополучно и спокойно. Здоровье народа хорошо, а будущее все в руце Божией. Движение в Батуме очень большое, и город с каждым днем все бóлеет. Но портофранко[19] и здесь упразднится.

По случаю частых дождей и холодной атмосферы мы жаров еще не испытывали.

---

[17] «Забияка» — легендарный крейсер, построенный в 1878 г., принадлежавший Российскому Императорскому флоту, получил такое название в честь парусной шхуны; участвовал во многих боевых операциях. В 1886 г. был отправлен на ремонт в Севастополь, после чего его передали в распоряжение Кавказского Управления в Батум. Затонул во время Русско-японской войны (см.: *Пахомов Н. А.* Крейсер II ранга «Забияка». 1878–1904 гг. СПб.: Издатель М. А. Леонов, 2008. 100 с.).

[18] Обаче — однако (церк.-слав.).

[19] Портофранко — порто-франко, порт или его определённая часть, не входящая в состав таможенной территории государства, которая имеет право беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

Простите, прошу святых молитв Ваших от всей души и с любовью навсегда вспоминаю о Вас.

Слуга Ваш покорный во иноцех грешный монах Иосиф.

Завтрашний день 30 июня я уезжаю. М. И.

Письма схимонаха Иннокентия к Леониду (Кавелину)
Ф. 148. К. 12. № 32

1

1884, 22 декабря

Ваше Преосвященство

Глубокоуважаемый отец Архимандрит!

В дополнение посланных рисунков посылаю при сем чертежи: древнюю церковь бывшего города Команы в двух видах и карту Абхазии в 20-верстном масштабе в дюйме. Все эти чертежи сделаны мною верно, их непременно нужно включить в общую коллекцию, а также и город Сухум как столицу и средоточие Абхазии. На карте показаны только те места и храмы, какие входят в состав Описания, и о коих прилагаются рисунки; других же селений и церквей не показано, да и не следует, по-моему, тем более, что те храмы принадлежат к новейшим временам; но не знаю, известно ли Вам, что по Кодору, Бзыби и в других местах существует еще множество развалин древних церквей, о которых не мешало бы, хотя коротко, упомянуть. К сведению Вашему нужно доложить, что Дубрипш не снят нами по совершенной невозможности: вершина горы вся занесена снегом еще с сентября месяца, и ход на гору решительно невозможен по чрезмерной крутизне; заблаговременно я не мог снять собственно чрез о. игумена, потому <что> все время он меня задерживал; как ни попрошусь, он находит причины к остановке и отлагает до более удобного времени, а потому рисунки так поздно и отправлены к Вам. Дубрипш мы снимем в мае или июне месяцах, и можно будет поместить этот храм во 2-ом издании.

Фотограф всепокорнейше Вас просит, дабы Вы не оставили его за труды, поручить резчику, чтобы он на краях рисунков мелко пояснил слова: «С фотографии С. Бохонова». Он в этом находит для себя важное значение и репутацию сообразно его неутомимой деятельности и любви к фотографическому искусству. Он заслуживает похвалы и уважения, особенно при таких плачевных приспособлениях с нашей стороны. Он, бедняк, много натерпелся по путевым съемкам разных громадных неудобств, и потому не откажите, Батюшка, исполнить мою

просьбу. Отец игумен послал к отцу Досифею в Москву письмо, чтобы он по требованию Вашему отпускал Вам деньги на гравюры, а Вы, добрейший батюшка, все делайте по Вашему благоусмотрению, имея в виду, чтобы сочинение и украшение издания было сколь можно лучше и роскошнее, не жалея средств с нашей стороны. Наши афонские старцы при издании книг всегда держатся этих правил.

Прося Ваших святых молитв и благословения, остаюсь с глубочайшим почтением и преданностью к Вам

грешный схимонах Иннокентий.

P.S. Из С.-Петербурга мы имеем сведения, что о передаче нам Пицундского храма Синодом уже сделано распоряжение.

При сем прилагается адрес археолога грека и записка о церкви Команской. Вы можете к нему писать, он обещался нам исполнять всякие требования по этому делу.

22 декабря 1884 г.

Новый Афон

2

1885, 15 сентября

Ваше Преосвященство, честнейший архимандрит отец Леонид, благословите!

Приятнейшее письмо Ваше от 28-го августа с книгою: *Абхазия и проч.* я имел честь получить 13 сентября и только успел наглядно пробежать некоторые места. На Ваше письмо и о книге я буду отвечать Вам особо и вскоре, а теперь, только чтобы не упустить нынешнюю почту, спешу Вас поблагодарить за Ваш драгоценный подарок и Ваше милостивое внимание ко мне, недостойному, и сообщить Вам о некоторых ошибках, замеченных мною в книге. Может быть, еще есть возможность исправить их, если не напечатано книг много, или приложить сведение об опечатках; именно: на 102 странице в 23 строке напечатано *в Анапе*, а нужно *в Туапсе*; на той же странице во 2-й строке снизу напечатано *1844*, а нужно *1884*. На стр.107 в строке 24 напечатано *Гудинову*, а нужно *Чудинову* и исправить везде, где встречается эта фамилия; на стр.109 в 3 строке сказано *казачий пост*, а нужно *пост пограничной стражи*; на той же странице в 15 строке сказано *после*, а нужно сказать после слова в 12 строке *не пришлось* так: *Гасан замешан был в политических делах и бежал в Турцию, а дом его обращен в церковь, которая в минувшую войну потерпела разорение и ныне находится в развалинах.*

На странице 111 в 11 строке напечатано *вершок*, а нужно *аршин*. *Рыба была велика и достигала до 18 фунтов веса каждая*.

Остальное все хорошо и прекрасно! Идет пароход, и я спешу послать это письмо Вам в надежде, не будет ли возможности исправить погрешности? При этом прошу Вас, добрейший Батюшка, не откажитесь с первой почтой прислать ко мне сведение о цене книги, я буду публиковать в *Кавказе*[20] и *Одесском вестнике*[21].

Прося Ваших святых молитв и благословения, остаюсь Вашего Преосвященства Честнейшего отца усердный богомолец

схимонах Иннокентий

15 сентября 1885 г.
Новый Афон

3
<1885>, 10 ноября

Дополнение к письму от 10 ноября[22].

Я ездил в Тифлис и лично подал владыке экзарху рапорт о возвращении чудотворной Пицундской Божией Матери[23] в Пицунду с духовно-церемониальным торжеством и предварительным объявлении о том в *Церковном вестнике*[24] и других газетах, при полном собрании абхазцев, к чему будет приглашен и экзарх для полноты торжества. Владыка принял это к сердцу и наш оригинальный рапорт при своем ходатайстве представил в Синод. А мы, сверх того, по совету владыки, написали официальное письмо обер-прокурору. Со следующей почтой я вышлю Вам копии с рапорта экзарху и письма обер-прокурору. При этом я поднес владыке Вашу книгу. Он ее поверхностно рассматривал и весьма был рад подарку этому. Но я не знаю, что это так невнимательны к нам наши московские отцы. Вот уже два месяца, как

---

[20] Кавказ — газета, издавалась в Кавказском регионе Российской империи в 1846–1918 гг.

[21] Одесский вестник — газета, выходившая в Одессе в 1827–1893 гг.

[22] Письмо не сохранилось.

[23] Пицундская икона Божией Матери была вычеканена из позолоченного серебра в 1568 г. (по другой версии в конце X в.); из-за военных действий Османской империи против Абхазии во второй половине XVI в. была перенесена из Пицунды в Гелатский монастырь в Грузии в Кутаиси.

[24] Церковный вестник — еженедельное издание Святейшего Синода РПЦ в 1875–1917 гг.

мы потребовали 20 экземпляров книги в лучшем переплете с золотым обрезом для подарков высшим лицам, но ни слуху, ни духу от них.

Иннокентий

4

1885, 1 декабря

Христос Господь посреди нас!

Ваше Преосвященство честнейший отец архимандрит!

Благословите, Батюшка!

Спешу уведомить Вас на Ваше письмо. По получении от Вас первой книги, я тогда же написал в Москву о присылке 20 экземпляров в лучшем переплете с золотым обрезом для подарков высоким лицам. Ныне эти книги получены и вместе с сим рассылаются, именно: экзарху, кн. Дондукову-Корсакову[25], помощнику его генералу Шепелеву[26], генерал-лейтенанту Комарову[27], вице-губернатору Смекалову[28], великому князю, сенатору Филиппову[29] и прочим. А обер-прокурору за месяц пред сим послана без переплета по случаю просьбы о Пицундской святой иконе с указанием 39 и 40 страниц, где писано об этой иконе. Книгой Вашей многие интересуются. О получении Вашего драгоценного снимка слов из старинного Пролога об апостоле Андрее Первозванном я уже писал Вам. Также и на другие Ваши вопросы я отвечал. Но, может быть, что-либо и позабыл или, быть может, не разобрал; при этом я признаюсь Вам, что никак не могу привыкнуть к почерку Ва-

---

[25] Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893), князь — русский военный и государственный деятель; в 1882–1890 гг. главноначальствующий на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа.

[26] Шепелев Александр Александрович (1840–1887) — генерал-майор, директор канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, военный историк.

[27] Комаров Константин Виссарионович (1832–1912) — в 1878–1883 гг. военный губернатор Батумской области, в 1886 г. произведен в генерал-лейтенанты.

[28] Смекалов Алексей Михайлович (1838–1890) — русский военный деятель; в 1881–1883 — Батумский военный губернатор; в 1883–1886 гг. Кутаисский военный губернатор.

[29] Филиппов Тертий Иванович (1826–1899) — русский государственный деятель, православный богослов, публицист; с 1883 г. сенатор и эпитроп Гроба Господня.

шей руки, читаю письма Ваши с великим трудом; одно письмо Ваше я разбирал буквально целый день и едва-едва разобрал, и читал его отцу игумену уже в копии снятой. Иван Алексеевич Никифоров[30] признавался мне, что и он испытывает подобное затруднение при чтении Ваших писем. Простите великодушно меня за подобное откровение. Может быть, я, не разобравши хорошо Вашего требования, что-либо пропустил без уведомления Вас. Вы в последнем письме упоминаете, что я чего-то не исполнил; но я не могу припомнить, что именно, а Вы не указали прямо; если что-либо нужное, то соблаговолите написать о том. Вы, вероятно, послали книгу на Афон зараз же по отпечатании, и, вероятно, покойный батюшка отец Иероним[31] заживо прочитал ее, судя по времени между выходом книги и смертью его. Когда будем издавать книгу во 2-й раз, то непременно поместим Дубрипш и картинку переправы отряда Кравченко чрез Кодор, которую я уже нарисовал, только нужно будет отдать ее хорошему художнику, чтобы он с моим личным участием нарисовал ее хорошо и правильно. Местность эту я помню хорошо, картина выйдет весьма интересная и многих будет удивлять.

Прося Вашего благословения и святых молитв, имею честь быть Вашего Преосвященства всепокорнейший слуга и усердный богомолец,

грешный схимонах Иннокентий

1 декабря 1885
Н. Афон

5
1887, 22 марта

Христос Господь посреди нас!
Ваше Высокопреосвященство! Душевно почитаемый Батюшка отец Леонид, пастырски благословите!

Господь Бог благословил нас дорогим гостем, наставником и покровителем, в чем, на мой взгляд, мы имеем великую нужду. Владыка мне привез от Вас поклон и привет. Благодарю Вас, любезнейший батюшка, за память Вашу обо мне грешном. Добрейший и приветливый архипастырь ко мне очень расположен, я чувствую себя недостойным таких его ласк. Он, конечно, являет мне свое расположение по Вашей рекомендации. За каковое Ваше милостивое внимание приношу Вам

[30] Никифоров Иван Алексеевич — автор книги: *Н[икифоров] И.* Абхазия и в ней НовоАфонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1899. 141 с.

[31] Схиархимандрит Иероним (Соломенцев).

мою душевную благодарность. Владыка говорил мне о Вашем желании поскорее устроить Вам помещение в Пицунде. О! если бы это зависело от меня, давно бы уже было устроено все, что нужно, и в хорошем виде. Но как бы то ни было, я отныне приму самые горячие меры и, если мне не удастся совладеть с отцом игуменом, я буду писать отцу Макарию; он, однако ж, в мае обещал быть у нас, и это было бы еще лучше, я лично бы с ним все это устроил и сам принял бы на себя постройку, так как я строительную часть знаю лучше отца Иерона. Будем надеяться, потерпите немного.

Трактат мой о пении окончен. Он разделяется на 5 глав и заключение. Его Владыка читал и одобрил, и присоветовал мне послать не прямо к Саблеру[32], а чрез архиепископа Харьковского Амвросия[33], как великого ревнителя знаменного напева; и я совет его исполнил. 1 марта при письме своем отправил ему и вызвался на труд, чтобы церковный нотный Ирмологий перепечатать в 2 линии с басом, т. е., чтобы выходило по нем правильное трио. Вскоре ожидаю от Преосвященного Амвросия ответ. Когда будет мой трактат напечатан, то я пришлю Вам несколько экземпляров. Надеюсь, что мой труд будет весьма <полезен> для русских православных церквей, так как в нем подробно излагаются в 3-й главе правила к достижению правильного и разумного пения и ясно описывается смысл и значение простого цефаутного ключа[34], который в наше время весьма редко понимают как должно. Теперь скоро я пришлю Вам давно обещанную мною статью о Пицунде. По поводу прибытия к нам Владыки и приема его я написал статью, которая напечатана в № 59 газеты *Кавказ*.

Добрейший батюшка, не откажитесь принять на себя труд выслать мне книгу, недавно вышедшую 4-м изданием под заглавием «Простая речь о мудреных вещах», сочинение профессора М. П. Погодина[35], в хорошем переплете. Я по получении деньги по стоимости немедленно вышлю к Вам.

---

[32] Саблер Владимир Карлович (1845–1929) — государственный деятель Российской империи, в 1883–1892 гг. управляющий канцелярией Синода. Был обер-прокурором Священного Синода (1911–1915).

[33] Амвросий (Ключарев; 1820–1901) — архиепископ Харьковский и Ахтырский, богослов, известен своими проповедями.

[34] Цефаутный ключ — обозначение в русских певческих рукописях и нотных печатных церковных книгах средневековой сольмизационной системы.

[35] Простая речь о мудреных вещах / соч. Михаила Погодина; 4-е изд. М.: С. И. Леухин, 1884. 402 с.

В надежде на Вашу любовь и великодушие остаюсь с глубочайшим почтением к Вам и душевной преданностью готовый к услугам усердный богомолец Ваш

грешный схимонах Иннокентий.

22 марта 1887 г.
Нов. Афон

6
1887, 3 января

Ваше Преосвященство
Преподобнейший и честнейший архимандрит отец Леонид!
Благословите!

Поздравляя Вас с наступлением Нового года, искренно желаю Вам от Господа Бога великих милостей и щедрот, а также и исполнения всех Ваших благих желаний. При этом умиленнейше прошу Вашего прощения за неисполнение до сего времени моего обещания — статьи о Пицунде. Дела и переписка все растут и увеличиваются, а я по-прежнему работаю один, к тому же во время пятидневного гощения у нас господина обер-прокурора, при беседах с ним, более всего у нас речь шла о церковном пении; я, как специалист музыкальной системы и науки и смаленька знаком с кругом знаменного пения, предлагал способы и указывал средства к восстановлению в России знаменного напева и разумного исполнения его и вызвался написать об этом статью для напечатания в *Церковном вестнике*. Хотя в этом журнале уже много писано о пении, но решительно нет ни одной дельной статьи; в некоторых из них ясно было видно, что авторы тех сочинений решительно не понимали предмета, о котором писали. На заявление мое Его Высокопревосходительство весьма обрадовался и просил меня написать сочинение. С помощью Божьей и опытом моим я написал целый трактат, разделенный на 5 глав. Первая содержит исторический обзор музыкальной науки, время происхождения ее, развития и краткое понятие о семи звуках. Вторая — о древнем знаменном напеве. Третья — о правилах к достижению разумного пения. Четвертая — о неудобностях ко введению для народного пения в церквах, и вместо пятой главы — заключение. Сочинение это переписываю я уже набело; к нему в виде опыта прилагаются 1-го и 2-го гласа воскресные богородичны обиходные с положенным к ним басом. Этот труд много отнял у меня времени, и вот по этой-то причине я и не мог прислать Вам статью о Пицунде чрез неделю; я отошлю свой трактат к господину обер-прокурору, а затем займусь моим обещанием Вам.

У нас все, слава Богу, благополучно. Ожидаем нового Сухумского Владыку Преосвященнейшего Геннадия[36].

Прося Ваших святых молитв и благословения, остаюсь смиреннейший и покорнейший слуга и молитвенник Ваш

грешный схимонах Иннокентий.

P.S. Глубокопочитаемому отцу Никону низко кланяюсь и поздравляю с Новым годом с таким же пожеланием.

3 января 1887 г.

Н. Афон

7

1889, 12 января

Ваше Высокопреосвященство!
Всечестнейший архимандрит,
Глубокопочитаемый Батюшка отец Леонид,
пастырски благословите!

Два раза я, грешный, удостоился получить чрез нашего Преосвященнейшего епископа Геннадия от Вас милостивый привет и прошу Вашего великодушного прощения, что я до сего времени не изъявил пред Вами мою сердечную благодарность за Ваше милостивое внимание и память обо мне. Частью служила препятствием моя продолжительная болезнь. Я 9 месяцев страдал сильнейшим ревматизмом, отнимавшим всякую возможность к письму. Ныне, благодарение Господу Богу, я совершенно здоров. Недавно я узнал от Преосвященного Владыки, что Всемилостивейший Государь почтил Вас Высочайшей наградой, возложив на Вас знак ордена 1-й степени св. Анны. С каковою милостью, а также и с наступившим Новым годом, искренно радуясь Вашему благополучию, поздравляю и от чистой души желаю, чтобы богатый в милостях и щедротах Господь Бог непрестанно изливал на Вас свои высокие дары и продлил Вашу жизнь еще на долгие лета для блага вверенной Вам святой обители, и чтобы труды Ваши увенчал венцом нетления в будущей жизни в Своем Небесном Царствии. При чем нужным нахожу сообщить Вам, что я сколько раз настаивал у нашего отца игумена о постройке для Вас дома в Пицунде; но, к сожалению, он так сильно занят постройкой нового монастыря, что решительно на другие дела не обращает внимания; но я надеюсь помочь этому горю. Чрез две недели я по-

[36] Епископ Геннадий (Павлинский; 1834–1889) — епископ Сухумский в 1886–1889 гг.

еду, если Господь благословит, на Старый Афон, переговорю там с отцом Макарием и постройку в Пицунде дома для Вас приму на себя, чтобы не отвлекать этим делом отца Иерона. Строительная часть мне хорошо известна, отец игумен Иерон будет согласен на это очень, я уже говорил и с ним. При возвращении моем из Афона я надеюсь, если Господь допустит быть в Москве, и первейшим делом и долгом поставлю для себя съездить в Лавру и повидаться с Вами, а до того, прося Вашего пастырского благословения и святых молитв, остаюсь с глубоким почтением и преданностью к Вашему Преосвященству Глубокопочитаемому отцу смиренный молитвенник Ваш

грешный схимонах Иннокентий.

12 января 1889 г.

Новый Афон

P.S. Отцу Никону глубочайшее почтение свидетельствую

8

1890, 12 января

Ваше Преосвященство, честнейший Батюшка отец архимандрит!
Благословите!

Поздравляя Вас с Новым годом, искренно желаю Вам от Господа Бога всяких милостей и щедрот. Да подкрепит Господь Ваши силы для Вашей высокой деятельности на чреде Вашего великого служения.

Прилагаю при сем брошюру мою о древнем знаменном пении[37] и душевно бы желал узнать Ваше мнение касательно 4 главы, о церковном общественном народном пении; если достанет Вам время, то благоволите, хотя кратко, сказать что-нибудь.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Преосвящества Честнейшего отца смиренный и усердный молитвенник,

грешный схимонах Иннокентий.

12 января 1890 г.

СПб.

P.S. Другой экземпляр благоволите вручить по адресу. Нотная книга моего всенощного бдения еще рассматривается.

[37] *Иннокентий, монах.* Древнее русское знаменное пение и о разумном исполнении его / сост. Ново-Афон. Симоно-Кананит. монастыря монах Иннокентий. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1890. 22 с. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01003657951#?page=25 (дата обращения 05.06.2010).

DOI:
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРЕТЕНЗИЯХ ИМЯСЛАВЦЕВ НА ПИЦУНДСКИЙ СКИТ НОВО-АФОНСКОГО МОНАСТЫРЯ

© 2021 г. М. С. Крутова

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В Отделе рукописей РГБ хранятся разножанровые материалы о претензиях имяславцев на Пицундский скит Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря: письма, рапорты, прошения. Причиной возникновения имяславских споров считается книга «На горах Кавказа», схимонаха Илариона (Домрачёва), который был приписан к Ново-Афонскому монастырю после того, как покинул Старый Афон. Оригиналы публикуемых документов хранятся в Отделе рукописей РГБ в фонде епископа Никона (Рождественского), который, будучи членом Священного Синода, активно выступал против этого религиозного движения, возникшего на Старом Афоне в начале XX в. Ценность публикуемых документов заключается в том, что они рассказывают о малоизвестной странице истории Ново-Афонского монастыря.

Ключевые слова: История русской литературы, Ново-Афонский монастырь, Святая Гора Афон, Пицундский скит, епископ Никон (Рождественский), имяславие, схимонах Иларион (Домрачёв).

Информация об авторе: Марина Семеновна Крутова — доктор филологических наук, главный палеограф, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ул. Воздвиженка, д. 3/5, 119019 г. Москва, Россия; профессор, Московская духовная академия, Троице-Сергиева Лавра, Академия, 141300 г. Сергиев Посад, Московская область, Россия; профессор, Московский государственный областной университет, ул. Веры Волошиной, д. 24, 141014 г. Мытищи, Московская обл., Россия. E-mail: mskrutova@yandex.ru.

Для цитирования: *Крутова М. С.* Рукописные материалы о претензиях имяславцев на Пицундский скит Ново-Афонского монастыря // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 295–320. DOI:

MANUSCRIPT ABOUT THE CLAIMS OF THE ONOMATODOXISTS TO PITSUNDA SKETE OF THE NEW ATHOS MONASTERY

© 2021. Marina S. Krutova

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No 20-012-00098A).

Abstract: The Department of Manuscripts of the Russian State Library contains materials of different genres about the claims of the Onomatodoxists to Pitsunda skete of the New Athos Monastery, named after Simon the Canaanean — letters, reports, petitions. The reason for the Onomatodoxists disputes is believed to be the book "On the Caucasus Mountains" by Schemamonk Ilarion (worldly Ivan Domrachyov), who was assigned to the New Athos monastery after he had left Old Athos. The originals of the published documents are kept in the Department of Manuscripts of the Russian State Library in the fund of Bishop Nikon (worldly Nikolay Rozhdestvenskiy); the former was a member of the Most Holy Synod, actively opposed the religious movement which arose on Old Athos in the early 20th century. The value of the published documents lies in the fact that they tell about a little-known page in the history of the New Athos Monastery.

Keywords: History of Russian Literature, New Athos Monastery, Holy Mount of Athos, Pitsunda skete, Bishop Nikon (worldly Nikolay Rozhdestvenskiy), Onomatodoxy, Schemamonk Ilarion (worldly Ivan Domrachyov).

Information about the author: Marina S. Krutova, DSc in Philology, Chief Palaeographer, The Manuscripts Department of the Russian State Library, Vozdvizhenka 3/5, 119019 Moscow, Russia; Professor, Moscow Theological Academy, Trinity-Sergius Lavra, Academy, 141300 Sergiyev Posad, Moscow Region, Russia; Professor, Moscow Region State University, Very Voloshinoy St. 24, 141014 Mytishchi, Moscow Region, Russia. E-mail: mskrutova@yandex.ru.

For citation: Krutova, M. S. "Manuscript about the Claims of the Onomatodoxists to Pitsunda Skete of the New Athos Monastery." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, p. 295–320. (In Russian) DOI

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде епископа Никона (Рождественского), хранится значительный комплекс материалов, связанный с имяславием — религиозным «движением почитателей имени Божия, начавшимся в русских монастырях

Афона в 1909–1913 гг.»[1], вызвавшим очень острую богословско-догматическую полемику относительно имени Божьего. Движение имяславия было признано Священным Синодом еретическим, и свыше 800 его сторонников было выслано в Россию. Перед ними встал вопрос, где жить, сохранив свою монашескую общину. Поскольку Ново-Афонский монастырь на Кавказе был в свое время выстроен как своеобразное подворье русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, имяславцы стали претендовать на принадлежавший Ново-Афонскому монастырю скит в Пицунде. Это вызвало резкое несогласие у насельников скита, которые в течение 29 лет не щадили сил и средств для восстановления обители, разрушенной во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Для них этот скит (называемый в письмах также монастырем) «был единственным пристанищем», где «престарелые и недужные из числа братии [Ново-Афонского монастыря], ввиду уединенного положения Пицунды, могли бы найти <…> мирное и спокойное существование». Об этом, в частности, свидетельствуют публикуемые ниже «Рапорт Сергию, епископу Сухумскому[2], о состоянии скита в Пицунде, куда Афонские монахи (имяславцы) просили их поместить» от 31 мая 1914 г. и приложенное к нему письмо от архимандрита Илариона (Кучина)[3], настоятеля Ново-Афонского монастыря к тому же епископу от 3 июня 1914 г. Еще один публикуемый документ — прошение монаха Климента, доверенного Русского на Афоне Свято-Андреевского скита, об отказе «имябожникам» в их ходатайстве «о передаче им подворий Афонских обителей», адресованное «Платону, митрополиту Тифлисскому и Кавказскому, председателю девятого отдела Священного Собора Всероссийской Православной Церкви» от 15 ноября 1917 г. Таким образом, Пицундский скит Ново-Афонского монастыря удалось отстоять, и «имябожники», как еще называли имяславцев, его не получили. Из литературы, посвященной изучению имяславия, известно, что «большая часть имяславцев перебралась в 1913 г. в поселок Псху в 80 км от Сухума»[4].

---

[1] *Архиеп. Иларион (Алфеев).* Имяславие // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 22. С. 457.

[2] Сергий (Петров) (1864–1935) — епископ Сухумский с 22 декабря 1913 г.

[3] Иларион (Кучин), архимандрит (1842–1931) — настоятель Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря с 1897 г. по 1924 г. (См.: Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон: Издание Русского Св.-Пантелеимонова монастыря на Афоне. М.: Голос-пресс, Афон, 2013. С. 641).

[4] *Половнев И.* Страна Псху. Очерки. Сухум: Абгосиздат, 1931. С. 25.

Отнюдь не случайно, что материалы, связанные с имяславием, хранятся в фонде епископа Никона (Рождественского), поскольку он вместе с архиепископом Антонием (Храповицким) и С. В. Троицким, входил в состав комиссии, посланной на Афон Священным Синодом, перед которой стояла задача разобраться с тем, что происходило на Афоне. Епископ Никон (впоследствии митрополит) является автором нескольких работ об имяславии[5].

Причиной возникновения имяславских споров на Афоне многие исследователи считают книгу «На горах Кавказа», автором которой является схимонах Иларион (Домрачёв)[6], о котором известно, что «в 80-х гг. XIX в. удалился с Афона на Кавказ, где был приписан к Новоафонскому во имя св. ап. Симона Кананита монастырю»[7].

Вопрос об истории имяславия является достаточно сложным, к нему обращались многие исследователи, и он подробно и с разных точек зрения освящен в научной литературе XIX–XXI вв.[8] В 2011 г. была опубликована часть рукописных материалов, хранящихся в ОР РГБ и ГАРФ[9]. Обзор этой литературы и публикаций рукописных материалов не входил в задачи настоящего исследования, но с целью показать остроту разгоревшейся полемики, мы публикуем копию святогорского схимонаха Денасия (Юшкова) со статьи архиепископа Антония

---

[5] *Никон (Рождественский), еп.* На Новом Афоне. Сергиев Посад, 1911. 40 с.; *Никон (Рождественский), архиеп.* Имябожники. Великое искушение около святейшего имени Божия и плоды его. Сергиева Лавра: Собственная тип., 1914. С. II+138 и др.

[6] *Архиеп. Иларион (Алфеев).* Иларион (Домрачёв) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопения», 2009. Т. 22. С. 166.

[7] Краткий очерк жизни старца Илариона и истории имяславия в России // Иларион. На горах Кавказа. 1998. С. 901–902. Цит. по: *Архиеп. Иларион (Алфеев).* Имяславие // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 22. С. 457.

[8] *Архиеп. Иларион (Алфеев).* Имяславие // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 22. С. 495; *Половинкин С. М.* Имяславцы Кавказа // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. М., 2004. С. 324–335 и др.

[9] Забытые страницы русского имяславия. Сборник документов и публикаций по афонским событиям 1910–1913 гг. и движению имяславия в 1910–1918 гг. / сост.: А. М. Хитров, О. Л. Соломина. М.: Паломникъ, 2001.

(Храповицкого) «Еще о книге “На горах Кавказа”»[10], с воспроизведенными им примечаниями некоего сторонника имяславия (имя не указано), а также со сделанными самим Денасием примечаниями к этим замечаниям. Фактически в этой копии отражены критические замечания трех человек, свидетельствующие об остроте разгоревшейся полемики.

Задача данной публикации — представить наиболее яркие документы, проясняющие историю о претензиях имяславцев на Пицундский скит Ново-Афонского монастыря, которая до сих пор не рассматривалась в научной литературе, но представляет существенный интерес для всех, кто интересуется историей этой обители.

Рапорт Сергию, епископу Сухумскому,
о состоянии скита в Пицунде,
куда Афонские монахи (имяславцы) просили их поместить.
1914 мая 31. Л. 1–4
Приложено: Письмо Илариона, архимандрита
к [Сергию, епископу Сухумскому]. 1914 июня 3. Копия.
Ф. 765 (Никон Рождественский). Иларион, архимандрит.
К. 4. Ед. 33.

Его Преосвященству, Преосвященнейшему
Сергию, епископу Сухумскому
Рапорт

Бывшие «имебожцы»[11] 18 сего мая подали Высокопреосвященнейшему Макарию, митрополиту Московскому, просьбу, в которой между прочим просят ходатайства Его Преосвященства пред Его Императорским Величеством, Государем Императором и Святейшим Синодом о том, как они выражаются в своей просьбе, «дабы мы все изгнанники афонские были собраны все в скит Пицунда на Кавказе, как сие предположено было Вами, на правах общежительного монастыря с уставом, одинаковым с утвержденным для Ново-Афонского Симона Кананитского монастыря» (Газета «Колокол» от 24 текущего месяца № 2417).

Ввиду такого домогательства со стороны бывших «имебожцев» честь имею смиреннейше доложить Вашему Преосвященству о нижеследующем:

---

[10] *Антоний (Храповицкий), архиеп.* Еще о книге схим. Илариона «На горах Кавказа» // Русский инок. 1912. № 10. С. 62–63.

[11] Так в рукописи.

Пицундский храм представляет из себя величественный памятник ревностного усердия к святой православной вере боголюбивого императора Юстиниана I Управды[12], славянина по происхождению. Храм этот, созданный им в 552 году, за время своего существования претерпел множество бедствий и разорений.

С присоединением здешнего края к России блаженной памяти Император Александр I Благословенный в 1821 году и Николай I в 1831 году, хотя и выражали царственное желание о возобновлении Пицундского храма[13], но таковое их желание, несмотря на то, что в 1845 году из сумм государственного казначейства было ассигновано на восстановление оной древности 35 193 рубля 50 коп., осталось без исполнения.

Только в царствование Императора Александра II, благодаря заботам бывшего Наместника Кавказского Великого князя Михаила Николаевича[14], Пицундский храм восстановлен и освящен 27 сентября 1869 года. В конце 1873 года, по предложению великого князя Михаила Николаевича, Свято-Троицкая Сергиева Лавра открыла при Пицундском храме из своей братии монастырь на штатном от Правительства содержании[15]. Но в ноябре 1876 года бывший настоятель Пицундского

[12] Юстиниан I Великий (482–565) — один из великих монархов, который правил Византией с 527 по 565 г. При рождении в Македонии получил имя Управда.

[13] Пицундский храм, или Пицундский скит, принадлежал Ново-Афонскому монастырю.

[14] 6 декабря 1862 г. великий князь Михаил Николаевич был назначен Наместником Кавказа, и вскоре кровопролитная война была закончена.

[15] Ср.: «Правительство, исполнив свои обеты, т. е. восстановив из развалин древнейшую местную святыню, устроило в ней монастырь из братии Троице-Сергиевой Лавры. Настоятелем “монастыря” назначен архимандрит Феофил, некогда миссионер в русских северо-американских владениях. Настоятелю положено в год 300, двум иеромонахам по 250, иеродиаконам по 200 руб. с пайками и 4 послушникам по 50 руб. каждому. Новая восточная 1877 года заставила монахов оставить Пицунду; сперва они жили в Гелатском монастыре, а потом получили дозволение вернуться в Троице-Сергиеву лавру и назад в Пицунду уже не возвратились» (Цит. по: *Леонид, архим.* Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь: с планом Абхазского приморского берега, с 21-м рис. памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря: в пользу строящейся обители. М.: Тип. В. Ф. Рихтер, 1885. Ч. 1. Абхазия. 143 с.).

монастыря архимандрит Феофил[16] с братией возвратился в свою обитель.

Во время русско-турецкой войны в 1877–1878 годах от возмущенных турками абхазцев были опять повреждены Пицундский храм и принадлежавшие ему здания. Целых восемь лет стояла оная святыня в запустении; в стенах крепостных, при храме, помещалась таможенная стража; земельные участки были захвачены посторонними лицами из туземцев. А в храме и прочих зданиях ко времени передачи Пицунды Новому Афону не было ни дверей, ни стекол в окнах, все было побито, поломано, даже полы и крыши везде требовались новые. Не оставалось никакой надежды на возможность приведения запустевшей святыни в подобающий ей благолепный вид.

При таких трудных обстоятельствах для Пицунды гражданское начальство и высшая церковная власть до 4-х раз делали предложения покойному предместнику моему архимандриту Иерону[17] взять, хотя во временное свое заведывание, создание великого Юстиниана.

При тогдашних условиях положения Нового Афона и Пицунды дело представляло крайние трудности. Пицунда была в полном запустении, находилась довольно далеко от Нового Афона (в 60 верстах), не имея с ним никакого сухопутного сообщения; за сим крайняя лихорадочность той местности, отсутствие вблизи Пицунды населения, неимение доброкачественной воды, а также и скудость своих денежных средств, в коих обитель наша всегда нуждалась как для устройства зданий в Новом Афоне, так равно и для содержания братии около 600 человек — все это препятствовало присоединению Пицунды к Новому Афону. И тем не менее, отец архимандрит Иерон, в уповании на ми-

---

[16] «*Феофил*, Настоятель Пицундскаго монастыря в Абхазии с 1873, а с 1879 Наместник Виленскаго Свято-Духова монастыря, потом Настоятель Сурдечскаго мон., † 1888 г.». См.: *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам профессором Московской духовной академии А. В. Горским в 1841 году, с приложениями архимандрита Леонида: [в 2 ч.]. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1879. С. 117.

[17] Игумен Иерон (Носов-Васильев) (1829–1912) переселился со Святой Горы в Абхазию для строительства Ново-Афонского монастыря, настоятель Ново-Афонского монастыря. См.: Иерон (Носов; он же Васильев), схиархимандрит // Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон: Издание Русского Св.-Пантелеимонова монастыря на Афоне. М.: Голос-пресс, Афон, 2013. С. 320–326.

лость Божию и ради послушания церковной власти, принял Пицунду, но с условием, чтобы таковая была передана Новому Афону в полное и вечное владение, так как именно только при условии передачи во всегдашнее владение скита он, отец Иерон, и решился делать большие денежные затраты на восстановление этой святыни.

2 марта 1885 года состоялось Высочайшее повеление о передаче нашей обители Пицундского храма, а 3 сентября того же года Высокопреосвященнейшим архиепископом Павлом, экзархом Грузии[18], в присутствии главноначальствующего на Кавказе князя Дондукова-Корсакова[19], при большом стечении народа уже состоялось освящение обновленного Пицундского храма в честь Успения Пресвятой Богородицы, с открытием при оном иноческого жития со вселенными отправлениями богослужения по чину Святой Афонской горы.

С того времени вот уже в продолжение почти 29 лет обитель наша, несмотря на все вышеописанные затруднения, всегда прилагала неутомимое усердие к благоустройству Пицунды, не щадя трудов и денежных издержек, количество которых за эти 29 лет превышает 300 тысяч рублей. В настоящее время, невзирая на главные значительные затруднения, мешавшие вящему благоустройству Пицундского скита нашей обители, а именно: скудость денежных средств, отсутствие удобных путей сообщения к Пицунде (грунтовой дороги туда не имеется), а также упорность малярийных заболеваний, названный скит достиг возможного благоустройства.

Теперь, когда обитель наша в продолжение 29-летних трудов и забот привела Пицунду в подобающий святому месту вид и может рассчитывать на то, что престарелые и недужные из числа братии, ввиду уединенного положения Пицунды, могли бы найти там мирное и спокойное существование, неужели оная святыня будет у нас отнята и передана другим насельникам, чуждым для нашей обители?

Для нас, по меньшей мере, странно требование иеросхимонаха Булатовича[20] с единомышленной ему братией. Стараясь себя обелить после печальных недавних событий на Старом Афоне, они называют себя невинными изгнанниками со Святой Горы Афонской. Но если,

[18] Архиепископ Карталинский и Кахетинский Павел (Лебедев) — экзарх Грузии в 1882–1887 гг.

[19] Князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1820–1869) — чиновник Министерства народного просвещения, вице-президент Санкт-Петербургской Академии наук, тайный советник, цензор, главноначальствующий на Кавказе в 1882–1890 гг.

[20] Иеросхимонах Антоний (Булатович) (1870–1919) — лидер религиозного движения имяславцев.

конечно, погрешая против истины, допускать и это, то и тогда при чем же здесь наша обитель? Почему именно им Пицунда должна быть передана, и куда деваться братии Пицундского скита? Не искать же ей места в других монастырях? Не лучше ли это сделать самим бывшим «имебожникам». Но, может быть, они желают обособиться от других иночествующих в пустынной обители; в таком случае, если благоволит высшая церковная власть, она может отвести им какой-нибудь из древних кавказских монастырей, ожидающих возобновления: пусть они там сами потрудятся и благоустрояются, как будет нужно.

Ввиду всего вышеизложенного, имею честь смиреннейше просить Ваше Преосвященство оградить нашу обитель от притязаний бывших «имебожников» и не отказать в Вашем пред Святейшим Синодом ходатайстве о том, чтобы Пицундский скит оставался по-прежнему во владении нашего монастыря, и чтобы допущение в Пицунду даже на время кого-либо из подписавших упоминаемую ранее просьбу Высокопреосвященнейшему Макарию[21] не было разрешаемо, так как у нас пока еще некоторые и из своих старцев помещаются по двое-трое в одной келье и нуждаются в б*о*льшем покое.

На подлинном подпись: Настоятель монастыря архимандрит Иларион.

Приложение к рапорту. Письмо Илариона, архимандрита, к [Сергию, епископу Сухумскому[22]]
1914 июня 3. Л. 5–6

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший архипастырь и отец,
Святительски благословите!

Признаться, за последнее время я несколько обеспокоен слухами о домогательствах имебожцев относительно передачи им Пицундского скита. Слухи эти, хотя прокрадались и раньше в периодических изданиях, но они поначалу казались не заслуживающими внимания. Но в недавнем за минувший май № 2417 газеты «Колокол» есть уже и такие сведения, которые говорят за то, что о. Булатович со своими подвижниками находят сочувствие в Москве и даже готовы возбудить ходатайство пред Государем Императором и Священным Синодом о

[21] Макарий (Сушкин) (1820–1889), архимандрит — настоятель Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря.

[22] Архиепископ Сергий (Петров) (1864–1935) — епископ Сухумский с 22 декабря 1913 г.

передаче им нашего скита и о награждении их значительными денежными суммами из капиталов Афонских Святого Пантелеимонова монастыря и Андреевского скита. В предубеждение могущих возникнуть недоразумений рапортом от 31 мая за № 402 я прошу нашего местного Владыку об ограждении нашей обители от посягательств «имебожцев» на Пицундский скит. Все, что казалось мне нужным по сему вопросу, подробно изложено в рапорте, копию коего я и прилагаю у сего. Я не буду говорить, какое настроение породило движение имебожцев в иноческой среде. Вам, Владыко святый, это дело лучше других известно! Не скрою, опасаюсь я, как бы и на самом деле имебожцы (если найдут большую поддержку) не вторглись в Пицундский скит. Хотя это будет крайней несправедливостью. У нас в Пицунде своей братии до 60 человек. Куда же она должна будет идти? Да, кроме того, на стороне имебожцев въяве стоял в среде иночествующих весь беспокойный элемент. И, если они попадут в положение торжествующих, да поселятся в соседстве с нами, для обители нашей будет неминуемая крайняя беда, так как призатихшие их сторонники поднимут свой голос.

Все это побуждает меня утруждать Ваше внимание настоящим письмом и смиреннейше просить, если представится для Вашего Высокопреосвященства возможным и нужным, не откажите войти в защиту нашей обители пред Святейшим Синодом.

Поручаю себя и обитель святым Вашим архипастырским молитвам
Вашего Высокопреосвященства Нижайший послушник
Архимандрит Иларион с братией о Христе.

3 июня 1914 года
Новый Афон

Климент, монах[23], доверенный Русского на Афоне Свято-Андреевского скита. Прошение Платону, митрополиту Тифлисскому и Кавказскому[24], председателю девятого отдела Св. Собора

[23] К этой теме автор статьи обратился и в опубликованной статье. См.: *Климент, мон.* Имебожнический бунт или плоды учения книги: «На горах Кавказа». (Краткий очерк Афонской смуты) // Исторический вестник. Март 1916. Т. CXLIII. С. 732–785.

[24] Митрополит Платон (Рождественский) (1866–1934) — архиепископ Карталинский и Кахетинский, с 5 декабря 1915 года; с 13 августа 1917 года — митрополит Тифлисский и Бакинский, экзарх Кавказский.

**Всероссийской Православной Церкви,
об отказе «имябожникам» в их ходатайстве
«о передаче им подворий Афонских обителей…»
1917 ноября 15. 4 л. Ф. 765. К. 4. Ед. хр. 44**

Известно мне, что это прошение (копия его при сем прилагается) внесено Святейшим Синодом в Священный Поместный Церковный Собор, и что Священный Собор передал его на рассмотрение своему Девятому отделу.

Ввиду сего честь имею дополнительно к этому прошению смиреннейше просить Ваше Высокопреосвященство милостивейше обратить внимание Девятого отдела Священного Церковного Собора на следующие обстоятельства:

1) Имебожники во главе с иеромонахом Антонием Булатовичем, замыслив сменить игумена Иеронима, оклеветали его в несуществующей «имеборной ереси». Для этого они, предварительно разбросали по коридорам скита клеветнические прокламации и разослали своих агентов по келиям, привлекая братию лестью и угрозами к подписи бумаги для смещения игумена. Таким образом, они восстановили против игумена часть братии и подняли в скиту мятеж. При этом, спеша сменить игумена, они отвергли предложение последнего послать в Святейший Всероссийский Синод депутацию с просьбой разрешить спор, вызванный учением книги «На горах Кавказа»[25], уже разрешенный Константинопольским Патриархом и его Священным Синодом в отрицательном смысле. Отвергнув это предложение, они, вопреки уставу и обычаям скита, вскоре насильственно сместили игумена, избрав вместо него архимандрита Давида[26] незаконно и против воли киириархического[27] монастыря Ватопеда. Избрание это сопровождалось насилиями: часть братий, не согласных с их новым религиозным мудрованием и не желавших сместить игумена Иеронима, избита, окро-

---

[25] *Иларион (Домрачёв), схим.* На горах Кавказа: Беседа двух старцев пустынников о внутреннем единении с Господом наших сердец, чрез молитву Иисус Христову, или духовная деятельность современных пустынников. Баталпашинск, 1907.

[26] Давид (Мухранов) (1847–1931), архимандрит. См. о нем: *Андроник (Трубачёв), игум.* Давид (Мухранов Дмитрий Иванович, 1847–1931), архимандрит // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 13. С. 564–566.

[27] Киириархический — «господствующий» (по отношению к 20 монастырям).

вавлена и изгнана из скита во главе с игуменом Иеронимом. Это вкратце напечатано нами в приложении к означенному прошению брошюре *Имебожнический бунт, или плоды учения книги «На горах Кавказа»*[28].

2) Имебожники, в лице о. Антония Булатовича, голословно в печати оправдываются в учинении ими на Афоне бунта, тогда как мы, потерпевшие, заявляя в интересах истины об этом бунте, ссылаемся в первой главе сейчас помянутой брошюры на свидетелей-очевидцев и говорим, что рассказанное нами в означенной брошюре легко может быть проверено судебным следствием, а в статье «Каково учение, таковы и средства его защиты» (стр. 38), помещенной в приложении, также приложенной к прошению книги «Святое Православие и имебожническая ересь»[29], говорим о том, что о. Антоний Булатович, в печати о «безвинном и принудительном» изгнании имебожников с Афона, должен бы в интересах истины просить у властей судебного следствия минувших афонских беспорядков, но, что он, зная, что оно изобличит его и его сторонников в бунтовщических деяниях, этого следствия не просит.

3) Это голословное оправдание имебожников рассеяно во многих газетных и журнальных статьях и в отдельных брошюрах о. Булатовича, в коих он с расчетом на неосведомленность общества с историей афонских беспорядков и на его отдаленность от Афона осторожным молчанием обходит и все то, что написано об афонских беспорядках посторонними лицами, например, брошюру И.П. «В защиту Зимнего Удела Божьей Матери Св. Горы Афонской»[30], письмо г. Лукьянова, помещенное на конце помянутой брошюры «Имебожнический бунт…»[31], книжку «История Афонской смуты…» о. Пахомия, монаха Вознесенской на Афоне кельи[32], приложенную к пре-

[28] *Климент (монах).* Имебожнический бунт или плоды учения книги «На горах Кавказа»: Крат. ист. очерк Афон. смуты / Святогор. монах Климент. Петроград: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916.

[29] Святое Православие и имебожническая ересь: в 3 ч. Харьков, 1916. 278 с.

[30] *И.П.[иеромонах Паисий].* В защиту земного удела божией матери св. горы Афонской. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1914 // Отт. из журн. «Христианин». 1913. № 11.

[31] *Климент, мон.* Имебожнический бунт или плоды учения книги: «На горах Кавказа». (Краткий очерк Афонской смуты) // Исторический вестник. Март 1916. Т. CXLIII. С. 732–785.

[32] *Паисий, иером.* История Афонской смуты Русская церковь 100 лет под анафемой (1913–1917(18)–2013–2017(18) гг.). URL: https://ispovednik.org/biblioteka/russkaja-cerkov-100-let-pod-anafemoj/istorija-afonskoj-smuty/ (дата обращения 27.09.2020).

дыдущему прошению. Равно и ссылку нашу на судебное следствие он также осторожно обходит молчанием, даже и в том случае, когда силится доказать, что будто бы в названной брошюре «Имебожнический бунт…» я оклеветал его в учинении бунта. Обходит также молчанием наше заявление и о том, что он в начале бунта предлагал членам скитского духовного собора десять тысяч рублей за смещение игумена Иеронима.

4) Впрочем, в незаконном смещении игумена он оправдывается ссылкой на 4-й пункт скитского устава (киниуума), но ссылается неправильно и замалчивает то обстоятельство, что по указанному пункту игумен смещается лишь вследствие уважительной причины. Вот текст означенного пункта: «Дикей (настоятель скита) остается на означенной должности до тех пор, пока он кажется во всем благоугодным (т. е. доброго поведения) избравшим его братиям, чрез верное, откровенное, неукоризненное и приверженное исполнение своих обязанностей. Если же сделается необходимым сменить его, вследствие уважительной причины, то для исполнения сего требуется общее согласие, т. е. епитропов, соборных старцев и всех прочих братий или, по крайней мере, большинства».

5) Но такой уважительной причины при смещении игумена Иеронима имебожники не могли отыскать, даже и при всем своем желании. Возведенное на него обвинение в несуществующей «Имяборной ереси» не только не было принято кириархическим монастырем Ватопедом, но и послужило обвинением им самим в имебожнической ереси. А так как смещение ими игумена Иеронима и избрание на место его архимандрита Давида противоречат уставу и обычаям скита, то Ватопедский монастырь и не утвердил архимандрита Давида в звании дикея (игумена). О сем свидетельствует сам архимандрит Давид своими подписями в официальных братских бумагах, в коих он в то время, когда игумен Иероним находился в изгнании, именовал себя лишь исполняющим должность настоятеля скита. Копии таковых бумаг, посланных в Правительственные учреждения, значатся в книге скитских официальных записей, а письма с означенной подписью хранятся и на скитских подворьях.

Мало того, что о. Антоний оправдывается только голословно, он даже, между прочим, ложно обвиняет нас в богохульстве («Миссионерское обозрение»[33] № 5–6 за 1916 г.), что нами уже опровергнуто в помянутой статье «Каково учение, таковы и средства к его защите».

---

[33] «Миссионерское обозрение» — журнал, издававшийся В. М. Скворцовым в Санкт-Петербурге в 1896–1916.

И, кроме того, он в печати клевещет на нас. Так, например, в статье «Моя борьба с имеборцами на Св. Горе»[34] («Исторический вестник» № 9–10 за 1916 г., издана и отдельной брошюрой) он оклеветал игумена Иеронима, что будто бы он в начале избиения имебожниками православных ударил его по плечу кулаком, и что о. Иаков и о. Досифей будто бы душили его, схватив его за горло.

Клевещет, между прочим, он в этой же статье и на меня, что будто бы я, по словам монаха Сысоя, сравнил имя Божие с ряскою. Но это или его личный злой умысел, или самого о. Сысоя, так как в той части моего с последним разговора, в коей была помянута ряска, об имени Божьем ничего не говорилось, и было лишь суждение о имени самого о. Сысоя и об именах других лиц.

Другая часть моего разговора с ним передана в широко распространяемой имябожниками книжке Е. Выходцева «История Афонской смуты»[35] также в искаженном виде. В ней меня обвиняют в том, что будто бы я заявил, что Существо Божие есть непостижимая сила, а Имя Божие лишь оболочка. Но этого я не только никогда не заявлял, но и был крайне огорчен в религиозных своих чувствах, когда услышал подобные слова от о. Антония Булатовича. Он в день своего ухода из скита назвал в игуменском зале имя Божие тварной облочкой. Эти его слова есть и в его сочинениях.

В таком искаженном виде передан в этой книжке и другой мой разговор с послушником Никитой.

Кстати, надобно заметить, что эта книжка написана весьма тенденциозно и не соответствует своему назначению. Ей было бы прилично название «Клевета на православных иноков и измышленное оправдание имебожников, преимущественно о. Антония Булатовича», а не «История Афонской смуты». В ней совсем отсутствует беспристрастие, и даже неточно приводятся документы (например, 4-й пункт жалобы в Святейший Синод на архиепископа Антония, стр. 82), и игнорируются свидетели-очевидцы, и все то, что раньше написано по Афонскому делу с нашей стороны и посторонними лицами.

Нам было бы весьма желательно появление в печати полной истории Афонской смуты, написанной правдиво посторонним беспристрастным лицом по документам и собранным на Афоне достоверным

[34] *Антоний (Булатович), иеросхимонах.* Моя борьба с имяборцами на Святой Горе // Исторический вестник (СПб.). 1916. Т. 145. № 3. С. 648–682; Т. 146. № 4. С. 133–169.

[35] *Антоний (Булатович), иеросхимонах.* История афонской смуты. Петроград: Исповедник, 1917. Вып. 1. 108 с. (Под псевдонимом Выходцев Е.)

сведениям и по показаниям паломников-очевидцев смуты. Об этом нами уже говорилось (впрочем, другими словами) в предисловии (от автора) помянутой брошюры «Имебожнический бунт»… Но о. Антоний, разбирая это предисловие в статьях «Колокола» за 1916 г., даже вовсе не коснулся этого места в нашем предисловии. Такая «История» желательна еще потому, что она опровергла бы все несправедливые и клеветнические обвинения в Афонском деле архиепископа Никона и других, рассеянные имебожниками и их приспешниками в периодической печати, преимущественно в журнале «Дым Отечества»[36] и в газете «Гроза»[37], и в отдельных брошюрах, бесплатно распространяемых в публике во множестве экземпляров.

О. Антоний со своими единомысленниками, домогаясь незаконно завладеть Св. Андреевским скитом, его подворьями и капиталом, даже искажает тот факт, что удалено из этого скита меньшинство мятежников, а не большинство населявшей его братии. Даже если взять только те цифры, кои в данном случае о. Антоний объявил в печати, то и тогда является большинство, а не меньшинство оставшейся братии в скиту.

По его заявлению, подписалось братии под протоколом на избрание архимандрита Давида в игумена 306 человек против 70, и что потом выехало из скита его единомышленников 187 человек, и осталось в скиту его противников 150. Из последних цифр слагается число 337, а из первых 376. Отсюда явствует, что братии выехало из скита не большинство, а меньшинство. К оставшимся в скиту надобно прибавить около 100 человек православной братии, живущей на подворьях скита, с которой составляется преобладающее большинство братии, оставшейся в скиту.

Из сказанного явствует, что о. Антоний говорит и в данном случае неправду.

Вследствие означенного незаконного домогательства имебожников завладеть скитом, его подворьями и капиталом, честь имею смиреннейше просить Ваше Высокопреосвященство обратить внимание означенного Девятого Отдела Священного Церковного Собора и на то обстоятельство, что Свято-Андреевский скит, глубоко оскорбленный означенными и многими другими клеветами о. Антония и его единомышленников, считает своим правом возбудить ходатайство пред Цер-

---

[36] Журнал «Дым отечества» — общественно-политическое периодическое издание, выходившее в Санкт-Петербурге в 1912–1914.

[37] Газета «Гроза» — ежедневное литературно-политическое и общественное издание, выходившее в Санкт-Петербурге в 1909–1916; с 1914 г. — литературно-политическая и общественная газета.

ковной Властью, если для того явится необходимость, произвести на Афоне полное судебное следствие учиненного имебожниками по инициативе о. Антония Булатовича и под его предводительством в скиту бунта, и тем навсегда положить конец домогательствам их на водворение в скит и его подворья, и на владение его имуществом и капиталом, и оградить братию скита со стороны имебожников от новых истязаний.

При сем препровождаются: помянутая выше брошюра «В защиту земного удела Божьей Матери Св. Горы Афонской» и рукопись «Страничка из имябожнического бунта» — выдержка из дневника имебожника монаха Николая Протопопова, участника в бунте (см. «Черный бунт»[38] в «Историческом вестнике» за 1915 г.).

Священного Всероссийского Церковного Собора нижайший послушник, доверенный русского на Афоне Свято-Андреевского общежительного скита

монах Климент.

Москва, ноября 15 дня 1917 года.
Дом Коровкина, на углу Тверской и Садовой улиц.

Денасий (Юшков)[39]
Копия со статьи архиепископа Антония[40] «Еще о книге “На горах Кавказа”»[41] с подстрочными примечаниями переписчика. 1910-е. Ф. 765. К. 4. Ед. хр. 46

---

[38] *Косвинцев Е.Н.* Черный «бунт»: (Странички из истории «афонской смуты») // Исторический вестник. 1915. Т. 139. № 1. С. 137–160; № 2. С. 470–487.

[39] Схимонах Денасий (Юшков) // Русский афонский отечник XIX–XX веков. Святая Гора Афон, 2012. С. 394–399; Схимонах Денасий Святогорец // Монахологий Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Афон, 2013. С. 275; *Денасий [Юшков], мон.* Еще о книге «На горах Кавказа»: (Письмо в редакцию) // Русский инок. 1912. № 15. С. 62–63.

[40] Антоний (Храповицкий) (1863–1936) — выдающийся богослов, философ, архиерей РПЦ; в 1920 г. был вынужден эмигрировать за границу; председатель Архиерейского синода РПЦЗ; выступал в печати с осуждением движения имяславцев.

[41] *Антоний (Храповицкий), архиеп.* Еще о книге схим. Илариона «На горах Кавказа» // Русский инок. 1912. № 10. С. 62–63.

На Афоне продолжаются распри по поводу книги впавшего в прелесть схимонаха Илариона «На горах Кавказа»[42], весьма сродной с хлыстовщиной,

(*Прим.*[43]*: Распрей на Афоне о книге о. Иллариона никаких больше нет, ибо она даже одобрена Святейшим Патриархом Вселенским Иоакимом*[44]*, который, ознакомившись*[45] *с нею, пожелал иметь у себя. Все подвижники*[46] *афонские прочитали сию книгу и весьма ее одобрили, противники же ее, которых всего какой-либо десяток человек «имеборцев», весьма уже обличены и посрамлены, и отнюдь не дерзают вступать в споры*[47]*. Во-вторых, архимандрит Антоний осмеливается назвать о. Иллариона «впавшим в прелесть»*[48]*, но позволим спросить: в чем же прелесть его заключается? В том ли, что он издал талантливейшую книгу, которую облобызали все подвижники*[49] *и истинно благочестивые люди, так что в три года раскупилось два издания*[50]*? Не зависть ли говорит в архиепископе, который, хотя и много уже на своем веку написал и напечатал, но имя его пребывает неведомым для благочестивого читателя, а о. Илларион ныне ведом для всякого подвижника. В-третьих, всю книгу о. Иллариона судия неправедный клеймит одним категорическим определением, что она сродна весьма с хлыстовщиной. В №№ 4, 5 «Русского инока» с благословения арх. Антония инок Хрисанф*[51] *отрыгнул свои хулы на Имя Иисусово, что вера в Него,*

---

[42] *Схимонах Иларион.* На горах Кавказа. Баталпашинск, 1910.

[43] Здесь и далее при публикации нами для более удобного восприятия читателями были выделены курсивом примечания; в публикуемой копии они помещены в скобки, особым шрифтом или подчеркиванием не выделены.

[44] Патриарх Иоаким III (1834–1912) — предстоятель Константинопольского Патриархата (1878–1884, 1901–1912), пользовался поддержкой российского правительства.

[45] Помета над текстом: «Дана ему, а он приказал отнести в библиотеку. Ложь».

[46] Помета над текстом: «Многие простецы. Врешь… Врешь».

[47] Помета над текстом: «Страшно: искалечены».

[48] Помета над текстом: «Убьют».

[49] Помета над текстом рукой неустановленного автора: «Многие простецы».

[50] Помета над текстом рукой неустановленного автора: «Это не большое дело».

[51] Хрисанф Григорович — священник, резко выступавший про-

о коей напоминает Илларион, есть «пантеизм», что оно есть «посредствующая сила» и пр.; тогда мы обличили эти хулы, и теперь их арх. Антоний больше не повторяет. И за это Слава Богу. Но, не желая по самолюбию сознаться в своей ошибке, он измыслил новую небылицу и гнусность! Суть хлыстовщины заключается в том, чтобы под видом духовного наслаждаться чувственным, для чего, во-первых, необходимо многолюдство, пение и пр.; но где же во всей книге о. Иллариона нашел что-либо подобное арх.Антоний? Не наоборот ли у него всюду писано: хранить молчание, избегать всякого чувственного не только наслаждения, но даже образа во время молитвы, и, наконец, как можно больше уединяться!)

которая, как пожар, захватывает теперь всю Россию.

(Прим.: Лжет и клевещет на православную Россию, судия неправедный. Когда был в живых пастырь праведный о. Иоанн Кронштадтский, то он в каждом слове своем во всеуслышание провозглашал, что погибает Россия от «толстовщины», а не от «хлыстовщины», как говорит арх. Антоний. Но так как дияволу обличения нестерпимы, то он изобрел способ, как бы отвести глаза от истинной язвы и обратить их на мнимую. Указывая близоруким пастырям на ничтожную шайку действительных хлыстов, диявол уверяет их, что все почитатели приснопамятного о. Иоанна Кронштадтского суть хлысты и Иоанниты, от которых погибает Россия! И близорукие лжепастыри верят, и теперь уже никто не может ничего говорить, ни про «толстовщину», ни «пашковщину», ни про «баптистщину», ни про всякую другую бесовщину, а только вопиют о «хлыстовщине»! А интеллигентщина и толстовщина продолжают беспрепятственно пожирать не только фабричных, которых уже пожрала, но и крестьян, так что скоро у Православной Церкви только и останутся те, коих ее лжепастыри клеймят ныне «Иоаннитами и хлыстами»!).

Сущность этой хлыстовской прелести заключается в том, что какого-нибудь мужика, хитрого и чувственного, назовут воплотившимся Христом, и какую-нибудь скверную бабу Богородицей, и им поклоня-

---

тив имяславия в нескольких работах (см.: *Хрисанф, мон.* Рецензия на сочинение схим. отца Илариона, называемое «На горах Кавказа» // Русский инок. 1913. № 4. С. 71–75; № 5. С. 57–59; № 6. С. 50–60; *Он же.* О новоявленной ереси имябожников и ее распространении на Афонской горе // Русский инок. 1914. № 3. С. 164–172; № 4. С. 214–225 и др.).

ются вместо Бога, а затем предаются свальному греху. Вот к такому-то заключению и направляет своих неразумных последователей о. Иларион, сам того, как мы надеемся, не сознавая.

(*Прим.: Какая безумная нелепица! Именно наоборот! Книга о. Иллариона должна побудить всякого отвращаться от всякой хлыстовщины, ибо учит о. Илларион не иному чему, как тому, что заповедал Господь и предали все святые отцы, а именно: непрестанно молиться, с верою признавая Спасительное Имя Господне: «Всех, иже призовет Имя Господне, спасется»). —*

Каким же образом, спросят читатели, ведь он только силится доказать, будто в имени Иисуса сам Бог, что имя это и есть Бог.

(*Прим: Слышите, что арх. Антоний говорит, будто о. Иларион только силится это доказать, что Имя Божие и Имя Иисус есть Сам Бог! Эта истина есть основной догмат, которого доказывать нечего. Анафема против Варлаама гласит: «Также тем, кои думают и говорят вопреки Божественным словам святых и образу мыслей Церкви, что только об одном Существе Божием говорится имя Бог, и не исповедуют того, что отнюдь не меньшим почитается Божественное действие (энергия)*[52]*, как тому нас научают Божественные таинники, почитающие во всех отношениях одинаковыми, как Существо Отца и Сына, и Святаго Духа, так и энергию их — Анафема! (5-я против Варлаама смотри Греческую Постную Триодь. Неделя Православия). Бог есть Свет Неприступный, и действие сего Неприступного Света, проявившееся на Фаворе, есть тоже Сам Бог; Бог есть недоведомая Истина, и Енергия сей недоведомой Истины суть истинны Богооткровенные, т. е слова Божии и Имена Божии. Итак, Свет на Фаворе есть Бог, и Имя «Сей есть Сын мой Возлюбленный», которое именовал Отец с неба, есть тоже Бог; и Имя Иисус, которое нарек Бог в Предвечном Совете, есть тоже Сам Бог, а кто так не верит, того Церковь предает анафеме. Видно, архиепископ мало начитан в святоотеческой литературе, ибо, если бы он был начитан в ней, то он не стал бы говорить, что это есть истина, которую еще надо доказать, что Имя Божие и Имя Иисус есть Сам Бог, ибо не только о. Иоанн Кронштадтский это явно утверждает, чего не хочет признавать архиепископ, но что утверждают святые отцы: Симеон Богослов, Феофилакт*

[52] Помета над текстом: «“Енергия” — не “имя”, которое можно произнести языком и звуком и написать веществом на веществе».

Болгарский, Афанасий Александрийский и другие, и, наконец, и Тихон Задонский, и Димитрий Ростовский.)

Да! — ответим мы, — только этого-то и надо хлыстам: они назовут какого-нибудь мужика Иисусом или Христом, а затем уже, на основании неразумных рассуждений Илариона, и будут уверять всех, что он и есть Бог.

(*Прим.: Какая хульная нелепица! Тех хулили некогда во времена гонения [за] веру в Распятого, а ныне якобы православный архиепископ так хулит веру в преславное Имя Распятого — Иисус! Так мерзко хулил недавно Толстой Божественные Тайны, а ныне сей архиепископ хулит Божественное Имя Христос и называет исконную веру в то, что Имя Божие есть сам Бог и Имя Иисус есть Сам Бог, неразумным рассуждением! Но что же это такое, как не страшная ересь! Что же есть сей архиепископ, как не страшный архиересиярх!*[53]).

Так у них один Христос Бог был на Москве (Колосков), другой в Петербурге (Чуриков), третий в Суздале (Стефан Подгорный[54]) и еще Богородица в Ораниенбауме, недавно умершая от сифилиса Матрена Киселева, прозванная ими Порфирией, а кроме того, Михаил Архангел и Иоанн Креститель в виде здоровенных мужиков, которые около нее увивались. Кажется, надо прежде с ума сойти, чтобы признать в этих преступных личностях Бога и святых, но вот к их услугам теперь книга о. Илариона: если эти беспутные мужики и бабы носят имя Иисус, Богородица, Архангел, значит, они и есть таковые небожители, сошедшие на землю, чтобы дурачить и обирать честной народ.

(*Прим.: Какая нелепость! Ну какое отношение у книги о. Иллариона, которая написана весьма недавно, с поименованными личностями, которые обличены в хлыстовстве гораздо раньше написания книги о. Иллариона? Разве нашел где-либо в книге о. Иллариона арх. Антоний, что он говорит, что всякий человек, который называется Иисусом, есть уже по одному тому Истинный Иисус? И как противоречит себе арх. Антоний: выше он говорил, что всю Россию объемлет пламень хлыстовщины, т. е. поклонения мнимым христам и мнимым архангелам и богородицам, сопровождаемое свалением, а здесь говорит словечко истинное, что*

---

[53] В рукописи эти слова подчеркнуты.

[54] Помета на нижнем поле рукой: «На Афоне давно пострижен, еще схим. Георгием “Хаджи” в схиму… Потом после 1905 или прежде архимандритом Серафимом, настоятелем Спасо-Евфимиева монастыря».

надо прежде с ума сойти, чтобы возмочь признавать сих лжехристов и лжеархангелов хлыстовских! Вот это-то безумие истинного хлыстовства и не допускало никогда его распространения большего, и мыслимо ли вдруг допустить, чтобы такое безумие свело бы с ума всех самых благочестивых, самых молитвенников, всех ревностнейших чад отца Иоанна Кронштадтского? Конечно, это злонамеренная ложь и клевета!)

Особенно возмутительно то, что распространители хлыстовской ереси о богопоклонении именам, т. е. звукам,

(*Прим.: Как жаль архиепископа, который не знает или не хочет знать того, что не звуки составляют имя, но звуки различно и условно только выражают идею, или истину, которая и есть имя. Истины человеческие — как говорит Симеон Новый Богослов. Ч. 2 108 — текучи и пусты, а «истина Божия (т. е. Имена Божии и слова Божии) есть паче ума и слова человеческого — Бог Непреложный, Сый и Живый». — «Глаголи, яже Аз глаголах вам Дух суть и Живот суть». — Какая клевета, будто о. Илларион в книге своей учит поклоняться звукам Имени Господня: если бы это было правда, то он должен был бы, во-первых, учить молитве гласной, но на самом деле как раз наоборот, вся книга написана о молитве умно-сердечной, следовательно, какая может быть речь о звуках?!*)

начали теперь стараться подтверждать свои вымыслы выписками из Священного Писания и отцов, конечно, вовсе не идущими к делу. Но разве легко простым людям, да еще ожесточившимся, понять эти подлоги?

(*Прим.: Выписки выпискам рознь: есть выписки, которые требуют толкования, а есть выписки, где безо всякого толкования, но прямо и ясно говорят святые отцы, что Имя Божие есть Сам Бог. Итак, какая может быть речь о подлоге, или вымыслах, или о невозможности отличить истинное толкование от ложного, когда святые отцы ясно говорят, что Имя Божие есть Сам Бог, и достаточно быть грамотным, чтобы это понять! Итак, не это возмущает арх. Антония, но злит бессильная злоба, что все его высокоавторитетные хуления, как ничто, расплющивает молот Божественной истины.*)

Пусть же они прежде увидят из ниже помещенного письма самого о. Илларион, что в 1908 г. он и сам сознавал, что учение его — новоизмышленное, ни в каком отеческом писании не имеющееся[55].

[55] Приписка по нижнему полю: «В Суздали (ныне архиеп. Кишиневский) признан якобы истинным рабом Божиим и пострижен в мантию с этим именем. Это действительно так!»

(*Прим.: На самом же деле выходит следующее: о. Иларион нашел эти слова, что Имя Божие есть Сам Бог, у о. Иоанна Кронштадтского в его книге «Моя жизнь во Христе»; он нашел подтверждение сему в своих духовносердечных опытах и, думая, что никто до о. Иоанна Кронштадтского этого не говорил, назвал его в письме догматом новоизмышленным. Но на самом деле это догмат не новоизмышленный, а исконный христианский, который только для нашего обезверившегося поколения кажется новостью. Отец Иларион тоже интеллигент, т. е. семинарист, почему от него детская живая вера и улетучилась, а потом пришла совсем уже другим путем; но у простых людей, мирян и монахов эта чистая, живая вера никогда не улетучивалась, почему когда они прочли оформленным то, во что всегда верили, то они и признали в сем истину, давно известную им, почему книга и имела такой успех. Восстающие же против книги суть интеллигенты, утратившие детскую живую веру и не имеющие по гордости своей иного способа, чтобы приобрести ее снова, почему они и не могут постичь сей исконной истины. Игумен М.*[56] *пришел, говорят, к одному маститому многолетнему афонскому архидиякону и спросил его мнение о сем новом учении, будто Имя Божие есть Бог; на это, как говорят, архидиякон ответил так: «Что за диво, если на это отвечу тебе я, который 50 лет монашествует на Афоне: Спроси любую деревенскую бабу или любого послушника, только что приехавшего на Афон, он тебе скажет, что Имя Божие есть воистину Сам Бог!». — Не ручаюсь*[57] *за истинность анекдота, но, во всяком случае, ответ остроумен, и о том, что вера во Имя Божие и Имя Иисус есть догмат новоизмышленный, и речи быть не может.*)

К выпискам о. Илариона и его последователей из священных книг мы еще возвратимся, а пока укажем снова на то, что все эти выписки из древних отцов и новых богословов ни единым словом не упомина-

---

[56] Приписка по нижнему полю листа: «Сей архидиякон в действительности иеродиякон Самарской губернии и епархии, на Афоне ни разу не священнодействовал; живет на Афоне лет 40, все время на своих правах, хороший аскет, но быть наставником не годится; авторитет далеко не со всех сторон».

[57] Эти слова подчеркнуты в тексте, на полях приписка: «Глупый ответ, кому-то, но не Мисаилу. Выдумка». (См. о нем: Архимандрит Мисаил (Сапегин) // Русский Афонский Отечник XIX–XX веков. Святая Гора, Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне, 2012. Т. 1. С. 303–312).

ют об исключительной Божественности имени Иисус, предпочтительной пред прочими именами Божиими и Спасителя нашего.

(*Как недобросовестно передергивает здесь архиепископ: где же он нашел, что о. Илларион, хотя словом, обмолвился, что Имя Иисус есть более Божественно, чем другие Имена Божии? Не явное ли дело, что, если всякое Имя Божие и Имя Иисус есть, будучи с верою призываемо, Сам Бог, то может ли быть которое-либо из сих имен больше или меньше? Всякое есть тот же Самый Бог! Но Имя Иисус, не будучи ни более Божественным, ни более сильным сравнительно с другими именами Божиими, есть более употребительно и более прелюбезно для всякого христианина, и в особенности ненавистно паче всех Имен Божиих для диявола и для подобных ему.*)

Имя Иисус так же свято как и Христос, Сын Божий, Спаситель Эммануил; так же оно священно, как имя Отца и Святаго Духа, имеющих тоже разные наименования: Отец-Творец, Вседержитель, Господь, Ветхий деньми, а Святый Дух — Утешитель, Освятитель и пр. Очень печально, что враг нашего спасения заразил гордыней и упрямством афонских подвижников и некоторых из них подвиг более верить самочинному пустыннику (?) Илариону, чем святой Церкви, а апостол Павел ясно сказал нам: «Есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы или Ангел с Неба стал благовествовать не то, что вы приняли, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» (Гал.1, 7–8). Вот эта-то анафема и падает на автора прилагаемого письма, т. е. на схимонаха Илариона, который сам признается в новоизмышленности своего учения об имени Иисус.

(*На самом же деле, к ужасу архиепископа Антония, окажется наоборот, ибо о. Илларион не новый догмат измыслил, а вновь обрел исконный, за что будет преблагословен, а архиепископ Антоний воистину стал во главе новой ереси «имеборства», за что будет препроклят навеки, если не спохватится и не покается.*)

Архиепископ Антоний

Письмо автора книги «На горах Кавказа» схимонаха Илариона на Афон к духовнику — иеросхимонаху о. (Агафодору)[58].

Назад тому четыре года — в 1908 г. — так писал он: «Войдите своим вниманием в коренное положение нашего произведения. Не доверяя своему разуму, ищем у многих совета, но никто нас не утоляет: писал я к трем иерархам, и только один ответил (и то) укоризненно. Ищите, говорит, разрешение своим вопросам по их догматической стороне у епископа Феофана в книгах, а по практической — в своем сердце, если оно смиренно. Видимо, уклонился от разрешения. Положение догмата, сделанное нами, важное, необычное, чрезвычайное,

(*Какая напыщенность*)

(*Прим.: Никакой напыщенности, но действительно так!*). — и в таком виде, как мы его поставили

(*подобно папам римским, так склонным измышлять и поставлять новые догматы*)

не встречается нигде,

(Спасибо за признание!)

(*Напрасно радуется архиепископ Антоний, коему, вероятно, принадлежит сие подстрочное примечание, ибо оказывается не нигде, а везде, только о. Иларион сам того не знал*)

кроме как только у о. Иоанна Кронштадтского. И когда были в Глинской пустыни, и там не встретили ни в ком подтверждения своему мнению, а еще два бывших там академика восстали сему решительным противоречием. Но мы, утверждаясь на опыте сердечных чувств, говорим, что в имени «Иисус» находится САМ ГОСПОДЬ НАШ ИИСУС ХРИСТОС ВСЕМИ СВОИМИ СОВЕРШЕНСТВАМИ, КАЧЕСТВАМИ И СВОЙСТВАМИ. А потому имя сие «Иисус Христос» есть Сам Он, дражайший Искупитель наш Господь. Как во плоти Христа обитала вся полнота Божества, так и здесь… Как вам сие видится? Рассудите и с духовными отцы, каких только обретете, посоветуйтесь о сем добре. Видение сие очень важно для делателей Иисусовой молитвы. Потому что тогда бывают все чувства, нужные для правильного течения молитвы.

Сообщил святогорец Денасий

---

[58] В опубликованном письме в «Русском иноке» другой вариант названия: Письмо автора книги «На горах Кавказа» иеромонаха Илариона на Афон к духовнику — иеросхимонаху N. См.: Письмо в редакцию «Русского инока» // Русский инок. 1912. № 15. С. 60–62.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО О. ИЛЛАРИОНА. СТАРЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ (ТОГДА ЖЕ ЗАПИСАННЫЕ НА АФОНЕ)

Отец Илларион вздумал новый, придуманный им «догмат» разрешить практически, утверждаясь на своем опыте чувств. Но догматическая сторона может быть разрешаема только Священным Писанием и писаниями святых отцов, а утверждаема Вселенскими Соборами,

(*Успокойтесь, имеборцы, так оно и есть: и Писание, и св. отцы, и анафема церковная подтверждают истину того, что во истину Имя Божие и Имя Иисус есть — Сам Бог!*)

но не личным

(каждого фантазера-мечтателя)

опытом чувств, каковой может разрешать только практические вопросы. Практика ему якобы показывает, что в сердце его во время молитвы ощущается будто бы действие Божией благодати, что и всякий благоговейный молитвенник может проверить, да и это необходимо при участии смирения. А он из этого вывел и заключил, что имя ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА СТОЛЬ ТЕСНО СОЕДИНЕНО С БОГОМ, ЧТО СТАЛО ЕДИН-БОГ. Отец Иларион сознается, что подтверждение и доказательства измышленному им мудрованию нигде — ни в Священном Писании, ни у святых отцов — не встречается,

(*Прим.: Это по неведению, а не на самом деле у святых отцов это тоже ясно исповедуется*)[59]

поэтому нечего более и толковать, когда в Священном Писании и у святых отцов нет ничего об этом.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Отец Илларион не принял советов с Афона, издал книгу и смутил множество монахов на Афоне и в России, и даже благочестивых мирян

(Прим.: Ложь. Ложь: его книга быстро разошлась в двух изданиях, и одобрена всеми здравомыслящими, но оскорбленное самолюбие сих двух лиц: монаха Динасия и духовника Агафодора[60]*, которых о. Иларион в одном из своих писем, помещенных в конце книги, обличает в том, что они ездили на пароход кланяться в ноги прельщенной бабе Наталии, — ВОТ ЭТО ПОДВИГЛО ИХ НА МЕСТЬ и заставило их подыскиваться, как бы очернить книгу о. Илариона. По просьбе этих лиц раскритиковал книгу*

---

[59] Рядом с этим примечанием от руки написаны два знака вопроса.

[60] Агафодор — старший духовник русского Пантелеимонова монастыря на Афоне.

инок Хрисанф в рецензии, помещенной в №№ 4, 5 и 6 «Русского инока» 1912 г., и, так как эта рецензия оказалась до крайности хульной[61]*, то она-то именно, а не книга Илариона возмутила Афон и Россию. Да еще возмутила благочестивых мирян мерзкая заметка о. Денасия в «Колоколе»).*

Отец Илларион и его сторонники-последователи всех тех, кто несочувственно, а тем более с противоречием, относятся к его измышленному им догмату и учению, бесчествуют разными ругательными именами: еретики, ересиархи, прельщенники, жиды, Арии, дияволы и т. п. Лгут, клевеща на нас[62], что будто бы они Господа Иисуса Христа не признают Богом, забыв, что всякая ложь от диявола… отец лжи и клеветы есть диявол… Весьма это прискорбно![63]

Монах Денасий

---

[61] Пометы над этим текстом: «Ложь…Клевета…Ложь…Клевета на Денасия и Агафодора… Ложь».

[62] В опубликованном варианте: «Клевеща на них». См.: Письмо в редакцию «Русского инока» // Русский инок. 1912. № 15. С. 63.

[63] Помета по нижнему полю: «А на последнее и не написал ничего: ни в оправдание, ни в подтверждение…»

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-321-338
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

«ТОЧНО В РАЮ ПОБЫВАЕШЬ И ОБО ВСЕМ ЗАБУДЕШЬ…» ОЧЕРК Е. ДЬЯКОНОВОЙ ОБ АБХАЗИИ

© 2021 г. М. С. Крутова

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В Отделе рукописей РГБ хранится малоизвестный очерк «На Черноморском побережье» Елизаветы Дьяконовой, включенный в «Дневник русской женщины». Молодая писательница излагает известные ей сведения по истории Абхазии и Ново-Афонского Симоно-Канонинского монастыря, делится своими впечатлениями от пребывания в этих местах. Приведенные в очерке факты из истории Абхазии, возможно, были почерпнуты ею из разных публикаций, с которыми она могла познакомиться, живя в Абхазии или уже по приезде в Петербург. Это произведение является только частью ее записок, написанных в Абхазии, поскольку есть еще черновые записки, более обширные, которые она, вероятно, также хотела включить в свой «Дневник…»

Ключевые слова: История русской литературы, Ново-Афонский монастырь, очерк «На Черноморском побережье», Елизавета Дьяконова.

Информация об авторе: Марина Семеновна Крутова — доктор филологических наук, главный палеограф, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ул. Воздвиженка, д. 3/5, 119019 г. Москва, Россия; профессор, Московская духовная академия, Троице-Сергиева Лавра, Академия, 141300 г. Сергиев Посад, Московская область, Россия; профессор, Московский государственный областной университет, ул. Веры Волошиной, д. 24, 141014 г. Мытищи, Московская обл., Россия. E-mail: mskrutova@yandex.ru.

Для цитирования: *Крутова М. С.* «Точно в раю побываешь и обо всем забудешь…» // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 321–338. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-321-338

"JUST AS IF YOU PAY A VISIT TO PARADISE AND FORGET ABOUT EVERYTHING..." ESSAY BY E. DYAKONOVA ABOUT ABKHAZIA

© 2021. Marina S. Krutova

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No 20-012-00098A).

Abstract: The Department of Manuscripts of the RSL contains a little-known essay "On Black Sea Coast" by Yelizaveta D'yakonova, included in the "Diary of a Russian Woman". The young female writer presents the information she knows about the history of Abkhazia and the New Athos Monastery named after Simon the Canaanean, she shares her impressions of her stay in these places. The facts from the history of Abkhazia cited in the essay may have been gleaned by her from various publications with which she could get acquainted while living in Abkhazia or already upon her arrival in St. Petersburg. This work is only a part of her notes, written in Abkhazia, as there are still more extensive rough notes, which she probably also wanted to include in her "Diary...".

Keywords: History of Russian Literature, New Athos Monastery, essay "On Black Sea Coast", Yelizaveta D'yakonova.

Information about the author: Marina S. Krutova, DSc in Philology, Chief Palaeographer, The Manuscripts Department of the Russian State Library, Vozdvizhenka 3/5, 119019 Moscow, Russia; Professor, Moscow Theological Academy, Trinity-Sergius Lavra, Academy, 141300 Sergiyev Posad, Moscow Region, Russia; Professor, Moscow Region State University, Very Voloshinoy St. 24, 141014 Mytishchi, Moscow Region, Russia. E-mail: mskrutova@yandex.ru.

For citation: Krutova, M. S. "'Just as if You Pay a Visit to Paradise and Forget about Everything...'." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 321–338. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-321-338

Автором публикуемого очерка «На Черноморском побережье»[1] является Елизавета Дьяконова (1874–1902), молодая талантливая писательница, которая прожила недолгую, но яркую жизнь. Ее биография была составлена ее младшим братом Александром, очень

[1] *Дьяконова Е. А.* На Черноморском побережье. Исторический комментарий. Ново-Афонский монастырь. Очерк. Автограф, печ. 1900 г. // ОР РГБ. Ф. 375. К. 4. Ед. хр. 15.

любившим свою сестру и почитавшим ее литературный талант[2]. Она родилась в 1874 г. в Нерехте Костромской губернии в купеческой семье, училась в Ярославской женской гимназии при Сиротском доме, закончила Бестужевские женские курсы в Петербурге, в декабре 1900 г. поступила на юридический факультет Сорбоннского университета. Все происходившие в ее жизни события и вызванные этим личные переживания описаны в ее «Дневнике русской женщины», который опубликовал ее брат Александр после ее смерти в нескольких редакциях[3]. Елизавета Дьяконова погибла при загадочных обстоятельствах во время прогулки в горах Тироля, вблизи озера Ахензе в Австрии. По этому факту полицией было проведено расследование, хотя многое осталось неясным, следствие пришло к заключению, что девушка погибла в результате несчастного случая[4].

---

[2] *Дьяконов А. А.* «Елизавета Александровна Дьяконова». Биографический очерк. Оттиски из журнала «Всемирный вестник». 1904 г., август. С. 67–78 // ОР РГБ. Ф. 375. К. 6. Ед. 18.

[3] *Дьяконова Е. А.* Дневник Елизаветы Дьяконовой. 1886–1902 г. // Всемирный вестник. 1905. № 6–9; *Она же.* Дневник Елизаветы Дьяконовой. 1886–1902 г., 2-е изд. Литературные этюды, стихотворения, статьи, письма / под ред. и с вступ. ст. А. А. Дьяконова; 4-е изд., знач. доп. М.: В. М. Саблин, 1912. 837 с.

[4] Материалы по розыскам Е. А. Дьяконовой (переписка кон-

Биографический очерк Александра Дьяконова «Елизавета Александровна Дьяконова» был напечатан им в качестве предисловия к «Дневнику русской женщины». Публикация «Дневника…» принесла Е. А. Дьяконовой посмертную известность, интерес к ее творчеству сохраняется и в наше время, о чем свидетельствуют современные переиздания этой книги[5] и внимание со стороны литераторов-публицистов[6]. А. А. Дьяконов составил список опубликованных и неопубликованных сочинений своей сестры и сопроводил их заметками[7]. Помимо многочисленных вариантов «Дневника русской женщины», ею написано несколько очерков, рассказов, переводов с немецкого языка произведений Эрнста Браузеветтера, Франсуа Гофмани, а также стихотворений и др.

Благодаря Александру, творческое наследие Елизаветы Дьяконовой и материалы истории семьи были сохранены, и в 1956 г. его потомками переданы на хранение в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Был образован архивный фонд № 375 (Е. А. Дьяконовой) и описан в 1961 г.[8] В нем находятся биографические и творческие материалы, переписка — всего 173 ед. хр. Братья Александр и Владимир Дьяконовы составили историю рода Дьяконовых[9], который мы также сочли возможным опубликовать в качестве приложения.

сульств, извещения газет, протоколы). 1902 г. Русс. и нем. яз. // ОР РГБ. Ф. 375. К. 7. Ед. хр. 5.

[5] *Дьяконова Е.А.* Дневник русской женщины: дневники, лит. этюды, ст. М.: Междунар. ун-т в Москве, 2006. 669 с.

[6] *Громова Н., Дубшан Л.* Бедная Лиза // Фотография женщины: [дневники М. Башкирцевой и Е. Дьяконовой]. СПб.: Кирцидели, 2005; *Басинский П. В.* Посмотрите на меня: тайная история Лизы Дьяконовой: невымышленный роман. М.: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2018 и др.

[7] *Дьяконов А. А.* Литературное наследство Елизаветы Александровны Дьяконовой (1877–1902) — заметки об архиве его сестры [1933] // ОР РГБ. Ф. 375. К. 6. Ед. хр. 20.

[8] Опись фонда № 375 (Дьяконовой Елизаветы Александровны; 1884–1940-е гг.) / обработано Л. П. Балашовой, К. И. Бутиной, И. А. Снисаренко — 1960-е гг. / ред. Е. Н. Коншиной и К. А. Майковой. Опись сост. Н. Н. Воронович. М., 1961.

[9] Дьяконов Александр Александрович и Дьяконов Владимир Александрович. «К родословной дома Дьяконовых» — статья. 1937. Машинопись с правкой рукой неустановленного лица и подписью-автографом А. А. Дьяконова. 2 л. Присоединено: «Родословная дома Дьяконовых» [не ранее 1943], рукой неустановленного лица 8 л. // ОР РГБ. Ф. 375. К. 6. Ед. хр. 19.

Очерк «На Черноморском побережье», написанный ею в 1899–1900 гг., был напечатан в качестве приложения к «Дневнику русской женщины»[10]. В этом очерке Е. А. Дьяконова излагает известные ей сведения по истории Абхазии и Ново-Афонского Симоно-Кананинского монастыря, делится своими впечатлениями от пребывания в этих местах. Приведенные в очерке факты из истории Абхазии, возможно, были почерпнуты из разных публикаций, с которыми автор могла познакомиться, живя в Абхазии или уже по приезде в Петербург[11]. Важно заметить, что это произведение является только частью ее записок, написанных в Абхазии, поскольку есть еще черновые записки, более обширные, которые она, вероятно, также хотела включить в свой «Дневник…», но преждевременная кончина помешала этому. Приведем несколько отрывков из этих записок.

«Мне пришлось провести и прожить декабрь 1899 и январь 1900 на Черноморском побережье Закавказья, недалеко от Ново-Афонского монастыря. Было прекрасно, только в декабре было несколько дождливых дней, в течение всего января стояла чудесная, чисто летняя погода <…> С непривычки кажется как-то странно не только видеть в декабре цветущие розы, но и свыкнуться с мыслью, что это возможно у нас в пределах Российской губернии. Мы привыкли

---

[10] *Дьяконова Е.А.* На Черноморском побережье // «Дневник русской женщины». Т.1. Прил.1. 1905 г. С. 45–50.

[11] Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения богоматери в Пицунде: Из зап. путешественника. Одесса: Ново-Афон. Симоно-Кананит. монастырь, 1888; *Леонид (Кавелин), архимандрит*. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь: С планом Абхаз. примор. берега, с 21-м рис. памятников христианства в Абхазии и с планом Ново-Афонского монастыря. М.: Тип. В. Ф. Рихтер, 1885; Сказание о Св. апостоле Симоне Кананите (он же Зилот) и сказание об основании Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители в Абхазии на Кавказе и о некоторых знамениях над сею св. обителию: 1. Сказание о чудотворной иконе Божией Матери “Избавительница”, данной в благословение обители от Афонского Пантелеймонова монастыря, 2. Перенесение со Старого Афона в Новый Афон Симоно-Кананитского монастыря чудотворной иконы Божией Матери “Избавительница”, 3. Слово, сказанное Высокопреосвященным Павлом, при освящении Пицундского Успенского собора в Абхазии на Кавказе: с прил. / изд. в пользу и вечную собственность Ново-Афон. Симоно-Кананит. монастыря, стат. советник А. Г.; 2-е изд. несколько самим авт. доп. М.: Типо-лит. Ефимова, 1891. и др.

уезжать на зиму за границу — в Италию, Ниццу. Но ведь у нас есть места, подходящие для наших климатических [условий] и хватает энергичных предпринимателей, чтобы их устроить согласно требованиям культурного человека. За последнее время г. Сухум начинает обращаться в такой зимний курорт, строятся большие новые дома. Но <…> многие дома со времени последней войны так и стоят в развалинах <…> Когда идешь в первый раз от Сухума к Новому Афону, то глазам не верится: расстояние почти 25 верст между городами, и земля покрыта густыми зарослями папоротника. Деревья покрыты какими-то вьющимися растениями <…> За последнее время стали интересоваться этим побережьем, в газетах появились статьи, пошли толки и слухи о проведении железной дороги от Новороссийска до Батума. Цены на землю стали расти. Земля лет семь назад, по словам местных жителей, стоившая 12–15 рублей, теперь идет за 180–200, и даже за 300 <…> Люди живут бедно, многие хорошо понимают по-русски…»[12].

Тонкая и поэтическая натура Е. А. Дьяконовой наслаждалась дивными пейзажами Абхазии. С грустью расставаясь с этой «могучей природой», «царством красоты», она написала стихотворение «На север поезд быстро мчится…»[13], которое также мы ныне публикуем.

В архиве Е. А. Дьяконовой сохранилось несколько ее фотографий 1891–1896 гг.[14]; на них — романтичная девушка. Как нельзя лучше написал о ней ее брат Александр в предисловии к «Дневнику русской женщины»: «Многолетняя, с детства образовавшаяся потребность писать для себя, сомкнув в правдивом единстве автора и Дневник, была простым и значительным ответом души женщины, по мере развития все более и более стремившейся определить основные вопросы жизни и веры в глубоком, почти философском их значении. Исходя из такой внутренней необходимости, Дневник в своей цельности явился результатом постоянной, иногда мучительной психологической работы, проникнутой искренним доверием к себе, к той сущности и правде души, которая одна лишь всегда имеет свою самостоятельную ценность. Поэтому весь обширный Дневник, за немногими эпизодическими исключениями, для скромного автора

---

[12] ОР РГБ. Ф. 375. К. 4. Ед. хр. 15. Л. 22–32 об.

[13] *Дьяконова Е. А.* Стихотворения 1897–1900. Черновой автограф // ОР РГБ. Ф. 375. К. 4. Ед. хр. 4; *Она же.* Стихотворения. Автограф и печ. 1899, 1901 // ОР РГБ. Ф. 375. К. 4. Ед. хр. 11.

[14] *Дьяконова Е. А.* Портреты (одна и в групповых снимках). 1891–1896 гг. // ОР РГБ. Ф. 375. К. 8. Ед. хр. 6. Л. 1.

имел не определенное заранее значение по цели, а как анализ мысли и чувства, как итог пройденного, итог не механических движений жизни, а духовного миропонимания. Вся стремительная жизненная работа Е. А. Дьяконовой — человека долга и ответственности пред самим собой — выразилась в простом языке ее души — Дневнике»[15]. О справедливости этих слов свидетельствует и публикуемое стихотворение Елизаветы Дьяконовой, и очерк «На Черноморском побережье», которое было включено в издание 1911 в качестве приложения.

Елизавета Дьяконова
На Черноморском побережье. Исторический комментарий. Ново-Афонский монастырь[16]

Далеко-далеко, за Кавказскими горами, у Черного моря, лежит страна, называемая Абхазией. За много веков своего существования она перенесла немало перемен, и ее история очень интересная.

За 250 лет до Рождества Христова ею владели греки, которые там вели торговлю и построили много городов, эти города существуют и до нашего времени. Потом Абхазию завоевал римский царь Митридат[17]; в это время воевали персы с греками, и Абхазия помогала грекам, наконец, персы одолели абхазцев, но ненадолго. Греки опять овладели Абхазией, и так как они уже были христианами, то стали распространять христианство среди абхазцев. Но греческие писатели и предания народа говорят, что евангелие в Абхазии было проповедано гораздо раньше: апостолом Андреем со спутником Симоном Кананитом (тем самым, у которого Христос был на браке в Кане Галилейской). Софроний (друг блаженного Иеронима)[18] пишет: «Андрей, брат св. апостола Петра, как передали нам предки, проповедовал Евангелие Господа нашего Иисуса Хри-

[15] *Дьяконов А. А.* «Елизавета Александровна Дьяконова». Биографический очерк. Оттиски из журнала «Всемирный вестник». 1904 г., август (С. 67–78). 6 л. // ОР РГБ. Ф. 375. К. 6. Ед. хр. 18.

[16] *Дьяконова Е. А.* На Черноморском побережье. Исторический комментарий. Ново-Афонский монастырь — очерк. Автограф и печ. 1900 г. // Ф. 375. К. 4. Ед. хр. 15.

[17] Митридат VI Евпатор Великий — царь Понта (120–63 г. до н. э.).

[18] Блаженный Софроний Евсевий — знаменитый христианский писатель (IV в.).

ста скифам, согдианам[19] и сиккам[20]; проповедовал также в великом Севастополе (теперь Сухум)[21], поблизости коего бросается в море река Алеара (Псыртсха) и река Фозис (Рион)[22], у которой обитают внутренние эфиопы; погребен в Патрасе Ахейском[23], будучи распят Егеатом Эдесским[24]»[25]. Об этом же говорят и св. Дорофей, епископ Сирский[26], и Епифаний, епископ Кипрский[27]. В народе сохранились предания о проповеди Андрея, а также и о его смерти, будто бы он был убит за проповедь у них в стране людоедов. Рассказывают еще, что была башня, в которую боялись войти, так как в ней обитали будто бы нечистые духи, но св. Апостол вошел в нее, поставил икону Богоматери, и духи исчезли; абхазцы уверовали во Христа.

Эта проповедь не была безуспешна: идолопоклонничества стало меньше, уничтожился жестокий обычай приносить богам в жертву младенцев и съедать трупы мертвых людей. Но христианство, насажденное апостолами, удержалось в Абхазии недолго, оно подвер-

---

[19] Жители Согдианы — исторической области в Центральной Азии.

[20] Жители Сиккима — небольшого княжества под управлением династии Намгьял, которое в XX в. вошло в состав Индии.

[21] Здесь автор допустил ошибку, т. к. это разные города.

[22] Фазис (Риони) — река в Грузии, одна из крупнейших в Закавказье.

[23] Патры (Патрас) — город в Южной Греции, входивший в Ахейский союз.

[24] Эгеат — правитель Патры, префект Эдесский.

[25] Перевод этого текста Е. Дьяконовой отличается от перевода Макария (Булгакова). Ср.: «В четвертом веке мы встречаем сказания о святом апостоле Андрее более подробные. Святой Дорофей (307–322), епископ Тирский, пишет о нем: “Андрей, брат апостола Петра, протек всю Вифинию, всю Фракию и скифов (или, как в другом списке, всю приморскую страну Вифинии, Понта, и Фракии, и скифов), проповедуя Евангелие Господа; потом достиг великого города Севаста (или Севастополя), где находится крепость Аспар и река Фазис (ныне Рион), у которой обитают внутренние эфиопы; погребен в Патрасе Ахейском, будучи распят Егеатом”» (История Русской Церкви / [соч.] Макария, еп. Винницкого. Ч. 1. Отд. 3. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. С. 3.)

[26] Дорофей, епископ Тира Финикийского, священномученик (255–362).

[27] Епифаний Кипрский, святитель (ок. 315–403) — отец и учитель Церкви, епископ Констанции, богослов, ересиолог.

глось преследованию и, таким образом, повсеместно было истреблено.

Так что, когда через 500 лет по смерти Спасителя император Юстиниан[28] стал распространять христианство, то абхазцы были вполне язычниками. Писатель того времени[29] говорит, что «с тех пор, как царствует Юстиниан, нравы абхазцев заметно смягчились, потому что они приняли христианство. Он построил у абхазцев храм Божий в Пицунде и назначил им священников; он позаботился, чтобы они имели возможность распространять христианское учение». Пицунда лежит на восточном берегу Черного моря, по реке Бзыби в одной версте от моря. Храм был устроен очень хорошо, богато и прочно; фундамент сложен из дикого камня; стены толщиной в 2 аршина, выложены из жженого римского кирпича в 3, 4, 5 рядов, а частью из плитняка. Немудрено, что он существует и до сих пор: построен в 551 году, значит, теперь ему 1349 лет. При нем жили епископы, которые назывались католикосами, и поэтому храм пользовался разными привилегиями: в нем совершались освящение мира, рукоположение епископов и разные церемонии. Храму жертвовались многие земли с крестьянами; сохранились записи, из которых можно видеть, что Пицундская обитель была очень богата: кроме крестьян и земель, она владела и драгоценными камнями, и разными приношениями.

Византийцы дали абхазцам правителя (архонта[30]). Но в исходе VIII века они приняли титул царей, посредством браков породнились с царями грузинскими и покорили себе соседние горные народы. Так продолжалось около 200 лет. Когда угасло потомство царей абхазских, корона царская перешла к их родственникам — царям грузинским. При одном из них — Давиде Возобновителе[31] — страна находилась в цветущем состоянии: весь абхазский берег был покрыт торговыми городами и монастырями, а на соседних горах были построены укрепленные замки и церкви. Этот же царь отдал Абхазию в удел князьям Шервашидзе, которые через 100 лет, в 1239 году, объявили себя независимыми князьями и окончательно отделились от Грузинского царства. Но они недолго княжили самостоятельно: че-

---

[28] Юстиниан I Великий (ок. 482/483–565), святой правоверный, один из величайших Римских императоров.

[29] Прокопий Кесарийский — византийский писатель, историк.

[30] Архонт — высшее должностное лицо в Древней Греции.

[31] Давид III Возобновитель — св. блгв. царь Иверии и Абхазии (1089–1125; по другим источникам, 1084–1125).

рез 200 с лишком лет (1453 г.) турки завоевали Византию и подчинили себе абхазских князей. Чтобы удержать их в повиновении, турки построили на морском берегу много крепостей: Сухум-Кале, Поти, Анапу и стали распространять магометанскую веру. Вследствие этого христианство стало ослабевать, многие епархии пали и храмы разрушились. И Пицунда, окруженная народом, забывшим веру своих отцов, тоже потеряла свое значение; католикос Захария[32] в 1600 годах (XVII в.) уже уехал оттуда. Но народ все-таки уважал оставленную святыню, и, когда через много-много лет наши войска заняли ее, на престоле нашли древнее Евангелие, которому было 400 лет, и некоторые вещи из церковной утвари.

С падением Пицундского храма пало и христианство в Абхазии, а сами князья Шервашидзе перешли в магометанство. По словам народа, первыми перешли в магометанство люди знатные, имевшие торговые дела с турками; они приняли магометанство из своих личных выгод, и так как простой народ находился у них в подчинении, тоже последовали их примеру. Тогда еще не учили грамоте, как теперь, и простой народ совершенно не понимал разницы между христианством и магометанской верой. В конце концов, у них оказался полный сумбур: они не знали хорошо ни той, ни другой религии, и в обрядах у них все перемешалось. Муллы — магометанские священники — тоже не учили народ. Но как бы ни было велико влияние турок на абхазцев, оно, однако, не вытеснило некоторых древних христианских обрядов: на Пасху у них режется ягненок и меняются крашеными яйцами; на всех молениях зажигают свечи и курят ладан; развалины церквей считаются священным местом, и они приносят в них присягу. Присяга на развалинах храма на горе Дедрюпш[33] (близ Гудаута) считается самой священной, и не найдется абхазца, который решился бы там принести ложную присягу. Церковь почитается местом неприкосновенным, и всякий, прибегающий под ее защиту, спасается от преследования, какое бы ни сделал преступление.

В 1810 г. русские взяли у турок Сухум-Кале, и абхазский князь Сефир-бей[34] добровольно перешел в подданство России, приняв христианскую веру. К этому времени во всей стране только в двух церквах отправлялись церковные службы. При императоре Николае I повеле-

---

[32] Захария (ум. 1632) — католикос-патриарх Грузии (1623–1632).

[33] Дидрипш или Дыдрыпш — гора в Абхазии, в Гудаутском районе.

[34] Сефер-бей Зан (1789–1859) — политический деятель периода покорения Западного Кавказа Россией.

но было учредить в новом русском владении архиерейскую кафедру, но в это время возникла Крымская война 1854 г., и турки вновь заняли Абхазию, но ненадолго: через два года русские опять овладели ею. Тогдашний абхазский князь Михаил[35] не умел спокойно управлять страной, постоянно ссорился с соседними князьями, заводил всякие смуты и, наконец, отравил соседнего князя Дмитрия. Вследствие этого в 1864 г. наше правительство, чтобы положить конец всем беспорядкам, удалило князя Михаила в Россию и ввело в Абхазии русское управление. Освобождение крестьян от крепостного права совершилось там 19 февраля 1871 г.

В последнюю турецкую войну в 1877 г., турки опять попробовали занять город Сухум, но безуспешно: русские войска их отбили. С этих пор на Абхазию турки уже не нападали, и мы владеем этой страной.

* * *

Одним из наиболее интересных мест в Абхазии является Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Он расположен в чудной живописной местности, на восточном берегу Черного моря, в 25 верстах от г. Сухума и в 60 верстах от древнего Пицундского храма. Когда-то, в глубокой древности, на этом месте была греческая колония Анакопия, или Никопсия. Из предыдущего уже известно, что Абхазия переходила из рук в руки, что в ней постоянно были войны, поэтому, когда Абхазия была во власти римлян, они основали при императоре Траяне[36] в этой колонии на высокой прибрежной горе крепость (сто лет по Рождестве Христовом); когда страна перешла к византийцам, они выстроили там церковь во имя апостола Симона Кананита. Генуэзцы, которые приезжали туда позднее, выстроили башни, и все эти постройки, конечно, уже развалившиеся, сохранились и до сих пор. Тут жили и правители абхазские, впоследствии — цари.

Когда русские овладели Абхазией, на этом месте они основали Ново-Афонский монастырь, составляющий отдел Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне. Вся братия присылается оттуда и живет по общежительному уставу афонскому. «Симоно-Кананитским» монастырь назван потому, что в древности греками была выстроена цер-

---

[35] Михаил Шервашидзе — последний владетельный князь Абхазии (1822–1866), генерал-лейтенант, генерал-адъютант русской императорской армии.

[36] Юстиниан I Великий — римский император, правивший в 98–117 гг., известный своими обширными завоеваниями.

ковь на том месте, где, по преданию, был погребен апостол Симеон Кананит. Эта церковь от лет совсем развалилась, и на ее месте монахи построили новую.

Монастырь возник около 25 лет тому назад; во время последней турецкой войны его постройки были разорены, и монахи принуждены были оставить монастырь; по окончании войны они опять возвратились. Монастырь получил, по Высочайшему повелению, 1800 десятин земли на содержание обители и при ней школы для детей-абхазцев, обязавшись не производить никаких сборов подаяний по книгам и не испрашивать от правительства ни пособий, ни жалованья, ни казны.

С тех пор прошло 20 лет. Монастырь процветает; свои огромные земли монахи — братия около 700 человек — тщательно обрабатывают…

Из Новороссийска массами приезжают сюда богомольцы поклониться святыням… Бережно высаженные с лодок на берег монахами, они с пристани входят через святые ворота в четырехугольный двор. Этот двор был окружен когда-то старинными стенами, построенными генуэзцами; часть их с башней уцелела и до сих пор. Монахи воспользовались этим и обратили башню в гостиницу для почетных гостей, устроив при ней балкон с видом на море.

Отсюда дорога, вся обсаженная кипарисами, ведет к церкви Покрова Богородицы. Неподалеку от гостиницы находится монастырская лавка, где можно купить одежду, обувь, хлеб, всякие продукты и даже конфекты, только постные… Ближе к горам, на террасах, выстроен монастырь; по афонскому обычаю ограда его состоит из жилых помещений, а в середине возвышается огромное величественное здание собора Святого Пантелеймона. Здание это совсем новое.

Поблизости верхнего монастыря находится лимонный и апельсиновый сад. Мне пришлось в нем быть в январе, и с непривычки очень странно было видеть апельсины и лимоны, которые совсем усыпали деревья; а роскошные огромные пальмы были только прикрыты рогожами на случай внезапного мороза… Издали сверкает голубое море… Всюду растут кусты цветущих роз… Глазам не верится, и кажется, что видишь чудный сон — так хорошо все кругом.

Богомольцы обыкновенно посещают и храм Симона Кананита, и Иверскую гору. К храму ведут две дороги: снизу от ворот и сверху — из верхнего монастыря, обе обсажены высокими кипарисами. Храм стоит на левом берегу реки Псыртсхи[37]; напротив западных дверей его

[37] Псыртцха — горная река в Абхазии.

в долине — красивый фонтан с крестом, из которого льется вода, тут же и ковшички на цепочках.

Река Псыртсха выходит из горного ущелья; при самом выходе из него между горами устроена каменная плотина, так что за нею образовался род озера, и оттуда река с шумом падает вниз, образуя водопад. Когда от плотины идешь дальше, вглубь ущелья, на каждом шагу попадаются величественные прекрасные виды. Река шумит и играет по каменным уступам; высокие горы с обеих сторон покрыты нежными цветами; ласкается primula и кивают, колыхаясь от ветра, белые красивые цветы колокольчиков… Этот путь — к пещере, как гласит надпись на столбе у дороги.

В отвесной каменной скале находится, называемая по преданию абхазцев, «Пещера Симона Кананита». К сожалению, мне не удалось войти внутрь ее, потому что в будний день она оказалась запертой массивной решетчатой железной дверью. Место храма Симона Кананита и дорога к пещере — лучшее для прогулки в монастырь.

Путь на Иверскую гору гораздо длиннее, но так как по всей горе до ее вершины проведена прекрасная дорога зигзагами, то идти туда не трудно, и постоянно встречаешься с группами богомольцев. Вся гора покрыта лесом. На вершине ее находятся остатки старинной крепости, построенной еще во времена императора Траяна. Стена ее опоясывает весь гребень горы и состоит из массивных гладко обтесанных камней. Целы и две башни: одна пониже, другая на самой вершине; на ней монахи надстроили деревянную часовню Иверской Божией Матери и теперь хотят строить каменный храм Преображения, так как раньше на этом месте была греческая церковь, развалины которой уцелели тоже. Я в нее вошла. Можно заметить место алтаря; кругом лежат куски камней с высеченными на них украшениями. Около церкви, среди развалин, видна впадина, в которой за стеклом лежат старательно сложенные черепа и кости. Рядом висит рамка со стихотворением одного из монахов:

Любовию просим вас
Посмотрите вы на нас
Мы были как вы
И вы будете как мы.

На одном из черепов прорублен крест, на кресте кость. Кто знает, быть может, рядом с ним лежит череп того, кто его убил, и бывшие враги покоятся теперь мирно рядом.

Недалеко от церкви на открытом месте устроена терраса со скамейками, чтобы любоваться видом. А любоваться есть чем: вид с горы во все стороны очаровательный. С одной стороны — вдали сияют кавказские снежные горы, из них особенно красива одна с круглым верхом, монахи называют ее Цицероновой шапкой; а ближе — спокойно лежат горные полосы монастырских владений: их дороги отсюда, с высоты, кажутся узкими лентами, люди и лошади внизу ползут, подобно маленьким насекомым. С востока видно ущелье, река, церковь Симона Кананита, монастырь; с юга — море, сверкающее на солнце, прибрежные монастырские владения, масличные сады, чистые роскошные пруды, обильные виноградники. Все так величественно, так прекрасно.

Подымаясь на гору, я встретилась с мужичком богомольцем. Мы пошли рядом. Разговорились. Оказалось, что он приехал из Ставропольского уезда нарочно, на богомолье. «Зачем же ты поехал так далеко? Ведь и дома можно помолиться», — сказала я. «Эх, матушка, дома-то такого расположения нету, дома — заботы, дела. А здесь — вона какая красота — Премудрость Божия… Обо всем забудешь, точно в раю побываешь!» И, придя в часовню, мужичок начал истово креститься, молясь с наслаждением… Да, посмотрев с горы на эту красоту природы, я согласилась с мужичком. Он был прав — «точно в раю побываешь и обо всем забудешь»…

Монахи и на горе устроили для богомольцев навес, под которым отдыхают; один из них живет здесь постоянно при часовне, бесплатно наливает чай и дает хлеб всем приходящим.

Прекрасна природа этой страны; она не велика по размерам — иная русская губерния куда больше ее, но недаром есть поговорка: мал золотник, да дорог. Здесь могут расти и различные плодовые деревья: ореховые, тутовые, фиговые, лавровишневые, яблоки, сливы, виноград, кукуруза, табак; растут дубы, каштаны, чинары, лавры; в горах и лесах водятся редкие звери, бьют звонкие источники; есть и всякие птицы, и дикие пчелы, и причудливые, редкие цветы… Снег выпадает только иногда на неделю, на две, а морозы редки, не больше шести градусов. Вместо зимы там идут дожди, но они не так долго продолжаются, да не всегда бывают. Зима только и заметна по тому, как падает с деревьев лист; но есть и такие деревья, которые вечно зелены: лавры, магнолии, апельсины, лимоны, маслины — их разводят монахи. Огороды же зелены круглый год. Монастырское хозяйство доказывает, в какой чудный, вечно цветущий уголок можно обратить эту землю, где весна начинается с февраля. Но русские люди только за последние годы стали там селиться и заводить хозяйство. После

войны прошло 20 лет, многие места заброшены, опустели и заросли папоротником и колючкой. От этого развивается сырость и лихорадка. Надо много работать в этом крае, чтобы привести его в то состояние, которого он может достигнуть при таком благоприятном климате. Теперь Абхазия, а в ней Ново-Афонский монастырь уже вошли в состав Кутаисской губернии.

Нужно только быть смелее и не бояться ехать в дальний край, где можно найти заработок. Иностранцы смелее нас, и едут к нам на Кавказ торговать, работать и наживать деньги. Эта земля завоевана русскими, и поэтому нам не следует пренебрегать дарами природы, которыми богата Абхазия.

1900 г.

Е.А. Дьяконова.
Стихотворение «На север поезд быстро мчится…»[38]

* * *

На север поезд быстро мчится,
В вагоне полусвет.
Увы, куда душа стремится —
Туда возврата нет!

В окно, сквозь сумерки вагона
Смотрю я вдаль.
Все ближе к северу, а Нового Афона
Так жаль, так жаль!

Там с тихим плеском к берегу морскому
Ласкается волна;
Там горы, там могучая природа
Красы полна.

Там солнца луч с рассветом зарумянит
Вершины гор;
Проснется лес, приветствовать день станет
Вновь птичек хор.

---

[38] *Дьяконова Е. А.* Стихотворения 1897–1900. Черновой автограф // ОР РГБ. Ф. 375. К. 4. Ед. хр. 4; *Она же.* Стихотворения. Автограф и печ. 1899, 1901 // ОР РГБ. Ф. 375. К. 4. Ед. хр. 11.

Там все в природе дико и прекрасно,
Там царство красоты...
И оживают вновь под небом ясным
Мечты, мечты!

Там в час заката, в царственном уборе
Пурпурных облаков
Погаснет солнце, погружаясь в море,
И свой покров

Раскинет ночь; свет бледный разливая,
Взойдет луна.
В её лучах, на берег набегая,
Блестит волна.

Январь 1900 г.

К родословной дома Дьяконовых[39]

Род купцов Дьяконовых из Нерехты, по сохранившейся родословной, своими корнями уходит в XVII век. Из поколения в поколение Дьяконовы занимались ручной выделкой крестьянского холста. Каток его *в три стены*[40], в 30 аршин длиной, назывался *новиной*, ею торговали у себя в Костромской губернии. Затем открыто было небольшое ткацкое заведение, холстом и новиной стали торговать со склада в Москве и по большим ярмаркам — у Макария в Нижнем Новгороде, на Успенской в Харькове, на Соборной в Симбирске, на Полтавской, на Ирбитской. Прадед Елизаветы Александровны Борис Иванович Дьяконов был именитым купцом и в 1858 году был возведен в потомственное почетное гражданство. Его брат Александр Александрович Дьяконов, будучи многосемейным, выстроил себе большой каменный дом, лучший в Нерехте. Его сын Иван Александрович, дед Елизаветы Александровны, кроме торговли, занимался делами благотворения, был в почете и считался первым лицом в небольшом уездном городе, каким была Нерехта, застрявшая между двумя местными центрами — Костромой и Ярославлем. Иван Александрович Дьяконов для своего времени был человеком весьма грамотным, понимал пользу и необходимость образования и единственного сына своего Александра Ивановича Дьяконова, отца Елизаветы Александровны, отправил учиться в Москву. Александр Иванович Дьяконов окончил Московскую практическую академию коммерческих наук, знал английский язык. Свободно говорил и писал по-французски. Перед ним стояла задача расширить дело отцов, что он и выполнил, открыв в Нерехте фабрику, оборудование для которой сам заказал и привез из Англии. В 1873 году Александр Иванович Дьяконов женился на красавице Александре Егоровне Горошковой, дочери ярославского купца средней руки. Дом молодых Дьяконовых — полная чаша. Они живут богато, фабрика приносит доход, торговые связи расширяются. Успехам в коммерческих делах сопутствует счастье семейное — вслед за первенцем Елизаветой идут и другие дети. Так проходит несколько лет. И вдруг все рушится. Александр Иванович тяжело заболевает, его везут в Москву. Показы-

---

[39] Дьяконов Александр Александрович и Дьяконов Владимир Александрович. «К родословной дома Дьяконовых» — статья. 1937. Машинопись с правкой рукой неустановленного лица и подписью-автографом А. А. Дьяконова. 2 л. // Ф. 375. К. 6. Ед. хр. 19.

[40] Стена — размер холста в 6–10 аршин.

вают лучшим врачам, не жалеют никаких средств, чтобы его спасти. Болезнь временно отступает, но не выпускает из своих рук жертву. Проходит три-четыре страшных года, и Александр Иванович Дьяконов в 1887 году умирает. Большое торговое дело остается без руководства. Вдова Александра Егоровна Дьяконова ликвидирует фабрику и со всей семьей переезжает в Ярославль, поближе к своей родне, к старушке-матери Ираиде Константиновне Горошковой.

За несколько лет до смерти Александр Иванович Дьяконов пригласил к себе в компаньоны своего дядю Алексея Александровича Дьяконова. Компаньон оказался недобросовестным. Воспользовавшись болезнью племянника, он запустил дело и выдал несколько крупных векселей от имени фирмы. Когда умер Александр Иванович, вдова владельца фирмы Александра Егоровна Дьяконова не решилась взять в свои руки ведение дела и ликвидировала фабрику, понеся при этом большие убытки. Смерть Александра Ивановича Дьяконова внесла перелом во всю дальнейшую жизнь его семьи. Александра Егоровна Дьяконова, напуганная несчастьями последних лет, после ликвидации фабрики, стала жить в Ярославле скромной вдовой-опекуншей своих пятерых детей и единственной своей целью поставила сохранение для них того небольшого капитала, который остался после смерти отца. Эту задачу она выполнила с полным успехом. После смерти мужа Александра Егоровна Дьяконова прожила всего семнадцать лет и умерла в 1904 году. Последние годы жизни она тяжело болела. Трагическая смерть любимой дочери Елизаветы в 1902 году очень сильно повлияла на нее и ускорила ее кончину.

Настоящее написали братья Владимир Дьяконов, Александр Дьяконов.

V
РУССКАЯ ПЕЧАТЬ В АБХАЗИИ

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-341-378
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ЕПИСКОП АНДРЕЙ (УХТОМСКИЙ) — ОСНОВАТЕЛЬ ЖУРНАЛА «СОТРУДНИК ЗАКАВКАЗСКОЙ МИССИИ»

© 2021 г. С. А. Стерликова

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье дан краткий обзор истории Сухумской епархии, а также приведены более подробные сведения о епископе Андрее (Ухтомском), занимавшем Сухумскую кафедру в 1911–1913 гг. Выдающимся начинанием еп. Андрея стало учреждение церковно-миссионерского журнала «Сотрудник Закавказской миссии», в котором публиковались проповеди, статьи религиозно-нравственного, церковно-исторического, этнографического содержания, обсуждались вопросы миссионерского дела, церковно-общественные и церковно-школьные. Одной из основных проблем Сухумской епархии было язычество населения; в каждом номере «Сотрудника» этот вопрос рассматривался в разных ракурсах. Освещая жизнь приходов, издание размещало на своих страницах сведения о приходских храмах, их истории и состоянии; эти свидетельства обретают сегодня несомненную ценность. Достоверную картину жизни Абхазии в первые десятилетия XX в. создают публиковавшиеся в «Сотруднике» статистические данные: о количестве рожденных, венчаных и погребенных прихожанах, о составе народонаселения и вероисповедании. В журнале печатались и так называемые «Путевые заметки», повествовавшие о путешествиях священнослужителей в отдаленные уголки Абхазии для общения с местными жителями. Отдельные републикации материалов журнала «Сотрудник Закавказской миссии» предложены вниманию читателей.

Ключевые слова: Русская словесность, Абхазия, епископ Андрей (Ухтомский), Сухумская епархия, «Сотрудник Закавказской миссии», миссионерство.

Информация об авторе: Софиянина Анатольевна Стерликова — историк, АНО «Книжный клуб Союза писателей», Комсомольский проспект, д. 13, 119146 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0851-1297. E-mail: kniga-klubsp@mail.ru.

Для цитирования: *Стерликова С. А.* Епископ Андрей (Ухтомский) — основатель журнала «Сотрудник Закавказской миссии» // Абхазия в русской словесности XIX–XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 341–378. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-341-378

BISHOP ANDREY (WORLDLY ALEKSANDR UKHTOMSKIY) — FOUNDER OF THE JOURNAL "EMPLOYEE OF TRANSCAUCASIAN MISSION"

© 2021. Sofiyanina A. Sterlikova

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No 20-012-00098A).

Abstract: The article provides a brief overview of the history of the Sukhum diocese, as well as provides more detailed information about Bishop Andrey (worldly Aleksandr Ukhtomskiy), who occupied the Sukhumi Eparchy in 1911–1913. An outstanding undertaking by Bp. Andrey was the establishment of the Church-missionary journal "Employee of the Transcaucasian Mission", which published sermons, articles of religious-moral, church-historical, ethnographic content, discussed issues of missionary affairs, church-social and church-school. One of the main problems of Sukhumi eparchy was the paganism of the population; in each issue of the "Employee" this issue was considered from different angles. Covering the life of parishes, the publication posted on its pages information about parish churches, their history and condition; these testimonies are gaining undoubted value today. It is a reliable picture of the life of Abkhazia in the first decades of the 20th century created by statistical data published in the "Employee" — on the number of births, married and buried parishioners, on the composition of the population and religion. The journal also published the so-called "Travel Notes" that told about the travels of clergymen to remote corners of Abkhazia to communicate with local residents. Some of the publications of the materials of the journal "Employee of the Transcaucasian Mission" are offered to the readers' attention.

Keywords*:* Russian literature, Abkhazia, Bishop Andrey (Ukhtomsky), Sukhumi eparchy, "employee of Transcaucasian Mission", missionary work.

Information about the author: Sofiyanina A. Sterlikova, Historian, Autonomous Non-profit Organisation "Book Club of the Writers' Union", Komsomolsky Av. 13, 119146 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0851-1297. E-mail: kniga-klubsp@mail.ru.

For citation: Sterlikova, S. A. "Bishop Andrey (Worldly Aleksandr Ukhtomskiy) — Founder of the Journal 'Employee Of Transcaucasian Mission'."

Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols. Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 341–378. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-341-378

О Христианстве в Абхазии известно с I века. Здесь проповедовали святые апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит, святитель Иоанн Златоуст, святой мученик Василиск Каманский; по некоторым источникам — святой апостол Матфей. Согласно летописи, первым начал крестить местных жителей именно апостол Симон Кананит; благодаря его проповедям навсегда были уничтожены и забыты жесточайшие языческие обычаи древних абхазцев. К XI–XII вв. христианская вера утвердилась в Абхазии, превратив край в христианское государство.

Абхазия богата православными святынями: Патриарший собор в честь апостола Андрея Первозванного в Пицунде был возведен в X в., храм Покрова Пресвятой Богородицы в Гаграх — приблизительно в VI в., Успенский собор Драндского монастыря — в VI–VII вв., Бедийский храм в селе Бедия — в XII в., храм Успения Богородицы в Лыхнах — в X–XI вв.

Однако после завоевания Абхазии турками христианскую веру заметно потеснило мусульманство, и православные храмы были разрушены. Вплоть до 1879 г. Абхазия оставалась «яблоком раздора» между православной Россией и мусульманской Османской империей, даже несмотря на то, что в 1810 г. преобладающая ее часть во главе с владетельным князем официально вошла в состав России.

Россия планомерно закрепляла православные позиции на территории Абхазии. 15 апреля 1851 г. в состав Грузинского Экзархата Русской Православной Церкви вошла Абхазская епархия. В разные периоды ее возглавляли епископы: Герман (Гоголашвили), Геронтий (Папиташвили), Александр (Окропиридзе), Гавриил (Кикодзе).

В 1885 г., в связи с реорганизацией, была образована Сухумская епархия, которая охватывала территорию от реки Ингур до Анапы. Сухумскую кафедру возглавляли епископы Геннадий (Павлинский), Александр (Хованский), Агафодор (Преображенский), Петр (Другов), Арсений (Изотов), Серафим (Чичагов), Кирион (Садзагелов), Андрей (Ухтомский), Сергей (Павлов). Все они имели прекрасное образование и активно занимались просветительской и миссионерской деятельностью, окормляя своим пастырским вниманием не только побережье, но и самые отдаленные горные селенья, восстанавливая разрушенные храмы, возобновляя богослужения.

Летом 1911 г. на Сухумскую кафедру был назначен еп. Андрей (Ухтомский). Краткий период его служения — до декабря 1913 г. — яркое свидетельство того, как много важного и полезного способна совершить деятельная целеустремленная личность.

Еп. Андрей — в миру Александр Алексеевич, князь Ухтомский — принадлежал к знатному дворянскому роду, корни которого восходили к князю Рюрику. Он родился 26 декабря 1872 года (17 января 1873) в родовом селе Вослома, Рыбинского уезда, Ярославской губернии.

Окончив Рыбинскую классическую гимназию, по настоятельному желанию своего отца поступил в Нижегородский, имени гр. Аракчеева, кадетский корпус. Судьбу молодого человека в корне изменила встреча со святым праведным отцом Иоанном Кронштадтским. Княгиня Антонина Федоровна Ухтомская с сыновьями Александром и Алексеем возвращалась на волжском пароходе в родовое поместье Вослома, в 40 км к северо-востоку от Рыбинска. Беседы с о. Иоанном на верхней палубе глубоко поразили братьев, и они одновременно приняли твердое решение посвятить себя служению Богу. Младший брат — Алексей Алексеевич Ухтомский — впоследствии физиолог, академик, принял тайный постриг.

Будущий еп. Андрей в 1891 г. поступил в Московскую духовную академию и по окончании курса в 1895 г. со степенью кандидата богословия был назначен преподавателем Казанского духовного училища. Монашеский постриг и рукоположение в иеромонахи состоялись в конце этого же года.

До назначения еп. Андрея на Сухумскую кафедру ясно определились приоритеты его духовного служения. Он состоял викарным епископом Казанской епархии по миссионерской работе и инородческим приходам, основал крещёно-татарский монастырь, был редактором миссионерского журнала «Сотрудник Приволжской миссии». Это лишь часть его многочисленных трудов.

В Абхазии миссионерская деятельность еп. Андрея была продолжена столь же энергично. Он посещал самые заброшенные уголки своей епархии, добираясь туда по несколько суток, практически пешком, невзирая на погодные условия. Страстный проповедник, завоевавший любовь своей паствы, он целенаправленно шел к тому, чтобы вернуть и укрепить православную веру на этой прекрасной апостольской земле.

Выдающимся начинанием еп. Андрея в Сухумской епархии стал церковно-миссионерский журнал «Сотрудник Закавказской миссии». Начиная с 1912 г., журнал выходил два раза в месяц и содержал в себе: «проповеди, статьи религиозно-нравственного содержания, статьи по вопросам миссионерского дела в Закавказье, статьи этнографическо-

го содержания, описание религиозных верований и обычаев разных народностей Сухумской епархии, статьи церковно-исторического содержания, статьи по вопросам церковно-общественным и церковно-школьным. Очерки и рассказы из религиозного быта. Отзывы о книгах, брошюрах и статьях, касающихся Закавказья. Известия общественные». Авторами «Сотрудника» были как сам еп. Андрей, так и священнослужители, историки, краеведы, этнографы. В журнале освещалась деятельность Сухумского Епархиального Церковного Братства Св. Благоверного Князя Александра Невского, в которое входили все священнослужители епархии; в обязательном порядке все они были подписчиками епархиального издания, чтобы иметь представление «о деятельности Братства и задачах, намеченных к осуществлению в деле миссионерства».

Одной из основных проблем Сухумской епархии было язычество населения. В каждом номере «Сотрудника» этот вопрос рассматривался в разных ракурсах. Публиковались проповеди священнослужителей епархии, статьи еп. Андрея, бытовые зарисовки назидательного содержания.

«Сотрудник» освещал жизнь приходов Сухумской епархии. Несомненную ценность представляют материалы о приходских храмах — их истории, архитектуре и убранстве, какой храм был прежде на этом месте и был ли вообще, сведения о ктиторах и приходской общине. Достоверную картину жизни Абхазии в первые десятилетия XX в. создают публиковавшиеся в «Сотруднике» статистические данные: о количестве рожденных, венчаных и погребенных прихожанах «отдельно за каждый год»; о составе народонаселения и вероисповедании; какая разъяснительная работа проводится с мусульманами; сколько смешанных семей (православные с магометанами); как часто прихожане посещают храм. Не остается без внимания и «религиозно-нравственное состояние прихода»: сообщается о количестве «отступников от св. Церкви», когда и вследствие чего они отпали, какое количество некрещеных детей, и какого они пола, сколько в настоящее время приходов имеет священников, сколько псаломщиков, какова их национальность, какое образование они имеют, как исполняется долг исповеди и св. Причастия; подробно описываются обычаи поминания усопших.

План улучшения ситуации во вверенной ему Сухумской епархии еп. Андрей выстраивал, основываясь на собственном миссионерском опыте предыдущих лет. Для «благоустройства приходской жизни» первоочередной задачей он считал, «чтобы турецко-подданным муллам (скорее лжемуллам) было административным путем запрещено

вести пропаганду между абхазцами. Затем, так как прихожане живут разрозненно по гористым и неприступным местам, вдали от церкви, на расстоянии часто около 9 верст, то желательно улучшение путей сообщения по разным направлениям прихода, чтобы священнослужители свободнее и чаще могли находиться в среде своих прихожан, и чтобы сами прихожане могли без затруднений ходить в церковь. В-третьих, так как около церкви существует Министерское училище, желательно открытие в отдельных частях прихода церковной школы, и это тем более необходимо, что в настоящее время дети оттуда, по необходимости, в школу ходить совершенно не могут». Вопрос образования абхазских детей и абхазской молодежи поднимался «Сотрудником» практически в каждом номере.

В журнале печатались и так называемые «Путевые заметки», повествовавшие о путешествиях священнослужителей в отдаленные уголки Абхазии для общения с местными жителями.

Важной задачей еп. Андрея (Ухтомского) было подготовить себе смену из местного населения — священников абхазов. Именно для этого открывались пастырские школы, писались ходатайства об увеличении срока обучения молодых людей. В своем последнем обращении к пастве преосвященный, подводя итог сделанного за два года, выразил уверенность, что «теперь, если абхазцы-священники будут проповедовать на своем родном языке несчастным сородичам и если во всех абхазских приходах будут священниками только люди, прекрасно знающие абхазский язык, то дело может и вовсе наладиться».

Начиная с января 1914 г., «Сотрудник Закавказской миссии» выходил уже без своего основателя. Последний номер вышел в конце ноября 1915 г.

В декабре 1913 г. еп. Андрей был переведен в Уфимскую епархию.

В годы революции вошел в состав Святейшего Синода, подвергался репрессиям и неоднократным арестам. Несмотря на суровые испытания, начиная с 1922 г. тайно рукополагал архиереев для многих епархий; осуществил монашеский постриг будущего архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).

3 сентября 1937 г. в Ярославле еп. Андрея приговорили к расстрелу; 4 сентября там же приговор был приведен в исполнение.

В 1981 году решением Архиерейского Собора Русской православной церкви заграницей епископ Андрей (Ухтомский) канонизирован как священномученик. Реабилитирован в 1989 г.[1]

---

[1] При подготовке настоящей статьи использовалась следующая литература: Андрей (Ухтомский Александр Алексеевич; еп. Уфим-

Публикуемые материалы издания епархиального церковного Братства святого благоверного князя Алесандра Невского в г. Сухуме «Сотрудник Закавказской миссии» являются яркой иллюстрацией беззаветного и преданного служения епископа Андрея (Ухтомского) Абхазии, ее народу, о процветании, духовном благоденствии и благополучии которого были все его чаяния.

Наши задачи

«Сотрудник Закавказской миссии».
1912. 1 января. № 1. С. 4–7.

Выступая с нашим скромным журналом «Сотрудник Закавказской миссии» на служение святой Церкви, мы хотим сказать нашим читателям о своих целях и задачах нашего предприятия. Это необходимо, чтобы все в нашей деятельности для всех было понято.

И вот о чем мы позволяли себе думать и на что надеяться.

Прежде всего, нам хочется, чтобы наши читатели были непременно и нашими сотрудниками в деле миссии. Наш маленький журнал — миссионерский; а всякий православный человек, если он дорожит своими убеждениями, непременно должен миссионерствовать. Быть христианином — значит любить, а любить и ничего не делать для любимого — значит не любить! Таким христианин не должен быть! Быть христианином только на словах; по привычке, из приличия креститься; с полным недоумением, почти с гримасой исполнять христианские обычаи, — это абсурд! «Делать вид», что я-де христианин, а в душе быть почти анти-христианином, — это недостойно человека! Поэтому мы, христиане, если любим Господа, то должны любить и заповедь его о *деятельной* любви. А эта деятельная

ский и Мензелинский; 1872–1937). «Я хочу принадлежать только св. церкви…»: труды, обращения, проповеди, письма, документы / священномученик Андрей, архиеп. Уфимский; сост. И. И. Осипова, Л. Е. Сикорская. М.: Братонеж, 2012. 479 с.; *Зеленогорский М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М.: Изд. центр «Терра», 1991. 334 с.; *Коридзе Т. В.* Абашидзе З. Д. Абхазский (Западногрузинский) Католикосат // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. I. С. 67–72; *Михайлова Г. Б.* Усадьба Вослома и семейная хроника ее владельцев князей Ухтомских. Рыбинск: Рыбин. гос. ист.-архитектур. музей-заповедник, 2003. 39 с.

любовь может одинаково выразиться и в напитании ближнего, и в его утешении.

И к тому и к другому делу и будет призывать своих читателей наш «Сотрудник». Только, дорогие читатели и наипаче — отцы, *делайте* же непременно! Хоть что-нибудь, хоть единственный свой талант принесите Богу и освятите его великим служением. Но как это сделать? Куда приносить свои силы?

* * *

Братство святого Благоверного князя Александра Невского при Сухумском кафедральном соборе должно широко открыть свои двери для всех, кто хочет хотя бы немного поработать Господу. Это церковное Братство должно быть средоточием церковной епархиальной жизни: все нужды епархии, всякая скорбь и отдельного сына Церкви должна находить себе отзвук в Братстве. Но если страждущие и неимущие должны надеяться на эту помощь, то все радостные и вечно веселящиеся должны помочь Братству, уделить часть своих радостей несчастной братии.

Поэтому усердно прошу всех добрых православных христиан быть не только деятельными христианами вообще, но и деятельными братчиками и сестрами-сотрудницами в Сухумском епархиальном Братстве.

Если разовьется с Божьей помощью деятельность Братства, то тогда и дело церковное будет очевидно для всех, и искать его не придется. Церковь Сухумская, как общество верующих и спасающихся, живя единым сердцем, одушевляясь благодатью Божьей, будет служить бедной в нравственном и материальном отношении братии в радостной любви к ближнему.

* * *

К этому церковному единению, к этой братской любви и взаимопомощи должны приучить свою паству приходские священники. Они же должны стоять и во главе всей миссии. Поэтому, с одной стороны, они должны осведомлять центральных епархиальных деятелей с нуждами своих приходов, а с другой стороны, должны быть осведомлены во всем, что вообще делается в епархии.

В этом отношении «Сотрудник Закавказской миссии» всецело в их распоряжении и готов к их услугам. Всякие сведения о приходской жизни, всякое новое явление в жизни православия будут предметом всестороннего освещения и обсуждения на страницах нашего «Сотрудника».

Поэтому общее собрание членов Братства святого благоверного князя Александра Невского 27-го ноября сего года постановило: с одной стороны, пригласить всех священников епархии вступить в члены Братства и прислать свои членские взносы, тем показав пример для подражания, а с другой — всем приходам епархии выслать «Сотрудника» *бесплатно*.

Лично я всецело эти два постановления одобряю и нахожу в высшей степени важными, а для миссионерской деятельности вовсе необходимыми.

* * *

Таковы ближайшие наши задачи. Но в области наших надежд уже имеется нечто великое. Нам хочется, чтобы наш «Сотрудник» сорганизовал не только сильное, деятельное Сухумское церковное Братство, но чтобы около этой центральной организации образовались и приходские братства, попечительства, общества трезвости и проч. Такие учреждения даже при самых незначительных средствах имеют в сельских приходах громадное воспитательное значение. Как бы ни малы были подобные организации, они при одушевленных деятелях могут поднять приход и в нравственном, и в общекультурном отношении. Самая принадлежность к подобному обществу уже принудительно обязывает всякого к мысли о долге, об известных правилах поведения, которые для него являются уже необходимыми. Наконец, всякое общество, во главе которого стоит духовное лицо, уже поэтому является как-бы отображением церковной жизни и, во всяком случае, напоминает о ней, и мало-помалу может приучить ныне разрозненную и нестройную толпу христиан к сознательной общественной жизни и взаимопомощи, т. е. вообще к церковной жизни.

Поэтому все такие общества, как например Геленджикское общество трезвости, может смотреть на «Сотрудник» как на свой орган, сообщать редакции о своих трудах, о своих радостях и печалях и даже печатать хотя бы извлечения из своих отчетов.

Развитие во всех приходах таких благотворительно-просветительских организаций является, по нашему мнению, верхом церковного благополучия, насколько о нем нынче при нашей безотрадной действительности можно говорить.

Но будем надеяться и трудиться! Будем надеяться и молиться! Да будет Господь вашим помощником в ваших начинаниях во славу Его святого имени. Аминь.

Епископ Андрей.

К духовенству Сухумской епархии.
(Еще о наших задачах)
«Сотрудник Закавказской миссии».
1912. 15 января. № 2. С. 17–20.

В наше время блужданий общественной мысли и мучительных недоумений, переживаемых наиболее серьезными натурами, для служителей св. Церкви является полная необходимость выяснить для всех, как смотрит св. Церковь на то или иное явление жизни, благословляет его или решительно осуждает. Это тем более необходимо среди такой разноязычной и разноплеменной епархии, как Сухумская, при наличии всевозможных, бесчисленных столкновений самых разнообразных взглядов, мнений и даже интересов — до политических включительно. Вот основная современная обязанность пастырей Церкви.

Отвечая на эту потребность, наш «Сотрудник» и решается с Божьей помощью приступить к общей работе для служения Церковному делу Закавказья, в частности — Сухумской епархии. Мы прекрасно помним, что мы — только «сотрудники Закавказской миссии», что нам по нашему положению полагается только «сотрудничать», тем не менее и мы хотим по мере нашего разумения и сил служить делу Божьему не за страх, а за совесть, хотим не закопать в землю хотя бы и одного таланта, полученного нами от Бога. И с Божией помощью дерзаем. Но представителей Сухумской епархии — пастырей православных — просим *прежде всего* не оставаться глухими к тому, о чем будет вести речь «Сотрудник Закавказской миссии», иначе говоря, — не остаться равнодушными к жизни своей паствы, на служение которой наш журнал решается выступить.

Отцы и братья! Просим вашего внимания мы, ваши помощники. Мы, священнослужители, в настоящие трудные времена должны быть обо всем хорошо осведомлены, мы должны хорошо понимать свое положение в жизни, свой долг перед Богом и людьми. Наше служение должно быть для всех открыто, для всех ясно. И всем мы должны проповедовать «лето Господне приятное». Мы должны людям проповедовать радость жизни с Богом и всемерно трудиться, чтобы эта наша проповедь не показалась людям только празднословием, но чтобы по делам нашим они знали о Вере нашей. Мы, священнослужители, должны сплотиться, соединиться в единую семью и дружно приняться за дело без надежды «на князи, на сыны человеческие», — а уповая лишь на помощь Божью, насколько мы ее заслужим. Между пастырями всех положений в их взаимоотношении прежде всего не

должно быть никакого лицемерия или человекоугодия или даже простой неискренности.

Если это правило теоретической морали будет признано последними и как необходимое правило их пастырской практики, — о, тогда можно будет верить в успех!

О такой-то деятельности пастырей Сухумской епархии и будет заботиться, прежде всего, «Сотрудник Закавказской миссии». И всякий, кто сочувствует этой цели, да поможет нам. Миссия всех приходских священнослужителей — вот это истинное апостольство, вот это действительная миссия! О такой миссии мы и мечтаем, о ней мы молимся Богу. А «миссию» чистого красноречия без всяких соответствующих этому красноречию дел — такую миссию мы совершенно отрицаем. Это не миссия, а печальное недоразумение наших дней, поддерживаемое теми, кому это недоразумение выгодно.

Итак, первой нашей целью, отцы и братья, является объединение пастырей — полное и искреннее, и только во имя Божие.

Вторая цель нашего журнала состоит в том, чтобы через пастырей приходских собрать всех верующих мирян Сухумской епархии в единое стадо Христово. Читатель, прошу не удивляться этому нашему желанию; прошу не указывать нам, что соединить в единое стадо чуть не дванадесять[2] языков невозможно, что это — одни слова. Нет, читатель, это не слова, это вера; это твердое упование, что невозможное для людей, возможно для Бога. Вот с этой надеждой на помощь Божью я и говорю, что цель моего служения Сухумской епархии: собрать всех в единое стадо Христово, в единую семью церковную, в великую семью, объединенную духом любви к Богу во св. Духе.

Для этого «Сотрудник Закавказской миссии» постарается сообщать своим читателям о тех событиях, наиболее важных, которые совершаются в Церковной жизни и которые косвенно, конечно, касаются и Сухумской епархии. Но отражая на своих страницах действительность (в виде корреспонденций), наш журнал по преимуществу постарается принципиально освещать вопросы жизни. Это наши общие цели. В частности же мы будем призывать всех православных жителей Сухумской епархии объединиться для энергичного, живого церковного дела. По нашему мнению, для православных христиан проповедь о Христе обязательна, это прямая обязанность всякого православного христианина, и поэтому в той же мере его молчание о Христе есть уже его измена Христу.

---

[2] Дванадесять — двенадцать.

Наибольшая же наша забота будет приложена к тому, чтобы, в частности, русские православные христиане были на высоте понимания и выполнения своих обязанностей среди Сухумского разноплеменного населения, чтобы русское имя здесь на развалинах древних культур было любимым всеми и верным проводником культуры истинно христианской.

Призывая Господа на помощь в нашем новом церковном деле, поручаем его и себя Его всеблагой воле, помня, что если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его (Пс. 126, I). Отцы и братья! С молитвою и надеждою будем трудиться во славу Божию.

Епископ Андрей.

О необходимости открытия в Абхазии пастырской школы.
«Сотрудник Закавказской миссии». 1912.
15 января. № 2. С. 20–23; 1 февраля. № 3. С. 39–43;
7 февраля. № 4. С. 56–61.

Несмотря на то, что в Абхазии уже в течение 60-ти лет существует архиерейская кафедра, учрежденная, несомненно, с миссионерской целью просвещения светом Христова учения язычествующего и мусульманствующего абхазского населения, что сухумские архипастыри с самого основания епархии принимают все находящиеся в их распоряжении средства к улучшению религиозного состояния абхазского народа, все-таки абхазцы до настоящего времени пребывают «во тьме и сени смертной». Мы открыто заявляем, что в настоящее время, как и 40–50 лет тому назад, абхазцы-христиане, за очень немногими исключениями, совершенно не живут церковной жизнью. Храмов они совершенно не посещают, в домах св. икон не имеют и Богу никогда не молятся, постов не соблюдают, христианского долга исповеди и Св. Причастия не исполняют, в брак вступают обычно без церковного благословения, детей своих крестят лишь тогда, когда они достигают школьного возраста и является необходимым для них при поступлении в учебное заведение, иметь метрику; словом, абхазцы не имеют никаких христианских навыков и по своей жизни скорее напоминают собою язычников, отличаясь от последних лишь тем, что совершенно не живут религиозной жизнью. Соответственно такому нерелигиозному состоянию абхазцев и храмы абхазские находятся буквально в состоянии «мерзости и запустения». Вот, например, в каком состоянии нашел Анчадарский храм в Абхазии преосвященный Серафим, бывший епископ Сухумский в 1905 году, во время объезда епархии:

снаружи этот храм имеет вид дощатого деревянного сарая, поставленного на высоких деревянных столбах вместо фундамента; лестница, по которой нужно подняться, чтобы войти в храм, сгнила и валяется в стороне от входа; в храме темно, так как окон почти нет, а проникающий сквозь щели стен свет слишком мало освещает храм; вместо иконостаса стоит деревянная дощатая, самой грубой плотничьей работы перегородка, посреди которой на двух грубо обтесанных столбах навешаны двустворчатые двери, также грубой плотничьей работы, не окрашенные; на этих дверях, служащих «царскими дверьми», никаких икон не имеется; на «иконостасе» наклеены вместо икон картины лубочного Сытинского издания[3], изображающие Спасителя, Богоматерь и Георгия Победоносца на коне и заменяющие собою местные иконы; пред этими иконами стоят, вместо подсвечников, два толстых деревянных обрубка с дырочками в них для постановки свечей. В алтаре, прежде всего, поражает так называемая ризница, состоящая в том, что из одного угла в другой протянута веревка, и на ней висит скомканное священническое облачение, на престоле и на жертвеннике верхних одежд нет, а индития[4] полуистлела; церковные сосуды запыленные стоят на жертвеннике ничем не покрытые… Преосвященный Серафим, видя такое убожество храма Божия, не выдержал и прослезился… Немного лучший вид имели тогда другие абхазские храмы: Отхарский, Джирхвский, Мугудзырхвский и проч. Тут поражает не бедность храма, а ужасно неряшливое его содержание!.. По нашему мнению, состояние храма Божьего является самым лучшим показателем степени религиозности его прихожан и особенно отношения к своим пастырским обязанностям со стороны приходского священника. Мы имеем в виду не богатство, не роскошь обстановки в храме, а наличность в нем всего необходимого для совершения богослужения и содержания его в приличном виде, в порядке и чистоте. Внутри России, где народ, благодарение Господу, все еще в массе своей религиозен, и где духовенство сознает свой долг заботиться о благосостоянии своего храма, подобных описанному храмов не может быть. Нельзя сказать, чтобы абхазцы были бедны по сравнению с русскими крестьянами, и что они по бедности ничего не могут пожертвовать на свой приходской храм; нет абхазцы *не привыкли* жертвовать на храм,

---

[3] Сытинское издание — доступная по цене массовая печатная продукция типографии И. Д. Сытина.

[4] Индития (греч. — одеваю) — верхнее облачение престола в алтаре православного храма в виде светлой шелковой или парчовой материи.

потому что они не привыкли ходить в храм, и на свой приходской храм смотрят как на совершенно постороннее для них место, с которым у них нет реально никакой связи.

Таким образом, убожество абхазских храмов является результатом индифферентного, граничащего с полным безверием, отношения абхазцев к исповедуемому ими на словах (или вернее: на бумаге) христианству.

Что же за причины такого ужасного религиозного состояния абхазцев? Что за причины такого позорного явления в жизни Российской Православной Церкви, когда считающаяся в течение целого столетия в ее составе целая народность абхазская остается язычествующей или даже совсем нерелигиозной?

По нашему мнению, две главные, в числе многих других, причины содействовали совершенному угашению духа религиозного в абхазском народе, это неимение у абхазцев возможности слушать слово Божие на своем родном языке и отсутствие среди абхазского духовенства сколько-нибудь подготовленных к пастырскому служению священников.

В то время как первая причина ныне может считаться устраненной благодаря исключительно местным деятелям, начавшим на свой страх и риск великое и ответственное дело перевода Св. Писания и наиболее нужных богослужебных последований на абхазский язык и ныне заканчивающим это дело, вторая причина до сих пор остается непреодолимым тормозом в научении абхазцев св. вере православной и жизни по сей вере, лишая их возможности иметь таких руководителей в религиозной жизни, таких проводников Христова учения, которые бы, пользуясь среди народа авторитетом по своему образованию и по своей церковной настроенности, могли раскрыть темному и не ведающему Бога абхазскому народу всю положительную сторону Христова учения, и за которыми бы абхазцы с доверием могли следовать. Мы с глубокой грустью должны здесь засвидетельствовать, что в настоящее время в Абхазии нет таких пастырей и не может быть до тех пор, пока абхазский народ не будет иметь священников из своего народа, получивших необходимые для священника познания, а главное — воспитанных в строго-церковном духе, любящих пастырское дело и искренне ему преданных.

О том, какими кандидатами приходится в настоящее время замещать вакантные священнические места в Абхазии, можно судить по следующим цифровым данным, касающимся наличного состава священников в Сухумском округе (кроме гор. Сухума): окончивших курс в духовной семинарии — 2; не окончивших курса в духовной семина-

рии — 5; окончивших курс духовного училища — 24; не окончивших курса в духовных училищах — 9; — 2; окончивших курс второклассной школы — 4; не окончивших курса и в ней — 1; окончивший курс городского училища по Положении 1872 года — 1; не окончивших и курса городских училищ — 6; из уездного училища — 1; окончивший курс училища виноделия — 1; не окончивший курса и в нем — 1; из железнодорожного училища — 1; окончивших курс двухклассного начального училищам — 2; не окончивших курса и в нем — 3; с домашним образованием, не поддающимся квалификации — 17; из них многие не говорят по-русски и не могут по-русски подписать своих фамилий.

Правда, в настоящее время все кандидаты на священнические места, кроме окончивших курс в духовных семинариях, должны сдать особое испытание по установленной для грузинского экзархата программе, но обычно вся подготовка их состоит лишь в изучении всего того, что требуется программой и начинается лишь с того момента, когда кандидат этот посылается епископской резолюцией на экзамен; в результате такой подготовки случается, что священником делается человек, никогда не готовившийся к пастырскому служению, никогда не читавший Св. Писание и впервые ознакомившийся с ним лишь во время подготовки к экзамену. Случались такие кандидаты на священнические места, которые, вполне удовлетворительно отвечая на все вопросы в объеме установленной программы, никогда не бывали в алтаре, никогда не принимали участия в чтении и пении во время богослужения, не имеют на себе крестов, не знают употребительных молитв, по многу лет не бывали у Исповеди и Св. Причащения, не умеют сотворить истово крестного знамения — словом, не имеют самых элементарных для простого мирянина церковных навыков. Вот, например, характерный случай, имевший место в самое последнее время: к Владыке явился просить священнического места прослуживший свыше 15 лет псаломщиком в абхазском приходе и сдавший установленный священнический экзамен — г<осподин> Б. Ему было предложено принять участие чтением и пением в Крестовой церкви во время вечерни. Заметив, что г. Б, стоя на клиросе[5], вместо крестного знамения совершает какое-то нелепое махание рукой, архиерей заметил ему, что крестное знамение нужно совершать истово и благоговейно, возлагая три

[5] Клирос — место в православном храме, где находятся певчие и чтецы.

персты не только на чело и перси[6], но и на оба плеча. Оказывается, г. Б настолько плохо владеет русской речью, что из всего сказанного понял только, что Владыка что-то говорит о плечах, и что же делает затем этот кандидат священства? Когда архиерей после взглянул на него, то к своему ужасу видит, что Б., совершая крестное знамение (правда, истовее, чем раньше), полагает персты сначала на левое плечо, а затем на правое, по католическому обряду… Вот какими кандидатами приходится епископу Сухумскому замещать священнические места в Абхазии. Что может сделать для абхазцев епископ Сухумский, имея таких помощников? Каков бы он ни был, все-таки *один*, не имея себе помощников на местах, он сделать ничего не может. Грубая, трудно поправимая ошибка была сделана, когда во вновь открытую в 1885 году архиерейскую кафедру в Абхазии, с миссионерской целью просвещения абхазцев, не дали епископу Сухумскому никаких средств к выполнению хотя бы отчасти этой святой цели, не открыли хотя бы самых скромных пастырских курсов для подготовления к священническому служению среди абхазцев кандидатов из самого абхазского народа. Понятно, почему все епископы Сухумские, начиная с преосвященного Геннадия, являясь в Абхазию, прежде всего возбуждали ходатайства пред высшей церковной властью об открытии в Абхазии учебного заведения для подготовления кандидатов священства в абхазские приходы. Но все их ходатайства оставались гласом вопиющего в пустыне. Мы вполне понимаем весь трагизм положения Сухумского архиерея, который, при всем своем желании, *не может* при настоящих условиях — поймите, кому ведать надлежит, — *не может* решительно ничего сделать для того, чтобы вывести абхазцев из той пропасти религиозного неведения и индифферентизма, в коей они находятся. Почему? Да по той простой причине, что те главные орудия, посредством коих епископ может просвещать и религиозно воспитывать свою языческую паству, — церковь и при ней школа, — здесь, в Абхазии совершенно мертвы, так как они, за неимением надлежаще подготовленных к исполнению своих обязанностей пастырей и учителей, не могут проявить своей жизненности. И мы уверены, что такое положение будет продолжаться в Абхазии до тех пор, пока у епископа сухумского не будут надлежаще образованные, а главное — в церковном, строго церковном духе воспитанные пастыри из абхазского народа, которые смотрели бы на свое священническое служение не как на средство иметь казенный кусок хлеба для себя и для

[6] Перси — грудь.

своей семьи, а как на идеальное служение своему народу, которые бы не убегали из своих глухих абхазских селений ради большого оклада жалованья в приходы не абхазские, а наоборот, стремились бы служить в глуши Абхазии, чтобы и Словом Божиим, и примером своей личной строго церковной жизни учить и просвещать темную язычествующую абхазскую народную массу.

А какой чудный, благодарный для пастырской деятельности материал представляет из себя абхазский народ, со своими патриархальными обычаями! Нужно видеть, каким почтением пользуются у абхазцев старики! Не только дети, но даже и взрослые молодые люди, по абхазскому обычаю, не имеют права садиться в присутствии старших и обязаны скромно молчать до тех пор, пока кто-нибудь из старших не обратится к ним с вопросом. Когда входит в комнату или является на площади старик, то все — и старые, и малые — встают с своих мест и садятся лишь тогда, когда старик пригласит их; этому обычаю подчиняются все, даже самые влиятельные абхазцы, не исключая даже и князей. Всякое мнение, высказанное стариками, всегда выслушивается с величайшим уважением. Абхазец не может даже в мыслях допустить, чтобы сын или дочь могли позволить себе какую-нибудь грубость не только делом, но даже и словом по отношению к своим родителям! А между тем у абхазцев совершенно отсутствует телесное наказание детей; самое строгое и употребляемое в редких случаях наказание детей — это мать или отец прикрикнет на своего ребенка. А в какой чистоте, в какой неприкосновенности остаются у абхазцев семейные начала! Абхазия совершенно не знает нарушения верности мужем и женой (нет даже и слов для перевода на абхазский язык чего-либо в этом роде) и вообще в Абхазии чистота нравов в этом отношении поразительная.

Пьянства также в Абхазии нет. Несмотря на то, что каждый абхазец имеет значительный запас собственного виноградного вина, составляющего, кстати сказать, питательный для него продукт, абхазцы считают опозоренным того своего соплеменника, который позволит себе напиться пьяным. Ведь такому быту может позавидовать любая культурная страна!

У абхазцев нет нищих; состоятельный абхазец сам обязан отыскивать нуждающихся и помогать им, не позволяя им нищенствовать.

С таким семейным строем, с такими патриархальными обычаями абхазцы могли бы быть достойными членами Церкви Христовой. И как легко, казалось бы, было бы посеять в Абхазии, просвещенной светом Христова учения еще во времена св. апостолов, семена Христианства! Нужны только сеятели. Откуда же взять этих сеятелей?

Откуда взять кандидатов на священнические места в абхазских приходах из природных абхазцев? Разумеется, не из существующих духовно-учебных заведений, в которые можно было бы посылать для получения образования абхазцев. Мы имеем несколько примеров, когда абхазцы, обучавшиеся в духовных семинариях (Тифлисской и Ардонской), делались затем чем угодно, до ветеринаров включительно, только не священниками у себя в Абхазии. Много абхазцев обучалось и в духовном училище, и в духовной семинарии, но в настоящее время, а Абхазии нет ни одного священника-абхазца с образованием из духовно-учебного заведения: все наличные священники-абхазцы обучались в светских учебных заведениях самого разнообразного типа, до училища виноделия включительно. Все это говорит о том, что необходимо создать в Абхазии особую, совершенно не похожую на существующие, школу для подготовки из природных абхазцев кандидатов на священнические места, — из природных абхазцев, потому что не абхазец не может, вследствие трудности произношения абхазского языка, научиться свободно говорить по-абхазски. По нашему мнению, нужную для Абхазии школу мог бы создать знаменитый на всю Россию Ново-Афонский монастырь. Ныне в этом монастыре имеется лишь одноклассная церковно-приходская школа с общежитием для учащихся, которых насчитывается всего до 20-ти абхазцев. Воспитательная сторона в этой школе поставлена великолепно. Оканчивающие в ней курс 12–13 летние мальчуганы, пришедшие в школу совершенно не имеющими никаких церковных навыков, после четырехлетнего пребывания в ней усваивают все православные привычки: ежедневно в положенное время молятся, истово совершают крестное знамение, подходят под благословение к священнику, носят нательные кресты, посещают в праздники храмы, принимают участие в чтении и пении, исповедуются и причащаются Св. Таин, — словом, выполняют все церковные установления. Но прожив в своем глухом селении, в своей родной абхазской среде, где никто в храм не ходит, никто дома Богу не молится, никто не исповедуется и не причащается, воспитанники Ново-Афонской школы делаются такими же, как и все их окружающие; это значит, что ученик Ново-Афонской школы не впитал в свою плоть и кровь того, что внушили ему иноки в течение его четырехлетнего пребывания в обители, так как он слишком мало жил под сенью обители и притом в самом неустойчивом возрасте. Если бы Ново-Афонский монастырь существующую в нем одноклассную школу преобразовал в двухклассную и открыл бы особую, назовем, пастырскую школу для подготовления кандидатов на священнические места в Абхазии, чтобы, таким образом,

поступивший в школу 9–10 летний абхазец, пробыв в обители непрерывно в течение 9–10 лет, вышел из нее воспитанным в строго церковном духе, с такими вполне установившимися церковными навыками, которые и может привить только Ново-Афонская обитель, то, несомненно, между воспитанниками Ново-Афонской обители не наблюдалось бы рецидивов безрелигиозности. Наоборот, дети воспитанники были бы самыми лучшими проводниками в темную абхазскую массу церковных понятий и навыков, сначала в должности псаломщиков и учителей церковно-приходских школ, а затем, по достижении 26–28-летнего возраста, и в сане священников. Эти воспитанники явились бы самыми деятельными, самыми желанными помощниками своему епископу. В противном случае положение епископа Сухумского в его ответственном и непосильном ему одному деле научения абхазцев истинной христианской вере и жизни по этой вере вовсе безнадежно!

Нам кажется, что Ново-Афонская обитель могла бы, при желании, устроить в стенах своих такую пастырскую школу при условии, чтобы в нее поступали исключительно ученики преобразованной в двухклассную монастырскую же школу. Конечно, обитель должна быть совершенно освобождена от денежных расходов по содержанию этой школы, так как свободных денежных средств и сама обитель не имеет; все эти денежные расходы должны быть отнесены на счет казны, а от обители требуется лишь представление соответствующего помещения для пастырской школы, причем, в случае необходимости строить новое помещение, должны быть, конечно, отпущены казенные средства на эту постройку, а самое главное — от обители нужно согласие поместить эту школу в ее стенах, чтобы примером братии они могли воспитывать себя в строго церковном духе.

Нам кажется, что состоявшееся недавно подтверждение Государем Императором Высочайше дарованных 8 декабря 1879 года прав Ново-Афонскому монастырю должно напомнить братии сего монастыря и о тех обязанностях в смысле распространения в абхазском крае религиозно-просветительной деятельности, которые были возложены на обитель по смыслу Высочайше утвержденного Положения о Ново-Афонском монастыре.

Мы слышали, что уже возбуждено ходатайство об открытии двухгодичных священнических курсов при Драндском монастыре для подготовления, главным образом, из учителей церковных школ кандидатов на священнические места в Сухумском округе. По нашему мнению, эти курсы не могут принести той пользы в смысле церковного воспитания кандидатов священства, какую могла бы оказать

пастырская школа в Ново-Афонской обители, так как трудно, даже вряд ли возможно, перевоспитать в течение двух лет также кандидата священства, который с детства не получил никаких церковных навыков. Необходимо принять все меры к открытию именно в Ново-Афонском монастыре пастырской школы на указанных основаниях. Правда, мы знаем, что братия обители будет против этого, а местное епархиальное начальство не имеет в своем распоряжении никаких средств к тому, чтобы заставить обитель проявить наконец свою просветительско-миссионерскую деятельность в Абхазии более существенным образом. Местное епархиальное начальство не может добиться от Ново-Афонской обители того, чтобы одноклассная Ново-Афонская школа была преобразована в двухклассную, а об открытии пастырской школы по инициативе местного начальства и речи быть не может. Но ведь есть же такие лица и учреждения, с мнениями которых Ново-Афонский монастырь не может не считаться и желания которых обитель не может не исполнить. Пусть же эти лица и учреждения напомнят Ново-Афонской обители об ее священной обязанности просвещать абхазский народ не только посредством внешнего, так сказать, культурного влияния на темно-абхазскую массу, но еще, и это главное, в смысле религиозно-нравственного воспитания этой массы в духе Св. Православной Церкви чрез подготовление в своих странах воспитанных в строго церковном духе кандидатов на священнослужительские места в Абхазии.

П.Р.

Миссионерско-этнографическое описание Сухумской епархии

«Сотрудник Закавказской миссии».
1912. 1 января. № 1. С. 13–16.

Ко всему духовенству Сухумской епархии я уже обращался с просьбой помочь мне сделать описание Сухумской епархии по прилагаемой программе. Ныне с той же просбой обращаюсь ко всем, кто может потрудиться и помочь в этом деле. Прошу ответить хоть на некоторые пункты этой программы.

1. С какого времени в Вашем приходе существует храм?

2. Из какого материала построен храм, кто был строителем его? Был ли капитальный ремонт храма и сколько раз? В чем состоял ремонт? Кто особенно заботился о построении или ремонте храма? На какие средства построен храм или производился ремонт: давало ли деньги и материалы местное общество? Было ли выдано посо-

бие от казны? В каком размере? В какую сумму обошлась постройка храма?

3. Во сколько ярусов устроен иконостас? Нет ли в храме замечательных по работе киотов?

4. Не имеет ли храм: а) икон, б) утвари или в) облачений, достопримечательных по а) древности, б) ценности, в) художественной работе? Нет ли в приходе святынь, особо почитаемых населением? Какие книги имеются в библиотеке церковной или причтовой? (Дать краткий их перечень.)

5. Нет ли в храме или около храма на погосте древних или достопримечательных могил или надгробных плит с надписями, на каком языке сделаны могильные надписи?

6. Нет ли около храма деревьев, которые население считало бы почему-либо замечательными? Нет ли обычая вешать на эти деревья какие-либо приношения (железные стрелы против грома или что иное)?

7. Нет ли вблизи храма или вообще в приходе Вашем каких-либо замечательных развалин-храмов или старинных зданий. Нет ли акалдам (склепов) в этих развалинах? Не знаете ли каких рассказов или преданий, относящихся к этим развалинам?

8. Сколько прихожан (мужского и женского пола отдельно) в Вашем приходе? Сколько детей школьного возраста? Сколько из них обучается и в каких школах?

9. Чем занимаются прихожане? Есть ли в приходе нищие? В чем выражается благотворительность им? Какие вообще в приходе имеются благотворительные или просветительные общества?

10. Каково было в приходе за все время его существования количество крещений, браков и погребений, отдельно в каждый год?

11. Кто из прихожан прихода оставил в народе особо добрую память по себе и почему именно? Какие добродетели наблюдаются среди прихожан?

12. К каким народностям принадлежат прихожане: сколько между ними русских, абхазцев, грузин, мингрельцев, самурзаканцев, греков, армян, болгар и др. Имеется ли церковный хор в приходе и на каком языке совершается богослужебное пение и вообще богослужение?

13. Какие иноверцы живут в приходе: живут ли мусульмане и сколько именно? Есть ли в приходе инославные христиане: армяно-грегориане, католики, протестанты, сколько именно и какой народности? Где они собираются для общественных молений? На чьи средства выстроено или нанимается помещение для общественных молений? Нет ли среди иноверцев древних обычаев христианского характера?

14. Имеются ли в приходе сектанты, сколько и каких именно сект?

15. Ведут ли сектанты пропаганду среди прихожан, каким путем и с каким успехом? В чем заключаются собрания сектантов?

16. Ведут ли инославные христиане и иноверцы пропаганду среди прихожан, каким путем и с каким успехом?

17. Усердны ли православные христиане прихода в посещении храма Божия? В какие праздники они в наибольшем (каком приблизительно) числе собираются в храм? Сколько человек (отдельно мужчин и женщин) из Ваших прихожан исполнили долг исповеди и Св. Причастия в последние три года (отдельно за каждый год).

18. Существуют ли у прихожан особые обычаи и обряды, которыми сопровождается празднование Нового года или особо чтимых праздников? Нет ли в этих обычаях каких-нибудь посторонних влияний?

19. Какими обычаями сопровождается крещение детей, бракосочетание, погребение и поминовение усопших? Желательно как можно подробное описание всех этих обычаев.

20. Существуют ли среди прихожан обычаи языческих жертвоприношений или посвящение Богу и христианским святым животных? Кому именно посвящают животных и с какими обрядами режут и съедают их?

21. Какие пороки особенно распространены среди прихожан (пьянство, воровство, сожительство без совершения таинства брака и т. п.)?

22. Много ли в Вашем приходе некрещеных детей и какого они возраста (нужно приложить список этим детям подробный)?

23. Нет ли в приходе отступников от Церкви, сколько их, когда они отпали и по каким причинам?

24. Каков состав причта? Какой он национальности и образования? Каково имущественное обеспечение членов причта?

25. Ведется ли в приходском храме проповедь при богослужении? Читаются или говорятся проповеди? Как часто они бывают произносимы?

26. Какие желательны меры для благоустройства приходской жизни? Желателен самый точный и твердый ответ о мерах церковного благоустроения в данном приходе.

27. Ведутся ли в храме или при школе внебогослужебные собеседования или религиозно-нравственные чтения? С какого времени они ведутся? Кто ведет? Сколько бывает слушателей средним числом (мужчин и женщин отдельно)? Сколько было чтений за 1910–1911 годы и какое количество посетителей они имели? Какого содержания чтения наиболее интересуют прихожан: религиозно-нравственного, исторического, сельскохозяйственного?

Конечно, под статьей со сведениями по указанным пунктам должна быть подпись автора.

Епископ Андрей

Мое путешествие в селение Псху

«Сотрудник Закавказской миссии». 1912.
15 августа. № 16. С. 251–255;
1 сентября. № 17. С. 260–263.

Распоряжением епископа сухумского от 13 февраля 1912 г. мне было предписано: «На ближайших неделях Великого поста посетить селение Псху; отправить жителям этого селения Великопостное Богослужение, исповедать и приобщить Св. Таин и о количестве приобщающихся донести». О том, что последовало такое распоряжение от епископа, я в первый раз узнал в Сухуме от своих собратьев-священников, которые иронически поздравили меня с увеличением прихода. Вследствие дальности расстояния и тех лишений и опасностей, которые человек претерпевает в это время года на пути в Псху, известие это меня как громом поразило; но это сначала был только слух, и я про себя думал: «авось не правда». 14 февраля, вечером, мы, священники греческих селений, с представителями этих селений были приглашены Сухумским Епархиальным Братством во имя Александра Невского на съезд в архиерейском доме, где предполагалось обсудить вопрос: какими средствами Братству, совместно с представителями селений, можно бороться с развивающимся протестантством среди греческих селений Сухумского округа; вот мы, священники, прежде чем явиться на съезд, сочли нужным по своим другим служебным делам зайти к благочинному, где было мне вручено письменное распоряжение епископа; здесь я, удостоверившись окончательно, что мне предстоит далекое путешествие, решил примириться с этим и тут как-бы таинственно вооружился физическими силами для неуклонного исполнения веления епископа. Вечером мы были на съезде; все мы заняли свои места в зале заседания и ждем архиерея; дверь открывается, и он тотчас, поздоровавшись со мною, спрашивает: «Ну что, отец Евфимий, получили мое поручение?» — «Я уже готов исполнить Ваше приказание», — последовал от меня ответ. После заседания получаю от Братства нужные богослужебные книги и иерейские облачения для Псху; утром следующего дня вручил одному псхинцу письмо к старосте, чтобы тот распорядился относительно проводников, и отправился домой в с. Андреевское.

Долго я ждал, когда приедут мои проводники, чтобы исполнить возложенный на меня долг; и вот в 2 часа дня 2 марта являются трое с дальнего Псху, и мы на следующий день, 3 марта, в дождь, в 10 часов утра отправились в дорогу, мне незнакомую. Шли мы по казенной дороге, которая была сооружена правительством перед последней русско-турецкою войной; дорога эта от Андреевского по своей живописности не поддается описанию; идет она по ущелью зигзагами до так называемого *Двуречья*; на расстоянии трех верст от Андреевского она прорезывает каменную вершину одной горы; этот прорез у псхинцев называется *ворота*. Через эти ворота путешественнику открывается новое царство природы: внизу гудит река, по сторонам всюду щебечут птичьи голоса; в это время на некоторых деревьях почки только что начали развиваться, а на кустарнике уже появилась зелень; дорога ровная, шириною в две сажени, так что в некоторых местах можно свободно прокатиться в любом экипаже. До Двуречья считается от Андреевского 20 верст; здесь стоит охотничий балаган, где мы и переночевали. Местность Двуречья вполне пригодна для обработки, и мне думалось по дороге, почему до сего времени никем не заселено это место; вечером, когда я стал говорить об этом со своими спутниками, то мне сказали, что эта земля уже нарезана 37 семействам эшерских абхазцев. Ночью все время шел сильный дождь, и было несколько холодно; мои спутники русские спали крепким сном, несмотря на то что они спали без одеяла; четвертый же спутник, грек из Андреевского, все, сидя, дремал у костра и не спал, — должно быть, ему было холодно!

До Двуречья я приехал на своей лошади; но, не зная хорошо дороги, я захватил мало корма для лошади, так что она целую ночь стучала ногами по земле, не давая нам спать.

Вот и давно ожидаемое утро! Дождь еще не переставал идти. Только в 10 часов 4 марта отправились мы в дорогу, но слабый дождь все не переставал идти и целый день мочил нас; но вот мы к 6 часам вечера подошли к горе, так называемому *Перевалу*, она вся была покрыта снегом; у подошвы этой горы также имеется балаган, который служит убежищем для путешественников во время непогоды, и мы расположились ночевать в нем, развели огонь и сели сушить свою одежду; к вечеру стал идти дождь со снегом; тогда мои спутники заметили: «Теперь на перевале идет снег», — и при этом сказали, что если прибавится ½ аршина снега на перевале, то весьма затруднителен будет переход через него; тут они стали рассказывать о тех трудностях и опасностях, которые иногда путники переносят при переходе через эту гору. Слушая их, я стал беспокоиться за наше путешествие; все

это они рассказывали перед закуской, которая состояла только из сухого хлеба, потому что фунт маслин, который мы захватили из дома, давно вышел; от закуски я отказался и целую ночь не спал: с одной стороны, меня мучил холод, а с другой стороны, беспокоился за путешествие следующего дня, в котором предстояло нам столько лишений. Но вот и утро; смотрим: погода несколько прояснилась, и мы, закусив немного хлебом, стали подниматься на перевал; пока шли со свежими силами, было ничего, но дальше становилось все труднее и труднее; шли три часа, пока кончился наш подъем. Вот и побочная дорога, которой приписывают опасности. Действительно, она в зимнее время опасна, а именно: с горы (достаточно крутой) может покатиться снег, который либо раздавит человека, либо унесет его по скале, да и в морозное время не легко идти по ней, ибо стоит поскользнуться — и прощай! Побочную дорогу мы прошли в 2 часа; дальше предстояло идти между двух гор, которые сходятся концами; место это я назвал окном в Псху, так как дальше, спускаясь с горы, показывается ущелье, по которому течет река Бзыбь, на правой стороне ее расположено селение Псха. Но селение все же не видно, так как оно расположено между горами, выходящими от главного хребта и идущими по направлению к реке. Спускаясь с горы, мне показывали то место, где замерзли 4 человека; они шли по этой горе в конце февраля месяца в 1908 г. из Сухума; пока они были у подошвы горы, погода была порядочная, но когда стали подниматься, погода изменилась, а оставаться у подошвы не могли, так как провизия у них вышла. Им, естественно, хотелось добраться домой; погода же чем дальше, тем становилась хуже: снег шел все сильнее и сильнее; они выбились из сил и упали, по рассказам очевидца; спасся только пятый из них, который и дал знать о случившемся; на следующий день пришли люди и с трудом нашли их мертвыми под снегом! Несчастные! Что они пережили перед смертью? Их похоронили у подошвы горы Перевал, недалеко от берега реки Бзыбь; это место теперь называется Кресты. Я бы, со своей стороны, советовал жителям Псху построить на этом перевале балаган, чтобы путникам избегнуть в будущем опасности, в подобных случаях несчастный путешественник мог бы остановиться в таком балагане, пока утихнет непогода. Но вот и река Бзыбь; она в зимнее время не такая большая, так что пешеходу легко переправиться через нее, но в мае, в июне, до 15 июля, когда на горах тает снег, нельзя переправляться даже и верхом; мосты же не могут удержаться, так как вода бесцеремонно их уносит; пять человек сделались жертвой этой реки. По левой стороне живет только один псхинец на расстоянии 8 верст от своих соседей, к нему меня приглашали мои

спутники напиться чаю. Я согласился, но думаю себе: «Чаю нам не напиться, так как, живя так далеко от соседей, от города, он там чаю или сахару не имеет». Так и случилось, и мы опять закусили только сухим хлебом. И познакомился я с беднотой этого поселянина. У него в семействе четыре мальчика; двое из них уже школьного возраста и такие симпатичные. Одного из них спрашиваю: «Как тебя зовут?» — «Алеша». — «А сколько тебе лет?» — «Восемь». «В школу ходишь?» — «А куда?» — последовал вопрос. И так жалко было мне смотреть на него: глазенки такие умные, сам такой хороший, а гибнет в полном духовном невежестве. Переходили Бзыбь по кладке, и в 5 часов вечера 5 марта, наконец, мы были «дома». Шестьдесят верст шли целых три дня! Староста мне отвел комнату, и я ночью спал, как убитый, пройдя 50 верст пешком.

Утром на другой день встал рано, окрестные вершины гор очистились от тумана — была хорошая погода. Селение Псху от одного конца до другого тянется на продолжении 12 верст, вдоль по течению реки Бзыбь. Дома расположены на расстоянии 3–4 верст один от другого, за исключением центра селения, который называется Мариинской поляной, где находится дворов 15, расположенных более или менее близко друг от друга.

Эта поляна называется Мариинской, потому что во время последней русско-турецкой войны здесь поселились на время несколько дворов греков из селения Мариинского. Эта местность иначе еще называется Троицкой ввиду того, что в 1904 г. в Троицын день поселились здесь в количестве 3 дворов псхинцы и основали селение Псху. Оно представляет из себя в общем котловину, окруженную высокими горами, вершины которых голые и служат пастбищными местами для туземцев, живущих от Гудаут до Очемчир. Немного ниже горы покрыты редким лесом из ели, сосны и пихты, так что отдельные деревья точно озирают с высоты селение, что придает Псху особенную живописность; со всех сторон селение окружено другими горными речками, и шум каждой из них ночью сливается в один общий хор. Селение Псху, как было сказано выше, с 1904 г. начало заселяться путем вольной колонизации — арендой свободных казенных земель. Положение первых засельщиков в количестве трех семей было не из завидных: трудности и лишения, которые они испытывали, не поддаются описанию. Поселились среди леса, который нужно было рубить и раскорчевывать, без скота, в шалашах, подвергаясь всем влияниям погоды, окруженные хищными зверями и людьми, хлеб (муку) нужно было таскать из г. Сухума на собственных спинах через перевалы; на это уходило от 7 до 10 дней; свы-

ше 1 ½ пуда сильный человек перенести через перевалы не может, через неделю все это съедалось, приходилось отправляться вновь; о прочих жизненных предметах, как напр., масло, соль, крупа, овощи, керосин для освещения, они могли только мечтать, как о недоступной для них роскоши. Живя в шалашах, псхинцы освещались и согревались кострами, мокли под дождем, тонули в горных реках, замерзали на перевалах, но все продолжали рубить лес, раскорчевывать и разрабатывать землю; время шло, число засельщиков увеличивалось, увеличивалась и площадь разработанной земли, появился и скот, постройки, земля начала давать урожай, стало немного легче жить, но, как Дамоклов меч, висел над ними страх, что их во всякое время могут выгнать как самовольно поселившихся; с другой стороны, местные беглецы-грабители делали все от них зависящее, чтобы сделать жизнь для русских невозможной: грабежи, насилия, кража скота служили для этого средством.

Но вот осенью 1907 г. Наместником Его Императорского Величества на Кавказе, ввиду общего недорода на Черноморском побережье, наряду с другими переселенцами, разрешено было выдать ссуду в 120 рублей на семью и псхинцам для приобретения скота и семян. После этого псхинцы были как бы легализованы, сравнялись в правах с прочими переселенцами Кавказа и из самовольцев-засельщиков превратились в переселенцев; переменился на них также взгляд администрации на более доброжелательный; для защиты стад и личной безопасности было им выдано оружие и патроны; горцы-грабители, заметив все это, прекратили бесчинства и примирились с фактом пребывания русских в Урочище Псху, не мешая их трудовой деятельности. В 1910 г., летом, Переселенским Управлением Черноморской губернии был прислан фельдшер с лекарствами и медицинскими материалами и открыт лечебный пункт. Одним словом, псхинцы вздохнули свободно! А весною этого года будет приступлено к постройке казенного здания для приемного покоя; для этого в распоряжении Переселенческого Управления Черноморской Губернии имеется 2500 рублей.

В настоящее время в Урочище Псху имеется 47 семейств, около 240 душ обоего пола, расчищено ими 116 десятин земли, обрабатывается 62 десятины, есть лошади, скот, пасека (у одного жителя есть 100 ульев). Но с бедностью своей жители не могут все-таки сладить. Объясняется это тем, что ввиду отсутствия путей сообщения, продукты некуда сбывать; так, например, у одного из них уродилось за один год 300 пудов картофеля; он мог продать из них 200 пудов с лишним, но каким образом доставить их в Сухум для продажи, когда доставка

1 пуда обходится в 1 р. 60 к. Из этого вытекает, что псхинцам нужно заниматься такой отраслью хозяйства, продукты которой легко бы доставлялись в Сухум; лучше всего, если они будут заниматься разведением фундука и скотоводством, тем более, что пастбищные горы близки.

Почва в селении вполне пригодна для хлебопашества; много земли еще остается необработанной: по рассказам, приблизительно насчитывается 5000 дес., так что земли хватит свободно на 500 дворов, и в недалеком будущем селение Псху будет большим селением. Но необходима дорога, которую удобнее провести через Андреевское в Сухум, так как по этой линии уже существует старая, стоившая правительству больших денег.

Жители селения Псху переселились сюда из губерний: Курской, Саратовской, Нижегородской, Орловской, Лифляндской и др. Теперь, при некотором улучшении их материального достатка, еще заметнее для них духовный голод, и недуги духовно-нравственные их далеки от исцеления. Восемь лет они живут без церкви и школы: дети их вырастают неграмотными, без знания молитв, или искажают их до неузнаваемости. Представьте себе положение их: ежедневно они слышали на родине церковное богослужение, а теперь, живя в такой глуши, грубеют у них нравы; ведь человек, удаленный от церкви, незаметным для себя образом грубеет и нравственно падает и, наоборот, незаметно нравственно поднимается при посещении богослужений.

Итак, восемь дней я находился в селении Псху — на шестой неделе великого поста. Богослужение совершалось утром и вечером; и, несмотря на раскинутость дворов, все с охотою посещали богослужения, в восторге были они и радовались, что, наконец, дождались прибытия к ним священника, которого ждали в продолжение восьми лет; они даже не знали, чем меня отблагодарить. Жаль их оставлять в такой тьме и невежестве, надо поспешить к ним на помощь постройкой для них церкви и школы. Детей школьного возраста у них наберется 50 душ. Ведь это воистину «погибающие» овцы!

Священник Евфимий Чача

Древний Бедийский храм и его драгоценности

«Сотрудник Закавказской миссии».
1912. 7 февраля. № 4. С. 63–64.

Приветствуем от всей нашей души появление в Сухуме печатного духовного органа под названием: «Сотрудник», посвященного нуждам Сухумской епархии и прочному насаждению православия среди абхазцев. Дело великое! Но для его успешности необходимо обратить самое серьезное внимание на те древние памятники седой старины, которые свидетельствуют о процветании здесь христианства, пустившего свои корни еще во время Апостола Андрея Первозванного и достойного его сотрудника Симона Кананита. Такие древние памятники христианства, как Пицундский, Лыхненский, Псирцхинский (Ново-Афонский), Драндский, Илорский и Моквинский, давно возобновлены и давно идут в них установленные богослужения. Древний же Бедийский храм стоит сиротливо и с нетерпением ждет такого же возобновления. Храм этот в селении Бедии Самурзаканского участка построен в X веке Абхазско-Грузинским царем Багратом III, могилу которого указывают там же. Размеры его не велики, но изящны. В ограде его до сих пор сохранились каменная постройка, в которой жили епископы бедийские. В бытность в Бедии русского посланника Ельчина, в 1640 году, показывали ему святительский посох с головой, покрытой черным бархатом, на котором вышито было изображение крестов царя Константина и матери его Елены, а под бархатом, по словам Бедийского епископа, хранились терновый венец и гвоздь Спасителя, которых без особого разрешения царя никому не показывали. Затем, как известно, в 1 18[7] году, здесь было возобновлено церковное богослужение, но потом опять прекращено, и в настоящее время этот величественный храм в запустении. Драгоценная напрестольная чаша из массивного золота, принадлежащая Бедийскому храму, хранилась в ризнице Илорской церкви. Один драгоценный посох Бедийского епископа хранится в Мингрелии, именно в Цаленджихском монастыре. Многие драгоценности абхазских храмов и церквей хранятся в Гелатском и в других монастырях. Не пора ли, хоть теперь, вернуть их по принадлежности?

Когда-то предполагалось после возобновления Бедийского храма открыть при нем женский монастырь. Желательно привести в исполнение такое предположение, но с обстоятельством широкого насаждения в таком монастыре разнообразного женского рукоделия.

---

[7] Так в источнике.

В бывшем абхазском селении Акапа (в 10–12 верстах от Сухума) немало остатков монастырских келий и древнего монастыря. Желательно обратить внимание и на такие памятники, принадлежавшие древней Цхумской (Сухумской) епархии.

К. Мачавариани

Древняя пещера в селении Отхара
«Сотрудник Закавказской миссии».
1912. 1 сентября. № 17. С. 271–272.

В селении Отхара в местности *Мчишь-Хара*, есть красивый и высокий холм, покрытый небольшим пальмовым лесом. Южная сторона этого холма, под которым берет свое начало богатая форелью река Мчишь, образуется из громадной естественной каменной стены. В стене проделаны в несколько рядов несколько окон, служащих, по-видимому, для пропуска света в имеющуюся огромную пещеру в холме, на вершине которого есть вход в пещеру, куда можно проникнуть по тропинке, ведущей зигзагами с начала реки вверх до самой вершины холма. Пещера эта состоит из нескольких отделений или комнат, верхних и нижних. Легко можно осмотреть лишь в верхней части ее два отделения, а в остальные части попасть затруднительно, так как двери, служащие для сообщения с ними, к сожалению обрушились. Пещера эта поныне никем не исследована, да нашим археологам о существовании ее пока и не известно. Можно предполагать, что в этой пещере, во время владычества греческих императоров, жили монахи, о чем свидетельствуют найденные в ней священные предметы.

Так, не очень давно, пещеру осмотрел местный князь Мажара Шервашидзе и нашел там кадило, серебряную чашу (потир), серебряную ложечку и большой сосуд в форме купели. Эти священные вещи долго были у названного князя, но вскоре он скончался, а наследники не сохранили сих достопримечательностей глубокой древности и неизвестно, куда их девали; да, вообще, у нас не придают значения археологическим редкостям и не заботятся о сохранности их. Необходимо обратить внимание на эту древнюю пещеру и точно исследовать ее, как памятник глубокой древности.

Священник Афанасий Векуа

Освящение храмов в селениях Чхортоли II и Окуме, Самурзаканского участка

«Сотрудник Закавказской миссии».
1912. 15 апреля. № 10. С. 155–158.

Освящение Чхортольской церкви было совершено 30 апреля сего года. Второй Чхортольский приход лежит в нагорной части приходов Самурзакани, и место это по своему положению весьма красиво, здорово и с хорошей плодородной почвой. С высот Чхортоли открывается превосходный вид на окрестности Бедии, Царче, Дихазургу и др. Чхортольский второй храм каменный построен был давно, но у прихожан не было средств его докончить; находясь в недостроенном виде, здание стало разрушаться. В настоящее время постройка его докончена из денежных сумм капитала Медынцевой и др. Храм покрыт весьма прочно, только скудость в обстановке велика чрезвычайно. На колокольне нет колоколов, нет приличных сосудов и т. д., в церковной утвари нужда полная.

День освящения выдался прекрасный, солнечный, который еще более способствовал такому церковному торжеству, так редко бывавшему в Самурзакани. В этот день Преосвященный Андрей, епископ Сухумский, рано утром прибыл из Бедии к первому Чхортольскому храму, отстоящему от второго на расстоянии 3–4 верст.

В алтаре этого храма был положен св. Антиминс, и отсюда Владыка с крестным ходом понес св. Антиминс во второй Чхортольский храм. В крестном ходе несли чтимую Чхортольским приходом икону св. Георгия. Икона эта весьма древнего происхождения. Певчих не было, вся толпа с большим воодушевлением пела мингрельским мотивом Христос Воскресе.

Между тем, когда шел крестный ход, в новоустроенной церкви, одновременно с выходом крестного хода из старой Чхортольской церкви, было начато освящение храма, совершенное ключарем Кафедрального собора священником Протопоповым, совместно с благочинным священником Чичинадзе и другими священниками.

Во время освящения сказалась скудость средств храма или скудость забот о храме. Никто не приготовил ризы для облачения престола, и потому престол был освящен в одной срачице, не оказалось илитона для антиминса и пр. А по докладам все числилось «готовым к освящению». Теперь только бедийский отец Иессей хочет пожертвовать в Чхортольский храм все необходимое.

Ко времени, по чину освящения, положения на престол антиминса из освященной церкви вышел крестный ход навстречу идущему крест-

ному ходу из первой Чхортольской церкви, и оба вместе с еще более увеличившейся толпой пришли к новоосвященному храму, после чего Владыка Андрей докончил освящение и отслужил в новоосвященном храме первую литургию.

После литургии Преосвященный с высокого крыльца церкви сказал во множестве собравшемуся народу слово о том, какое значение имеет для христианина храм и какие обязанности он на верующих налагает.

В этот же день после вечерни было совершено крещение пяти детей местного прихожанина князя Виссариона Эмухвари, трех девочек 13, 12 и 9 лет и двух мальчиков 8 и 6 лет. Оглашение в храме совершал сам Владыка, разъясняя детям смысл читаемых молитв, а крещение было совершено священником И. Шелия в протекающей близ церкви речке Царче.

Дети поражали своим поведением во время совершения чина своею удивительной серьезной сосредоточенностью, с которой все они отнеслись к совершаемому таинству, имея в виду, что они вполне «дети природы» и почти ничего еще не слышали об истинах христианской веры, так как две старшие девочки вовсе неграмотные, а младшая девочка и два мальчика учатся в церковно-приходской школе. Вообще, нельзя не заметить, что дух церковности в Чхортольском втором приходе слаб чрезвычайно. Поведение народа в храме во время освящения и совершения крещения ясно показывает, что ему чужды самые элементарные понятия церковной жизни, которую можно наблюдать в самых глухих местах России; ясно также и то, что дела здесь церковного очень много, требующего труда огромного, разумного и едва ли посильного настоящим церковным делателям в Самурзакани.

2 мая было совершено освящение Окумской церкви. Окумская церковь является одной из лучших церквей Самурзакани, если принять во внимание незначительность средств, которыми она располагает. Церковь отремонтирована прекрасно, капитально, и при надлежащей поддержке со стороны прихожан существование ее в приличном виде обеспечено надолго. Надеяться на это нужно еще и потому, что в Окуме есть лица вполне церковные, любящие храм Божий и его благолепие, как, например, старец Павел Гегия, который так проникновенно и молитвенно читал часы в день освящения Окумского храма.

Торжество освящения Окумской церкви началось с того, что из дома прихожанина сей церкви, наиболее потрудившегося над ее обновлением, князя М. Б. Эмухвари было принесено Самурзаканское знамя — предмет гордости и уважения всей Самурзакани. Знамя это из красного шелка, с изображением св. Георгия Победоносца и надпи-

сью «Ополчения нашего верно-любезного Самурзаканского племени за услуги, оказанные в 1840 году при водворении спокойствия в Дали». С другой стороны на знамени изображен Государственный герб с такой же надписью на грузинском языке.

Знамя даровано самурзаканцам Государем Николаем Павловичем при грамоте такого содержания: «Нашему любезно-верному Самурзаканскому племени. Присущее вам примерное мужество, оказанное ополчением вашим в 1840 году, в отряде против горцев, при водворении спокойствия в Дали, обратили на вас особенную монаршую Нашу милость; в ознаменование благоволения Нашего жалуя вам при сем препровождаемое знамя, повелеваем употреблять его на службу Нам и государству Нашему с верностью и усердием. Пребываем Императорскою Нашей милостью благосклонны. Николай. 12 июля 1840 года».

Подлинник этой Высочайшей грамоты хранится в Самурзаканском участковом управлении.

При принесении знамени в храме началось освящение, которое совершал Владыка Сухумский, Преосвященный Андрей в сослужении кафедрального ключаря священника Протопопова, местного благочинного Чичинидзе, священников Х. Шелия, И. Кварацхелия, С. Михелидзе, В. Бжаванадзе, П. Толорая и М. Татаришвили. Освящение проходило при пении на русском языке; литургия уже шла частью на русском, частью на грузинском языках. За литургией Владыкой было сказано слово о необходимости христианину обновлять свою душу и твердо исполнять церковные уставы.

Это последнее посещение Преосвященным приходов Самурзакани и совершенные церковные торжества ясно показали, насколько народ отвык от всякой церковности, потерял к ней всякий вкус. Конечно, церковное дело в Самурзакани не дошло до такого упадка, как в соседней Абхазии, но все же и в Самурзакани надо положить много труда и энергии, чтобы поднять это дело на должную высоту. Дело это в особенности тем трудно, что на местах нет деятелей, которые бы желали и могли за это дело взяться; и в настоящее время при отсутствии средств на церковное благоустройство, при отсутствии самоотверженных и разумных работников дело церковное в Самурзакани едва ли скоро поднимется на ту высоту, на которой когда-то оно стояло, о чем свидетельствуют многочисленные, лежащие в развалинах христианские храмы.

С.П.

АКТ
осмотра храма в Бедии в мае 1913 года. Составлен гражданским инженером В. А. Островидовым

«Сотрудник Закавказской миссии».
1913. 1 июля. № 13. С. 193–197.

Постройка Бедийского храма, находящегося в 25 верстах к северо-востоку от местечка Очемчиры, Сухумского округа, относится к X веку; согласно грузинских летописей и других исторических данных, храм этот был основан Абхазо-Карталинским царем Багратом III (980–1008), при Бедийском митрополите Германе Чхетидзе, и в настоящее время находится в полуразрушенном состоянии. Помимо атмосферных влияний на протяжении почти тысячелетия, в деле разрушения этого храма немалую роль сыграли и корни той массы деревьев и ползучих кустарников, которыми покрылась вся наружная часть храма, от верхних сводчатых перекрытий до цоколя; по мере утолщения этих корней почти вся наружная облицовка вынуждена была оторваться от массива стен и обрушиться вниз. Тому же разрушению отчасти способствовали и варварские руки окрестного населения, которое постепенно расхищало чудную облицовку из песчаника, употребляя его или на могильные плиты местного кладбища, или на фундаменты и печи своих домов, находящихся в расстоянии нескольких верст от храма.

Очень удачно избранное место под постройку храма представляет довольно обширную скалистую площадку горной возвышенности, окруженную скалистыми обрывами, со стороны прилегающей долины, и подобное расположение храма вместе с окружающими постройками создавало господствующее положение среди окружающих живописных окрестностей, когда-то культурных и богатых, что и служило всегда большой приманкой для честолюбивых грузинских князей, боровшихся из-за обладания Бедией на расстоянии многих веков, как о том свидетельствуют грузинские летописи и исторические памятники.

1 и 2 мая 1913 года мною подробно был осмотрен Бедийский храм, при этом я нашел нижеследующее:

Со времени освидетельствования этого храма археологической экспедицией 1888 г. в разрушении стен и сводов произошли очень незначительные изменения, за исключением наружной облицовки, которая частью отстала от стены и обвалилась на землю, а частью разобрана при производящихся в настоящее время работах.

Вся каменная кладка произведена на известковом растворе, причем для такового вместо песка употреблен был мелкий гравий (хрящ).

Как внутренняя, так и наружная облицовка сделана из песчаника чистой тески и довольно больших размеров при толщине в 2 ½ — 3 ½ вершка, причем облицовочные камни располагались на ребро, без употребления каких бы то ни было железных скреплений со стенными. Вообще, во всем храме нигде не было замечено, чтобы при постройке его употреблялись железные связи и скрепления. Для бутовой кладки стен и сводов употреблялись неправильной формы песчаник, частью известняк и те остатки, которые получались при заготовке облицовки.

В наружной облицовке оконных и дверных наличников осталось много орнаментовки из тесаного песчаника, причем рисунки таковой в некоторых частях сохранились до мельчайших подробностей, что имеет большое значение в случае восстановления этого храма в первоначальном виде.

Рисунки восстановленного храма, имеющиеся в издании Московского Археологического Общества (Кавказ, выпуск III, 1893 г.), очень близко подходят к действительности, за исключением некоторых частей: 1) в верхнем барабане, снаружи, под подоконником пропущена часть облицовки по окружности (или периметру) шириною ¾ аршина, с орнаментовкой из тесаного песчаника; 2) на северном и южном фасадах пропущены окна второго этажа боковых алтарных полукружий, и 3) цоколь вокруг храма состоит из 4 рядов песчаника тески (высотой 1 арш.), из которых верхний ряд обтесан по лекалу, а остальные три ряда гладкой теской.

Внутри храма, в некоторых местах южной и западной стен, встречаются незначительные остатки живописи, сделанной по штукатурке, которая может быть отнесена, согласно некоторых данных, к XVI веку; живопись по штукатурке особенно пострадала за последние три года.

Как снаружи, так и внутри, храм имеет замечательно стройный и изящный вид.

При детальном осмотре всех сохранившихся от разрушения частей, в смысле прочности таковых в настоящее время и на предмет восстановления храма в прежнем виде — я нашел следующее:

1) *Западная стена.*

Наружная облицовка сохранилась в незначительной части около входной двери. Внутренняя облицовка сохранилась довольно хорошо. Средняя часть стены, вследствие имеющейся трещины под подо-

конником, подлежит перекладке до нижней части трещины. Боковая часть с южной стороны, вследствие имеющихся трещин, подлежит перекладке до цоколя; боковая часть с северной стороны подлежит разборке до подоконника.

2) *Южная стена.*

Вся стена с прилегающими к ней арками и сводами, вследствие имеющихся трещин, подлежит перекладке до цоколя, за исключением части около алтарного полукружия, где она может быть оставлена.

3) *Северная стена.*

Наружная облицовка осталась в незначительном количестве. Замеченная под дверью трещина с внутренней стороны относится только к облицовке. В массиве стены трещин нигде не замечено. Облицовка с внутренней стороны в некоторых местах отстала от стены, таковую облицовку следует переложить.

4) *Восточная стена.*

Наружной облицовки осталось незначительное количество. Внутренняя облицовка среднего алтарного полукружия сохранилась хорошо, но во многих местах отстала от стены; ту облицовку необходимо переложить. В боковых алтарных полукружиях стены и облицовка сохранились хорошо. Верхнюю часть стены, поврежденную атмосферными влияниями и корнями растений, следует разобрать и переложить.

5) *Пилоны.*

Кладка трех пилонов, за исключением юго-восточного, сохранилась хорошо, за исключением некоторой части облицовки, которую в слабых местах следует переложить. Облицовку 4-го пилона (юго-восточного) следует переложить, так как таковая отстала от массива и теперь уже грозит падением.

6) Две стены, отделяющие боковые нефы от церкви, вследствие образовавшихся трещин в шелыгах арок и замеченного выкрошивания некоторых арочных камней и облицовки — подлежат перекладке в слабых частях заменой поперечных камней новыми.

7) Главные подпружные арки, поддерживающие парусные перекрытия, подлежат перекладке с заменою выкрошивающихся арочных камней новыми.

8) Из швов кладки парусных сводов раствор вымыт дождями — таковые своды следует переложить. По той же причине подлежит перекладке и барабанное кольцо.

9) Все сводчатые перекрытия, за отсутствием в швах прочного раствора, подлежат перекладке, за исключением двух сводов, разделяющих этажи в боковых алтарных полукружиях, которые могут

быть оставлены без перекладки, но с заливкой цементным раствором.

10) Верхнюю часть всех стен следует разобрать до прочных частей и вновь сложить на растворе (лучше на цементном, если песок достаточно чистый).

11) Наружные ряды цокольной облицовки следует переложить на цементном растворе.

12) Вообще трудно при наружном осмотре точно предвидеть все работы по перекладке слабых частей, и таковые могут только выясниться полностью во время постепенной разборки слабых частей.

13) Предварительно, до разборки отдельных частей, следует таковые точно промерить по всем направлениям и размеры нанести на детальные чертежи, по которым потом следует и восстановлять разобранные части.

14) Желательно составить детальные рисунки всех орнаментов в определенном масштабе.

Константин Васильевич Ладария
Некролог

«Сотрудник Закавказской миссии».
1913. 15 июля. № 14. С. 223–224.

15 мая скончался в Гудаутах один из самых добрых, самых искренних христиан-абхазцев Константин Васильевич Ладария, начальник Гумистинского участка. Болезнь, которая его свела в могилу, давно его мучила; вернее, у него было несколько одинаково мучительных недугов. Но раб Божий Константин терпел их по-христиански, предав себя в волю Божию.

Последнее время он очень часто, еженедельно, приобщался св. Таин, находя в великом таинстве полное себе успокоение. И не только сам переносил скорбное свое состояние с благодушием, но и от всех его окружавших требовал спокойствия и благодушия.

Чувствуя приближение кончины, Константин Васильевич прежде всего со всеми, без исключения, простился, а потом сделал самое подробное завещание о своих похоронах. Он, как истинный убежденный христианин, решительно воспротивился устройству при своем погребении традиционных абхазских поминок: с диким плачем, с вырыванием себе волос, с царапанием себе лица и пр., *он просил только церковных, христианских молитв*, и ничего другого. Так и было обставлено его погребение: церковно, молитвенно и свято. Верующая

душа усопшего собрала около его гроба людей, только любящих его, почитающих его волю и о нем молящихся.

Пусть это послужит для всех прекрасным примером; а я, со своей стороны, прошу батюшек — духовенство Гудаутского и Гумистинского участков, где покойный Константин Васильевич был всем известен, — помолиться об усопшем в течение года и сообщить своим прихожанам, как их *начальник* удостоился получить христианскую кончину живота своего безболезненную, непостыдную и мирную.

Царство небесное новопреставленному рабу Божию Константину.

Епископ Андрей

VI

АБХАЗИЯ В ФОТО-ОБЪЕКТИВЕ

https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-381-399
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

АБХАЗИЯ ТУРИСТИЧЕСКАЯ. ПИСЬМА, ПОЧТОВЫЕ КАРТОЧКИ, ФОТО-ОТКРЫТКИ

© 2021 г. Э. З. Хагба

Исследование выполнено за счет гранта
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 20-012-00098А) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье представлен краткий очерк жизни Е. Б. Нарбут, коллекционера почтовых открыток и фото-открыток с видами достопримечательностей Абхазии — Сухума, Нового Афона, Пицунды, Гагр и др. Краткие тексты, написанные из Абхазии, не только передают особую атмосферу праздничных дней отдыха; в них содержатся подробности, играющие важную роль в реставрации общей панорамы жизни Абхазии во второй половине XX в.

Ключевые слова: Абхазия, Е. Б. Нарбут, коллекция, почтовые карточки, фото-открытки.

Информация об авторе: Эсма Зурабовна Хагба — главный специалист-эксперт, Управление культуры по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, по международному гуманитарному сотрудничеству МИД России, ул. Мещанская, д. 17/1, 129090 г. Москва, Россия. E-mail: khagba@inbox.ru.

Для цитирования: *Хагба Э. З.* Абхазия туристическая. Письма, почтовые карточки, фото-открытки // Абхазия в русской словесности XIX-XX вв.: в 3 т. / отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 1. С. 381–399. https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-381-399

ABKHAZIA FOR TOURISTS. LETTERS, POSTCARDS, PHOTO CARDS

© 2021. Esma Z. Hagba

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No 20-012-00098A).

Abstract: The article presents a brief outline of the life of Ye. B. Narbut, a collector of postcards and photo-postcards with views of the sights of Abkhazia — Sukhumi, New Athos, Pitsunda, Gagra, etc. The short texts

written from Abkhazia not only convey the special atmosphere of holidays; they contain details that play an important role in the restoration of the general panorama of the life of Abkhazia in the second half of the 20th century.

Keywords: Abkhazia, Ye. B. Narbut, collection, postcards, photo cards.

Information about the author: Esma Z. Khagba, Chief Specialist-expert of the Department of Culture for the Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Meshchanskaya 17/1, 129090 Moscow, Russia. E-mail: khagba@inbox.ru.

For citation: Khagba, E. Z. "Abkhazia for Tourists. Letters, Postcards, Photo Cards." *Abkhazia in Russian Literature of the 19th — 20th Centuries: in 3 vols.* Vol. 1. Resp. ed. M. I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 381–399. (In Russian) https://doi.org/10.22455/ARL-2021-1-381-399

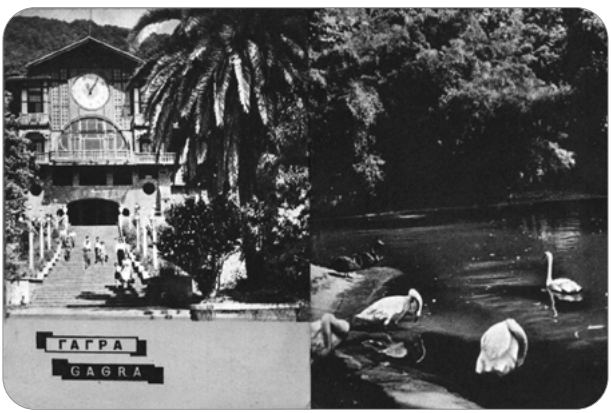
Почтовые карточки и фото-открытки из моего архива с видами Сухума, Нового Афона, Пицунды, Гагр обладают удивительным свойством. Каждая из них открывает совершенно новую, неизвестную для меня Абхазию. Рассматривая их, знакомясь с краткими весточками, отправленными отдыхавшими на Кавказе туристами домой, в Россию, неизменно следуешь в завораживающее путешествие по волнам чьей-то юности, счастливых дней у Черного моря. Вернись мы туда на машине времени, там беспечно гуляют по берегу, слушают скрипку из ресторана «Гагрипш», играют в крокет и вечерами ходят в кино. Эти послания особенно дороги, потому что в них остались чудные мгновения о мимолетном счастье пребывания в Абхазии, спрессованные и аккуратно вписанные в почтовую карточку. Письма эти бережно хранились в семьях, изредка их доставали и перечитывали, чтоб вновь и вновь окунуться в воспоминания о прекрасном отдыхе на Черноморском побережье.

Часть фотокарточек и почтовых писем в моей коллекции принадлежали Елизавете Борисовне Нарбут. Она родилась13 января 1917 г. В Москве окончила школу. Начиная с 1946 г. работала редактором в различных крупных московских издательствах, таких как «Советский писатель», Издательство иностранных и национальных словарей «Словарь народов СССР», «Советская энциклопедия».

Коллекционирование невероятно увлекало Елизавету Борисовну. В этом проявлялись ее любознательность и интерес к жизни. К слову, открытки были не единственной собранной ею коллекцией.

Е. Б. Нарбут

Его Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій въ Гаграхъ.


ГАГРА
GAGRA

ГАГРИ

Привет
из
Сухума

Кавказские типы — Types de Caucase. № 74.
Абхазинка.

Наше знакомство с Веточкой (так ее называли домашние) состоялось благодаря Екатерине Игнатьевне Ажар, нашей общей родственнице. Семьи этих женщин для меня символизировали связь прошлого и настоящего. Прошлого, которое неумолимо утекало и развеивалось, потому что становление нового поколения происходило совершенно в других реалиях. Мы уже были другим поколением, тоже прошедшим тяжелые испытания. И у нас уже была своя война.

Проведённые дни, месяцы и годы в общении с этими интеллигентными женщинами, могли бы заменить целый семестр (и не один) обучения в ВУЗе. Это были незабываемые подлинные погружения в мир просвещения и культуры. Я была окружена дружеским наставничеством, пронизанным любовью, теплотой, вниманием и заботой, хотя разница в возрасте составляла более полувека. В них очаровывало все: и образ жизни, и внутренняя культура, и манеры; я старалась ничего не упустить и все интересное впитать в наших повседневных обеденных церемониях, в стиле общения, в искусстве поддерживать разговор и вести беседу. Я вспоминаю с благодарностью эти чудные времена.

Кроме богатейшей библиотеки, дополненной собранием словарей, Е. Б. Нарбут составила коллекцию почтовых марок разных стран, коллекцию образцов традиционного китайского народного декоративно-прикладного искусства вырезания узоров из бумаги — цзяньчжи, отнесенного сегодня ЮНЕСКО к числу мирового культурного наследия.

Наибольший интерес для меня представляла коллекция фотооткрыток и почтовых карточек, собранных Е. Б. Нарбут во время ее путешествий по Кавказу. Каждая открытка имела свою историю, некоторые из них были частью переписки семьи. Коллекция бережно хранилась в альбомах, была архивирована по регионам и тематике.

История почтовых открыток насчитывает уже почти полтора века. Ещё в XIX столетии люди отправляли друг другу не только письма в конвертах, но и красочные почтовые карточки с поздравлениями, словами любви или интересными новостями. Со временем открытка стала средством сохранения и создания истории. Всё, чем жили люди и вся страна, — всё отображалось на кусочках картона, ставших сейчас музейными экспонатами.

Фото-открытки, на которых изображены Кавказ, Абхазия, военно-грузинская дорога, были переданы мне в дар в 2007 г. Это был бесценный подарок и неисчерпаемый источник новых творческих возможностей. Коллекции почтовых карточек и фото-открыток с видами Абхазии и Сочи были представлены зрителю. В г. Сухум в выставочном зале «Айнар» состоялось открытие выставки под названием «Наши путеше-

ствия». Черно-белые и цветные почтовые карточки и фото-открытки с видами Сухума, Нового Афона, Пицунды, Гагры, Гудауты, Сочи словно возвращали на десятки лет назад. Каждый экспонат сопровождался фрагментами написанного на них текста, некоторые — художественными цитатами из произведений русских поэтов и прозаиков XIX–XX вв., таких как П. А. Вяземский, В. Г. Бенедиктов, М. Ю. Лермонтов, Д. Д. Минаев, А. П. Чехов, М. А. Волошин, О. Э. Мандельштам, Вс. А. Рождественский, О. Ф. Берггольц, В. А. Луговской, И. А. Бродский и др.

В числе многих горожан и гостей Абхазии выставку посетил историк, единственный в Абхазии филокартист Анзор Агумаа, автор книги «Старый Сухум». В книге для гостей он оставил запись с высокой оценкой увиденного.

Пейзажи Абхазии и виды ее достопримечательностей, нетронутых войной, мирная жизнь в довоенное время — с ее свершениями, надеждами, молодостью — сегодня в воспоминаниях возвращается к нам, когда мы рассматриваем эти фото-открытки. Выставка «Наши путешествия» стала своеобразным продолжением культурно-цивилизационного диалога между Россией и Абхазией. В период глобальных вызовов именно глубокие дружеские связи во многом послужили принятию исторически значимых решений.

Вскоре после успешной демонстрации в Сухуме выставка почтовых открыток и фото-открыток «Наши путешествия» экспонировалась в Москве, а также была представлена на 80-летнем юбилее Фазиля Искандера в Центральном Доме актера в 2009 г.

Казалось бы, на фотопленку была отснята вся Абхазия, все ее уголки — и не один раз. Но именно на старых фотографиях мы вдруг находим свои воспоминания. Фотографии сродни калейдоскопу, глядя в который, видишь кусочек своей жизни, сложенный из ярких кадров. Гости выставки погружались в вспоминания, долго не расходились и наперебой делились впечатлениями, вспоминая и рассказывая свои жизненные истории.

Еще одна особенность фото-открыток заключается в том, что это определенный вид переписки, объединяющий в себе краткое письменное сообщение о ярких впечатлениях и изобразительный ряд, вызвавший, как часто оказывалось, эти радостные чувства. По этой причине почтовые карточки и фото-открытки в советский период пользовались необычайной популярностью. В конце 1930 г. было основано издательство массовой коммунистической пропаганды — ИЗОГИЗ. Продукцию ИЗОГИЗа составляли политические плакаты, портреты вождей, художественные альбомы, наглядные пособия, книги и… открытки.

Фотографы не ленились взбираться на самые высокие точки для отличного кадра, запечатлеть ускользающие мгновения, а отдыхающие не скупились на счастливые и радостные улыбки. И вот, по прошествии десятилетий, мы держим в руках эти снимки и испытываем невероятный сердечный трепет. Фотообъектив уловил далекие мгновения и образы, сохранив для истории прекрасные картины нашей Родины. Черное море, Гагры, Пицунда — как ласкают слух эти названия. У кого-то встреча с ними так и осталась в мечтах. А те, кого когда-то пленила красота Абхазии, так и остались в этом прекрасном плену, куда хочется возвращаться снова и снова. Ведь там осталась молодость.

Русский писатель Иван Александрович Гончаров, автор романов «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», считал, что жизнь прекрасна «между прочим, и потому, что человек может путешествовать». Совершив кругосветное путешествие на фрегате «Паллада», он имел все основания так думать.

Путешествия в прошлое по Абхазии совершим и мы.

Гагры — природная жемчужина Абхазии. Профессор Федор Игнатьевич Пастернацкий, один из основоположников бальнеологии и курортологии в России, предвидел развитие местечка как будущего курорта; был убежден, что Гагры «при наличности всех природных благоприятных климатических условий не может иметь другого значения, кроме того, чтобы сделаться климатическим курортом, купальным и вообще лечебным местом, и обратиться действительно в русскую Ниццу»[1].

Идею создать в Гаграх «кавказскую Ниццу» поддержал принц Александр Петрович Ольденбургский, внучатый племянник российского императора Николая I. Его пребывание в Гаграх в апреле 1901 г. во время путешествия по Черноморскому побережью продлилось только четыре дня, но имело важные результаты. Вскоре приступили к строительству первой в России климатической станции, объекты которой до сих пор остаются визитной карточкой Гагр. По заказу принца Ольденбургского в Норвегии из норвежской сосны был сконструирован изящный домик в стиле модерн и в разобранном виде доставлен на Кавказ. Это была точная копия экспоната Всемирной выставки в Париже, построенного без единого гвоздя. В нем обустроили ресторан «Гагрипш»; фасад украшали большие часы. На сцене «Гагрипша» выступал Ф. И. Шаляпин, здесь бывали А. П. Чехов, М. Горький, И. А. Бу-

[1] *Пастернацкий Ф.И.* Климатолечебные пункты на Черноморском побережье Кавказа. СПб., 1899. С. 49–50.

нин. Молодой курорт был оснащен оригинальной водолечебницей с английскими мраморными ваннами. В приморском парке, разбитом неподалеку, отдыхающие любовались прудами, скульптурами и пальмовыми аллеями.

В коллекции Е. Б. Нарбут имеется почтовая карточка с видом Гагр: «Черноморское побережье Кавказа. Гагра. Колоннада». Фото М. Трахмана, фотостудия ИЗОГИЗ, Москва, 1958 г.; цена 75 коп.

Карточка с видом изящной и воздушной гагринской колоннады была отправлена из Гагр в Москву; сохранился штамп: почта Ховрино.

На обратной стороне письмо: «Здравствуй Милая! Я окончательно влюбилась в Гагры, море, парк и горы. Время летит быстро. Шуткам нет предела. Устроились на турбазе. Погода хорошая. Успели обгореть. Приеду — много, много расскажу. Передавай привет домочадцам. Как

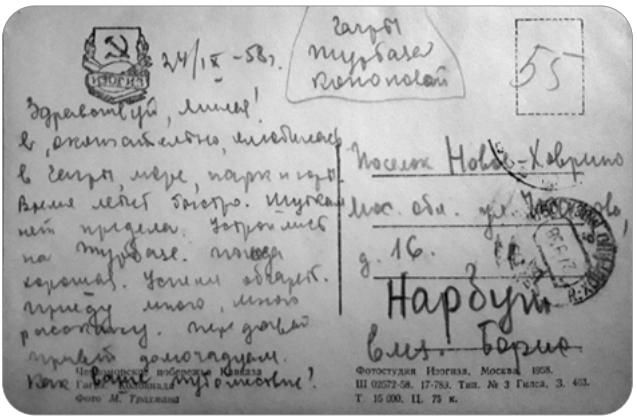
ваше путешествие?» И адрес: Поселок Новое-Ховрино, Московская область, ул. Чкалова, д. 16 — Нарбут Елизавете Борисовне.

Многоарочная колоннада в мавританском стиле — одна из самых узнаваемых достопримечательностей Абхазии.

Автор снимка — известный фотограф, один из самых ярких фотожурналистов советской эпохи Михаил Анатольевич Трахман (1918-1976). Классикой фотоискусства стали и другие его фотографии

Абхазии: «Сухум. Набережная» (1954), «Сухум. Морской порт» (1954), «Новый Афон. В парке» (1956), «Сухум. Гостиница “Абхазия”» (1956), вид с Сухумской горы «Сухум вечером» (1956).

Проходят годы, но почтовые открытки и фото-открытки с видами достопримечательностей Абхазии — Сухума, Нового Афона, Пицунды, Гагр… — сохраняют для нас прекрасный облик Апсны[2].



[2] При подготовке настоящей статьи использовалась следующая литература: *Агумаа С.* Старый Сухум. Сухум: Абгосиздат, 2016. 304 с.; *Трахман М. А.* Путешествие в настоящее и будущее с воспоминаниями о прошлом: Фотокнига / Анатолий Софронов, Юрий Нагибин, Станислав Петухов [и др.]. М.: Молодая гвардия, 1975. 133 с.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

АБХАЗИЯ
В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
XIX–XX вв.

том первый

Дизайн и художественное оформление
Д. К. Бернштейн

Корректор
Е. Н. Сченснович

Компьютерная верстка
А. З. Бернштейн

Подписано в печать 26.02.2021
Формат $60\times90^{1}/_{16}$
Усл.-печ. л. 25,0
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-9208-0645-1

